

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 6105 210 175 522

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВОСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ІЮНЬ.

1882 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
I. Современный недугъ. Романъ въ трехъ частяхъ. (Окончаніе послѣдней части; главы: VI—XII.) <i>Н. Тютнева.</i>	3	VIII. Натуральныя и денежные аренды. (Историч. очеркъ) III—VI.	156
II. Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ? <i>Ф. П. Леонтьева.</i>	46	IX. Путь гнетомъ. Два стихотворенія. <i>А. В. Круцова.</i>	180
III. Политика Москвы и русская иеродиоль. (Внутренняя политика) VII—XI. <i>Е. П. Карповича.</i>	64	X. Счастье. Стихотвореніе <i>С. Г.</i>	182
IV. Одиодворцы. (Оконч.) Гл. XII—XV. Повесть <i>В. Л. Маркова.</i>	78	XI. Фостанъ. (Окончаніе). Гл. XXIV—LXI. Романъ <i>Э. Тизгара.</i>	188
V. Свѣркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи (за 20 лѣтъ). VII—IX. <i>М. Л. Песковскаго.</i>	117	Современное обозрѣніе.	
VI. Юности. Стихотвореніе <i>С. Г.</i>	136	XII. Назвъ внутрення дѣла. (Система государственнаго образованія).	245
VII. Назвы Петербурга. VII. Жертвы общественаго тиранства). <i>В. О. Мианевича.</i>	137	Значеніе системы государственнаго образованія вообще и русской въ частности.—Возвѣтъ на журналъ дѣятельность графа Д. А. Толстаго.—Мысли Фихте и Диттеса о высшемъ образованіи.—Планъ организаціи у насъ системы государственнаго образованія.—Завѣдываніе и управленіе школами.	

(Стр. на оборотѣ.)

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACKS
NOV 11 1969

AP 30
7123
V. 1:6

ноябрь 1940 г.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

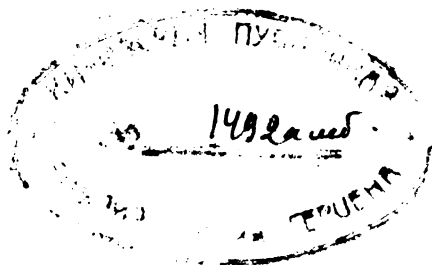
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 6-й. І Ю Н Ъ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., № 5.

Типографія д-ра М. А. Хана. Поварской пер., № 2.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно съ 1-го января 1882 г., безъ предварительной цензуры, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За п	а:
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургъ	7
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка при посредствѣ казначеевъ. Книгопродъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Въ Главной Конторѣ «Наблюдателя» имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія редакціи:

1) Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изд. подъ редакцію А. П. Пятковскаго, съ портретомъ автора, факсимиле и статью о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г. 3-е изд. (Осталось небольшое количество). Ц. 1 р. 25 к.; перес. за 1 ф.

2) Князь В. Θ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. А. П. Пятковскаго. Спб. 1880 г. (Печатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ). Ц. 75 к., въс. 1 ф.

Иногородные подписчики «Наблюдателя», приславшіе по ошибкѣ за годовой экземпляръ 16 р. вмѣсто 14-ти, получаютъ, вмѣстѣ излишне-высланныхъ денегъ, объ поименованныя книги, причемъ пересылку редакція принимаетъ на свой счетъ.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕДУГЪ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА VI.

— Что съ вами, Гуля—куда вы бѣжите? спрашивала Наташа въ одинъ вечеръ, стоя у калитки сада, откуда она съ удивленіемъ глядѣла на беспорядочный бѣгъ Гули по луку, отдѣлявшему садъ отъ рощи.

Гуля внезапно остановилась, глядя на Наташу, но какъ будто не узнавая ее.

— Это вы, сказала она: — постойте, постойте. Гдѣ же онъ? остался онъ въ рощѣ или пошелъ домой?

Она стала напряженно глядѣть въ ту сторону, откуда пришла, и скоро Наташа увидала, что изъ рощи медленнымъ шагомъ идетъ Стебальскій.

— Молчите, молчите, говорила Гуля, предупреждая вопросы Наташи и бессознательно ломая ей руку. Къ намъ подошли, я и убѣжала... Какого-то больнаго тамъ везли на телѣгѣ и подѣхали къ намъ... А теперь онъ одинъ идетъ изъ рощи... зачѣмъ я убѣжала?...

— Вы были въ рощѣ со Львомъ Николаевичемъ? спросила Наташа, стараясь уловить нить ея безсвязныхъ словъ.

Гуля сначала не отвѣчала, слѣдя глазами за Стебальскимъ, потомъ, когда онъ скрылся за строеніями, она обратилась къ Наташѣ и схватила ее за плечи съ такимъ выраженіемъ лица, что

та отступила, ошеломленная. Глаза Гули блеснули, грудь поднималась от какого-то безумного восторга; все существо ее дышало дивным экстазом...

— Да, да, я была съ нимъ! сказала она, особенно отчетливо и значительно упирая на слова, и приближая свое лицо къ лицу Наташи такъ, что почти жгла ее своимъ дыханіемъ:—я была съ нимъ, повторила она, тряся Наташу съ нервной силой за плечи.

Наташа молчала, потрясенная, озадаченная, взволнованная, ища на лицѣ Гули разгадки ея поведенія.

— Ну и что же? спросила она наконецъ.

— Ничего! отрзала Гуля, глядя на нее съ торжествомъ; но черезъ минуту она упала на шею къ Наташѣ, и шепнула ей на ухо:

— Я ему сказала!...

Наташа вздрогнула и вспыхнула, и отшатнулась отъ Гули... Но та, ничего не замѣчая, смѣялась и рыдала у нея на плечѣ. Съ ней сдѣлалась истерика, такъ что надо было посадить ее на траву; но и въ истерикѣ восторженное выраженіе не сходило съ ея лица, и слезы смѣнялись блаженной улыбкой.

— Вы ему сказали? допрашивала Наташа, наклонившись надъ нею и глядя на нее строго и враждебно: — какъ вы рѣшились, какъ вы осмѣлились!... что же вы сказали?

— Все сказала, все!...

— Чему же вы радуетесь! вскричала Наташа съ непонятнымъ гнѣвомъ:—вѣдь это признаніе отдалить васъ отъ него. Онъ не позволитъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ничего не знаете!—Гуля вскочила и стояла передъ нею, торжествуя и смѣясь. — Что хотите говорите, а онъ мой!... Никто, кромѣ меня... никогда, никогда: никто, кромѣ меня!

И она прыгнула въ кусты и скрылась, оставивъ Наташу пораженную, неподвижную, въ такомъ смятеніи чувствъ, какого она сама не могла объяснить себѣ. Она слышала голосъ Лизы; искавшей ее, другіе голоса, звавшіе ужинать; но она была не въ состояніи идти туда и видѣть кого нибудь. Быстро отворила она ка-

литку и прошла черезъ лугъ въ уединенную долину, гдѣ недавно гуляла со Стебальскимъ. Тамъ она сѣла, захвативъ голову обѣими руками, и стала думать. Что могли значить намеки и поступки Гули? Они задѣли Наташу въ самомъ дорогомъ для нея: въ ея мнѣніи о Стебальскомъ и вѣрѣ въ него. Что могло произойти между имъ и Гулей, чтобъ повергнуть ее въ такое восторженное состояніе... Конечно, Стебальскій не могъ отвѣчать на любовь этой полубезумной дѣвушки: объ этомъ не могло быть и рѣчи. Но тогда какой же мотивъ побудилъ его принять благосклонно ея признаніе, и—какъ замѣтно было изъ поведенія Гули—даже поощрить его?... И невольно Наташѣ припоминались всѣ, когда нибудь слышанные ею рассказы и сужденія о легкомъ отношеніи мужчинъ къ любовнымъ связямъ, о ихъ кодексахъ нравственности, о тщеславіи относительно «побѣдъ»... Пусть такъ;—но чтобъ онъ, Стебальскій, человѣкъ науки, человѣкъ убѣжденій, аскетъ, не стоялъ въ этомъ отношеніи выше другихъ — противъ этого возмущалось все существо Наташи. Но все-таки сомнѣніе запало ей въ душу: ея дѣвственное воображеніе не допускало никакого компромисса; Стебальскій долженъ былъ строгими словами образумить Гулю, оттолкнуть отъ себя; а между тѣмъ произошло нѣчто другое... Что же именно, какъ и почему?

Наташа склонила голову къ волѣнамъ и тихо, горько заплакала. Что-то угнетало ее, давило, что-то будто отнималось у нея... Спустя долгое время, она встала, отерла слезы и, съ выраженіемъ рѣшимости въ лицѣ, пошла къ дому. Она приняла твердое намѣреніе—просить самого Стебальскаго разрѣшить ея недоумѣнія. До сихъ поръ онъ былъ ея единственнымъ другомъ: свои сомнѣнія на его счетъ она могла высказать только ему-же.

На другой день, когда Наташа пришла брать урокъ, Стебальскій былъ пораженъ ея блѣдностью.

—Что съ тобою? спросилъ онъ, глядя ей въ лицо.

Къ удивленію его, она покраснѣла, затѣмъ опять поблѣднѣла сильнѣе прежняго.

— Наташа... съ тобой случилось что-то, сказалъ онъ.

— Ничего не случилось; но, вѣроятно, меня разстроила Гуля вчера вечеромъ.

— Вчера вечеромъ?

— Да; съ ней была истерика, и вообще она вела себя очень странно, отвѣтила Наташа слегка дрожащимъ голосомъ.

— Какъ же она вела себя? Припомни, пожалуйста, и расскажи подробно, сказалъ заинтересованный Стебальскій.

Наташа рассказала все до послѣдняго слова, до мажѣйшаго жеста. При словѣ: «онъ мой!» Стебальскій поморщился, и когда она кончила, сказалъ:

— Досадно, что такъ вышло; но иначе нельзя было; впрочемъ, этого и надо было ожидать.

— Такъ это правда, вскричала Наташа съ краской негодованія, вскакивая съ своего мѣста:— правда, что вы поощрили ее, вы одобрили ея безуміе, вы обманули ее! Но если вы ее не любите, то какъ назвать вашъ поступокъ?.. Вѣдь это игра, завлечаніе, кокетство!... Ахъ, Левъ Николаевичъ, что вы сдѣлали! Кому же вѣрить послѣ этого?..

И она съ отчаяніемъ закрыла лицо руками.

Стебальскій былъ пораженъ и въ то же время очарованъ вспышкой Наташи. Онъ привыкъ жить въ своемъ гордомъ нравственномъ одиноществѣ, не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; и для него было такъ ново, что его контролируютъ, упрекаютъ, принимаютъ въ сердце его поступки. Всегда бывши только учителемъ и совѣтникомъ—онъ съ сладкимъ трепетомъ слушалъ слова равенства изъ устъ женщины; онъ жаждалъ никогда неиспытаннаго имъ чувства подчиненія, покорности, смиренія передъ дорогимъ существомъ.

Въ отвѣтъ на горячую тираду Наташи, онъ улыбнулся, взялъ ее за обѣ руки и посадилъ передъ собой.

— Я все расскажу тебѣ, Наташа, какъ моему судьѣ, сказалъ онъ мягкимъ и почти робкимъ тономъ: — не скрою отъ тебя ни одной моей мысли, ни одного побужденія, и если я дурно сдѣлалъ, поварай меня!

Тогда онъ въ свою очередь разсказаль то, что произошло наканунѣ. Вотъ какъ это было:

Въ сумеркахъ онъ возвращался изъ села, своей обыкновенной дорогой, по плотинѣ черезъ сосновую рощу, какъ вдругъ услышалъ, что его называетъ по имени чей-то дрожащій, сдавленный, неузнаваемый голосъ. Онъ осмотрѣлся и увидѣлъ Гулю, сидѣвшую подъ деревомъ и закрывавшую лицо руками. Думая, что она нездорова и просить помощи, Стебальскій поспѣшно подошелъ и отнял ея руки отъ лица. Къ его изумленію, эти руки крѣпко ухватились за него, и лицо Гули, съ пылающими щеками, съ говорящимъ взглядомъ, съ улыбкой, полной страсти, поднялось къ нему. Прежде чѣмъ она выговорила, онъ понялъ, что она хотѣла сказать. Видно было, что для нея наступила та минута, когда человѣка толкаетъ впередъ что-то сильнѣе его, хотя бы за этимъ «впередъ» стоялъ конецъ всему. Пусть будетъ, что будетъ, но надо, чтобъ онъ хоть разъ услышалъ тѣ слова, которыя рвутся съ ея губъ...

— Я люблю васъ, люблю, люблю! шептала Гуля въ лицо Стебальскому:—развѣ вы не видѣли, не понимали до сихъ поръ... Я не скрывала, я не хочу скрывать! я не должна скрывать!

Стебальскій не отнималъ рукъ и не сводилъ съ нея пристального, любопытнаго взгляда психіатра... Онъ изучалъ игру нервъ въ ея лицѣ, вибраціи голоса, въ дрожаніи членовъ...

— Да скажите же мнѣ что нибудь! вскричала Гуля, вскакивая на ноги: — не смотрите на меня съ такимъ лицомъ, или я съ ума сойду!

— Что же мнѣ сказать? возразилъ Стебальскій осторожно и мягко, обращаясь съ ней, какъ съ больною въ бреду.

— Человѣкъ ли вы! за что вы меня томите?

— Человѣкъ ли я? усмѣхнулся Стебальскій: — кажется, я точно не человѣкъ въ такомъ смыслѣ, какъ вы понимаете. Эти чувства и волненія были мнѣ всю жизнь незнакомы.

— Я это знаю, я слышала. Но участіе, жалость можете вы ощущать?.. Вы не смѣетесь, не презираете?

— Нѣтъ; за что же!

— Ну, да, вѣдь не за что? говорила Гуля, задыхаясь и едва

держась на ногахъ. Вѣдь это не преступленіе — васъ любить. Развѣ человѣкъ воленъ въ своихъ чувствахъ? а если они существуютъ, то честнѣе ихъ высказать, нежели лгать. Вѣдь я только хотѣла сказать... я думала: «Что же это такъ мучиться... Когда онъ увидитъ все и пойметъ, можетъ быть, онъ сжалятся». Это не будетъ любовь... я не любви прошу... какая ужь тутъ любовь,—а просто хотѣла добраго слова, какого нибудь участія.

— Я всегда имѣлъ къ вамъ участіе, сказалъ Стебальскій, и въ то же время отмѣтилъ въ свѣтѣхъ у себя въ умѣ: «Болѣзненная и произвольная словоохотливость».

— Да, прежде... Но теперь, теперь, послѣ того, что вы знаете, вы не оттолкнете меня отъ себя?

— Нѣтъ; но я, конечно, не могу любить васъ.

— Но вы позволяете, вы соглашаетесь, чтобъ я одна изъ всѣхъ женщинъ васъ любила?

— Я не могу не соглашаться на то, что не отъ меня зависить, сказалъ Стебальскій, осторожно улыбувшись. Онъ видѣлъ, что противорѣчіе доведетъ Гулю до умоизступленія.

Гуля хотѣла еще что-то сказать, но на дорогу выѣхала телега, въ которой лежалъ одинъ человѣкъ, а другой сидѣлъ и правилъ. Правящій соскочилъ и подошелъ къ Стебальскому. Гуля не въ состояніи была присутствовать при ихъ разговорѣ, хотя въ ея упоенной головѣ мелькнула мысль: «Всѣ идутъ къ нему, всѣ вѣрятъ ему; онъ знаетъ такъ много, онъ такъ великъ, и—позволилъ мнѣ любить себя!»

Еслибъ Стебальскій былъ доступнѣе и выказалъ какую нибудь слабую сторону, любовь Гули немедленно охладилась бы: ее именно прельщало невозможное. И въ то же время, по странному ходу мыслей, у нея выходило, что Стебальскій—*ея* неотъемлемый, что она имѣетъ на него какія-то права.

ГЛАВА VII.

Дождь лилъ ливнемъ и къ ночи усилился. Вой вѣтра долго не давалъ Наташѣ сомкнуть глазъ; наконецъ, она успокоилась и

вѣрѣно заснула. Вдругъ что-то мгновенно и внезапно разбудило ее: ей послышался какъ будто шорохъ въ ногахъ ея постели.

— Кто тутъ? спросила она, съ безповойствомъ приподнимаясь.

Отвѣта не было, но ясно чувствовалось присутствіе челоѣка.

— Кто тутъ, повторила она громче, съ бьющимся сердцемъ.

— Тише, не кричите, сказалъ голосъ возлѣ ея:—это я, Пахомова?

— Пахомова! какими судьбами? говорила Наташа, обнимая ее въ темнотѣ; потомъ навинула на себя блузу и зажгла лампу.

— Напрасно вы зажигаете, замѣтила Пахомова:—впрочемъ все равно.

Она подошла къ огню, сдвинула тяжелыя занавѣсы и заколола ихъ булавкой, чтобы снаружи не видно было свѣта.

— Зачѣмъ вы это? спросила съ удивленіемъ Наташа.

— Все побойнѣе, сказала Пахомова, съ утомленіемъ опускаясь на стулъ; ноги такъ и подгибались подъ нею. Она показалась Наташѣ изможденною, похудѣвшею, постарѣвшею.

— Какъ же это вы сюда попали? спрашивала она:—и ночью, въ такую бурю!

— Буря-то и загнала меня, отвѣчала Пахомова:—телѣжка моя сломалась на дорогѣ. Я дошла пѣшкомъ, я знала, что вы здѣсь живете. Сторожъ провелъ меня въ домъ.

— Какъ вы нашли мою комнату?

— Какая-то женщина встала и указала мнѣ. Я знала, что вы меня не выгоните.

Наташа опять обняла ее. Она видѣла, что передъ нею стоитъ гонимая судьбою.

— Я приготовлю вамъ чаю, сказала она:—у меня есть спиртовая лампа; я сейчасъ вскипячу воды.

Она налила изъ графина воды въ маленькую кастрюлю.

Пахомова не въ силахъ была отказываться; платьѣ на ней было мокрое; она вся дрожала и куталась въ платокъ.

— Вы жили въ деревнѣ? спросила Наташа.

Та кивнула только головой.

— Однако вы не поправились, а скорѣе похудѣли, замѣтила Наташа.

— Я не веселиться ѣздилъ, — съ прежней рѣзкостью отвѣтила Пахомова.

— А гдѣ всѣ ваши — Еремѣевъ, Путиловъ?..

— Каждый при своемъ дѣлѣ.

Разговоръ не клеился. Пахомова молча стала пить чай.

— Стебальскій здѣсь? спросила она, не поднимая глазъ.

— Да, онъ здѣсь.

— Поздно онъ встаетъ?

— Часовъ въ семь. Вамъ нужно его видѣть?

— Необходимо.

Опять разговоръ пресѣлся.

— Гуля также здѣсь, сказала Наташа.

— А! бѣгъ баклуши, замѣтила Пахомова съ легкимъ презрѣніемъ.

— Да, другаго ничего нельзя сказать про нее. Впрочемъ она вѣдь не совсѣмъ здорова.

— Даетъ волю нервамъ, возразила хладнокровно Пахомова. А какія надежды подавала прежде, года два тому назадъ. Я думала, она будетъ развиваться съ годами, а вышло наоборотъ. Она совершенно неспособна къ сосредоточенности, устойчивости, къ самолюбности; мнръ фантазій заѣлъ ее. Я думаю, что иногда она просто бредитъ на яву.

— И я того же мнѣнія, сказала задумчиво Наташа. Она стала еще страннѣе; вотъ завтра вы ее увидите.

— Завтра? переспросила Пахомова: — да развѣ вы думаете, что я жить сюда пріѣхала?

— Развѣ нельзя ужъ пробыть одинъ день, — я представила бы васъ, какъ мою гостью...

Пахомова пожала презрительно плечами.

— Вотъ ужъ я и не думала о томъ, кто здѣсь хозяинъ, кто нѣтъ, и пріѣхала я вовсе не въ гости. Завтра, прежде чѣмъ ваши проснутся, я буду въ дорогѣ.

— Куда же вы ѣдете?

— Куда глаза глядятъ. Оттуда, гдѣ я была, пришлось утѣ-
вать не мнѣ одной. Однако, что вы не ложитесь?—я лягу.

Съ этими словами, Пахомова легла на диванъ.

— Пойдите, я вамъ дамъ простыню и подушку...

— Не надо ничего, сказала Пахомова рѣшительнымъ тономъ
и, подложивъ подъ голову свой сабъ-воляжъ, улеглась совсѣмъ одѣ-
тая, сбивая въ ноги предложенное ей одѣяло.

— Потушите же лампу, нетерпѣливо сказала она.

Наташа исполнила ея желаніе и легла, не спрашивая ни-
чего болѣе. Она догадывалась, какая причина гнала Пахомову куда
глаза глядятъ, и ей до боли жаль было видѣть даромъ пропадав-
шія силы и бесплодно тратившуюся энергію...

На другое утро, когда Наташа открыла глаза, Пахомовой уже
не было въ комнатѣ; но сабъ-воляжъ ея лежалъ на диванѣ. На-
таша вспомнила изъ словъ Пахомовой, что ей необходимо видѣться
со Стебальскимъ, и, боясь, что затруднительно будетъ найти къ
нему доступъ въ такое раннее время, посѣщила сама одѣться,
чтобъ пойти помочь ей. Но Пахомова не нуждалась ни въ чьей по-
мощи и содѣйствіи. Какъ она отыскала дорогу къ флигелю Сте-
бальскаго и какъ вызвала его оттуда, осталось тайной для На-
таши, но она издали увидѣла ихъ обоихъ тихо разговаривающими
сзади флигеля, на лужайкѣ подъ сводомъ акацій. Оба были, ка-
залось, взволнованы; Пахомова просила о чемъ-то; Стебальскій въ
знакъ согласія, кивалъ головою. Потомъ онъ сталъ въ свою оче-
редь въ чемъ-то убѣждать ее: она отказывала. Увидѣвъ Наташу,
они вышли изъ подъ акацій и стали медленно подходить къ ней,
не переставая разговаривать.

— Вотъ я уговариваю ее, сказалъ Стебальскій Наташѣ:—про-
быть у меня нѣсколько дней. Не понимаю, отчего она не согла-
шается.

— Здѣсь вамъ было бы покойно и безопасно, обратилась На-
таша къ Пахомовой, которая сурово молчала, хотя въ ней, пови-
димому, происходила борьба. Она то краснѣла, то блѣднѣла.

— Ужъ не боитесь-ли вы меня компрометировать! продолжалъ
Стебальскій:— такъ вамъ должно быть хорошо извѣстно, что я

этого никогда не боялся, что я двадцать раз дѣлалъ то же и для другихъ.

— У меня есть свои причины, проговорила Пахомова сквозь зубы.

— Не можете-ли вы сказать ихъ мнѣ? Я не злоупотреблю вашихъ довѣриемъ, сказала Стебальскій съ такой простотой и добротой, съ такимъ участіемъ, что Пахомова видимо была тронута и смущена. Губы ея дрогнули.

— Я сказала-бы вамъ все другое, но этого не могу. Прощайте.

Она торопливо, въ смущеніи, протянула ему руку, но онъ отвелъ ее.

— Зачѣмъ-же?—Я еще провожу васъ, сказалъ онъ:—я знаю, что спѣшить вамъ некуда; пройдемтесь по саду.

— Нѣтъ... если ужъ ѣхать, такъ ѣхать, говорила Пахомова; однако пошла за нимъ по саду. Іюльское солнце успѣло уже высушить дорожки; только трава и листья деревъ еще сверкали кое-гдѣ алмазными каплями. Садъ какъ будто отдыхалъ отъ ночнаго погрома, купаясь въ лучахъ солнца и нѣжась въ прохладѣ утра, не успѣвшей еще превратиться въ полуденный зной. Ни пылинки не было видно на блестящихъ зеленыхъ листьяхъ; по обѣимъ сторонамъ широкой дорожки виднась кайма изъ алыхъ и бѣлыхъ розъ въ цвѣту; такъ далеко, какъ хваталъ глазъ, все розы и розы до того мѣста, гдѣ онъ словно вдвигались въ темную глубь орѣховой аллеи. Вся природа жила роскошною, безмятежною жизнью, какъ-бы издѣваясь надъ кропотливыми заботами и интересами существъ, одаренныхъ самосознаніемъ... Она призывала къ счастью, къ лѣни... Должно быть, Пахомова глубоко почувствовала это, потому что она вдругъ остановилась, сдвинула брови, и рѣшительно сказала:

— Я поѣду. Такъ вы все сдѣлаете, о чемъ я васъ просила, Левъ Николаевичъ?

— Все сдѣлаю. Я напишу сегодня; если понадобится, я самъ поѣду въ Петербургъ. Но васъ я, вѣроятно, не найду тамъ?

— Вѣроятно. Прощайте; надо полагать, что мы съ вами больше не увидимся, проговорила она какимъ-то страннымъ, рѣзкимъ

тономъ, вѣрнѣе пожала ему руку и быстро, почти бѣгомъ, пошла къ дому.

Войдя съ Наташей въ ея комнату, Пахомова какъ-то растерянно схватилась за свой сакъ-воляжъ, за большой платокъ, за калоши; и, оставивъ все это, сѣла на диванъ, подперши обѣими руками голову. Наташа никогда не видала ее въ такомъ состояніи нерѣшимости и смятенія; изъ груди ея вырывались невольные вздохи, и она по временамъ смотрѣла вокругъ себя смягченнымъ, почти влажнымъ взглядомъ. Ей хотѣлось остаться, это было ясно...

Вдругъ она встала, суровая, блѣдная, жесткая.

— Будеть баловаться, проговорила она, накидывая платокъ.— Прощайте, Наташа. Скажите Стебальскому...

— Что? спросила та.

— Что я хотѣла испытать, точно-ли человекъ — властелинъ своихъ страстей, и что опытъ удался. У меня была одна страсть, одна слабость... и я сумѣла побѣдить ее. Скажите ему это, — пусть хоть меня-то не считаетъ тряпкой...

— Скажу.

Пахомова одѣлась и вышла, съ тѣмъ чтобъ на селѣ нанять лошадей. Наташа пошла проводить ее. Въ корридорѣ онѣ встрѣтились съ Гулей.

— А! проповѣдница крайнихъ доктринъ! что такъ скоро утекаете? сказала Гуля Пахомовой. Я только успѣла узнать, что вы здѣсь, а вы ужь и хвостъ кажете.

Пахомова не удостоила ее отвѣтомъ.

— А васъ ожидали тамъ въ залѣ къ чаю, продолжала Гуля ей вслѣдъ. Новое лицо—всѣ въ волненіи отъ вашего появленія.

Въ самомъ дѣлѣ, Александра Ивановна, узнавъ отъ горничныхъ о приѣздѣ въ бурю, ночью, таинственной гостыи, пришла въ такое сильное волненіе, что сочла нужнымъ принять успокоительныя капли. Она прибѣгала къ этому средству каждый разъ, если какой-нибудь камушекъ выкатывался на гладко-выполированную дорогу, по которой текла ея жизнь. Долго разсуждала она съ горничными: какъ это странно, что являются въ домъ неизвѣстныя личности и—главное—пѣшкомъ, въ дождь. Ну, приѣхала бы какъ

слѣдуетъ, въ экипажѣ, съ чемоданомъ, съ поклажей, какъ порядочные люди ѣздить, а то прибѣжала, какъ изъ земли выросла... Вѣдь можно подумать Богъ знаетъ что!

Извѣстіе объ отъѣздѣ Пахомовой снова поставило Александру Ивановну въ свою тарелку, и она съ обычной акуратностью принялась варить кофе, поджидая Стебальскаго. Она взяла, можно сказать, съ бою согласіе Стебальскаго раздѣлять общіе завтраки и обѣды, и внутренно ликовала: — всякій заѣзжій гость могъ видѣть собственными глазами, что профессоръ Стебальскій составляетъ почти часть ея семьи. Онъ явился вмѣстѣ съ Наташей, которая только что проводила Пахомову и встрѣтилась съ нимъ на дворѣ. Она передала ему порученіе Пахомовой и спросила: знаетъ ли онъ, о какой страсти она говорила?

Онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Я вообще ничего не знаю объ ея частной жизни; я отличалъ ее только, какъ хорошую ученицу и сидѣлку.

Наташа не сказала больше ничего; но почувствовала невольное уваженіе къ недосыгаемости этого человѣка.

— Да! у него свой собственный внутренній міръ, подумала она—и онъ не обращаетъ вниманія на наши слабости и страсти... онъ даже не замѣчаетъ ихъ!

Она задумалась и на душѣ ея стало и горько, и сладко...

— Тебя, бѣдняжку, разбудили ночью! встрѣтила Александра Ивановна входившую Наташу, и съ соболѣзнованіемъ покачала головою. Я всегда говорю, обратилась она къ Стебальскому:—что люди безъ воспитанія неудобны для знакомства. Можно-ли будить ночью!

— Ее загнала буря, замѣтилъ Стебальскій.

— Помилуйте, воспитанные люди не ѣздить въ бурю, а остаются дома, возразила Александра Ивановна.

Никто не возражалъ ей; ободренная этимъ, она начала тянуть канитель о томъ, что гораздо выгоднѣе и удобнѣе выбирать для поѣздокъ хорошую погоду, чѣмъ дурную. Но—дверь балкона растворилась, и явилась Лиза, раскраснѣвшаяся, торжествующая, ведя за собой Георга. Обыкновенно онъ не присутствовалъ при

завтракахъ; но на этотъ разъ Лиза какимъ-то образомъ словила его. Георгъ разсказалъ, что онъ только что возвратился съ далекой прогулки; вставши въ шесть часовъ, онъ пошелъ версты за три въ такъ называемый «Крутой верхъ», гдѣ удивительный видъ съ горы, и внизу протекаетъ Ока.

— Я съ вами пойду туда, вскричала Лиза:— ахъ, поскорѣе-бы.

— Развѣ вы пройдете три версты! съ насмѣшкой сказала Гуля:— гдѣ ужъ вамъ, когда вы такъ не любите гулять.

— Пожалуйста, не рѣшайте за меня и не мѣшайтесь не въ свое дѣло, гнѣвно отозвалась Лиза.

Всѣ заинтересовались «Крутымъ верхомъ». Наташа, Стебальскій, даже сама Александра Ивановна — всѣ захотѣли видѣть то, что описывалъ Георгъ. Но только въ умѣ Александры Ивановны все это было сопряжено съ лошадьми, экипажами, прислугой, самоваромъ и пирожками. Какъ бы то ни было, рѣшено было совершить эту экскурсію сегодня или завтра, смотря по погодѣ.

Глаза Гули заблистали, поднявшись на Стебальскаго. Ей вообще рѣдко удавалось быть съ нимъ, и перспектива нѣсколькихъ часовъ прогулки приводила ее въ восторженное состояніе.

Но Стебальскій не видѣлъ ея взгляда и не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

ГЛАВА VIII.

Все благопріятствовало предположенной прогулкѣ. Дождь прибилъ пылъ; день былъ прохладный, умѣряемый легкими облачками, застилавшими слишкомъ горячіе лучи солнца. Около шести часовъ вечера уже возможно было пуститься въ путь. Но никто не захотѣлъ ѣхать съ Александрой Ивановной въ тарантасѣ, и прежде чѣмъ она собралась съ своими самоварами, узелками и корзинами, остальная компанія ушла пѣшкомъ. Тогда на Александру Ивановну напало раздумье: вполнѣ ли гладка дорога, нѣтъ ли на ней восторговъ, не поднимется ли вѣтеръ, не пойдетъ ли дождь! Она стояла въ нерѣшимости, съ пледомъ въ рукѣ, когда сверху

спустилась Анфиса Егоровна съ ключами, облеченная, по случаю отсутствія общества, въ самый домашній безцеремонный костюмъ.

— Ну, ты куда собралась! укворизненно обратилась она къ Александрѣ Ивановѣ. Гдѣ тамъ самоваръ ставить? да и лошадей-то оводы съѣдятъ. Вонъ по полю, говорятъ, бѣшеная собака бѣгаетъ.

— Какъ, бѣшеная собака? въ ужасѣ повторила Александра Ивановна.

— Да какъ же! спроси у Федыки, спроси у Захара, они сами ее видѣли, отогнали ее кольями отъ нашихъ дворовъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ бы наши ее не встрѣтили.

— И встрѣтятъ, непременно встрѣтятъ, подтвердила Анфиса Егоровна съ злорадствомъ. И подѣломъ имъ: не шляйся далеко.

— Ахъ! вѣдь Лиза съ ними... Зачѣмъ я отпустила Лизу!

— Твоя Лиза такая же шальная. Онѣ намерни, съ «гулящей» съ этой, привели сюда чужую собаку. Можетъ, она-то самая и забѣсилась; увидитъ ихъ, да прямо къ нимъ.

— Какъ же вы прежде не сказали?

— Да съ ними докторъ,—что имъ сдѣлается.

— Прикажете отпрягать? спросилъ слуга, которому надоѣло стоять съ корзинами и слушать этотъ разговоръ.

— Конечно отпрягать, сказала Александра Ивановна: — нѣтъ, постой, Степанъ... Съѣзди, пожалуйста, сейчасъ, догони ихъ... Скажи барышнѣ, Лизаветѣ Ивановѣ, что мамаша совѣтуетъ ей воротиться домой... очень просить, скажи.

Слуга, не отвѣчая и даже не дослушавъ, вышелъ. Дорогой онъ ворчалъ про себя: «Какъ же! воротится она! такъ сейчасъ и послушалась. Гдѣ я, въ чорту, ее исвать буду!»

И онъ преспокойно велѣлъ отпрягать, а самъ ушелъ на село.

Компанія гуляющихъ была уже далеко, и приходилось идти дѣйствительно по косогорамъ, лощинамъ и оврагамъ. Одна Наташа справлялась еще кое-какъ съ трудностями пути. Лиза же вовсе не умѣла ходить по немощенной дорогѣ и непритворно мучилась, балансируя на своихъ французскихъ каблукахъ. Только сантиментальная любовь ея къ Георгу могла вынудить у нея

эту жертву далекой ходьбы. Зато она считала себя вправѣ требовать безпрестанно его сочувствія и помощи при всѣхъ неровностяхъ пути. Георгъ былъ вѣжливъ, ровень и холоденъ; Наташу онъ, казалось, не видалъ вовсе и смотрѣлъ черезъ нее, какъ черезъ призракъ. Она также не заводила съ нимъ рѣчи и пріютилась къ Стебальскому, тихо разговаривая о посѣщеніи Пахомовой. Гуля, съ самаго начала прогулки, впала въ нервное состояніе; ее укололо то, что спутники ея какъ будто раздѣлились на двѣ пары, а она осталась одна. Съ этой минуты, задачей ея сдѣлалось обратить на себя вниманіе во что бы то ни стало. Она нарочно искала опасныхъ мѣстъ, падала съ крутизны внизъ, дико вскрикивая, и потомъ нервно хохотала. Платье ея было изорвано, руки испараны до крови, и ей это видимо доставляло удовольствіе: она даже нарочно схватывала крапиву, чтобъ обжечься. Цѣль ея была достигнута: Стебальскій чаще и чаще сталъ оборачиваться на нее и замѣчать за нею.

— Зачѣмъ вы жжете себѣ руки крапивой? говорилъ онъ: — развѣ это для васъ пріятно?

— Это ужасно больно, отвѣчала она: — мнѣ хочется, чтобъ было больно.

Сорвавъ вѣтку крапивы, она, жмурясь и взвизгивая, хлестнула себя нѣсколько разъ по шеѣ... Стебальскій вырвалъ у нея вѣтку; Гуля расхохоталась и взглянула на него смѣло, пристально, страстно...

— Господа, сказала Наташа: — никто изъ васъ не запасся съѣстнымъ?

— Какъ! а ты развѣ не взяла? вскричала Лиза? Ну, это настоящая измѣна съ твоей стороны.

— Отчего же ты не взяла, если такъ жадѣешь объ этомъ? возразила, смѣясь, Наташа.

— Я думала, что другіе возьмутъ. Не всѣмъ же тащить; это кто-нибудь одинъ долженъ.

— Ну, ужъ я не намѣрена, вступилась Гуля: — терпѣть не могу таскать съ собой. Кромѣ папиросъ, никогда ничего не беру.

— Утѣшься, Лиза, сказала Наташа: — я взяла съ собой ѣды. Смотри.

Она выгрузила изъ кармановъ пучки зеленого гороха и бобовъ.

— Ахъ ты злая! вскричала Лиза, подбѣгая—нарочно пугала,— давай. Сдѣлаемъ привалъ, господа, я не могу идти.

Лиза сѣла на траву, съ горохомъ на колѣняхъ.

— Не хотите ли курить? сказала Гуля Стебальскому, фамиллярно подавая ему папиросу.

— Я не желаю ни курить, ни садиться, отвѣтилъ Стебальскій. Когда идешь къ цѣли, нечего мѣшкать на пути.

— Это правда, сказалъ Георгъ своимъ серьезнымъ, твердымъ тономъ. Мы идемъ въ «Крутой верхъ» и должны отдыхать только тамъ, не прежде.

— Да когда я не могу, устала! капризно захныкала Лиза, сморщивъ брови.—Я не привыкла къ такой ходьбѣ.

— Вы не должны были идти въ такомъ случаѣ, неповолебимо возразилъ Георгъ.

— Я не знала, что устану. Ну, пусть меня несутъ на рукахъ, я не встану! съ обворожительной улыбкой прибавила она вдругъ, протягивая руки къ Георгу.

— Зачѣмъ же нести? возразилъ Георгъ съ тѣмъ же хладнокровіемъ. — Вы посидите тутъ, сколько захотите, и потомъ придете къ намъ. Мы дальше «Крутаго верха» не пойдемъ и сядемъ тамъ на горѣ.

— Какъ! бросить меня одну на дорогѣ! вскричала Лиза, мгновенно поднимаясь на ноги.

— Не бросить, а не тревожить васъ, если вы хотите сидѣть.

Во время этихъ переговоровъ, Георгъ постепенно все удалялся, а Стебальскій давно уже ушелъ впередъ.

— Наташа! звала Лиза, спѣша догонять своихъ спутниковъ:— собери свой горохъ, я его тамъ рассыпала.

— Ну, это можешь собирать сама, отвѣчала Наташа.

— Ахъ, какіе всѣ ужасные люди! съ глубокимъ вздохомъ проговорила Лиза, присоединяясь къ компаніи.

Когда они дошли до мѣста, солнце садилось и они могли лю-

боваться его великолѣпнымъ закатомъ съ вершины горы, которая и называлась «Крутой верхъ».

Мѣстоположеніе было оригинальное, нѣсколько дикое. Внизу горы разстилалась Ока; на противоположномъ берегу одиноко стояла избушка паромщиковъ; на водѣ близъ нея колыхался паромъ, привязанный канатомъ. Далѣе тянулась широкая дорога въ гору, теряясь на краю горизонта. Съ этой стороны также спускалась по горѣ широкая дорога, довольно опасная по своей крутизнѣ; почва здѣсь была песчаная, темно-желтаго цвѣта; направо, сплошной стѣною, высился лѣсъ.

Всѣ молчали, какъ бы присутствуя при какомъ-то торжественномъ зрѣлищѣ; изрѣдка только перекидывались отрывистыми фразами. Красный шаръ солнца закатился и въ воздухѣ повѣяло прохладой. Стебальскій сталъ курить, а Наташа, выбравъ укромное мѣстечко, утѣлась на склонѣ горы, подъ тѣнью одиноко стоявшаго дерева.

— Что это за прелесть! вскричалъ Стебальскій, любуясь на разстилавшійся передъ нимъ пейзажъ:— какъ отдохнемъ, пойдемъ въ лѣсъ. Ты пойдешь, Наташа.

— Пойду; отвѣчала она, высыпая изъ фартука набранные ею полевые цвѣты:— тамъ, я думаю, и грибовъ, и цвѣтовъ теперь вволю!

— Вамъ нравится это мѣсто? говорила Лиза Георгу:— для деревни, конечно, ничего; но сознайтесь, что у насъ на островахъ, въ Петербургѣ, лучше есть мѣста.

— Гораздо хуже; отвѣчалъ лаконически Георгъ.

— Поскорѣ бы лѣто прошло—скука! продолжала она.

Между тѣмъ Гуля, полумежа почти у ногъ Стебальскаго, не сводила съ него страннаго взгляда, который вскорѣ сталъ давить его своей неотступностью. Ему хотѣлось говорить съ Наташей, и онъ, машинально, чтобъ избѣгнуть взгляда Гули, постепенно отворачивался отъ нея въ сторону. Гуля, кура папиросу, роняла огонь на платье, прожигала на немъ огромныя дыры, такъ что раза два Стебальскій принужденъ былъ бросаться тушить. Она

смѣялась и продолжала шалить нарочно. Ему это надоѣло, и онъ сказалъ ей строго:

— Больше я не стану о васъ хлопотать, Галина Семеновна; если хотите сгорѣть, то горите.

— Ну и сгорю, — вамъ-то что! возразила она.

— Мнѣ—ничего. Я и говорю, что это ваша воля.

— Моя воля? сказала Гуля, вдругъ приподнявшись съ волне-ніемъ:—нѣтъ, не моя! Развѣ всегда человѣкъ имѣетъ свою волю? Развѣ не бываетъ, что какъ ни стараешься, не можешь удержать себя.

— Это только такъ кажется; а по большей части—это рас-пущенность, замѣтилъ Стебальскій.

— Послѣ этого, всякое сильное чувство—распущенность! съ горечью сказала Гуля.

— Нѣтъ; но иногда простую блаженную прихоть, принимаютъ за что-то необыкновенное, великое, и тогда считаютъ все себѣ позволеннымъ.

Гуля вспыхнула и бросила на него странный взглядъ; потомъ вскочила, разсыпавъ на траву папиросы, и скорыми шагами ушла за выступъ горы. Ея фигура то появлялась, то скрывалась за возвышеніями, и можно было безошибочно сказать, по ея неровнымъ движеніямъ и неожиданнымъ скачкамъ, что она находится въ крайней степени возбужденія. Стебальскій покачалъ головою.

— Вы опасаетесь за нее? сказала ему тихо Наташа:—пробы-ваніе здѣсь не принесло ей пользы?

— Да, отвѣтилъ задумчиво Стебальскій:—я думалъ, что съ ней легче справиться. Кажется, я сдѣлалъ ошибку.

— Въ чемъ? Въ томъ, что вы настояли, чтобъ она пріѣхала?

— Но вѣдь безъ этого нельзя было, возразилъ онъ, пожавъ плечами:—для того чтобъ лечить ее, мнѣ надо было ее наблюдать, а тутъ случились такія комбинаціи, которыхъ я не могъ предви-дѣть...

Наташа подняла на него вопросительный, наблюдательный взглядъ и—казалось—ждала продолженія.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ, помолчавъ:—я не жалѣю. Чтò

бы ни было дальше съ этой дѣвушкой, — она обогатила меня драгоценными матеріалами.

— И вамъ не жалко, и не страшно — ради науки — производить надъ нею опыты?... Взбунтовать и поддерживать въ ней то, что вамъ нужно для вашихъ экспериментовъ? какъ-то особенно горячо и взволнованно сказала Наташа.

— Тамъ, гдѣ я сознаю, что дѣйствую въ пользу науки, я не могу останавливаться изъ-за какихъ нибудь постороннихъ соображеній.

Наташа не отвѣчала. Она такъ глубоко задумалась, что не слыхала, какъ Стебальскій назвалъ ее по имени; онъ уже нѣсколько секундъ наблюдалъ за нею, когда она наконецъ обернулась къ нему и встрѣтилась съ нимъ глазами. На лицѣ ея лежало тяжелое, недоумѣвающее выраженіе; во взглядѣ было что-то суровое и осуждающее. Стебальскій не могъ выдержать этого взгляда, и ему страстно захотѣлось измѣнить его выраженіе.

— Я думалъ, что ты одна могла бы понять меня, Наташа, заговорилъ онъ тихимъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ: — но ты или не хочешь, или не можешь этого. А вѣдь это такъ просто. Я всю жизнь посвятилъ наукѣ, я вѣчно стремился къ открытію законовъ, управляющихъ мышленіемъ, я гонялся за этимъ съ самой моей юности. Пойми, что это исканіе сроднилось со мною, что оно неотступно живетъ и зрѣетъ въ моемъ мозгу; я задался мыслью пролить свѣтъ на самую темную сторону человеческого духа, уловить вѣчно ускользающій процессъ мышленія и подчинить его научнымъ изслѣдованіямъ. И вотъ встрѣчается субъектъ, дающій мнѣ живой матеріалъ для моихъ наблюденій, и ты осуждаешь меня; ты хочешь, чтобъ я прошелъ мимо и отвернулся. Значитъ ты не понимаешь, что это *все* для меня, что еслибъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ удалось овладѣть хоть чѣмъ нибудь въ этой области знанія, я бы всею пожертвовалъ и ни передъ чѣмъ не остановился...

— Я понимаю это, тихо сказала Наташа: — но иногда горько думать, что человекъ только въ этомъ смыслѣ имѣетъ для васъ значеніе...

— Не говори этого, Наташа, прервалъ Стебальскій съ какой-то

лихорадочной живостью: — одно изъ другаго вовсе не вытекаетъ, хотя, быть-можетъ, было бы лучше... Впрочемъ этотъ разговоръ ни къ чему не поведетъ...

— О чемъ это вы разсуждаете? обратилась къ нимъ Лиза, истощенная усиліями заставить разговориться Георга и завидовавшая, что другіе находятъ о чемъ говорить.

Ей не успѣли еще отвѣтить, какъ невдалекѣ раздался пронзительный, нервный крикъ испуга. Стебальскій вскочилъ прежде всѣхъ и бросился въ ту сторону, куда пошла Гуля. Крикъ повторился еще тревожнѣе, еще испуганнѣе. Стебальскій осматривался кругомъ, стоя на вершинѣ горы и имѣя передъ глазами только небо вверху и широкую рѣку внизу.

«Неужели она упала съ обрыва?» подумалъ онъ, и подбѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ гора образовала крутой обрывъ прямо надъ рѣкой. Дѣйствительно Гуля была тамъ, лѣпясь на крутизнѣ, хватаясь руками за осыпавшуюся землю и вся дрожа. Вѣроятно, она сама изъ шалости попробовала спуститься съ обрыва, но оборвавшись и увидавъ, что это не шутка, а смертельная опасность, начала звать на помощь. Къ счастью, она скатилась недалеко, на какую-нибудь сажень отъ вершины горы, но ей не за что было держаться, ноги ея скользили по крутизнѣ, и—не будь она такъ легка, она давно потеряла бы равновѣсіе. Стебальскій ступилъ на самый край обрыва и протянулъ ей руку. Гуля сдѣлала усиліе, чтобъ достать до нея, но не могла, покачнулась, сползла еще ниже и опять огласила воздухъ отчаяннымъ крикомъ. Лицо ея исказилось страхомъ, зрачки расширились.

Тогда Стебальскій самъ соскочилъ съ обрыва и, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ, схватилъ ее за руку и помогъ ей принять болѣе ловкое положеніе. Она отдохнула, румянецъ возвратился на ея щеки, грудь задышала ровнѣе; еще не въ силахъ встать, она—чтобъ оправиться отъ волненія—присѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ лѣпилась, и, крѣпко держась за руку Стебальскаго, глядѣла ему въ лицо. Онъ терпѣливо дожидался, пока она отдохнетъ, чтобъ вытянуть ее вверху, какъ вдругъ во всемъ существѣ Гули произошла внезапная, неожиданная перемѣна. Ловкимъ, кошачьимъ

движеніемъ она ухватила за обѣ руки Стебальскаго и—вмѣсто того, чтобъ подняться—старалась стащить его внизъ. Мгновенно она вся преобразилась: выраженіе безпомощности исчезло съ лица, глаза загорѣлись страннымъ, опаснымъ блескомъ, и словно молнія торжества пробѣжала по всѣмъ чертамъ ея. Она глядѣла прямо въ лицо Стебальскаго, тонкія ноздри ея раздувались, полуоткрытыя губы шевелились, какъ будто говоря: «Ты мой теперь! Ты въ моей власти!»

И дѣйствительно теперь Стебальскій былъ безпомощенъ и вполне въ ея власти. Онъ держался на ногахъ только благодаря страшному усилю; обѣ руки его были въ плѣну; и—прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы ихъ вырвать—Гуля могла однимъ движеніемъ низвергнуть его внизъ. И она также знала это, и это сознаніе опяняло, возвеличивая ее въ собственныхъ глазахъ. Въ горделивомъ безуміи, ей казалось, что этотъ человѣкъ, отъ котораго она такъ трепетала, теперь самъ дрожитъ передъ нею, зависитъ отъ нея, вполне подчиненъ ея волѣ, и она можетъ дѣлать съ нимъ все, что угодно. Ей было весело, страшно весело, и радостный нервный смѣхъ потрясъ все существо ея.

Въ этомъ смѣхѣ, въ выраженіи глазъ, въ игрѣ фізіономіи Стебальскій прочелъ безъ труда все, что происходило въ больномъ мозгу Гули; и мысль о личной опасности совершенно ступевалась предъ интересомъ этого новаго психическаго явленія, совершившагося передъ его глазами. Увлеченный страстью изслѣдованія, движимый научнымъ интересомъ, онъ не сводилъ съ Гули любопытнаго взгляда, наблюдая на ея лицѣ борьбу интеллекта съ приливами безумія и отыскивая ту неуловимую нить, которая разграничиваетъ рассудокъ отъ умопомѣшательства. О, еслибъ найти эту грань, овладѣть этой тайной жизни и духа!..

А Гуля все смѣется, все тянетъ его къ себѣ... Какъ у нея разгорѣлись глаза, какъ пылаютъ щеки и губы! Она, точно вакханка, вся запрокинулась назадъ и смотритъ, смотритъ на него...

Съ горы кто-то окликнулъ Стебальскаго по имени, но онъ не слышалъ, совершенно поглощенный интересомъ минуты. Вдругъ его схватили чьи-то руки и съ силою потянули вверхъ.

Это была Наташа, блѣдная, рѣшительная, неузнаваемая. Съ того мгновенія, какъ она увидѣла Стебальскаго надъ бездною, во власти сумашедшей Гули, все исчезло изъ ея головы. Съ неестественной силой, съ увѣренностью лунатика ступая по крутизнѣ, она втащила Стебальскаго за собою, и Гуля также какимъ-то образомъ поднялась вслѣдъ за ними. Стебальскій и Наташа стояли, держась за руки и смотря въ лицо другъ другу, съ страннымъ выраженіемъ полного самозабвенія. И дѣйствительно: мѣръ, жизнь, окружающее, — все исчезло. Въ глазахъ Наташи выливалась ярко и ясно вся любовь ея, а Стебальскій, ошеломленный, ослѣпленный, въ какомъ-то блаженномъ чадѣ, жадно смотрѣлъ ей въ глаза. Долго длилась эта нѣмая, но полная значенія картина, наконецъ они пришли въ себя и вспомнили, что вокругъ нихъ есть зрители.

Но было уже поздно. Есть такія выраженія лица, такія движенія, такіе звуки голоса, которые, какъ молнія, освѣщаютъ всю глубину человеческой души... на мгновеніе, правда, — но это мгновеніе уже не забудется тѣми, кто его видѣлъ.

Георгъ на краю обрыва стоялъ блѣдный до того, что не похожь былъ на живаго человѣка; ледяная кора его наружнаго безстрастія вдругъ спала съ него, и подъ нею обнаружилась буря страстей, гнѣва, отчаянія, все страданіе обманутой любви и надежды.

Его сразилъ не поступокъ Наташи: она была способна сдѣлать это и для другаго; его сразило то, что онъ ясно увидѣлъ за этимъ поступкомъ...

Возвращеніе домой было молчаливо, полно смятенія и внутренней тревоги. Гуля не проронила ни слова: она была будто пришиблена чѣмъ-то; въ ея лицѣ читались: недоумѣніе, вопросъ, ужась...

ГЛАВА IX.

Придя домой, Стебальскій тотчасъ ушелъ къ себѣ; всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, разстроенные; даже Лиза почему-то не хотѣла рассказать матери о томъ, что произошло, и Александра

Ивановна терзалась любопытствомъ, видя, что никто не хочетъ ужинать.

Наташа только-что легла въ постель, какъ къ ней постучалась горничная Викторія Августовны.

— Васъ просятъ сейчасъ во флигель, сказала она.

— Кто меня просить?..

— Викторія Августовна велѣла вамъ сказать, что она не можетъ дожидаться до утра, что если вы даже легли, то чтобъ потрудились встать для нея.

У Наташи упало сердце. Каждый разъ, когда ее призывала жена Стебальскаго, это свиданіе оказывалось роковымъ. Что ей было отъ нея нужно въ такой поздній часъ? Какое еще роковое предчувствіе томило ея душу и не давало ей спать?..

Наташа одѣлась и пошла съ горничной. Во флигель все было безмолвно; изъ комнатъ Стебальскаго и Георга выходили узкія полосы свѣта; но двери были плотно заперты. Спальня Викторіи освѣщалась одной лампадой, висѣвшей на цѣпочкѣ съ потолка; и въ этомъ полусвѣтѣ она сама, на своей бѣлой постели, казалась призракомъ, вышедшимъ изъ могилы. Какъ ни привыкла Наташа видѣть ее всегда восковою и прозрачною, съ большими впалыми глазами, но на этотъ разъ она содрогнулась при видѣ пристальнаго, ужасающаго взгляда, устремленнаго на нее. Викторія взяла ее за руку, притянула къ себѣ и продолжала смотрѣть на нее тѣмъ же страшнымъ взглядомъ.

— Что вамъ? прошептала Наташа, не въ силахъ переносить его.

Викторія хотѣла говорить; изъ груди ея вырвались только хриплые звуки.

— Мой сынъ, выговорила она наконецъ:— мой сынъ говорил со мною... Онъ мнѣ сказалъ...

Она тяжело перевела духъ, и платокъ, поднесенный ею къ губамъ, окрасился кровью.

— Георгъ сказалъ, что ты не можешь любить его, потому что... ты... любишь другаго... произнесла Викторія, все крѣпче сжимающая руку Наташи.

Наташа отшатнулась, блѣдная, вся похолодѣвъ.

— Отвѣчай мнѣ.

Наташа молчала.

— Говори, я тебѣ приказываю... Говори: правда ли, что ты любишь его?.. моего... мужа?..

Послѣднее слово замерло въ горловой спазмѣ, и по лицу Викторіи пробѣжали конвульсии.

Настало страшное молчаніе. Наташа вытянула свою руку, стараясь освободить ее и отдалиться отъ этого лица, отъ этихъ глазъ... Черезъ минуту, рука ея стала свободна; она взглянула: Викторія лежала безъ движенія, и струя крови медленно стекала вдоль ея бѣлаго пеньюара.

Всѣ собрались, всѣ прибѣжали; немедленно подана была помощь; но душевное потрясеніе было слишкомъ сильно, чтобъ не разбить хрупкую оболочку, въ которой и такъ уже едва держалась душа. Викторія не приходила болѣе въ сознаніе; земныя страсти, которыхъ она сдѣлалась жертвой, оставили ее; и ничто не нарушало больше ея предсмертнаго сна. Георгъ и Наташа встрѣчались у ея постели, не обмѣниваясь ни словомъ, ни взглядомъ; онъ неспособенъ былъ прощать и забывать, а ей не въ чемъ было просить прощенія.

Можетъ быть, Георгъ ненавидѣлъ теперь Наташу, но равнодушнымъ къ ней быть не могъ. Это неравнодушіе вылилось въ одной фразѣ, полной горечи и упрека.

— Это вы убили ее, сказалъ онъ Наташѣ однажды, когда они остались одни.

Наташа была бы вправѣ возразить ему, что вина была на его сторонѣ въ этой послѣдней катастрофѣ; но она не хотѣла начинать подобное препирательство у постели умирающей; она отвѣтила ему только молчаливымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ. Ни Стебальскій, ни Георгъ не знали навѣрное, что произошло между Викторіей Августовной и Наташей въ эту рововую ночь, хотя оба догадывались, что больную сразилъ на смерть какой нибудь душевный ударъ. Наташа замѣтила, что Георгъ никогда не оставался втроемъ со Стебальскимъ и съ нею, и тотчасъ уходилъ. Онъ чрезвычайно измѣнился за эти дни: его матовая англійская бѣлизна перешла въ тотъ темный, мрачный оттѣнокъ, которымъ всегда сопровождаются стра-

данія души; поблекшія губы стиснулись съ такимъ выраженіемъ, какъ будто имъ никогда уже больше не улыбнуться.

Наташа не выходила изъ флигеля и не видалась съ обитательницами дома. Александра Ивановна присылала каждое утро узнавать о здоровьѣ жены Стебальскаго и извиняться, что не можетъ навѣстить сама по случаю своего собственнаго нездоровья.

Однажды Гуля перепугала всѣхъ, ворвавшись въ комнату Викторіи Августовны въ разстроенномъ состояніи духа, вся дрожащая, съ какими-то испуганными глазами. При видѣ умирающей, она начала громко, конвульсивно рыдать, такъ что ее должны были вывести.

— Сжальтесь надо мной, сжальтесь, говорила она Стебальскому въ другой комнатѣ, гдѣ ее посадили:—не доводите меня... не доводите меня...

Онъ пожималъ плечами.

— Въ чемъ же сжалиться? что васъ тревожить? спрашивалъ онъ.

— Я сама себя боюсь, отвѣчала она, дрожа. Мнѣ такія приходятъ мысли... ахъ, какія мысли!

— Какія же, скажите мнѣ.

— Не смѣю сказать. Послѣ... не здѣсь... не теперь. Впрочемъ я знаю, что этого не можетъ быть. Когда вы вотъ такъ говорите со мной, я успокоиваюсь.

Больную не могла потревожить эта сцена: она ее не слыхала, не замѣчала и не сознавала; интеллектъ ея уже спалъ непробуднымъ сномъ; тлѣлся еще только, едва замѣтно, огонекъ животной жизни. Наконецъ угасъ и онъ...

Наканунѣ похоронъ, Наташа, проходя мимо комнаты Георга, увидѣла, что онъ укладываетъ свой чемоданъ. Повинуясь везалному побужденію, она вошла къ нему.

— Георгъ, сказала она проникнутымъ, задушевнымъ голосомъ:—неужели мы такъ разстанемся?..

Въ глазахъ ея стояли слезы. Правильныя черты Георга исказились на мгновеніе, какъ отъ прикосновенія къ незажившей ранѣ:

но онъ быстро овладѣлъ собою и поднявъ на Наташу холодный, непреклонный взглядъ.

— Развѣ мы можемъ разстаться иначе? замѣтилъ онъ.

— Я думаю, что да, сказала съ глубокимъ чувствомъ Наташа: — мы были братомъ и сестрою; я васъ люблю и теперь, какъ любила прежде. Почему бы намъ не остаться друзьями?

— Мы и останемся друзьями; я желаю вамъ добра; вы мнѣ, вѣроятно, тоже.

— Вы говорите въ насмѣшку, возразила Наташа: — неужели я не услышу отъ васъ на прощаніе ни одного добраго слова?..

— Я не знаю, что вы желаете слышать.

— Ну, хоть слово прощенія, сказала Наташа, рѣшившись побѣдить свою гордость: — я васъ оскорбила; простите меня.

— Не у меня вы должны просить прощенія, а... тамъ!..

Онъ кивнулъ головой туда, гдѣ лежало тѣло его матери.

Голосъ его въ первый разъ дрогнулъ, грудь поднялась, и кровь бросилась ему въ лицо. По этому волненію, Наташа поняла намекъ, заключавшійся въ его словахъ, и щеки ея запылали.

— Я ни въ чемъ не виновата противъ нея, сказала Наташа, твердо глядя ему въ глаза.

— Вы можете это утверждать? вскричалъ онъ, съ движеніемъ страстнаго гнѣва.

— Я всегда любила ее, какъ мать, возразила Наташа: — а въ чувствахъ произвольныхъ я никому не обязана давать отчета.

Опять Георгъ превратился въ статую и продолжалъ укладывать вещи, не замѣчая Наташи.

— Вы уѣдете послѣ похоронъ? спросила она.

— Да.

— Дайте же руку на прощаніе.

Онъ молчалъ и не двигался. Наташа подошла къ нему и взяла его руку. Эта холодная, негнушащаяся рука осталась неподвижна, безотвѣтна, жестка, какъ кусокъ льда. Наташа медленно опустила ее, покачала головой и пошла къ дверямъ.

Но на порогѣ ее остановилъ Георгъ. Онъ положилъ руку ей на плечо и, блѣдный, смотрѣлъ на нее загорѣвшимися глазами.

— Въ послѣдній разъ, сказалъ онъ:— ради памяти моей матери, хотите вы быть моей женой?

— Нѣтъ, Георгъ, я уже сказала вамъ.

— Ну, такъ навсегда.

Дверь захлопнулась между ею и Георгомъ.

Г Л А В А X.

Александра Ивановна хотѣла было взять на себя роль утѣшительницы Стебальскаго и переселить его въ большой домъ; но онъ не захотѣлъ и остался доживать во флигелѣ послѣднія, оставшіяся ему, недѣли. Георгъ уѣхалъ тотчасъ послѣ похоронъ, не выдавшись ни съ кѣмъ.

Печально-торжественные обряды погребенія произвели необыкновенное впечатлѣніе на Гулю. Она рыдала въ церкви, цѣлый день ничего не ѣла и какъ будто избѣгала людей, стараясь уходить въ лѣсъ, въ оврагъ или куда нибудь подальше. Ей, казалось, нравилась дурная погода; лишь только небо хмурилось или накрапывалъ дождь, она убѣгала бродить.

Одинъ разъ—это было на третій день послѣ похоронъ—Стебальскаго застигла гроза на дорогѣ, когда онъ ѣхалъ отъ одного больнаго изъ ближняго села. Вѣтеръ дулъ холодный, рѣзкій, словно осенній; Стебальскій озябъ и велѣлъ подъѣхать прямо къ большому дому, гдѣ, по его соображеніямъ, пили чай. На дворѣ было уже темно. Онъ не ошибся; въ залѣ кипѣлъ самоваръ, и Александра Ивановна председательствовала за столомъ. По правую руку ея сидѣла Анфиса Егоровна, пившая чай въ прикуску; а по лѣвую Лиза, уничтожавшая булку за булкой, со скучающимъ и унылымъ видомъ.

— А что же вы не въ полномъ комплектѣ? спросилъ Стебальскій, садясь по приглашенію хозяйки и съ недоумѣніемъ осматриваясь.

— Проказница-то наша опять вѣдь убѣжала! отвѣчала со смѣхомъ Александра Ивановна. Какъ только гроза и дождь—такъ

она гулять. Прежде мы за нее боялись, а теперь ужь привыкли.

— Кто ее удержит! вмѣшалась Анфиса Егоровна. Родни у нея нѣтъ, слушаться ей некого, вотъ и колобродитъ. А наше дѣло—сторона.

— А Наташа гдѣ? перебилъ Стебальскій.

— Наташа... вотъ тоже сумазбродка! пошла отыскивать ту. Я ей говорю: что ты за ней приставлена что-ли? Нѣтъ, не послушала, ушла.

— Куда же она ушла? спрашивалъ тревожно Стебальскій.

— Въ лѣсъ, апатично отвѣтила Лиза. Ей сказали, что Гуля пошла въ лѣсъ,—и она туда за нею.

— Я всегда говорю, начала Александра Ивановна: — лучше всего такихъ, какъ Галина Семеновна, предоставлять самимъ себѣ...

Стебальскій не слушалъ. Онъ подошелъ къ окну, отворилъ его и высунулся, несмотря на то, что въ комнату врывался вѣтеръ съ дождемъ. Небо было сплошь покрыто черными тучами, и темь была такая, что хоть глазъ выколи.

— Однако, это скверная исторія, сказалъ Стебальскій измѣнившимся голосомъ; и, поспѣшно взявъ свою фуражку, вышелъ.

Александра Ивановна была рѣшительно оскорблена: отворить окно въ такой вѣтеръ, бросить налитый ему стаканъ чаю, не извиниться и уйти—что же это такое!

— Оригиналы всѣ эти доктора, сказала она себѣ въ утѣшеніе.

Стебальскій въ страшномъ безпокойствѣ направился къ лѣсу. Гораздо опаснѣе бури, дождя и темноты ему казалась встрѣча Наташи съ Гулей въ такую ночь. Онъ самъ бы не могъ дать себѣ отчета, чего именно онъ боялся; но Гулю, въ послѣднее время, онъ считалъ способною на все въ припадкѣ мономаніи. Вѣроятнѣе всего, что она станетъ пугать Наташу, пожалуй, опять сядетъ въ лодку и утопитъ и себя, и ее... Ужаснувшись этой мысли, Стебальскій поколебался было, не пойти-ли къ пруду, но какой-то инстинктъ велъ его къ лѣсу. И тамъ были крутые обрывы и другія опасности во время темноты. До лѣса было не болѣе четверти версты.

Стебальскій мигомъ прошелъ это разстояніе и углубился подъ мрачныя своды деревьевъ. Тамъ было дѣйствительно страшно: подъ лѣсной вершиной стоялъ вой, трескъ и шумъ; деревья казались какими-то живыми гигантами, вдругъ воскресшими и заговорившими. Ихъ непонятныя рѣчи были полны мрачныхъ угрозъ; длинныя сучья махали, какъ руки, и яростно стучались одни о другіе. Стебальскому показалось, будто гдѣ-то вдали раздается слабый крикъ: «Гуля, Гуля!» Онъ въ свою очередь крикнулъ: «Наташа, Наташа!» но только вой вѣтра ему отвѣтилъ. Его захватила за душу тоска по Наташѣ, страхъ за нее, жажда ея присутствія. Онъ терялъ голову и готовъ былъ въ эту минуту вѣрить и предчувствіямъ, и примѣтамъ, всему! Возбужденные нервы рисовали ему ужасныя картины, наводили на ужасныя догадки: ему чудилась или смерть Наташи, или какое нибудь отчаянное, беспомощное положеніе. Опять сквозь шумъ вѣтра ему послышался будто стонъ или какой-то жалобный звукъ. «Наташа, Наташа!» крикнулъ онъ, помня только одну ее, забывъ совершенно о существованіи Гули. И вдругъ онъ услышалъ вдали задыхающійся, заглушаемый бурей голосъ: «Гдѣ вы?.. гдѣ, гдѣ же вы?»

Онъ бросился на этотъ голосъ, крича: «Здѣсь, здѣсь, сюда!» Но его не пускала чаща, — сучья, стволы поваленныхъ вѣтромъ деревьевъ; въ темнотѣ онъ кружился между сучьями и пнями, и отчаянно все-таки продирался впередъ. Вдругъ онъ наткнулся на человѣка, на трепещущее, падающее, беззащитное существо, и крѣпко охватилъ его руками... Въ его объятіяхъ была Наташа живая, невредимая, прижимавшаяся къ нему съ восклицаніемъ счастья.

Онъ нашелъ ее. Теперь все было кончено: ночь, буря, одиночество—все исчезло, все вылетѣло изъ головы. Что стало съ ними обоими въ эту минуту, они не знали; но ясно, что для нихъ не нужно было ни словъ, ни объясненій, чтобъ понять, какъ полно, какъ беззавѣтно и пылко они любили другъ друга!

Всемогущее, неопибающееся «безсознательное» вступило въ свои права, даруя своимъ избранникамъ мигъ беззавѣтнаго блаженства... Все томленье, вся жажда, все исканіе счастья,

такъ долго накоплявшіяся въ ихъ душѣ—нашли наконецъ исходъ въ этотъ мигъ; не было болѣе мѣста ни сомнѣнію, ни колебанію; каждый зналъ навѣрное то, что чувствовалъ другой, и это сознание давало имъ такую полноту блаженства, такое удовлетвореніе, выше которыхъ не существуетъ для человѣка.

Сколько прошло времени: часъ или нѣсколько мгновений—они не знали; они все стояли на одномъ мѣстѣ, ошеломленные, онемѣвшіе отъ этого нахлынувшего на нихъ счастья.

Медленно возвращались они къ ощущенію дѣйствительности и къ способности выражать чувства словами.

— Ахъ, Наташа! проговорилъ Стебальскій съ глубокимъ, блаженнымъ вздохомъ.

Онъ посадилъ ее на опрокинутый стволъ дерева, подъ защитой густыхъ вѣтвей сломанной березы, спускавшихся до земли, и нѣжно обвилъ ее руками, защищая отъ вѣтра.

— Ты знала, что я люблю тебя, спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не знала, я не смѣла... отвѣчала она.

— Но ты... точно ли ты... Не ошибаюсь ли я, Наташа? Я также не смѣлъ думать... Когда же это началось?

— Это было всегда; но когда я увидала васъ тамъ въ обрывѣ, въ ея рукахъ, тогда только я поняла, какъ я люблю васъ, и что вы такое... что *ты* такое для меня!

— Я подумалъ это тогда... но я боялся... О, Наташа, Наташа!—такъ вотъ оно—счастье!

Какъ бы въ отвѣтъ на эти слова, возлѣ нихъ, совсѣмъ близко, раздавался какой-то страшный, непонятный звукъ, не то вопль, не то стонъ,—словно злые духи позавидовали человѣческому счастью. Кто-то бился въ кустахъ, кто-то задыхался и метался, какъ въ предсмертной агоніи...

Стебальскій и Наташа вскочили въ ужасѣ; не вдругъ вспомнили они про Гулю—такъ поглотило ихъ чувство, передъ которымъ померкло все остальное. Но это была она. Она все время была тутъ, еще до прихода Стебальскаго, крадучись за Наташей шагъ за шагомъ, и находя лукавое удовольствіе прятаться и не откликаться ей. Она видѣла и поняла ихъ встрѣчу, слышала ихъ

короткій, но значительный разговоръ. Съ натянутыми, какъ струны, нервами переживала она всё перипетіи ихъ страстной встрѣчи; она не могла выдержать дольше, сдавленные крики вырвались изъ ея груди и потрясли весь организмъ.

— Боже мой, что съ нею? говорила Наташа, стараясь приподнять ея голову и взять ея руки, которыя отталкивали ее. Потомъ эти руки опустились бессильно; съ послѣднимъ тяжелымъ стономъ прекратились конвульсіи и наступила безмолвная неподвижность.

— Она въ обморокъ, сказалъ Стебальскій. — Нельзя оставить ее здѣсь, надо понести.

— Понесемъ вмѣстѣ, сказала Наташа.

— Нѣтъ; я одинъ могу; она легка.

Онъ бережно, съ помощью Наташи, поднялъ Гулю къ себѣ на плечо, и понесъ ее. Они шли молча; по временамъ только Стебальскій подносилъ руку Наташи къ губамъ и безмолвно, съ блаженнымъ упоеніемъ, цѣловалъ ее.

Когда они вышли изъ лѣса, на встрѣчу имъ мелькнули фонари. Это Александра Ивановна надумалась, что невѣжливо допускать знаменитаго доктора блуждать ночью одного въ лѣсу, и послала къ нему людей.

Гуля, въ первый разъ въ жизни, была въ такомъ глубокомъ обморокъ, что ее съ полчаса не могли привести въ чувство. Очнувшись, она не говорила ни слова и лежала, уткнувшись въ подушку. Ее напоили теплымъ, надѣли сухое бѣлье; но когда Наташа хотѣла лечь въ ея комнату, Гуля вдругъ воспротивилась этому такъ энергично и такъ враждебно, что нечего было и думать объ этомъ.

— Я хочу быть одна, повторила она: — одна, одна! никого не нужно. Я здорова. Вовсе нечего нянчиться со мной, какъ съ больною.

Стебальскій сдѣлалъ знакъ, чтобы ее оставили въ покоѣ.

— А! и вы здѣсь, докторъ! сказала Гуля, повернувшись къ нему:—благодарю васъ... Ну, до свиданія, до свиданія!

Она неожиданно засмѣялась короткимъ нервнымъ смѣхомъ.
Всѣ вышли.

ГЛАВА XI.

Наташа спала эту ночь долго и сладко. И сквозь сонъ она чувала вѣяніе наступившаго счастья. Первая мысль ея, по пробужденіи, была: «онъ любить меня!» И вся пылая отъ этого сознанія, она закрыла лицо руками. Потомъ съ невыразимой отрадой она подумала, что Стебальскій свободенъ, что ихъ счастье не нарушить ничего покоя, не испортитъ ничьей жизни. Гулю она не считала, — какія надежды или права могла имѣть Гуля? да и самая любовь ея была скорѣе какая-то нервная блажь, чѣмъ нормальное чувство женщины.

Наташа быстро умылась и начала заплетать свои толстыя косы, сама удивляясь въ зеркалѣ блеску своихъ глазъ и той красотѣ, которая разлилась по всему ея существу. Отъ нея вѣяло прелестью весны, счастья, надежды, наступающаго праздника жизни... Она надѣла платье свѣтлое и свѣжее, какъ она сама, и пошла въ залу; но, проходя мимо комнаты Гули, зашла провѣдать ее. Къ удивленію Наташи, Гули тамъ не было, но все въ порядкѣ: постель перестлана, вещи убраны. Горничная сказала Наташѣ, что «Галина Семеновна еще чѣмъ свѣтъ поднялись и ушли гулять».

Наташа сообщила объ этомъ Александрѣ Ивановнѣ, разливавшей въ залѣ чай.

— Какъ—опять пропала! вскричала та съ жалобнымъ видомъ: ни одной минуты покою съ нею. Это, наконецъ, неделикатно: вчера ее поили малиной, а сегодня она опять пошла по сырости. Кто же виноватъ! ну, скажите, кто виноватъ?

— Это все про меня? раздался голосъ съ балкона: — успокойтесь: не пропала и больше пропадать не буду.

И на порогѣ двери изъ сада показалась Гуля, веселая, нарядная, съ лицомъ, оживленнымъ скорой ходьбой.

— Ахъ, ахъ! захохла Александра Ивановна: — ахъ, проказница!

— А вы думали, я умру послѣ вчерашняго? видите—я жива, и никогда еще такъ хорошо себя не чувствовала!..

И дѣйствительно, Гуля порхала по комнатѣ, переставляла на окнахъ цвѣты, улыбалась и пѣла.

— Вы очаровательны сегодня, Наташа, предестны, восхитительны! неожиданно обратилась она къ ней:—какъ жаль, что некому любоваться на васъ!

И она засмѣялась страннымъ смѣхомъ. Глаза ея сверкнули, но тотчасъ же закрылись рѣсницами, какъ бы не желая выдавать то, чему еще не время выступать на свѣтъ.

Наташа молчала; обращеніе Гули наводило на нее непріятное чувство и какой-то невольный страхъ.

— Отчего это съ нами нѣтъ Льва Николаевича? сказала черезъ нѣсколько минутъ Гуля, лукаво взглянувъ на Наташу.

— Онъ придетъ къ кофѣю, замѣтила Александра Ивановна:— впрочемъ мы сегодня такъ поздно пьемъ чай, что ужъ и кофейная пора пришла. Ты бы сходила во флигель, Наташа, позвала бы его, а то онъ тамъ у себя зафилософствуется и позабудетъ.

— Хорошо, сказала Наташа, поспѣшно вставая.

Гуля проводила ее до балкона и глядѣла все время ей вслѣдъ. Когда Наташа обернулась, она послала ей двумя пальцами воздушный поцѣлуй. Всѣ эти поступки бросали Наташу въ дрожь, но она не могла долго останавливаться на нихъ; ощущеніе недавняго счастья еще слишкомъ поглощало ее...

Она поспѣшила пойти во флигель, но—тамъ всѣ комнаты были пусты. Вѣроятно, Стебальскій ушелъ къ какому нибудь больному. Наташа съ любовью окинула взглядомъ кабинетъ, носившій слѣды его присутствія; сѣла въ его кресло передъ столомъ, гдѣ разложена была его рукопись—плодъ долготѣлныхъ трудовъ. Поджидая его самого и перечитывая написанное имъ, Наташа забыла о времени; ей напомнилъ о немъ посолье отъ Александры Ивановны съ приглашеніемъ пить кофе.

— Гдѣ же это Левъ Николаевичъ? спрашивала Александра

Ивановна и послала челоуѣка узнать отъ вучера — не уѣхалъ-ли куда нибудь Стебальскій.

Во время кофе, Гуля наблюдала за Наташей; ее очевидно удивляло и раздражало спокойствіе послѣдней. Дѣйствительно Наташа была еще такъ полна розовыхъ грезъ, такъ лихорадочно жила своей новой внутренней жизнью, что мысль о какомъ нибудь несчастіи — положительно не входила ей въ голову.

Послѣ завтрака она убѣжала въ садъ, оттуда въ поле, на плотину, надѣясь его встрѣтить. Усталая, но не обезнадѣженная, она вернулась домой, а Стебальскаго все не было.

Насталъ часъ обѣда. Александра Ивановна послала узнать, нѣтъ-ли Стебальскаго на селѣ, у больныхъ, и не видалъ-ли кто нибудь, куда онъ пошелъ или поѣхалъ.

— Нѣтъ нигдѣ, и никто не видалъ его, — объявила съ какимъ-то торжествомъ Гуля, ходившая также за справками.

— Не пріѣзжалъ-ли за нимъ кто нибудь, предположила Наташа: — или его могли перехватить на дорогѣ и упробить ѣхать къ опасно больному.

— Все-таки онъ предупредилъ бы, чтобъ не ждали къ обѣду, говорила Александра Ивановна, въ ажитациі касательно вопроса: ждать или не ждать.

— Странно только, что никто не видалъ его сегодня, вставила Гуля съ загадочной улыбкой.

Послѣ обѣда Наташа опять ушла за справками на деревню. Но никто положительно не видалъ Стебальскаго въ этотъ день, хотя многіе больные ждали его.

Тогда для Наташи наступила реакція. Ея радостное, спокойное и доброе настроеніе замѣнилось чувствомъ ужаса и тоски. При возвращеніи изъ деревни, колѣни ея дрожали и подгибались подъ нею; всѣ радужныя краски померзли, свѣтъ солнца потухъ. Какъ могъ онъ не повидаться съ нею сегодня и оставить ее въ такой неизвѣстности? Какъ могло это быть послѣ вчерашняго?.. Нѣтъ, это не простое отсутствіе; съ нимъ что нибудь случилось, какое нибудь несчастье... Онъ могъ сломать руку, ногу; можетъ быть, лежать гдѣ нибудь, разбитый, безъ чувствъ, безъ помощи...

Ужась напалъ на Наташу. Не владѣя больше собой, она вбѣжала въ домъ, какъ сумашедшая.

Первою ее встрѣтила Гуля, смотря на нее любопытнымъ, пронизывающимъ взглядомъ. Еслибъ Наташа не была такъ взволнована, она бы прочла въ этомъ взглядѣ: — «а! наконецъ! наконецъ! начинается!»...

— Гдѣ Александра Ивановна? мятежно спросила Наташа: — надо разослать людей искать его...

И она поспѣшно бросилась дальше, но Гуля схватила ее за платье.

— Куда вы! что вы хотите дѣлать? опомнитесь, не порите горячку! остановила она ее строго.

— Но что же дѣлать? задыхаясь, спросила Наташа.

— Погодите; можетъ быть, онъ вовсе не желаетъ, чтобъ его отыскивали, сказала Гуля, понизивъ голосъ: — можетъ быть, вы этимъ повредите ему.

— Гуля!.. умоляющимъ жестомъ протянула къ ней руки Наташа: — Гуля, вы что-то знаете!

— Ничего я не знаю; а мало-ли какія могутъ быть обстоятельства.

— Гуля, Гуля, вы знаете; я вижу, я чувствую, вскричала Наташа: — не мучьте меня, скажите!

— Право, ничего не знаю, усмѣхнулась та, и въ глазахъ ея забѣгали какіе-то огоньки.

— Ну, такъ я пойду сзывать народъ, сказала Наташа, бросаясь къ дверямъ.

Гуля опять повелительно остановила ее.

— Не дѣлайте этого, сказала она съ таинственнымъ видомъ: — оставьте его въ покоѣ; можетъ быть, онъ скрывается.

Озадаченная Наташа глядѣла на нее во всё глаза. Смутныя догадки мелькнули у нея въ головѣ. Зачѣмъ Стебальскому скрываться? онъ никогда не былъ ни въ чемъ замѣшанъ. Но кто знаетъ: послѣднее посѣщеніе Пахомовой, ея просьба, которую онъ обѣщалъ исполнить — все это могло бросить на него тѣнь...

— Гуля, скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, живъ-ли онъ, свободень-ли онъ? взывала она въ своей мучительницѣ.

— Не скажу.

— Но я не могу жить въ такой неизвѣстности. Вы можете успокоить меня однимъ словомъ, и не хотите... Нѣтъ, я вамъ не вѣрю, вы ничего не знаете!

— Знаю, шепнула съ усмѣшкой Гуля.

— Такъ говорите.

— Завтра.

И Гуля пошла къ двери.

— Одно слово, вскричала Наташа, бросаясь за ней:—онъ живъ и здоровъ?

— Завтра скажу, былъ неумолимый отвѣтъ.

Вполнѣ одинокая, теряя голову, Наташа пошла сообщить Александрѣ Ивановнѣ о загадочныхъ намекахъ Гули. Та въ душѣ обрадовалась тому, что можно найти естественное толкованіе отсутствію Стебальскаго, и не надо ни объявлять полиціи, ни хлопотать. Она поддержала Наташу въ той мысли, что Стебальскій могъ быть отозванъ по важному дѣлу, что Гуля знаетъ, куда онъ поѣхалъ, что, можетъ быть, даже онъ поручилъ ей передать, куда и зачѣмъ; но эта взыбаломшная дѣвчонка нарочно не говоритъ, чтобъ придать себѣ значеніе и заинтриговать всѣхъ. Александра Ивановна напомнила Наташѣ, что такія исчезновенія не рѣдкость въ Петербургѣ, и что въ деревнѣ можетъ быть то же самое; и лучше не поднимать гвалта прежде времени.

Однако, оставшись одна съ своей дочерью, Александра Ивановна сказала ей:

— Ну, нѣтъ, слуга поворная, я не намѣрена больше здѣсь оставаться. Уѣдемъ въ Петербургъ, Лизочка. Богъ съ нимъ и съ лѣтомъ, и съ деревней; я тутъ такъ намучилась со всѣми этими!... разстроила все свое здоровье. Сохрани меня Богъ когданибудь приглашать жильцовъ; помни ты это, Лизочка, во всю твою жизнь. Кто бы тебѣ ни встрѣтился, какъ бы онъ ни увѣрялъ, что нуждается и голодаетъ—не связывайся, держи себя подальше!

— Еще бы, сказала Лиза:—эта Галина никакого удовольствія не доставила; только однѣ непрятности.

— Да; чего-чего мы отъ нихъ не натерпѣлись нынѣшнее лѣто, продолжала Александра Ивановна:—и умирали-то они, и собакъ бѣшенныхъ сывали,—развѣ это пріятно ховяевамъ! А вотъ теперъ этотъ послѣдній пассажъ... И вѣдь сумазбродная Наташа того и гляди подниметь гвалтъ, пошлетъ за полиціей... Каково это мнѣ-то, съ моими нервами!

— Уѣдемъ поскорѣе, согласилась Лиза:—здѣсь все время была такая тоска. Въ Петербургѣ все ужъ лучше.

— Вотъ послѣ этого и дѣлай добро, оказывай услуги, хлопочи о другихъ, грустно разсуждала Александра Ивановна,—а какая благодарность! Правду про меня всегда говорили, что я слишкомъ не эгоистична, совсѣмъ забываю о себѣ для другихъ.

— Когда же мы уѣдемъ, мама?

— Будемъ потихоньку укладываться хоть съ завтрашняго же дня. А тѣ двѣ, какъ хотять; какое намъ до нихъ дѣло.

Успокоившись на этомъ рѣшеніи, мать и дочь заснули спокойнымъ сномъ безъ всякихъ тревожныхъ грезъ и видѣній.

Г Л А В А XII.

Ужасна была эта ночь для Наташи. Она не раздѣвалась и не ложилась; ей чудилось каждую минуту, что ее позовутъ, что будутъ какія нибудь извѣстія. Сколько разъ ей слышались топотъ лошадей, шумъ шаговъ, даже голосъ Стебальскаго... Она выбѣгала на крыльцо и иллюзія разсѣивалась. Ничто не нарушало спокойствія ночи; звѣздное, холодное, безучастное небо глядѣло съ своей недосыгаемой высоты недоступно и непреклонно. «Естьли что нибудь ужаснѣе неизвѣстности! думала Наташа, переходя отъ окна къ окну и стараясь проникнуть вдаль своими воспаленными безсонницей глазами. А тутъ рядомъ съ ней спитъ дѣвушка, ея подруга, которая все знаетъ, все можетъ разрѣшить однимъ

словомъ. И этого слова нельзя вырвать у нея, если она не захочетъ. Завтра... завтра! что скажетъ она завтра?

Но Наташа ошиблась, думая, что Гуля спитъ. Она также не ложилась, прислушивалась къ ходьбѣ Наташи, подкарауливала, какъ она выбѣгала на улицу, и съ какимъ-то сладострастнымъ замираніемъ сердца, перебирала въ умѣ подробности придуманной ею медленной пытки!

Первымъ словомъ Наташи, когда она увидѣла Гулю на другое утро, былъ вчерашній вопросъ:

— Гдѣ онъ?

— Почему я знаю, пошутила Гуля съ какой-то кривой улыбкой.

— Вы обѣщали сказать, говорите, произнесла повелительно Наташа, стиснувъ обѣ ея руки.

— Какъ это вы сами не можете догадаться: онъ просто уѣхалъ, сказала наконецъ Гуля.

— Зачѣмъ? куда?...

— Разуумѣтся, въ Петербургъ.

Наташа вскочила съ бьющимся сердцемъ и разгорѣвшимися щеками.

Ей подавали надежду: по крайней мѣрѣ, Стебальскій былъ живъ и здоровъ!

— Такъ онъ теперь тамъ, въ Петербургѣ! вскричала она, отдышал.

У Гули конвульсивно передернулось лицо. Ей очевидно хотѣлось что-то выговорить, что-то открыть, но она всею силою воли удержала равшіяся вонъ слова.

— Да, отвѣтила она коротко.

— Но отчего же онъ исчезъ такъ таинственно, не сказавшись никому? спросила Наташа.

— Пахомова вызвала его запиской въ ту ночь, когда...

У Гули опять покривилось лицо.

— Пахомова! развѣ она опять пріѣзжала? вы ее видѣли? расспрашивала Наташа.

— Ну, довольно съ васъ, сказала Гуля:—на сегодня слишкомъ довольно. До завтра.

— А развѣ завтра еще чтонибудь откроется?

— Можетъ быть! засмѣялась Гуля съ хитрымъ видомъ.

— Не оставилъ ли онъ мнѣ записки, не просилъ ли передать мнѣ чтонибудь?

Гуля отрицательно покачала головою и, развалившись на диванѣ, начала напѣвать пѣсню.

— Гуля! подступила къ ней Наташа, сложивъ руки, съ глазами полными слезъ:—Гуля, вѣдь вы не злы,—можетъ быть, вы не понимаете, какъ вы заставляете меня страдать... Гуля, милая, пожалѣйте меня... скажите мнѣ все... Вѣдь я уже два дня терплю эту пытку!

И подавляя рыданія, Наташа опустилась передъ ней на колѣни.

— А! заговорила Гуля нервнымъ голосомъ:—теперь и Гуля имѣеть для васъ значеніе... А то все думали: Гуля такъ себѣ дѣвчонка, незначущее созданіе, козявка, стоитъ-ли обращать вниманіе на то, что она чувствуетъ, что думаетъ!.. А Гуля—сила! Вотъ вы узнаете, какая она сила!

Говоря это, Гуля была блѣдна какъ смерть, руки ея конвульсивно подергивались, глаза странно прищуривались и въ нихъ бѣгали злые, демонскіе огоньки.

— Если я когданибудь оскорбила васъ безъ намѣренія, горячо прервала ее Наташа:—то вы уже довольно отметили мнѣ. Кончите эту жестокою игру, выведите меня изъ неизвѣстности, отдайте мнѣ то, что Левъ Николаевичъ велѣлъ мнѣ отдать!

Гуля раскрыла губы, какъ будто хотѣла дѣйствительно открыть все; но опять успѣла едержаться, и пробормотавъ: «завтра! завтра!» убѣжала въ садъ.

Все-таки свѣдѣнія, доставленныя Гулей, пролили нѣкоторое утѣшеніе въ душу Наташи. Мысли ея могли теперь остановиться хоть на чемънибудь опредѣленномъ. Тайный пріѣздъ Пахомовой и переговоры ея со Стебальскимъ не имѣли въ себѣ ничего невѣроятнаго; да и въ чему было Гулѣ выдумывать все это?.. Однимъ словомъ, самымъ простымъ исходомъ изъ этой неизвѣстности было: поѣхать въ Петербургъ. И Наташа рѣшилась ѣхать. Ее удерживало только это роковое «завтра...»

Она сообщила маминъ о своемъ намѣреніи и узнала, что та тоже уѣзжаетъ. Гуля присутствовала при ихъ разговорѣ, но какъ будто не обращала на него ни малѣйшаго вниманія и не заботилась о своемъ собственномъ отъѣздѣ. Все это время она ни съ кѣмъ не говорила; только безпрестанно что-то напѣвала и иногда посмѣивалась про себя. Вообще она казалась необыкновенно весела и возбуждена.

Однако она сама подошла къ Наташѣ послѣ рѣчи объ отъѣздѣ.

— Вы хотите ѣхать въ Петербургъ? спросила она.

— Да, хочу, отвѣчала Наташа.

— Не ѣздите, не надо ѣздить... Оставайтесь здѣсь.

— Зачѣмъ же мнѣ оставаться?

— Говорятъ вамъ, нельзя вамъ ѣхать, если вы для Льва Николаевича, сказала настойчиво Гуля.

— Что это значитъ?

— Есть другія извѣстія, проговорила шопотомъ Гуля: — его нѣтъ въ Петербургѣ.

— Такъ гдѣ же онъ?

— Ближе, гораздо ближе.

— О, Гуля! всплеснула руками Наташа.

— Тс! завтра! произнесла та, прикладывая палецъ къ губамъ: — завтра вы все узнаете.

Наступило и это «завтра.» Наташа, измученная бессонницей, подавленная трехдневной пыткой, лишь только настало утро, отворила дверь комнаты Гули. Та, совсѣмъ одѣтая, стояла, наклонившись надъ комодомъ и перебирала что-то. При скрипѣ двери, она вздрогнула, какъ вздрагиваютъ застигнутые врасплохъ, кинула на Наташу исподлобья, искоса взглядъ смущенія и испуга, и поспѣшно набросила пестрый платокъ на какой-то предметъ, который, очевидно, хотѣла отъ нея спрятать. Въ умѣ Наташи, какъ молнія, мелькнула мысль, что это касается Стебальскаго, что эта его записка къ ней или вещь, которую онъ просилъ передать.

Не колеблясь и не разсуждая, Наташа бросилась на Гулю и между ними завязалась борьба. Оттолкнутая, побѣжденная Гуля отлетѣла въ уголъ, и оттуда, нагнувъ голову, съ выраженіемъ

какого-то животного, приниженного страха, глядѣла на Наташу, которая сорвала платокъ съ таинственной загадки... Но что же это? что за вещь такъ тщательно прятала Гуля? Это просто маленький дамскій револьверъ, даже какъ-будто знакомый Наташѣ. Она съ недоумѣніемъ держала его въ рукахъ, и онъ внушалъ ей какой-то безотчетный ужасъ.

Между тѣмъ Гуля оправилась; глаза ея опять забѣгали, и хитрая улыбка скривила губы. Она медленно подошла.

— Что вы такъ на меня накинулись! сказала она:— что вы такъ смотрите на револьверъ; на немъ узоръ не написано. Это тотъ самый, которымъ выстрѣлила въ себя Юлія Федоровна. Я тогда, себя не помня, схватила его и спрятала отъ нея; а потомъ онъ такъ и остался въ моихъ вещахъ, она не хватилась, а я забыла.

— Ну, будетъ объ этомъ, сказала со вздохомъ Наташа:— я пришла къ вамъ узнать... Вы сказали, что я сегодня все узнаю.

— А вы повѣрили мнѣ вчера—оттого и не поѣхали въ Петербургъ? съ злой усмѣшкой спросила Гуля.

Наташа безпокойно взглянула на нее, и ее поразило что-то странное въ лицѣ и во всей позѣ Гули.

— Вы сказали, что онъ ближе... проговорила блѣдная Наташа.

Гуля истерически засмѣялась.

— Да, онъ ближе, онъ совсѣмъ близко, сказала она. Хотите знать гдѣ? ну, этого я не скажу... Вы увидите сами.

Глаза ея замѣрились злораднымъ торжествомъ, при видѣ мертвенной блѣдности Наташи.

— Ахъ, какая же вы простушка, Наташа, вскричала она черезъ минуту, презрительно пожимая плечами:—ни о чемъ-то вы не можете сами догадаться!

И переведя духъ, устремивъ на Наташу горячіе глаза, она продолжала:

— Какъ же это вы были такъ просты, чтобъ подумать, что я, зная все про васъ и про него, могла это оставить такъ, могла простить!.. Я была тутъ возлѣ васъ, и все слышала, всѣ ваши объясненія и милowanія... И вы это знали, вы меня увидали, и даже

ухомъ не повели... такая я вамъ казалась незначущая, ничтожная... Что я могу вамъ сдѣлать?... А я знала, что могу сдѣлать!..

— Что же вы сдѣлали? спросила Наташа какъ-то неестественно-спокойно.

— Я встала ночью, заговорила Гуля:—въ ту самую ночь, когда вы такъ сладко спали съ его поцѣлуями на губахъ... (голосъ ея прервался и дрогнул):—взяла перо и бумажку, и написала слѣдующее: — «Приходите къ опушкѣ лѣса, гдѣ оврагъ. Важное сообщеніе. Опасность для Н. Колевиной. Полиція дѣлала обыскъ на ея квартиру». Подписала: *Пахомова*. Онъ ни моей, ни ея руки не знаетъ. Взяла эту записочку, подошла къ его окну и постучалась. Онъ отворилъ окно, я спряталась за ставню и бросила къ нему письмо. Видите, какъ все было просто!..

Наташа слушала съ расширившимися зрачками. Она будто переживала ужасный сонъ.

— Что дальше? прошептала она.

— Я побѣжала къ оврагу; у меня съ собой была захвачена еще одна вещица... продолжала Гуля съ тихимъ смѣхомъ, указавъ глазами на револьверъ. Вслѣдъ за мною пришелъ и онъ...

— Дальше, дальше! вскричала Наташа, вскочивъ съ поднявшимися дыбомъ волосами.

— Я высказала ему все, все... я больше не боялась его, я знала свою силу... я знала, что мнѣ стоитъ только нажать вотъ такъ пальцемъ, и куда дѣнется вся его гордость, все его презрѣніе во мнѣ, вся его любовь къ вамъ!.. Захочу,—ничего не будетъ!..

Наташа пошатнулась.

— Люди, люди, кто тутъ! закричала Гуля изо всей силы:—Александра Ивановна, Лиза! идите всѣ сюда, слушайте: я убила Льва Николаевича Стебальскаго, я положила его на повалъ вотъ изъ этого револьвера; тамъ у опушки лѣса онъ лежитъ, на днѣ оврага!

На ея крикъ сбѣжался весь домъ: всѣ съ ужасомъ слушали. Она продолжала кричать.

— Везите меня въ Петербургъ, въ судъ. Я хочу всёмъ, всему

міру сказать, что это я убила знаменитаго доктора Стебальскаго, я, я! и никто больше... я одна!

Она сама побѣжала показывать мѣсто кровавой драмы. Сначала надѣялись, что все это—галлюцинація безумной, но слова ея оказались справедливы... Стебальскій палъ жертвою тѣхъ самыхъ тайныхъ силъ, противъ которыхъ онъ выступилъ во всеоружіи науки. Безмысленно, слѣпо порвалась нить его жизни.

Процессъ Гули надѣлалъ много шума. Онъ кончился тѣмъ, что ее отвезли въ домъ умалишенныхъ. Наташа, вызванная въ числѣ свидѣтелей, не явилась, и ее не могли нигдѣ отыскать.

Только нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ знакомый открылъ ея существованіе въ глухомъ мѣстечкѣ на югѣ Россіи, при лазаретѣ, въ качествѣ сестры милосердія.

П. Лѣтневъ.

ЧТО НАМЪ ДѢЛАТЬ СЪ ЕВРЕЙСКИМЪ ВОПРОСОМЪ?

(Окончаніе).

II.

Воздѣйствіе русскихъ законовъ на постановку еврейскаго вопроса въ правѣ и жизни развилось по системѣ строгаго «огражденія» исключительныхъ національныхъ учреждений и обычаевъ евреевъ,—системѣ, формулированной впервые въ законахъ Екатерины II и затѣмъ, съ большими или меньшими колебаніями, поддерживавшейся въ русскомъ законодательствѣ до нашихъ дней. Есть-ли эта система плодъ самостоятельной политики русскаго закона; нужно ли считать ее нашимъ доморожденнымъ продуктомъ, исключительно выросшимъ на мѣстѣ, изъ нѣдръ русской жизни, а не навѣяннымъ и привитымъ извнѣ? Намъ думается, что тутъ русская жизнь не при чемъ; она не повинна въ существующей нынѣ постановкѣ еврейскаго вопроса. Намъ думается, что слѣды указанной системы «огражденія правъ» евреевъ и основанной на ней политики закона легко открыть уже въ началѣ средневѣковой жизни европейскихъ народовъ. Система эта, вѣками слагавшаяся на почвѣ культурныхъ условій средневѣковаго запада, преименно перешла отсюда въ польско-литовское, а затѣмъ и въ русское право. Постановка еврейскаго вопроса въ русскомъ законѣ принадлежитъ, словомъ, къ длинному ряду такихъ историческихъ явленій, которыя развивались у насъ, благодаря слѣпому, не провѣренному строгой критикой, почти суевѣрному поклоненію предъ всѣми результатами (хорошими и дурными) западно-европейской культуры.

Дѣло въ томъ, что въ пору воссоединенія западно-русскихъ областей русское законодательство и администрація застали

здѣсь еврейскія общины, какъ уже прочно сложившіеся и окрѣпшіе общественные организмы, а не какъ *tabula rasa*, которую можно было наполнять какимъ угодно содержаніемъ. Содержаніе это дано было всей предъидущей жизнью польско-литовскихъ евреевъ подъ чуждымъ режимомъ,—оно слагалось и крѣпло въ теченіе чуть-ли не девятивѣковой жизни евреевъ въ польскихъ областяхъ (съ конца IX и до конца XVIII в.). Разросшаяся на этой почвѣ сумма началъ—«*securitates*» правъ евреевъ—привнесена въ русскую жизнь самими евреями изъ польской средне-вѣковой «конституціи»;—русскій законодатель бралъ уже готовымъ то, что давнымъ давно сложилось въ многовѣковомъ быту польско-литовскихъ евреевъ, лишь приспособляя ихъ національныя учрежденія и обычаи къ ближайшимъ, имѣвшимъ въ то время практическое значеніе, цѣлямъ русскаго правительства.

Въ свою очередь, польско-литовскія «привилеи» евреевъ X и послѣдующихъ вѣковъ чуть ли не цѣликомъ унаслѣдовали «огражденія» (*securitates*) правъ евреевъ, переносившіяся въ Польшу и Литву еврейскими выходцами изъ Германіи, Франціи и другихъ странъ средне-вѣковаго запада. Устройство средне-вѣковыхъ еврейскихъ общинъ развилось самостоятельно, съ немалой однако долей институтовъ еврейскаго права, удерживавшихся еще отъ библейскихъ временъ. Здѣсь-то нужно видѣть первобытную родину того замкнутаго строя еврейскихъ общинъ, который, сложившись у евреевъ съ незапамятныхъ временъ и получивъ затѣмъ стройную организацію на почвѣ средне-вѣковыхъ общинныхъ уставовъ Запада, широко развился въ быту евреевъ польскаго народа, санкціонированъ русскими законами съ конца прошлаго вѣка и удерживается до нашихъ дней въ числѣ другихъ печальныхъ наслѣдій отъ сословной «конституціи» старейшей Рѣчи Посполитой.

Въ задачу нашей статьи не входитъ изслѣдованіе историческихъ корней всѣхъ сложныхъ явленій по еврейскому вопросу. Мы ограничимся лишь нѣсколькими словами о центральномъ пунктѣ этого вопроса, именно объ историческихъ первоосновахъ кагалной организаціи евреевъ. Мы увидимъ, между прочимъ, съ какими сложными и глубоко идущими въ исторію институтами приходится имѣть дѣло нашему законодательству

при регулированіи быта евреевъ и ихъ отношеній къ коренному населенію страны.

Замкнутость еврейскаго кагала несомнѣнно составляетъ центральный институтъ, около котораго собственно вертится весь еврейскій вопросъ,—ту «злобу дня», съ которой въ теченіе столѣтій постоянно имѣло дѣло наше законодательство, и къ регулированію которой прежде всего долженъ быть направленъ предпринятый теперь пересмотръ русскихъ законовъ о евреяхъ. Что же создало, поддерживало и питало силу еврейскаго кагала, еврейской замкнутости? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что замкнутость эта не есть созданіе русскаго закона;—по вопросу объ общественной организаціи евреевъ онъ имѣлъ предъ собою уже вполне готовый матеріалъ, выработанный многовѣковой жизнью евреевъ. Нельзя также приписывать созданіе этой организаціи вообще безправному положенію, «изгойству» евреевъ въ средѣ христіанскихъ народностей средневѣковаго запада, хотя и справедливо, что изгойство это дѣйствительно могло поддерживать и питать общинную замкнутость и солидарность евреевъ. Если мы даже и согласимся, что одно лишь кулачное право и изгойство евреевъ вызвали между ними кагалную организацію, то и въ этомъ случаѣ нѣтъ основаній утверждать, что организація эта составляетъ исключительный плодъ средневѣковой исторіи и раньше вовсе не была извѣстна, въ виду соображенія, что евреи стали подвергаться внѣшнему гнету не въ одни средніе вѣка, но гораздо раньше: еще въ библейское время, со стороны древней Персіи, Египта, Рима и пр., еврей терпѣли чуть-ли не такой же гнетъ и насилія, какъ и позже, въ эпохи средневѣковаго феодализма. Значитъ, еще въ библейское время были уже на лицо внѣшнія условія, которыя должны были создавать и затѣмъ поддерживать и питать еврейскую замкнутость. Но замкнутая жизнь общины вызывается не однимъ внѣшнимъ гнетомъ: ее создаютъ прежде всего условія внутренняго быта народа—національная обособленность и солидарность вѣрованій и убѣжденій отдѣльныхъ народныхъ группъ, единство ихъ происхожденія и т. д. Въ существѣ дѣла, еврейскій кагалъ ничѣмъ не отличается отъ такихъ же общинъ, существовавшихъ въ извѣстныхъ историческихъ эпохи и у другихъ народовъ—римлянъ, германцевъ, славянъ и пр. Вся сила лишь

въ томъ, что у евреевъ старая общинная организація удержалась до нашихъ дней въ видѣ «переживанія», своего рода соціальной окаменѣлости, утратившей всякую живую, органическую связь съ современной народной культурой, тогда какъ у другихъ народовъ, подъ вліяніемъ иныхъ соціальныхъ условій, общинныя формы жизни давно уступили мѣсто новымъ политическимъ и соціальнымъ формаціямъ. Вся трудность вопроса и заключается въ томъ, что окаменѣлость эта ложится слишкомъ тяжелымъ пластомъ на весь современный бытъ евреевъ и окружающихъ ихъ народностей, до того вросла въ народный бытъ, что бессильными оказываются все мѣры, какія вездѣ принимались и принимаются въ видахъ уничтоженія этого застарѣлаго «переживанія» древней еврейской культуры. Будь еврейская обособленность обязана своимъ происхожденіемъ лишь внѣшнему гнету, не имѣй она корней во внутреннихъ, культурныхъ условіяхъ жизни самого народа, она должна была бы безслѣдно исчезнуть вмѣстѣ съ прекращеніемъ создаваемаго ее внѣшняго гнета. Евреи Германіи—«полноправные» граждане; они давно избавлены отъ былаго кулачнаго права и гнета со стороны кореннаго населенія. И между тѣмъ событія недавняго времени до наглядности раскрыли тотъ фактъ, что старая рознь и другія основы кагальной организаціи сохранились въ быту полноправныхъ нѣмецкихъ евреевъ чуть-ли не въ такой-же силѣ, какъ и въ русскихъ «неполноправныхъ» еврейскихъ общинахъ.

Дѣло въ томъ, что, отправляясь въ глубь исторіи отъ средневѣковой неурядицы и кагальныхъ уставовъ, будто-бы создавшихъ еврейскую обособленность, какъ полагаютъ еврейскіе патріоты, мы открываемъ строгую генетическую связь между средневѣковымъ кагаломъ и однородными институтами древнихъ евреевъ, доходимъ до первичнаго прототипа еврейской кагальной организаціи, широко разившейся еще въ библейскую эпоху, видоизмѣнявшейся позже подъ разнообразными внутренними и внѣшними условіями еврейскаго быта, и сохранившейся до нашихъ дней. Въ этомъ отношеніи, вся соціальная исторія еврейства представляетъ собой не больше, какъ рядъ историческихъ метаморфозъ въ судьбахъ одного и того же общественнаго института евреевъ—ихъ кагала и общинной замкнутости.

По признанію самихъ еврейскихъ изслѣдователей ¹⁾, кагалъ существуетъ у евреевъ съ незапамятныхъ временъ, и именно, какъ освященный стародавнимъ народнымъ обычаемъ и религіей институтъ ихъ общественной жизни. Еще въ библейское время община существовала у евреевъ подъ разными названіями: *Edah*—семейная группа или община (соотвѣтств. рим. *Qens*, слав. задругъ), *Kahal*—собственно территориальная община, совокупность нѣсколькихъ *Edah* одного корня, внѣшне обособленныхъ и внутри замкнутыхъ;—*k'hillah*—община, обнимающая все еврейство. Послѣ разрушенія храма, община, какъ совокупность всего еврейства, распадается на самостоятельныя мѣстныя общины—кагалы, каждый со своими особыми собраніями (*Zibur*) и другими мѣстными органами. Настаетъ эпоха талмудизма—пора процвѣтанія мѣстной кагалной организаціи еврейскихъ общинъ по Ефрату и Иордану, гдѣ каждая община жила на основаніи «статутарныхъ» опредѣленій и пользовалась самоуправленіемъ и самостоятельной юрисдикціей въ своихъ собраніяхъ законоучителей (раввиновъ) и гражданскихъ правителей общинъ. Въ это-то время собственно завершается организація еврейской общины, именно выясняется основное талмудическое воззрѣніе на нее, какъ на установленіе, вѣчно обязательное для всего еврейства не только въ религиозномъ, но и въ бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ. Соціальная подкладка такого воззрѣнія совершенно понятна: человѣкъ древней культуры, мало знакомый съ идеей свободной человеческой личности, видѣлъ все свое спасеніе въ служеніи интересамъ не индивидуальной, а исключительно коллективной жизни своего рода и своей общины, съ ея организаціей взаимопомощи и строгаго береженія всѣхъ и cadaго изъ своихъ членовъ. Разъ вошедши въ сознаніе народа, подобныя воззрѣнія и начала пріобрѣтали съ теченіемъ времени традиціонное значеніе, поддерживались рядомъ бытовыхъ привычекъ, убѣжденій и вѣрованій, придававшихъ всему народному быту оконченѣлый, строго-консервативный характеръ. Такой именно и сказалась ка-

¹⁾ Кроме Грѣца, Иоста, Кайзерлинга и др., сюда относится въ особенности интересная монографія берлинскаго раввина I. Naschéra: «Die jüdische Gemeinde in Vergangenheit, Gegenwart u. Zukunft». Ber. 1877.

гавальная организація евреевъ: для еврея, какъ для правовѣрнаго послѣдователя тадмуда, не мыслима самостоятельная жизнь внѣ его роднаго гѣзда, за предѣлами его національнаго кагала, — къ нему идутъ всѣ личные его привязанности и интересы; изъ него онъ черпаетъ свою индивидуальную силу и значеніе, въ немъ всегда находятъ для себя могучую поддержку и помощь. Кагалъ всегда являлся религіознымъ и политическимъ центромъ, постоянно поддерживавшимъ въ евреяхъ сознаніе племеннаго ихъ единства и самобытности ¹⁾.

Сдѣлать «вѣчно обязательною» для всего еврейства жизнь въ кагалѣ значило установить прочныя, незыблемыя основы для вѣчнаго же существованія самобытной еврейской культуры. Отсюда понятно само собою, что кагальная община не только не могла исчезнуть у евреевъ, но еще должна была разрастаться и крѣпнуть во всѣ послѣдующіе вѣка, — въ эпоху арабскаго калифатства (когда духовные главы еврейскихъ общинъ — Gaonim'ы раздѣляли управленіе ими съ политическими главами — Exilarch'ами), какъ и позже, когда средоточіе еврейскаго общенія переносится изъ Азіи въ Европу. Здѣсь возникаетъ рядъ блестящихъ общинъ, сперва въ Испаніи ²⁾, затѣмъ въ Германіи и Польшѣ, бывшей до XVII в. главнымъ пунктомъ тяготѣнія всего еврейства ³⁾.

¹⁾ Возврънія эти не составляютъ исключительной національной принадлежности еврейской культуры, но встрѣчаются въ аналогическихъ формахъ и у другихъ восточныхъ народовъ. Обязательность даннаго *modus vivendi* для всего народа была развита, напр., древнимъ монгольскимъ правомъ: каждый монголь, по самому закону, долженъ былъ вести постоянную жизнь хищника — воина и охотника, посвящать себя безпрестанной «войнѣ съ людьми и животными». Старинная же религіозная санкція несомнѣнно лежитъ доселѣ въ основѣ кочевыхъ обычаевъ инородцевъ нашихъ восточныхъ окраинъ, съ ихъ религіознымъ убѣжденіемъ въ томъ, что «они должны потерять свободу», лишь только перейдутъ къ осѣдой жизни, какъ и вообще отвращеніе восточныхъ кочевниковъ къ земледѣльческому труду поддерживается всѣмъ складомъ религіозныхъ (буддійскихъ) обычаевъ. См. D'Ohsson, *Hist. de Mongols I*, 404; Березина: Очеркъ внутр. устр. Джучулуса, 32; Левшина: *Опис. киргизъ — кайс. орды III*, 29; мое сочин. — *Калим. право*, 249, 250.

²⁾ Въ Испаніи, по указаніямъ Нашера, уже въ VIII в. были значительныя по населенію мѣстныя еврейскія общины, напр. въ Толедо, имѣвшія уже въ XII в. свои самостоятельные статуты.

³⁾ См. Nascher „Die jud. Gemeinde“ 8—31.

Общинная жизнь средневѣковаго еврейства строго держалась традиціонныхъ возрѣвій на значеніе кагала и его замкнутой организаціи, какъ «установленій, вѣчно обязательныхъ для всего еврейства въ религіозномъ, бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ». Въ этихъ-то возрѣвіяхъ и нужно видѣть главную бытовую силу, питавшую и поддерживавшую общинную обособленность евреевъ до нашихъ дней. Само собою понятно, что она находила для себя пищу также во всеобщей неурядицѣ стараго времени; но эта неурядица, сама по себѣ, не могла развить кагальной организаціи до такихъ широкихъ размѣровъ, какъ это было на дѣлѣ, еслибы организація эта не имѣла глубокихъ корней въ самомъ быту евреевъ. Средніе вѣка—это пора повальнаго хищничества, броженія и борьбы слагавшихся общественныхъ элементовъ; тогда терпѣли гнетъ и насиліе не одни евреи,—страдали и гибли иногда цѣлые ряды народностей; но ни одна изъ нихъ не замыкалась подобно евреямъ въ свое ghetto, и именно потому, что въ быту этихъ народностей не было на лицо тѣхъ внутреннихъ причинъ, какія у евреевъ поддерживали и поддерживаютъ до нашихъ дней племенную ихъ обособленность. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того, что средневѣковая жизнь вырабатывала, рядомъ съ кулачнымъ правомъ, также и условія, сдерживавшія общественную неурядицу, что не оставалось безъ вліянія на положеніе евреевъ. Такова, между прочимъ, культурная миссія церкви, организовавшей знаменитый институтъ «Treuga Dei» (trève, la paix de Dieu): ¹⁾ періоды затишья, наступавшаго за объявленіемъ «Божьяго мира», давали еврейскимъ общинамъ возможность отдохнуть отъ преслѣдованій, наживать понемногу потерянное въ пору гоненій, образовать свой Treuga Dei, опиравшійся на привилегіи (по преимуществу финансовыя) королей и крѣпкую солидарность еврейскихъ общинъ, замѣнявшую для нихъ защиту, во многихъ случаяхъ враждебнаго для нихъ, общаго закона.

Вотъ цѣлый рядъ условій, на почвѣ которыхъ развились

¹⁾ См. Béchard, „Droit municip. au moyen age“, I, 195; Laurent „Hist. du droit“ d. gens VI, 76; VII, 172.

кагалныя учрежденія евреевъ. Условія эти коренятся не столько во внѣшнемъ «изгойствѣ» еврейской общины, сколько во внутреннемъ бытовомъ строѣ послѣдней;—весь складъ подобныхъ условій отражался и отражается доселѣ на всей общественной жизни евреевъ. Ихъ-то и нужно имѣть въ виду при теперешнемъ пересмотрѣ нашихъ законовъ о евреяхъ, чтобы надлежащимъ образомъ ориентироваться при разрѣшеніи такого сложнаго вопроса, какъ еврейскій. Вся трудность его разрѣшенія въ томъ именно и кроется, что всѣ существенныя основы вопроса глубоко коренятся въ застарѣлой, слагавшейся вѣками, народной культурѣ евреевъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, по вопросу о кагалной организаціи евреевъ: законодателю трудно справиться съ этимъ вопросомъ, именно потому, что главные его основанія заложены были еще въ библейскія времена, освящены стародавнимъ народнымъ обычаемъ и религіей, и подъ вліяніемъ вѣковой практики вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь народа. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что законодатель можетъ, пожалуй, однимъ почеркомъ пера отмѣнить и уничтожить безслѣдно обособленность евреевъ, напр., въ дѣлѣ отправленія податей и общественныхъ повинностей, можетъ совершенно свободно уничтожить всякія спеціально-еврейскія благотворительныя и другія учрежденія, поддерживающія обособленность евреевъ отъ остальнаго населенія,—можетъ наконецъ, путемъ закона, вообще признать евреевъ «равноправными гражданами» безъ всякихъ легальныхъ исключеній и ограниченій. Тѣмъ не менѣе, все это далеко еще не ведетъ къ коренному уничтоженію еврейской обособленности, далеко еще не рѣшаетъ еврейскаго вопроса въ его принципиальныхъ основаніяхъ. Въ жизни останутся нетронутыми таяія бытовыя, въ особенности экономическія явленія еврейской обособленности, которыя, зародившись на почвѣ старой еврейской культуры, доселѣ даютъ себя знать въ крайне ненормальныхъ, эксплуататорскихъ наклонностяхъ и обычаяхъ еврейства, и служатъ несокрушимымъ камнемъ преткновенія въ дѣлѣ умиротворенія и «уравненія» его съ остальнымъ населеніемъ. Достаточно указать на замѣчательныя по своей силѣ и живучести обычай и институты еврейскаго права, связанные съ такъ называемыми «меропіей» и «хознакою», о которыхъ въ послѣднее время встрѣчаемъ столько

толковъ въ нашей литературѣ. Обычаи эти служатъ главными бытовыми основаніями кагалъной организаціи евреевъ; они же являются легальной санкціей и оправданіемъ всѣхъ видовъ и формъ экономической эксплуатаціи христіанскаго населенія еврейскимъ. Сущность упомянутыхъ обычаевъ выражается въ извѣстной талмудической цитатѣ: «имѣніе язычниковъ (не евреевъ) все равно, что пустыня; кто имъ овладѣваетъ, тотъ его пріобрѣтаетъ»,—цитатѣ, открывающей для правовѣрнаго еврея широкое поле для всяческихъ эксплуататорскихъ операцій надъ нееврейскимъ населеніемъ. Въ данномъ положеніи талмуда выражается та мысль, что въ районѣ еврейской осѣдлости лицо и имущество иновѣрца составляютъ собственность мѣстнаго кагала, который, по народному обычаю, и пользуется полномочіемъ продажи отдѣльнымъ евреямъ права на исключительную эксплуатацію личности (право меропіи) или имущества (право хозаки) всякаго не еврея ¹⁾. Конечный результатъ всего этого института—устраненіе всякой конкуренціи между евреями по дѣламъ ихъ съ не-евреями. Знайки талмуда изъ среды «друзей» еврейства не отрицаютъ ни подлинности приведенной выше талмудической цитаты, ни дѣйствительнаго существованія обычаевъ, извѣстныхъ подъ упомянутыми названіями. Друзья еврейства стараются только доказать, что въ талмудѣ дается иное значеніе этимъ институтамъ. Во 1-хъ, въ извѣстной цитатѣ талмуда рѣчь идетъ-де о «безхозайномъ имуществѣ» не-еврея, получившаго за него деньги отъ еврея и этимъ самымъ отказавшагося отъ имущества, которымъ и овладѣваетъ еврей по акту укрѣпленія, выданному кагаломъ. Во 2-хъ, «меропіе» (правильнѣе «мааруѳіо») — клиентелію, торговныя сношенія по буквальному смыслу,—означаетъ способъ рѣшенія спора между евреями, пріобрѣтавшими вещь не-еврея, именно по началу: кто понесъ въ данномъ случаѣ болѣе опредѣленные и реальные расходы и траты, тотъ и пріобрѣтаетъ спорную вещь. Наконецъ, въ 3-хъ, хозака означаетъ собственно право удержанія пользования въ силу давности. Оба толкованія данныхъ институтовъ расходятся въ пониманіи собственно ихъ исходныхъ точекъ и мотивовъ, но не самой сущности дѣла: по

¹⁾ См. «Русь» Аксакова 1881, № 47 и 48.

обоимъ толкованіямъ весь вопросъ, въ концѣ концовъ, сводится все-таки къ одному и тому же результату—къ признанію солидарности между евреями и къ отрицанію конкуренціи между ними въ дѣлахъ съ не-евреями. Мы не имѣемъ основаній не вѣрить указаніямъ знатоковъ талмуда, формулирующихъ второе толкованіе, взятое изъ строго талмудическаго ученія. Но дѣло въ томъ, что толкованіе это говоритъ только, что данные институты нужно такъ-то понимать согласно съ подлинными воззрѣніями талмуда; но этимъ еще не доказано, что такъ понимается дѣло и въ самомъ народномъ обычаѣ, лежащемъ въ основѣ перваго толкованія и очевидно не тождественномъ съ талмудическимъ ученіемъ. Какъ бы то ни было, но для насъ важно собственно выяснить центральный пунктъ вопроса—гдѣ корень этихъ интересныхъ институтовъ, въ особенности, откуда взялось бытовое ихъ значеніе, подлинность котораго ставится внѣ всякаго сомнѣнія множествомъ данныхъ изъ современной жизни нашего еврейства. Нѣтъ сомнѣнія, что въ составѣ данныхъ институтовъ слѣдуетъ различать двѣ стороны: легально-талмудическую и бытовую, изъ коихъ первая имѣетъ видъ, такъ сказать, казовой стороны дѣла, затемненнаго талмудической казуистикой;—вторая же, бытовая—проще, искреннѣе объясняетъ все дѣло. Мы, не задумываясь, утверждаемъ, что всѣ эти мало изслѣдованные институты еврейскаго права слѣдуетъ относить къ любопытнѣйшимъ явленіямъ, входящимъ въ область историко-сравнительнаго права,—принадлежатъ къ «переживаніямъ» такихъ стародавнихъ институтовъ, которые въ извѣстныхъ историческія эпохи могли имѣть мѣсто въ жизни многихъ народовъ. Еврейская хазака и меропіе относятся къ остаткамъ глубокой еврейской старины, имѣютъ свои корни въ древней національной розни, когда идея личности вовсе не была созвана и человѣческое достоинство, измѣрившееся исключительно началомъ физиологическимъ или территоріальнымъ, признавалось только за членомъ «своей» общины или «своего» рода,—когда нечленъ, чужой, иноплеменникъ, принадлежавшій къ другой родовой или территоріальной общественной группѣ, считался врагомъ, существомъ безправнымъ (*hostis* у римлянъ означало безразлично иностранца и врага). На этой-то почвѣ національной розни и враждебности, отрицавшей личность и свободу въ каждомъ иноплеменникѣ (вспомнимъ хоть практиковавшуюся уже въ Моисеево

время теорію разрѣшенія «огнемъ и мечемъ» національныхъ вопросовъ), и могло возникнуть еще въ древнемъ еврейскомъ правѣ ученіе, развитое затѣмъ талмудистами въ извѣстномъ положеніи: «имѣніе не-евреевъ все равно, что пустыня». Кагалъныя права и полномочія, возникавшія изъ этого положенія, имѣютъ вполне аналогическое значеніе, напр., хоть съ древне-римскимъ *jus fisci* въ силу котораго лицо и имущество варвара-иностранца усвоилось фиску, тождественному въ данномъ случаѣ съ еврейскимъ кагаломъ. Изъ *jus fisci* вытекало, по передачѣ или уступкѣ, патронатство отдѣльныхъ гражданъ. Патронатство высказывалось, съ одной стороны, въ опеку, передававшейся данному гражданину надъ личностью иностранца, — съ которымъ можно было входить въ личныя сношенія и сдѣлки только чрезъ посредство его патрона; съ другой стороны, патронатство допускало для иностранца право имущественнаго оборота съ гражданами тоже лишь чрезъ посредство патрона, и никого больше. Нельзя не видѣть глубокой аналогіи и тождественности этихъ институтовъ съ еврейской казакой и меропіе, и потому есть всѣ основанія утверждать, что эти институты могли имѣть первоначально тоже строго-политическое значеніе, какъ и римскій институтъ патронатства, — но что затѣмъ позднѣйшая талмудическая казуистика превратила старое политическое патронатство въ практикующуюся донинѣ у русскихъ евреевъ орудіе стачекъ и эксплуатаціи всего, что не входитъ въ составъ еврейской общины. Какъ бы то ни было, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что изложенныя начала и основанія кагалной организаціи евреевъ не выдуманы «врагами» еврейства, но констатированы на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ народной жизни. Достоверность такихъ фактовъ подтверждается, между прочимъ, и аналогическими явленіями въ жизни нѣмецкихъ евреевъ. У нихъ еще въ прошломъ столѣтіи господствовали совершенно такія же отношенія и порядки въ организаціи еврейскихъ общинъ, какіе доселѣ удерживаются у евреевъ польскихъ и русскихъ ¹⁾).

Понятно само собою, насколько всѣ эти и другія, выросшія на однородной почвѣ, явленія еврейскаго быта идутъ въ рѣшительный разрѣзъ со всѣмъ складомъ и направлениемъ современ-

¹⁾ См. R. Andree, «Zur Volkskunde der Juden», 1881, стр. 135—140.

ной общественной культуры. Все это объясняетъ чрезвычайную трудность въ опредѣленіи нормальной политики по еврейскому вопросу и господство самыхъ разнообразныхъ приѣмовъ и способовъ, имѣвшихъ мѣсто при законодательныхъ попыткахъ такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ. Мы уже видѣли, что регламентарные приемы опекуства и контроля съ самыми разнообразными законодательными мотивами, приемы, составляющіе характерную черту русскихъ законовъ о евреяхъ, не привели къ желательнымъ результатамъ. Напротивъ, самъ законъ, подъ вліяніемъ односторонней политики по еврейскому вопросу, поддерживаетъ доселѣ массу ненормальныхъ явленій въ быту евреевъ и этимъ самымъ парализуетъ всѣ благія начинанія законодателя. Въ этомъ обстоятельствѣ сказалось все безсиліе и несостоятельность искусственныхъ мѣръ замиренія бытовой «злобы»: какъ справедливо замѣчено, «искусственно пересоздать народный характеръ, сложившійся вѣками, невозможно или, по крайней мѣрѣ, не такъ легко» ¹⁾. Если-жъ это такъ, то не лучше-ли по данному вопросу совершенно оставить въ сторонѣ всякія заботы о законодательныхъ улучшенияхъ и ограниченіяхъ и предоставить это дѣло самой жизни, держась политики абсолютнаго невмѣшательства (*laissez faire, laissez passer*), въ концѣ концовъ приводящей къ такъ желанной друзьями еврейства системѣ юридическаго и инаго «уравненія», его со всѣмъ остальнымъ населеніемъ? Отвѣтимъ сначала указаніемъ на аналогическія явленія въ жизни другихъ народовъ. Кто рѣшится утверждать, что путемъ законодательныхъ мѣръ «уравненія въ правахъ» степной киргизъ сразу оставитъ свою хищническую культуру, перестанетъ съ отвращеніемъ относиться къ мирному труду земледѣльца и свободно усвоитъ цивилизацію осѣдлаго люда? Для хищника понятно и желательно лишь одно уравненіе въ правахъ—право на свободное и безграничное хищничество,—въ этомъ, и только въ этомъ одномъ, и заключается для него весь смыслъ теоріи невмѣшательства. Для него совершенно недоступно и непонятно то, отрѣшенное отъ условій времени и мѣста, ученіе о «правахъ человѣка», которое лежитъ въ основѣ упомянутой теоріи. То же нужно сказать и въ данномъ

¹⁾ Оршанскаго «Рус. зак. о евреяхъ», 325.

случаѣ: для еврея, взрослошаго въ сложившейся вѣками общественной обстановкѣ еврейства, обязаннаго строго исполнять талмудическое ученіе о разныхъ «казакахъ» и «меропіяхъ» и пр., теорія невмѣшательства и уравненія въ правахъ будетъ значить не больше, какъ право на нестѣсняемую ни гнѣмъ и ничѣмъ эксплуатацию и господство надъ фактически зависимымъ отъ него крестьянскимъ людомъ. Сказать-ли, что съ примѣненіемъ къ еврейскому вопросу всѣхъ требованій, логически вытекающихъ изъ политики невмѣшательства, исчезнетъ, если не моментально, то органически, постепенно, та «злоба дня», та вражда и обособленность племенъ и поколѣній, которая тянется цѣлые вѣка и доселѣ не утратила своей прежней энергіи и живучести? И затѣмъ далѣе: можно-ли довѣрять универсальной силѣ политики невмѣшательства, если явленія самой жизни неопровержимо доказываютъ, что, при данныхъ, конкретныхъ условіяхъ соціального и экономическаго быта народа, осуществить всѣ требованія политики невмѣшательства—значило бы просто раскрыть широкій, абсолютный просторъ не для умиротворенія, но прямо для открытой борьбы на жизнь и смерть между враждебными и замкнутыми въ себѣ элементами жизни? Не справедливѣе-ли будетъ сказать, что соображенія общественнаго интереса — этой коренной основы всякаго правоваго порядка, съ его идеей охраны мирнаго общенія, а не возбужденія розни общественныхъ элементовъ, предоставленныхъ собственнымъ силамъ въ борьбѣ за существованіе,—строго предписываютъ закону активную дѣятельность, особенно же тамъ, гдѣ въ виду борьбы сильной, по своей организаціи, части населенія съ безформенной и неорганизованной народной массой, требуется неотложная защита и «воздѣйствіе» внѣшней силы закона, чтобы, если не съ корнемъ уничтожить, то, крайней мѣрѣ, ослабить реальные причины, создающія часто неодолимыя препятствія къ мирному развитію народной жизни, и этимъ дать толчекъ разработкѣ въ общественномъ организмѣ жизненнаго процесса «пересозданія народнаго духа».

Говорить и настаивать на политикѣ невмѣшательства, или, что одно и то же, требовать установленія полнаго и безусловнаго «равноправія» для всей еврейской массы съ отгнѣной всяческихъ ограни-

ченій, существующихъ нынѣ по еврейскому вопросу, значить, по нашему разумѣнію, завѣдомо закрывать глаза предъ фактами дѣйствительной жизни. Послѣдняя яркими данными неопровержимо доказываетъ, что если въ статьяхъ закона еврей является «неравноправнымъ» гражданиномъ своей страны, то на дѣлѣ, въ самой жизни, замѣчается нѣчто иное: «неравноправный» по закону еврей, всегда и вездѣ опирающійся на организованную силу и мощь своей общины, является «властнымъ господиномъ», нерѣдко заправляетъ всей судьбой приниженной и недисциплинированной массы крестьянскаго населенія. Тутъ рѣчь можетъ и должна идти собственно не объ уравненіи евреевъ съ остальнымъ населеніемъ, но о поднятїи послѣдняго на тотъ культурный уровень, на какомъ стоитъ любой членъ еврейской общины, — о предоставленіи русскому крестьянину возможности организовать для себя такую же мощную общественную силу, какою издавна располагаетъ въ своемъ кагалѣ каждый еврей. И далѣе: какъ извѣстно, необходимость отмѣны извѣстной черты еврейской осѣдлости защитники евреевъ, между прочимъ, мотивируютъ тѣмъ, что въ жизнь русскаго народа внесется промышленный еврейскій элементъ, явятся капиталы, предприимчивость, конкуренція. Еврейское соперничество ослабитъ-де въ корнѣ вліяніе мѣстнаго русскаго кулачества и монополіи. Повѣримъ всему, что говорятъ о русскомъ людѣ, у котораго будто бы сидитъ кулакъ на кулакѣ и кулакомъ погоняетъ, — «честному человѣку нельзя удержаться въ этой сферѣ» и т. п. Но нужно вѣрить и отзывающъ компетентныхъ знатоковъ еврейства, хоть отзывающъ покойнаго Оршанскаго, констатировавшаго наследственныя черты еврейства — «умѣнье извлекать изъ всего пользу», изворотливость, предприимчивость, смышленность и т. п. («Рус. зак. о евр». 239).

Оставимъ другія напраслины о еврейской эксплуатаціи. Еврей ищетъ вездѣ пользы, т. е. что это значить? — не стремится ли онъ къ тому же самому, что и русскій кулакъ — монополистъ, всегда ищущій только «своей» пользы? Но здѣсь, въ направленіи и обстановкѣ дѣятельности обоихъ, есть большая разница: Русскій кулакъ всегда дѣйствуетъ въ одиночку, не знаетъ никакой солидарности съ другими, подобными себѣ, кулаками; ловкій же и изворотливый промышленникъ - еврей боится одиноче-

ства, всегда и вездѣ дѣйствуетъ en masse, окруженный и поддерживаемый крѣпкой организаціей своей общины съ ея стачками и пр. Думаемъ, что пустить предприимчиваго организатора-еврея въ конкуренцію съ русскимъ кулакомъ значило бы пустить въ одну берлогу двухъ медвѣдей,—значило бы къ одному народному злу, русскому кулачеству, привить искусственно новое, далеко горшее зло, возведенное на степень высокаго искусства, науки. У насъ большинство инородцевъ недаромъ выдѣляется въ свои «гетто»: выпустить внутрь Россіи киргиза или калмыка со всей кочевой и хищнической обстановкой ихъ жизни,—можно только подъ условіемъ коренной перемѣны всей ихъ, вѣками слагавшейся, застарѣлой культуры, а такая перемѣна не во власти одного поколѣнія, а тѣмъ менѣе законодателя. То же самое нужно сказать и о южномъ хищномъ горцѣ, то же — и о евреяхъ: пусть оставятъ своеобразную національную культуру, идущую въ разрѣзъ и враждебную съ бытомъ тѣхъ народностей, въ «равноправные» сосѣди къ которымъ желаютъ ихъ допустить; но это вѣдь дѣлается не въ день и годъ, а цѣлыми вѣками...

Вотъ тѣ основанія, въ виду которыхъ мы не вѣримъ ни въ универсально-умиротворяющую силу политики невмѣшательства, ведущей въ жизни къ господству кулачнаго права и эксплуатаціи всѣхъ формъ и видовъ, ни въ творчески—зидительную силу политики искусственной регламентаціи, не берущей во вниманіе реальныхъ условій дѣйствительной жизни и потому вызывающей въ ней рядъ болѣзненныхъ, ненормальныхъ явленій. Но мы знаемъ и глубоко вѣримъ въ охранительную силу закона, — силу въ воздѣйствіи правоваго порядка на народную жизнь, въ единственно-правомѣрныхъ видахъ поддержанія и охраненія общественнаго интереса, безъ различія лицъ, званій и состояній, религіи и народа. Съ этой точки зрѣнія нетрудно понять культурную задачу государственнаго закона въ отношеніи къ такому явленію, какъ еврейскій вопросъ въ правѣхъ и жизни. Законодательная задача по этому вопросу ясна до полной очевидности: не искусственными мѣрами пересозидать сразу то, что созидалось вѣками, но, предоставивъ «пересозиданіе» единственному фактору, компетентному въ дѣлѣ всяческаго созиданія и творчества—самой жизни,—стремиться, при воздѣйствіи охранительной силы закона, къ устраниенію и уничтоженію

всяческихъ препятствій къ мирному развитію народной жизни, безъ ущерба для общественныхъ интересовъ,— вотъ коренныя основы законодательной политики по такимъ вопросамъ, какъ вопросъ еврейскій. Основы эти вытекаютъ изъ правовой идеи охраненія общественнаго интереса: они должны быть, поэтому, руководящими и при разрѣшеніи еврейскаго вопроса въ Россіи.

Но охранительная сила закона — сила чисто отрицательная; ограничивая все дѣло однимъ воздѣйствіемъ этой силы, мы далеки еще отъ радикальнаго рѣшенія вопроса. Такимъ образомъ, снимая, наприм., легальную окраску съ еврейской общественной обособленности, мы еще не уничтожаемъ ея въ корнѣ, а только предоставляемъ ее своимъ собственнымъ силамъ. Въ жизни она, какъ и всякая другая инертная, стихійная сила, по всей вѣроятности, и при указанномъ рѣшеніи вопроса, еще долго будетъ держаться старыхъ своихъ кагальныхъ устоевъ, такъ или иначе вліяя на жизнь, какъ самихъ евреевъ, такъ и остальнаго населенія. Въ этомъ случаѣ радикальное рѣшеніе еврейскаго вопроса во всей его широтѣ и полнотѣ—рѣшеніе сразу, одной принудительной силой государственнаго закона, вовсе не входитъ въ задачу послѣдняго и по существу не мыслимо, на томъ же самомъ основаніи, какъ и не мыслимо предписаніемъ закона прекратить дѣйствіе стихійныхъ явленій физической природы. Еврейскій вопросъ—прежде всего и по преимуществу вопросъ культурный, вопросъ стихійный, съ которымъ долго придется имѣть дѣло человечеству; слагавшійся вѣками, онъ и можетъ быть, по словамъ одного изъ радикальнѣйшихъ мыслителей нашего времени — Дюринга, — разрѣшенъ въ корнѣ лишь усиліями и культурными средствами не одного, а многихъ вѣковъ (E. Dühring, «Die Judenfrage als Rassen» 1881, стр. 156). Тутъ не поможетъ ни односторонняя политика репрессалій и ограниченій, ни система отвлеченныхъ, стоящихъ внѣ условій времени и мѣста, либеральныхъ принциповъ политики невмѣшательства и юридическаго равноправія. Репрессивная система, не мотивированная строго провѣреннымъ и ясно сознаннымъ общественнымъ интересомъ, всегда служила и будетъ служить первымъ и главнымъ цементомъ сплоченности и отчужденности евреевъ отъ остальнаго міра. Въ свою очередь, и политика невмѣшатель-

ства, болѣе или менѣе осуществленная въ законодательствахъ западно-европейскихъ народовъ, если и сгладила старыя рѣзкія черты въ постановкѣ еврейскаго вопроса, то, главнымъ образомъ, благодаря не столько отвлеченнымъ принципамъ этой политики, сколько содѣйствию и вліянію высокой общественной культуры запада; но тѣмъ не менѣе, и здѣсь мало подвинулось впередъ радикальное разрѣшеніе еврейскаго вопроса. На западѣ «равноправный» еврей далеко не оставилъ вошедшихъ въ его плоть и кровь обычаевъ и воззрѣній, унаслѣдованныхъ отъ замкнутаго, кагалнаго быта старой еврейской общины. Въ современной Германіи, какъ замѣчено, существуетъ чуть-ли не такой же разладъ по еврейскому вопросу, какъ и у насъ, съ давнихъ поръ и до нашего времени. И съ другой стороны, есть цѣлый рядъ глубокихъ мыслителей и историковъ (Трейчке, Дюрингъ и др.), принадлежащихъ вообще къ либеральному лагерю, но по еврейскому вопросу не безъ основанія предпочитающихъ слѣдовать строго консервативнымъ воззрѣніямъ, — видящихъ въ «Judenselbstsucht», «Verjudung» и «Juden herrschaft» — основные расовыя черты еврейскаго племени, грозящія опасностію всѣмъ современнымъ народамъ. Мысль эта проходитъ, напр., чрезъ все сочиненіе Дюринга — «Die Judenfrage» (см. заключительные выводы — стр. 156). Воззрѣніе на извѣстныя непривлекательныя черты евреевъ (напр. особенное умѣнье извлекать изъ всего «пользу» и, слѣдовательно, дѣлать себя необходимыми, незамѣнимыми, — вообще извѣстный итогъ смысленности, особенная ловкость въ занятіяхъ и пр.), какъ на расовое ихъ наслѣдіе, развившееся подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій ихъ быта и переходящее затѣмъ неизмѣнно отъ поколѣнія къ поколѣнію «по законамъ наслѣдственности физическихъ и духовныхъ качествъ», такое воззрѣніе не чуждо и еврейскимъ мыслителямъ, взглядывающимся объективно, безъ предвзятыхъ воззрѣній, въ судьбы и характеръ своего племени. (См. напр. Оршанскаго «Рус. законод. о евреяхъ», 239).

Понятно, что съ такими наслѣдственно - усвоенными, вошедшими въ плоть и кровь, непривлекательными свойствами и особенностями сплоченнаго еврейскаго племени не можетъ ничего подѣлать одна охранительная сила и авторитетъ государственнаго закона. Тутъ необходимы иныя силы и двигатели человѣче-

свой цивилизаціи. Кромѣ закона, съ его охранительной функціей въ общественномъ интересѣ, необходимы положительныя культурныя воздѣйствія на народную жизнь. Въ народной массѣ еврейской и христіанской, выносящей на своихъ плечахъ всю тяжесть еврейскаго вопроса, необходимо вызвать умиротворяющія культурныя силы путемъ развитія и поднятія на высокій уровеньъ общаго народнаго образованія. Однодѣльнъ человѣческое образованіе, доступное для всѣхъ и каждаго, безъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ различій, можетъ не только дать нашему простолудину средства и возможность подняться и стать на одинъ культурный уровеньъ съ организованной еврейской средой, но и вызвать въ послѣдней возможность мирныхъ, солидарныхъ отношеній къ коренному населенію, безъ замкнутости и отчужденности, этихъ печальныхъ наслѣдій отъ всей прошлой исторіи еврейскаго племени. Въ эту-то по преимуществу сторону, на дѣло широкаго развитія общаго образованія въ темной народной массѣ, должны быть направлены всѣ усилія нашего общества и правительства, если они желаютъ успѣшно бороться съ еврейскимъ вопросомъ, какъ и вообще съ рядомъ другихъ бытовыхъ явленій, составляющихъ теперь нашу внутреннюю «злобу дня». Общее образованіе, надлежаще привитое къ массѣ еврейскаго и христіанскаго населенія, рано или поздно смягчитъ и сгладитъ въ ней все то, что въ настоящее время тормозитъ нормальное разрѣшеніе еврейскаго вопроса.

Ө. Леонтовичъ.

ПОЛИТИКА МОСКВЫ И РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ.

(ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА)

(*Окончаніе*).

VIII.

Какъ орудіе политическаго объединенія, православіе въ московскій періодъ примѣнялось къ татарамъ, сдѣлавшимся подвластными государямъ московскимъ. Впрочемъ, говоря точнѣе, политическое значеніе православія не было вполне сознано, и обращеніе въ него магометанъ было собственно послѣдствіемъ благочестивой ревности царей Ивана Грознаго и въ особенности Алексѣя Михайловича. Этотъ послѣдній приказалъ тѣхъ татарскихъ мурзъ, которые примутъ православіе, писать князьями, а простыхъ татаръ, которые сдѣлаютъ тоже, зачислять въ дворяне. При этомъ, имъ жаловались помѣстья и вотчины, съ закрѣпощенными коренными русскими крестьянами. Такимъ образомъ, въ московскую пору татары брали верхъ надъ представителями русской народности. Такая политика имѣла большое вліяніе на составъ первенствующаго у насъ сословія, среди котораго весьма значительное число какъ дворянскихъ, такъ и княжескихъ родовъ оказывается татарскаго происхожденія. Строгія мѣры по обращенію въ православіе были предприняты только противъ мордвы. Въ 1681 году приказано было объявить отъ имени государя, чтобы мордва, «поискавъ благочестивой христіанской вѣры греческаго закона, крестилась вся, а буде она креститься не похотитъ, то ей сказать, что она будетъ отдана въ помѣстья и вотчины некрещенымъ татарамъ». Впрочемъ, мордва не могла считать исполненіе такой угрозы исключительною противъ себя мѣрою, такъ какъ и православныхъ

русскихъ людей Москва отдавала помѣщикамъ и вотчинникамъ изъ некрещенныхъ татаръ. Въ этомъ случаѣ было только уравниеніе инородческой народности съ господствующею, что, впрочемъ, было въ духъ московской политики, предпочитавшей государственность народности.

Татары имѣли въ Москвѣ большое значеніе. Оно доходило до того, что во дни избавленія Москвы отъ поляковъ, татары въ этомъ приснопамятномъ подвигѣ участвовали на одинаковыхъ правахъ съ русскими людьми. Они, наряду съ ними, засѣдали въ земской думѣ и постановляли приговоры отъ имени Русской Земли. Во второй половинѣ XVII вѣка многіе недавно выкрещенные татарскіе роды стояли не только въ средѣ русскаго боярства, но даже и выше многихъ коренныхъ боярскихъ родовъ, какъ, напримѣръ, князя Черкасскіе и князя Урусовы. Некрещенные татарскіе царевичи и князя предводительствовали московскими полками, а при Иванѣ IV крещенный татаринъ, бывший казанскій царь Эдигеръ, Симеонъ Бекбулатовичъ, былъ даже торжественно вѣнчанъ царемъ московскимъ и всея Руси, а потомъ носилъ титулъ царя Тверскаго. Романовскіе татары, поселенные на исконной русской землѣ, составляли какъ бы отдѣльное княженіе и были болѣе обособлены отъ Руси, нежели нынѣшнія остзейскія губерніи. Такое же странное явленіе, несогласное съ преобладаніемъ русской народности, представлялось и въ другой мѣстности: Городецъ, гдѣ скончался великій князь Александръ Невскій, былъ названъ татарскимъ именемъ—Касимовъ—и обращенъ въ обособленное отъ Москвы царство татарское. Затѣмъ, если настоящіе наши народники такъ вопіютъ противъ положенія нѣмцевъ на Русь, то народники той поры, когда мы оставались еще у себя «дома», не съ меньшимъ основаніемъ, сообразно тогдашнему политическому и гражданскому развитію московскаго государства, могли вопіять противъ того положенія, какое занимали въ Москвѣ татары. Впрочемъ, въ ту пору не одни татары, но и нѣмцы брали верхъ надъ представителями русской народности. Такъ, въ 1601 году, вслѣдствіе событій въ Лифляндіи, неблагоприятныхъ для тамошняго дворянства, пріѣхало въ Москву много представителей этого сословія. Заѣзжіе къ намъ нѣмцы были раздѣлены на три статьи, и имъ, сверхъ денежнаго жалованья, даны были помѣстья: нѣм-

памъ первой статьи со 100 крестьянами, нѣмцамъ второй—съ 75, и нѣмцами третьей—съ 50. Даже «дворянскіе слуги» получили каждыи помѣстье съ 20-ю крестьянами. Въ виду этого думается, что, пожалуй, и Петербургъ могъ бы поучиться у Москвы, какъ благоустроить нѣмцевъ на счетъ порабощенія русскаго народа...

Государство московское сложилось изъ государевыхъ «отчинъ» и «дѣдинъ», въ силу династической, но не «народной» связи, а потому и не могло быть вопроса о народности той или другой области. Царства татарскія: Казанское, Астраханское и Сибирское, земля мордовская и земля черемисская были точно такъ же крѣпки Москвы, какъ всѣ древнія русскія княжества. Способы внутренняго управленія во всѣхъ мѣстностяхъ государства ничѣмъ ни разнились къ концу XVII столѣтія. Всюду были поставлены намѣстники и воеводы съ одинаковыми правами суда и расправы.

IX.

Народнаго образованія съ какимъ-либо политическимъ направлениемъ на Руси прежде вовсе не существовало. Впрочемъ, вопросъ объ этомъ не выдвигался еще впередъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ ту пору, о которой идетъ у насъ рѣчь, представителями религіозно-политическаго образованія на западѣ Европы могли считаться іезуиты, подготовлявшіе въ своихъ училищахъ юношество на началахъ своего братства. Въ Москвѣ же, до учрежденія славяно-греко-латинской академіи, не было никакихъ учебныхъ заведеній. Что же касается упомянутой академіи, то уставъ ея гласилъ, что государь хочетъ устроить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ «крамы» чиномъ академіи. Академія эта не представляла по отношенію къ Руси ничего самобытнаго, ничего народнаго, но учредилась подъ вліяніемъ западно-европейскаго просвѣщенія. Въ ней предполагалось преподавать не только духовныя, но и «гражданскія» науки, начиная отъ грамматики, пѣтики, риторики, діалектики и философіи разумительной, естественной и нравной до богословія включительно. «Притомъ же и ученію правосудія духовна-

го и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлостно академіи, сирѣчь училищъ составляется».

Всѣ эти науки на Руси еще не были разрабатываемы и даже изучаемы. Поэтому, русскіе, пребывая еще у себя «дома», должны были подчиниться умственному вліянію Запада и учрежденіе въ Москвѣ упомянутой академіи было завѣтомъ такого направленія и въ будущемъ. При учрежденіи академіи, въ Москву вносился первый свѣточъ западнаго образованія, рѣзавшій глаза русскимъ людямъ, жившимъ въ стародавнихъ потемнахъ и искавшимъ всю мудрость только въ священномъ писаніи и въ праотеческихъ завѣтахъ. Учрежденіемъ академіи ставилась весьма существенная преграда развитію московской «интеллигенціи» на самобытныхъ русско-народныхъ началахъ и признавалось необходимымъ пособничество Европы для нашего умственнаго роста. Здѣсь была своего рода измѣна народнымъ началамъ.

Вслѣдствіе заноса въ Москву западнаго просвѣщенія, русская народность мало-по-малу должна была непремѣнно поступиться передъ нимъ своимъ безусловнымъ и исключительнымъ преобладаніемъ. Независимо отъ этого, Москва стала измѣнять родной народности и другимъ еще путемъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія, въ домахъ многихъ московскихъ бояръ наставниками ихъ дѣтей были не коренные русскіе «мастера», но выходцы изъ Западной Руси, усвоившіе себѣ подъ господствомъ Польши чуждыя русскому народу понятія и такіе же обычаи.

Въ другой чрезвычайно важной отрасли политическаго благоустройства—въ ратномъ дѣлѣ—также чувствовалась потребность подражанія иноземнымъ порядкамъ. Еще Иванъ IV хотѣлъ добыть изъ Швеціи конный отрядъ въ 200 человекъ, «обученный нѣмецкимъ обычаемъ». Въ 1681 году князь Василій Васильевичъ Голицынъ съ выборными изъ разныхъ чиновъ служилыми людьми разсуждалъ о необходимости разныхъ преобразованій. Разсужденія эти производились въ виду того, что великому государю вѣдомо учинилось, что «въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми людьми, непріатели показали новые вымыслы; для этихъ нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно было сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе и чтобъ прежде быв-

шее устройство, которое оказалось на боях не прибыльно, перемѣнить на лучшее».

Извѣстно, что всюду войско служить въ значительной степени выразителемъ «національнаго» или, наоборотъ, чуждаго на правленія, усвоиваемаго правительствомъ. Самая виѣшность войска носитъ на себѣ отпечатокъ или мѣстной народности, или позаимствованій у иноземцевъ. Старинная московская рать, по своей одеждѣ, вооруженію, строю и боевымъ приѣмамъ, указывала на позаимствования у татаръ. При предположенномъ же преобразованіи, на нее долженъ былъ лечь, въ большей или меньшей степени, отпечатокъ тогдашняго европейскаго войска. Такому преобразованію содѣйствовали еще и прежде служившіе въ Москвѣ иностранцы, и уже въ первой половинѣ XVII столѣтія въ московскомъ войскѣ появляются западно-европейскіе чины: генералы, ротмистры, капитаны, а также рейтары и драгуны, взамѣнъ прежнихъ русскихъ чиновъ и служилыхъ людей. Представители западнаго военнаго искусства появились еще около ставокъ царей московскихъ и были собственно родоначальниками тѣхъ «нѣмецкихъ дудренныхъ дружинъ», въ которыя потомъ обратилось и все наше православное воинство.

Въ московскую пору нашей исторіи, «нарядомъ», т. е. артиллерію, а также и инженерною частью завѣдывали иностранцы. Замѣчательно, что въ крайнихъ случаяхъ московское правительство полагалось болѣе на военно-служилыхъ нѣмцевъ, нежели на русскихъ ратныхъ людей. Такъ, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ произошло въ Москвѣ народное возстаніе, то для защиты «царскаго дворца» отъ бушевавшихъ москвичей двинулся отрядъ нѣмцевъ, который и проходилъ по Москвѣ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами. Разумѣется, что совѣтчики возвращенія «домой» умалчиваютъ о такомъ поразительномъ явленіи, такъ какъ упоминаніе объ этомъ разстроило бы всѣ ихъ умилительные напѣвы.

Другая еще болѣе важная отрасль внутренней политики— законодательство московскаго періода — не можетъ похвалиться ни своимъ народнымъ происхожденіемъ, ни своею примѣнностью къ духу и понятіямъ русскаго народа. Главный его памятникъ — «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича, не составленное на земскомъ соборѣ, а только «читанное» тамъ для все-

общаго свѣдѣнія, было выработано при участіи вызванныхъ нарочно для того изъ Польши законовѣдовъ, усвоившихъ себѣ начала римскаго права. Вслѣдствіе этого, въ законодательный нашъ языкъ XVII вѣка вошли польскія слова, а также и обороты, несвойственные тогдашней русской рѣчи. Притомъ и самое существо важнѣйшихъ узаконеній, внесенныхъ въ «Уложение», было заимствовано изъ-чужа—изъ указовъ «греческихъ» царей; попали въ «Уложение» и толкованія западныхъ легистовъ, а также и татарскіе обычаи. Отчужденность московскаго законодательства отъ народно-русскихъ понятій и нравовъ доказывается, между прочимъ, и тѣмъ репотоми, какой возбудило «Уложение» среди сторонниковъ русской старины, поплатившихся за это ссылкой въ Соловецкій монастырь. Они смотрѣли на «Уложение», какъ на вредное новшество, какъ на отступничество отъ протеческихъ обычаевъ, и это указываетъ, что наше законодательство еще въ Москвѣ уклонилось отъ русскихъ народныхъ началъ.

Финансовая политика Москвы не отличалась также народностью, въ смыслѣ вниманія правительства къ платежнымъ силамъ народа и въ способахъ взиманія сборовъ въ казну. Такъ, на земскомъ соборѣ 1642 года слышались жалобы на оскуденіе и бѣдность; представители южныхъ городовъ заявили, что они разорены въ конецъ «московскою волокиною». Черныхъ сотенъ и слободъ «всѣ тяжлыя людишки» жаловались на тяжелое разореніе «отъ пятинныхъ денегъ, подводъ и великихъ податей». Всѣ главныя потребности престолярнаго хозяйства и быта,—какъ напримѣръ, деготь, уголь, рогожи, шлеи, хомуты, проруби, бани,—были на откупѣ у московскаго правительства. Ему же принадлежало исключительное право торговли юфтью, льномъ, пенькою и саломъ. Оно располагало народнымъ трудомъ по своему усмотрѣнію. Такъ, въ 1630 году оно требовало высылки на казенныя работы всѣхъ каменщиковъ, кирпичниковъ и гончаровъ. Въ 1658 году были потребованы въ Москву по два изъ десяти портныхъ и скорняковъ. Указы эти сопровождались угрозами, что если требуемые рабочіе не явятся, то женъ ихъ «метать» въ тюрьму. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобъ мѣдная монета обращалась въ народѣ по цѣнѣ равной съ серебряной. Что же касается сборовъ и податей, то они производились съ крайнею жестокостью. «Я

правиль твои, государь, доходы нещадно: побивалъ на смерть» — доносилъ въ 1618 году воевода Образцовъ, собиравшій подати на Бѣлоозерѣ. Вдобавокъ ко всему этому, царскій дворъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тратилъ обыкновенно болѣе половины всѣхъ государственныхъ доходовъ на свои потребности, а въ тѣ годы, когда въ царской семьѣ совершались какія нибудь особенныя событія, на торжественную ихъ обстановку или на празднества, расходовался весь годовой государственный доходъ. Внѣшніе займы не были чужды государству московскому. Цари занимали деньги гдѣ только могли — старались занять ихъ въ Англіи и Голландіи, а царь Михаилъ Ѳедоровичъ выпросилъ займы даже у персидскаго шаха 7,000 рублей.

Развращать народъ пьянствомъ, ради выгодъ казны, начали еще въ Москвѣ. Еще тамъ кабачнымъ цѣловальникамъ данъ былъ наказъ дѣйствовать «безстрашно», за прибыль ожидать государевой милости, «никакого опасенія себѣ не держать» и главное «питуховъ не отгонять».

Любопытно было бы знать, какъ бы наши народники, кричащіе о возвращеніи «домой», въ случаѣ исполненія ихъ вождѣнія, повели финансовую часть — одну изъ важнѣйшихъ отраслей внутренней государственной политики. Что взяли бы они за образецъ, старые ли московскіе, или новѣйшіе порядки на европейскій ладъ? Съ одной стороны, приняться за финансовое хозяйство въ духъ московской «домашней» управы, конечно, невозможно. Съ другой стороны, преслѣдуя такъ яростно все западное — едва ли они рѣшились бы осквернять себя «финансовыми операціями», придуманными на Западѣ, да еще по жидовскому почину...

Х.

Если всѣ намѣченные нами черты внутренней политики московскаго періода указываютъ на отчужденность ея отъ русской народной жизни, то всѣ онѣ какъ бы окончательно покрываются однимъ общимъ, особенно-важнымъ явленіемъ — превращеніемъ великихъ князей новгородскихъ, владимірскихъ, суздальскихъ и т. д. въ царей московскихъ и всея Руси. Въ этомъ титулѣ, принятомъ представителями верховной единодержавной власти

въ Землѣ Русской, лежитъ весьма важная политическая мысль, занесенная къ намъ извнѣ, но не развившаяся самостоятельно въ понятіяхъ русскаго народа.

Объединеніе Русской Земли, высокое положеніе главы ея, усиленіе личной власти государей московскихъ и распространеніе ихъ владѣній за чертой древней Руси потребовали, съ политической точки зрѣнія, замѣны великокняжескаго титула другимъ, болѣе громкимъ титуломъ, въ которомъ отражались бы всѣ эти перемѣны. Великокняжескій санъ все болѣе и болѣе терялъ свое прежнее обаяніе,—всѣ, не только удѣльныя, но и великія княженія принизились передъ Москвою, и въ этомъ приниженіи весьма наглядно обнаружилась ничтожность великокняжескаго титула, не поддерживаемаго надежною силою. Притомъ, и самое названіе «князь» получило иное значеніе. Названіе это не указывало исключительно на происхожденіе кого-либо отъ владѣтелей прежней Руси, такъ какъ князьями стали называться въ Москвѣ татарскіе мурзы. Дошло до того, что при Алексѣѣ Михайловичѣ названіе кого либо просто княземъ стало считаться безчестіемъ.

Усилившейся окончательно Москвѣ нужно было отрѣшиться скодь возможно болѣе отъ старинныхъ преданій и понятій о великокняжеской власти и прискаты что-нибудь другое для означенія, въ лицѣ государя, новыхъ порядковъ, и великіе князья московскіе нашли нѣчто такое, что хотя и было, по слуху, издавна знакомо русскому народу, но не сроднилось еще съ его понятіями и преданіями. Они замѣнили или, вѣрнѣе сказать, дополнили древній великокняжескій титулъ титуломъ «царя». Во время господства татаръ, этимъ названіемъ величали ордынскихъ хановъ и, конечно, къ этому названію не могло клониться сочувствіе русскаго народа, на который оно вѣяло страхомъ. Сохранившіяся донныя у насъ поговорки: «близъ царя—близъ смерти»; или «грозно, страшно, а безъ царя нельзя» указываютъ на прежнее понятіе русскихъ относительно этого названія. Несомнѣнно, что на первыхъ порахъ новый титулъ не усвоился сознательно въ мысляхъ народа и долженъ былъ казаться ему чуждымъ никакъ не менѣе, какъ и принятый потомъ Петромъ I титулъ императора, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что съ этимъ послѣднимъ не соединялось въ народѣ никакихъ

тяжелыхъ воспоминаній о господствѣ ордынскихъ царей надъ Русью.

Затѣмъ, если оставить ордынское происхожденіе новаго титула и выводить понятіе о немъ изъ библейскихъ сказаній, то, безъ всякаго сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ оказаться чуждымъ русскому народу. Только русскіе грамотѣи, которыхъ, конечно, въ XVI столѣтіи было немного, — такъ какъ даже и большая часть поповъ была безграмотна, — могли уразумѣть значеніе библейскихъ царей, а народъ зналъ только царей ордынскихъ, да великихъ князей, какъ исконныхъ своихъ первоверховниковъ. Притомъ всѣ библейскіе цари были какъ будто заслонены въ евангеліи новымъ представителемъ верховной власти, «цесаремъ» — которому самъ Спаситель училъ воздавать должное. Замѣчательно, что наша православная церковь даетъ русскому государю не употребляемый ни въ какомъ другомъ случаѣ «цесарскій» и даже съ чисто-латинскимъ произношеніемъ — «цесарскій» титулъ. Такъ, въ крещенское навечеріе многолѣтнему государю провозглашается такъ: «его цесарскому величеству». Кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ признается нужнымъ напоминать о значеніи царской власти, читаются изъ евангелія тѣ главы, въ которыхъ Христосъ поучаетъ воздавать «цесарево цесареву». Въ «Дѣяніяхъ апостольскихъ» власть цесаря поставляется выше власти царской. Поэтому, можно сказать, что въ смыслѣ церковности первенствующимъ государскимъ титуломъ долженъ считаться титулъ «цесаря», или «цесаря», замѣняемый обыкновенно титуломъ — «императоръ».

Воззрѣнія на царское достоинство можно было намъ почерпнуть и изъ исторіи Византіи, такъ какъ въ древнемъ нашемъ книжномъ языкѣ восточно-римскіе цесари, или императоры называются греческими царями. Несомнѣнно, однако, что русскій народъ въ XVI столѣтіи ничего объ нихъ не вѣдалъ. Такимъ образомъ, новый титулъ могъ создаться въ смыслѣ византійскомъ, но не на основаніи народныхъ понятій, если только титулъ этотъ не былъ перенесенъ прямо съ ордынскихъ хановъ на великихъ князей московскихъ. Самое колебаніе въ окончательномъ принятіи царскаго титула свидѣтельствуетъ объ его отчужденности отъ народныхъ понятій, и даже образованные или, точнѣе ска-

затѣ, начитанные люди того времени не могли угадать причину его примѣненія къ государямъ московскимъ.

Къ числу такихъ людей несомнѣнно принадлежалъ великій князь Иванъ IV, торжественно и окончательно принявшій титулъ царя. Какъ же, однако, онъ самъ объяснялъ это новшество? Одинъ разъ онъ истолковывалъ свое право на этотъ титулъ тѣмъ, что одному изъ его прародителей, Владиміру Всеволодовичу Мономаху, была прислана изъ Царяграда царская утварь, и что онъ, Владиміръ, употребилъ эту утварь при своемъ вѣнчаніи на царство. Другой разъ Иванъ объяснялъ свой царскій титулъ тѣмъ, что, покоривъ сперва царство казанское, а потомъ и царство астраханское, онъ приобрѣлъ право на царскій титулъ. Наконецъ, въ третьихъ, право носить этотъ титулъ онъ основывалъ на мнимомъ, черезъ Рюрика, происхожденіи своемъ отъ Кесаря-Августа, «обладавшаго всею вселенною». Во всѣхъ этихъ объясненіяхъ нѣтъ никакихъ ссылокъ на что-либо русское, народное, но все сводится къ Византіи, татарскому царству и даже древнему языческому Риму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь-первоначальникъ уничтожилъ и такіе доводы послѣ того, какъ онъ, въ 1574 году, вѣнчалъ царемъ всея Руси крещенаго татарина Симеона Бекбулатовича.

Иванъ IV не связывалъ царскаго сана съ русскою народностію. Такъ, въ нѣкоторыхъ грамотахъ онъ писался царемъ «Нѣмецкимъ» и право свое на этотъ титулъ объяснялъ такъ: «въ прежнихъ хроникахъ и лѣтописцахъ писано, что съ великимъ княземъ и самодержцемъ Георгіемъ Ярославичемъ во многихъ битвахъ бывали варяги, а варяги—нѣмцы, и если его слушали, то его подданные были». Кромѣ того, Иванъ IV хотѣлъ именоваться еще «царемъ Шведскимъ».

Съ своей стороны, соборъ вселенскихъ патріарховъ призналъ за Иваномъ IV царскій титулъ на томъ основаніи, что онъ ведетъ свой родъ отъ греческой царевны Анны, бывшей въ супружествѣ за предкомъ его, великимъ княземъ Владиміромъ Святѣмъ.

XI.

Говоря о новомъ титулѣ русскихъ государей, нельзя не сказать, что установившаяся въ Москвѣ верховная власть заимство-

вала многое для опредѣленія своего значенія изъ западно-европейскихъ, а не народно-русскихъ понятій. Такъ она, по западному образцу, усвоила себѣ титулъ величества—«Majestas» и такъ называемое вступительное къ титулу «богословіе»: «Божіею милостію»—«Dei gratia», а также слово «мы»,—«nos»,—не употребительное въ ту пору въ русскомъ языкѣ въ отношеніи одной только личности. Съ Запада же было усвоено величаніе, напоминающее объ одной изъ добродѣтелей государя. Наши историки, повѣствователи, романисты и драматурги обыкновенно называютъ царя Алексѣя Михайловича «тишайшимъ», полагая, что это личное его названіе, между тѣмъ какъ это названіе—ничто иное, какъ только переводъ общей западной формулы: «clementissimus rex», т. е. кротчайшій, милосердѣйшій. Это доказывается тѣмъ, что названіе «тишайшихъ» давалось и царю Петру и царевнѣ Софіи, которые, однако, какъ извѣстно, были не только не изъ тишайшихъ, но даже и не изъ тихихъ. Сохранился и напечатанный портретъ царевны Софіи съ такимъ отзвонкомъ объ ея нравѣ. Когда же въ европейской дипломатіи латинскій языкъ былъ замѣненъ французскимъ, то слово «clementissimus» было переведено «très gracieux». У насъ оно явилось въ переводѣ «всемилоостивѣйшій» и удержалось донынѣ, какъ дополнительный титулъ царствующаго государя. Наконецъ, наше общенародное знаменіе—нашъ государственный гербъ, двуглавый орелъ—заимствовано еще Москвою изъ-чужа, и смыслъ этого изображенія вовсе непонятенъ народу, внушая ему мысль о существованіи какой-то чудной птицы о двухъ головахъ и прямо противорѣча наглядному изображенію единодержавія. Замѣтимъ кстатѣ, что, по нашему мнѣнію, историки ошибаются, рассказывая, что Иванъ III, вступивъ въ бракъ съ Софьею Ѳомииншною Палеологъ,—последнею отраслью византийско-императорскаго дома,—принялъ, вслѣдствіе этого, ея родовой гербъ. Относительно достовѣрности этого разсказа, въ письменныхъ нашихъ источникахъ не имѣется никакихъ положительныхъ указаній. Между тѣмъ бракъ Ивана съ Софіею былъ совершенъ въ 1471 году, а впервые изображеніе двуглаваго орла появилось на велико-княжеской печати только въ 1497 году. Далѣе, если предположить, что въ Москвѣ было извѣстно то геральдическое правило, въ силу котораго былъ принятъ Иваномъ гербъ

его жены, то этотъ гербъ не могъ сдѣлаться первенствующимъ изображеніемъ. Наконецъ, Софія не была ни единственною, ни старшею отраслюю дома Палеологовъ, такъ какъ старшая сестра ея, Елена, была за Борхомъ, двоюроднымъ братомъ гермейстера ливонскаго ордена, а младшая, Зоя, за седмиградскимъ княземъ изъ фамиліи Баторіевъ. Всего вѣроятнѣе, что двуглавый орелъ появился въ Москвѣ вслѣдствіе зашедшихъ туда баснословныхъ разсказовъ о происхожденіи Рюрика отъ Кесаря-Августа. Вообще въ средѣ московскихъ книжниковъ проявлялось тяготѣніе къ Риму не папскому, а императорскому. Такъ, Филофей, ученый инокъ XV—XVI столѣтія, опредѣлялъ значеніе государства московскаго въ слѣдующихъ словахъ: «два Рима пали, третій—Москва, четвертому не бывать». Въ половинѣ XVII столѣтія, дьякъ Грибоѣдовъ началъ выводить боярскій родъ Романовыхъ, родоначальникъ котораго выѣхалъ въ Москву изъ Пруссіи,—изъ Рима отъ брата Кесаря-Августа, по имени Прусса. Въ старинныхъ сказаніяхъ объ основаніи Москвы является какой-то римлянинъ Подонъ. Замѣчательно также, что тотъ сосудъ, или «крабѣца», изъ котораго помазуются муромъ русскіе государи, считается, по древнимъ описаніямъ, принадлежавшимъ Августу, кесарю римскому.

Говорить о примѣненіи народности къ политическому строю государства «московскаго» много не приходится, если только не пускаться въ трескучіе, не подкрѣпленные ничѣмъ, возгласы современныхъ нашихъ мнимыхъ народниковъ. Уже одно названіе Руси «государствомъ московскимъ», все болѣе и болѣе усвоиваемое,—названіе финскаго происхожденія,—показываетъ, что въ ту пору дѣло шло о преобладаніи въ политикѣ не коренныхъ русско-народныхъ, а исключительно московско-государственныхъ началъ.

Мы принимаемъ не слишкомъ благосклонно даваемое намъ иногда названіе «москвитовъ», или «москалей», какъ названіе, выдѣляющее насъ изъ общей среды русскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и славянъ. Но въ такомъ искаженіи нашего племеннаго названія несправедливо винить иностранцевъ и поляковъ, такъ какъ само московское правительство стало въ XVII столѣтіи называть Русскую Землю государствомъ московскимъ, а русскихъ—«московскими людьми». Слѣды исконной народной

Руси замѣтно сглаживались при преобладающемъ господствѣ государственности, средоточіемъ которой явилась Москва. Самой Москвѣ, вводящей государственныя новшества, неудобно было считаться съ народною стариною, какъ въ послѣдствіи неудобно было Петербургу дѣлать то же самое въ отношеніи московско-государственныхъ порядковъ.

Первый царь московскій, Иванъ IV, не былъ поборникомъ русской народности въ смыслѣ племенной ея обособленности. Онъ даже считалъ себя не русскимъ, а нѣмцемъ, выводя родоначаліе русскихъ государей отъ герцоговъ баварскихъ. Извѣстный Флетчеръ приводитъ въ своей книгѣ подходящій къ тому рассказъ, а именно, что царь, передавая однажды слитки золота мастеру изъ англичанъ, приказалъ ему хорошенько пересчитать эти слитки, потому что, какъ говорилъ царь, русскіе всё воры и могутъ обмануть. Когда же англичанинъ улыбнулся, то царь спросилъ его: чему онъ смѣется. — «Да вѣдь вы, ваше величество, сами русскій!» — и тогда Иванъ объявилъ ему, что онъ, царь, не русскій, такъ какъ предки его были «нѣмцы».

Племенному единству между восточною и западною Русью не придавалось въ Москвѣ никакого значенія. Въ своихъ притязаніяхъ на западную Русь государи московскіе не выставляли вовсе этого народнаго единства, а выдвигали только свое «вотчинное» на нее право. Право это основывалось на слѣдующемъ. Великій князь литовскій Гедиминъ — объясняли московскіе бояре польскимъ посламъ — былъ потомокъ князей полоцкихъ, происшедшихъ отъ Рюрика. Такъ какъ мужское поколѣніе Гедиминовичей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Рюриковичей, въ Литвѣ пресѣлось Сигизмундомъ II, а сестра его не могла быть «отчичемъ», то литовское княжество и должно было возвратиться въ общій родъ Рюриковичей, представителями которыхъ были въ ту пору великіе князья и цари московскіе. Само собою разумѣется, что при существованіи вотчиннаго права всякія разсужденія и соображенія о народности были излишни, да и дѣйствительно въ Москвѣ не думали объ этомъ, называя русскія области, присоединенныя къ Литвѣ, однимъ только чуждымъ Руси именемъ — великимъ княжествомъ «литовскимъ». Честь сознанія связи между восточною и западною Русью, въ силу

общей их народности, а не «вотчиннаго права», принадлежить «петербургскому періоду» нашей исторіи.

Внутренняя политика Москвы отзывалась вообще подавленіемъ и искорененіемъ старинныхъ русскихъ порядковъ. Имѣя же въ виду, что у насъ народомъ называется нынѣ если не исключительно, то преимущественно крестьянство, мы скажемъ и о томъ, какъ, въ частности, отозвалась на немъ объединительная политика Москвы. Крестьяне въ ту пору, сверхъ закрѣпощенія, испытали еще и другія перемѣны въ ихъ собственныхъ, слѣдовательно, самыхъ основныхъ народныхъ обычаяхъ. Области, присоединенныя къ Москвѣ, были переписаны на «московскія сохи» и, сообразно съ этой перепиской, производима была раскладка податей и оброковъ. Кромѣ того, московское правительство, весьма заботившееся объ увеличеніи своихъ денежныхъ средствъ, въ исходѣ XV столѣтія, отняло у народа право варить пиво и медъ и употреблять хмѣль, передавъ такое право исключительно государевой казнѣ. Такое же право присвоило оно себѣ и по содержанію кабаковъ, внушая цѣловальникамъ собирать отъ народа въ государеву казну какъ можно болѣе денегъ.

Безспорно, что преобразованія Петра Великаго были новизной для русскаго народа, но несомнѣнно, что и Москва въ свое время дала хорошо почувствовать себя народу, вводя свои новшества взамѣнъ исконной народной жизни.

Конечно, современные наши «поворотники», толкуя въ общихъ выраженіяхъ, могутъ возглашать все, что имъ угодно, но на дѣлѣ все это будетъ однимъ только пустословіемъ, а дымъ употребляемаго ими при этомъ льстиваго курева не зачадитъ никогда исторической правды...

Е. Карновичъ.

ОДНОДВОРЦЫ.

П О В Ъ С Т Ъ .

(Окончаніе).

XI.

Въ селѣ Брѣховѣ, Мармыжи тожь, все шло своимъ порядкомъ. На однодворческихъ гумнахъ, тѣсными рядами, зажелтѣлись скирды и одонья, сверху круглыя, покрытыя соломой, снизу—обрѣзанныя восою, словно остриженная гладко и красиво. Осимые всходы темнѣютъ кругомъ и радуютъ сердце мужика надеждой на будущій урожай; въ полѣ, на вспаханномъ черномъ глину, бѣлѣются мужичьи рубахи, движутся сохи и лошади: то возьметъ подъ яровое «ломають». Пахота идетъ лѣнивая; спѣшить не къ чему, осень вѣдь длинна, успѣютъ все подѣлать; дни короткіе стали, въ пору копѣну съ овина бабѣ обмолотить; зато ночи длинныя пошли да темныя. Одна изъ такихъ ночей захватила въ дорогѣ становаго Лампицкаго. Возвращался онъ въ станъ изъ города, куда его исправникъ вызывалъ «собственно за тѣмъ, чтобы погонять за подати», дорога грязная, тяжелая; по неволѣ припоздалъ, ночь его захватила. Добраться домой, въ станъ, нечего было и думать, ни зги не видно. Становой Лампицкій очень обрадовался огнямъ, привѣтно и весело замелькавшимъ тамъ и сямъ въ темнотѣ. Само собою, что онъ вполне согласился съ своимъ бывалымъ въ дорогѣ кучеромъ, насчетъ того, что слѣдуетъ заночевать въ селѣ Брѣховѣ, благо пріѣхали. Но у кого? Постоялаго двора нѣтъ; въ избѣ у мужика—нечисто, тѣсно, неудобно, а становой Лампицкій все же, не смотря на свою вѣчную бѣготню по стану, привыкъ къ своей постели.—«А! Кирсанъ Тимофейчъ у меня тутъ пріятель!»—вспомнилъ онъ съ удовольствіемъ чистую «теплушку» стараго однодворца, черезъ сѣни отъ избы. Къ нему!

Скоро, скривившись на бокъ, тарантасикъ становаго, прыгая по замерзшимъ въ ночи «колчамъ» грязи, остановился у Кирсанова двора. Ибаба стояла во дворѣ. Въ щели затворенныхъ ставень виднѣлся свѣтъ. Едва кучеръ застучалъ кнутовищемъ въ запертыя тесовыя ворота, на дворѣ густымъ басомъ, гремя цѣпью, забрехала собака у «кладовеньки» и заметалась на цѣпи. Съ крыльца не замедлилъ опросить прѣѣзжихъ знакомый голосъ стараго однодворца: «кто такіе»? Узнавъ своего «благодѣтеля», Кирсанъ Тимофеичъ, замѣтно обрадованный, заторопилъ своего работника, разоспавшагося криваго старика, отворять скорѣе ворота. Съ крыльца хозяинъ свѣтилъ дорогому гостю сальной свѣчей въ жестяномъ подсвѣчникѣ. Не довольствуясь этимъ, гостеприимный хозяинъ помогъ гостю взойти на крыльцо, повторяя: «милости просимъ, батюшка, чѣмъ богаты тѣмъ и рады; не осудите на нашей простотѣ». И тутъ же приказалъ кривому работнику—лошадокъ въ конюшню прибрать, а сыну Петру, —тоже пожилому мужику, котораго замѣтно держалъ въ строгомъ повиновеніи себѣ,—велѣлъ овса имъ въ волю насыпать, сѣна дать, а кучера «погостить», то есть, накормить и успокоить, какъ слѣдуетъ.

— Ворота-то запри, гляди! крикнулъ хозяинъ вслѣдъ кривому работнику, поведшему лошадей.

— А то какъ же! словно обидѣлся кривой работникъ;—нешто настезь тебѣ ворота брошу? вѣдь что скажетъ? Слава Богу, не пьянь!...

Черезъ полчаса становой Лампицкій съ Кирсаномъ Тимофеичемъ уже сидѣли за столомъ, за самоваромъ, благодушно бесѣдуя. Графинчикъ водки замѣтно уже оказалъ на нашего титулярнаго совѣтника свое обычное дѣйствіе: не только забыта имъ строгая съ ехидствомъ физіономія, которую онъ считалъ необходимою принадлежностью полицейскаго начальства, но даже—онъ не замедлилъ снять съ себя форменный скюртъкъ съ чернымъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, которому придавалъ такое важное значеніе, особенно въ глазахъ мужиковъ.

— Солдатъ Махоткинъ въ замкѣ! успокоительно отвѣтилъ становой Лампицкій на вопросъ хозяина.—Тогда же я его, друга милаго, посадилъ по предписанію исправника... бояться вамъ теперь нечего... губернскаго присутствіе утвердило вашъ разговоръ... Теперь, старикъ, Махоткину кажутъ! Весною сошлемъ его въ мѣста не столь отдаленныя: тысячь за пять версть... А, можетъ, еще ближе: тысячь за шесть... Становой Лампицкій засмѣялся своей остротѣ и наградилъ себя рюмкой водки.

— Ну, спасибо вамъ, Василій Ѳеодоровичъ! Старый однодворецъ перевернулъ свою пустую чашку дномъ въ верху и на дно положилъ оставшійся кусочекъ сахару въ знакъ того, что чаю пить больше не желаетъ:—А то, признаться, потрухивали—поплѣнилъ было волость нашу солдатъ; на кого сердце имѣеть—взялъ да спалилъ! Разорилъ народъ въ разорь... Ежели теперь начальство наше за насъ не вступится—пропасть намъ надо... Волость даже очень за этого солдата вашу милость благодарить: что помогли, отъ него избавили... Кирсанъ Тимофеичъ расправилъ пальцами серебряную бороду, а «носовикомъ» обтеръ свое раскраснѣвшееся потное лицо.

— Смотри, Тимофеичъ, чтобы мнѣ степь, по прошлагоднему, убрали ваши мужики... Въ стоги бы съно сметали... Я ужъ на тебя, старика, надѣюсь...

— Вотъ еще! словно бы удивился богатый однодворецъ. Въ надеждѣ будьте, Василій Ѳеодоровичъ,—заговорилъ онъ убѣдительно и мягко:—какъ милости вашей убиралась степь каждо годно міромъ, и стога ставили, какъ надо,—такъ и нынче... Потому мы этой пакости не сдѣлаемъ; вами мы много довольны, и живете вы съ нами по простотѣ, можно сказать, какъ родитель съ дѣтьми, безъ гордости; притѣсненія—грѣхъ сказать—никто отъ васъ не видитъ, и пошли вамъ за это, Создатель, милость свою и вамъ бы съ нами свѣковать, съ глупыми... Ей Богу!...

Становой Лампицкій, поужинавъ и переночевавъ у богача Косюткина, покатылъ чѣмъ свѣтъ въ станъ, гдѣ его уже ждалъ «лепортъ» сотскаго о найденномъ въ лѣсномъ верху тѣлѣ...

Отецъ Павелъ недаромъ предпочиталъ осень другимъ временамъ года: осенью онъ, по его выраженію, «овцу свою стригъ». Подъ своею овцою онъ разумѣлъ, конечно, свою паству, приходъ; а подъ стрижкою—свои священническіе доходы. Осенью, какъ вообще въ деревняхъ, отецъ Павелъ и хоронилъ гораздо болѣе, и крестилъ, и бравомъ сочелалъ; особенно браковъ осеннихъ много у него было,—до самаго Филиппова поста. Любилъ это время бреховскій попъ: передъ дворами, на всемъ протяженіи села, курится содома; то обжигаются кормныя свинныя туши; бьются гуси, утки; всюду потроховымъ супомъ пахнетъ; капустными щами... въ семьяхъ довольство, какого не встрѣтишь уже послѣ Рождества. Визгливые женскіе голоса на улицѣ, звонъ уднаго таза или глухой стукъ въ сковороду понятны каждому: свадьбы играютъ.

Послѣ проливныхъ сентябрьскихъ дождей погода «остепенилась»

по крестьянскому выраженію. Настала свѣтлая, теплая осень съ легкими «утренниками» и ночными туманами. На поблѣдѣвшемъ небѣ рѣзко чернѣются тяжелые каркающіе грачи; прозрачная паутина, легко, волнующаяся противъ солнца дымкою, опутала кусты, древесныя вѣтви, даже озимые всходы. Во всѣ стороны бурѣло ржаное и овсяное жнивье, густое, словно подстриженное. Глубокія, безтолково прорѣзанныя въ грязь колеи бороздятъ до красна обожженную травку лѣсной опушки. Дорога «ременная», наложенная шинами, такъ и блеститъ. Разрисованная осенью кленовая листва:—бѣлая, красная, желтая—мѣшалась съ со-всѣмъ еще свѣжею дубовою зеленью. Огромныя, разросшіяся орѣховыя кусты поднимали къ верху свои гибкія вѣтки, съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ, на концахъ, круглыми листьями; эти помертвѣлыя листья сиротливо трепетали и часто падали. Иной падалъ такъ тихо и неохотно, что, глядя на него, жаль стано-новилось Ивану Рачителю. Ему и лѣса жаль было; обнажился, оголѣлъ и выглядывалъ съ какой-то безнадежной грустью. Шумя высокими сапогами по сухой листвѣ, густымъ пластомъ засорившей лѣсъ, Иванъ задумчиво шелъ себѣ опушкою и едва не наткнулся на бѣлый лошадиный остовъ возлѣ глубокой межи. Со дна ея подымался колючій кустъ дикой груши. Концы гибкихъ орѣховыхъ вѣтокъ золотились подъ солнечнымъ лучомъ. Тутъ, у межевой ямы, Иванъ углубился въ лѣсъ. Полушубокъ на немъ новенькій, только что отъ швеца, и на захолодавшемъ воздухѣ еще пахнулъ дубленой овчиной. Полушубокъ, будто вылитый, сидѣлъ на немъ, подпоясанный новымъ кушакомъ; шапка на немъ тоже новенькая. Не диво, старики собрались женить Ивана по осени. Шелъ онъ съ невѣстой Ариной встрѣтиться. По лѣсу прокатился густой звукъ пастушьей дудки, затѣмъ звонко раздалось хлопанье длиннаго влута и далеко, перекатами, передалось лѣснымъ эхо, вмѣстѣ съ криками: «куда! куда!» и бранью пастушенка... На встрѣчу приближалось къ Ивану веселое мычанье коровъ, овечье блеянье, свиное хрюканье; шумя по лѣсу, проридялась и ломаясь съвозъ кусты, возвращалось стадо домой, въ село.

Вскорѣ отецъ Павелъ обвѣнчалъ Ивана съ Ариной. Свадьба Ивана радовала, конечно, Матрену Рачителю; но эта свадьба все же напоминала ей несостоявшуюся свадьбу дочери и ея ужасный конецъ. Наговорѣ, какъ Матрена ни крѣпилась, поплакала таки на сыновней груди, вспоминая свою Варюшу... Горе, поразившее Рачителю семью, не прошло безслѣдно для Матрены. Въ глазахъ всѣхъ она осунулась за это лѣто, постарѣла. Ротъ,

липившійся нѣсколькихъ зубовъ, издавалъ странный свистъ. Но, по прежнему, Матрена съ зари до зари неутомимо хлопотала по дому, помня пословицу: хозяйскій главокъ — смотрокъ. Потерявъ дочь, Матрена какъ-бы сосредоточила свое чувство на сыновьяхъ. — «Приодѣнся, Ваня, молодцомъ у меня», замѣтила ему мать, когда дружки повели жениха одѣвать къ вѣнцу. — «Хочется мнѣ сыночкомъ похвастаться».

Въ просторной Рачителевой избѣ своимъ порядкомъ шла коптливая и работающая жизнь. Въ свое время, съ Николы, посыпалъ хлопьями снѣгъ, завывала мятель. Къ Рождеству дворъ Рачителя сидѣлъ въ высокихъ бѣлыхъ сугробахъ. Горница давно заперта на замокъ. Семья скучилась въ теплой избѣ. Широкая печь пышетъ жаромъ и все кругомъ себя грѣетъ и сушитъ. Статная Арина, въ бабьемъ цвѣтномъ чехликѣ на свѣтлыхъ волосахъ, казалась еще краше Ивану. Не смотря на свою молчаливость и скромность, невѣстка властвовала надъ молодымъ мужемъ, какъ любимая жена и умная женщина. И онъ — надо отдать ей справедливость — отъ этого нисколько не терялъ. Въ Рачителеву семью Арина попала изъ ежевыхъ рукъ, а потому съ перваго своего вступленія въ новую семью оказалась дѣловитой бабой. Миръ и польза семьи, казалось, руководили ея дѣйствіями. Скоро она стала для всѣхъ близкою, необходимою. Говорила она рѣдко, но если скажетъ что нибудь, то и дѣлается по ея словамъ. Отношенія ея къ роднѣ были всегда искреннія, чуждыя лицемѣрія. Толстая Матрена полюбила ее, какъ родную дочь, и невѣстка незамѣтно очутилась полновластною хозяйкою въ домѣ. Свекровь на нее сдала все «домашнее попеченіе», говоря, что уморилась, что пора ей на покой. Арина всюду поспѣвала: широкія липовыя лавки съ рѣзнымъ узорочьемъ блестятъ чисто вымыты; на столѣ, на бѣлой скатерти лежитъ, замѣчательно хорошо выпеченная на вапустахъ лепешка, огромная коврига ржаного хлѣба, прикрытая полотенцемъ съ красными шитыми концами. Липовая солонка тоже блестятъ, вымытая. На просторныхъ палатахъ свѣжая солома прикрыта толстыми шерстяными одѣялами домашняго тканья, или, по мужичьи, «попонками», подушки на палатахъ въ порядкѣ, не текутъ изъ нихъ пухъ и перья, глиняный полъ выметенъ, песочкомъ посыпанъ. Никакое событіе не нарушало въ теплой избѣ лѣнливаго хода зимняго времени, если не считать событіемъ отправку Ивана, на двухъ подводахъ съ пшеницею, въ Орелъ. По расчету Митрія, Ивану слѣдовало нынче домой быть, къ вечеру: какъ разъ недѣля въ дорогѣ. Утромъ стала «пыльца»

шлеть», и это обстоятельство обезпokoило стараго извошника. Безповойство это нѣсколько развлекало посѣщеніе попа, отца Павла. Попъ, въ крытомъ тулупѣ, съ крестомъ и, конечно, выпивши, переходилъ отъ двора ко двору; за нимъ слѣдовала поповская кобыла, жеребая, съ низко висящимъ брюхомъ, запряженная въ розвальни. Пономарь Яша, въ нагольи шубѣ и надвинутой на уши овчинной шапкѣ, клалъ въ веретье и ссыпалъ доброхотныя давнія мірянъ. Даже старуха Алпатьевна, чтобы приложиться къ старому деревянному кресту и поцѣловать руку отца Павла, рѣшилась подняться съ печи и спознати, при помощи Матрены, на полъ. Охотница «въ головѣ искаться», любительница слушать сказки, древняя старуха полевивала себѣ на своемъ горячемъ войлокѣ, словно въ банѣ на полкѣ, съ наслажденіемъ подогрѣвая себѣ то одинъ, то другой бокъ. Чѣмъ злѣе была морозная мятель, чѣмъ студенѣе стужа, тѣмъ жарче казалось въ рубленой избѣ Митрія. Не даромъ онъ хвалился ею сосѣдямъ.

Вошелъ съ надворья въ избу бравый парень Сенька и, дунъ себѣ въ красные отъ морозу кулаки, заговорилъ отцу о поднявшейся мятели.

— Такъ заголосила, тятка! свѣту Божья не видно! закужилась столбомъ! стужа завернула: воронежскій вѣтеръ.

— Господи! воскликнула въ ужасѣ Матрена: — пресвятая заступница, корсунская мать Божія: — Иванъ-то мой, горемычный, въ дорогѣ!.. Ну, какъ замерзнетъ, неравень грѣхъ!

Матрена заплакала.

— Ужъ сейчасъ и замерзъ! съ ободрительнымъ спокойствіемъ замѣтилъ Митрій женѣ: — Абнаковенно — мятель, зимнее дѣло. Богъ милостивъ: вернется Иванъ. Не впервой ему!..

— О-о-хъ, кабы пріѣхалъ дитятко! прошамкала Алпатьевна: — молебень бы задравный отслужила!.. Трудно, небойсь, мальчонку въ дорогѣ...

— Зима нынѣшняя изо всѣхъ зимъ, разсуждалъ Митрій: — Народъ познобила и обезхлѣбила: не даетъ теперича ни помолотиться мужику, ни на мельницу возъ свезть — мучицы смолоть; а скотину по дворахъ аль-ни «сломало пополамъ».

Старая Алпатьевна любила таки потолковать про небылицы и всякія несчастья. Человѣкъ-ли гдѣ замерзнетъ, или прослышитъ она, что обозъ въ мятель заночевалъ, какъ былъ, съ лошадьми и мужиками, — тутъ и пойдутъ у Алпатьевны причитанія да воздыханія! и блудъ-де насланъ, нечистый подшутилъ; и понесетъ такое, что Митрій слушаетъ, слушаетъ, возьметъ шапку и вый-

детъ себѣ на дворъ, будто лошадокъ доглядѣть. Не уважалъ онъ вообще пустой болтовни. Болтливость старухи могла только сравняться съ ея прозорливостью. Она могла ѣсть во всякое время, лишь бы мягкое было. Особенно любила солодуху съ яблоками-лѣсничками или съ калиной; солодуху она ѣла обыкновенно не ложкой, а съ своего пальца. На внучку Арину она иногда ворчала, но больше по убѣжденью, что внучка «человѣкъ молодой, малосмысленный, учить ее надо, въ семи водахъ варить; а не выучишь ее, да въ семи водахъ не вываришь — и не жди ты отъ нея добра». Убѣдясь, что «бабка» Алпатъевна пуще всего любить все «страховитое», — конечно, только въ рассказахъ, а не на самомъ дѣлѣ, — внучка Арина терпѣливо выслушивала обстоятельныя поученія бабки о домовыхъ и лѣшихъ.

— Домовой за печкой живетъ, внучка, поучала ее старуха: — а то и подь печкой. Мудреный! хлѣбца ему кладутъ, коли осерчаетъ. А на Пасху выбирается изъ подь печки въ хлѣвъ. Пойдешь на Пасху въ хлѣвъ — онъ, космачъ, въ углу таится.

Между тѣмъ снѣжная мятель расходилась не на шутку. Къ обѣду наворотила такихъ сугробовъ, что твои бѣлыя горы; отовсюду плотно охватили они Рачителевъ дворъ: ни пройти, ни проѣхать. Деревенскаго «порядка» не видать вовсе, словно пропало цѣлое село въ бѣлыхъ сугробахъ и бѣлой воющей мятели. Въ двухъ шагахъ темно. Матрена дала волю своимъ материнскимъ страхамъ, сокрушаясь вслухъ: «не замерзъ бы». — Долго-ли по такой бурѣ пропасть? плакалась она: — ишь какъ голосить!

— Съ ногъ спибаешь, дохнуть не даетъ! замѣтила Арина, съ красными отъ слезъ глазами.

— Добрый хозяйнъ собаки со двора не сгонить, добавила старая Алпатъевна: — О-охъ-охонюшки, плохо бѣдному Аюнюшкѣ!

Тишину въ избѣ нарушала отчаянная голосѣба завывавшей въ трубу мятели, злобный свистъ ея въ сѣнную дверь, да весело шумѣло рѣзвое колесо новой прядки подь сильною ногою Арины. Круглое, бѣлое лицо молодой съ добрыми сѣрыми глазами и нѣсколько вздернутымъ носомъ, всегда спокойное, теперь казалось грустнымъ, растеряннымъ.

— Бррр! цыганскій потъ пробираетъ! попробовалъ было съострить надъ собой вернувшійся въ избу Семенъ, здоровый малый въ нагольномъ полушубкѣ, съ замерзшими бровями, замерзшимъ пухомъ на губахъ и красными руками, которыми онъ изо всей мочи похлопывалъ, съ видомъ очень перезабшаго человѣка. Въ-сто словъ, бѣдный малый издавалъ мало понятныя звуки: — «Аль-

ни пальцы зашлись»!.. Онъ топаль о земляной полъ просторными валенками и даже прыгаль. — Ноги словно не мои. Ну и стужа! Боже ты мой!

— Сенича! сыночек! Смерзь! жалѣла сына Матрена, съ печи.

— До самой рѣчки бѣгаль, до проруби, не то хвалился, не то жаловался матери Сенька:—потому колодець енѣгомъ забило, званія нѣтъ, тачка! поясниль онъ отцу.

Наступило молчанье; мятель хуже, сильнѣе потрясаетъ бѣлое замерзлое окно; вотъ-вотъ вылетитъ; пуще скрипитъ сѣнная дверь, едва сдерживаемая изнутри шеволодой; прялка еле слышна... Боязнь за Ивана беспокоила семью, только всякъ про себя думаль, и своимъ страхомъ ни съ кѣмъ не дѣлился.

— Нынче недѣля, что Иванъ выѣхаль? не то спросиль невѣстку Митрій, не то сказалъ, такъ какъ онъ собственно ни къ кому съ своими словами не относился и ни на кого изъ домашнихъ не глядѣль.

— Седьмой день, подтвердила молодайва, тоже ни на кого не глядя.

— А ежели седьмой день Ивану, стало должонъ Иванъ нынче вернуться... нешто вотъ мятель эта... не захватила бы?

Молодайка вздохнула и ретивѣ зашумѣла ея прялка.

— Долго-ли пропасть по этакой страсти? прошептала она, украдкой отирая рукавомъ ткацкой сорочки свои плачущіе глаза. — Въ избѣ жутко, а въ полѣ пропасть надо: особенно еще двѣ подводы... она опять вздохнула.

— Иванъ въ дорогу новую упряжь запрегъ? спросиль вдругъ Митрій Семена, словно что вспомнивъ и соображая. — Велѣль я ему новые хомуты запречь.

— Новые и запрегъ, тачка! сказалъ парень.—Ну, только я на животовъ на своихъ надѣюсь: насчетъ дороги памятливы, привезуть, кака-бы ни была мятель, храбрился у печи согрѣвшійся Сенька.

— Опять-же не одинъ Иванъ пошелъ съ двумя подводами, къ обозу присталь; съ явнымъ желаньемъ успокоить бабъ замѣтилъ Митрій. Изъ села подводъ тридцать пошло... Ежели-бы и случилось что, не бросать другъ дружку... Должно, прибились къ жилью по такому времени: ѣхать некуда.

— Невѣстущка, а, невѣстущка! подала свой голосъ съ печи Матрена:—ты-бы, дѣточка, лампадеу зажгла: страховито мнѣ что-то, по этой непогодѣ; съ Иваномъ-бы чего не случилось?.. Ишь

ее, бушуетъ за стѣной! котораго захватила въ полѣ—пропадетъ... приметъ себѣ, сердечный, муки; зажги, дочка, лампадку предъ Митрофаніемъ угодникомъ; онъ угодникъ милостивый. Много такъ-то—доводилось—помогалъ моимъ молитвамъ грѣшнымъ, святитель... кака я бывало тоска, или горе тяжкое, упаду это передъ святителемъ, слезами обольюся: «заступись, угодниче Божій, за меня, грѣшную рабу свою; глядь, и отъ скорби ослобонилъ, милость свою показалъ святитель Митрофаній...

Пока молодайка зажгала лампадку, Митрій тѣмъ же поучительнымъ тономъ сказалъ:

— Отъ Божьей воли податься некуда. Не отъ насъ это. Мужикъ, извѣстно, добышникъ, хлѣбъ въ семью добываетъ; а баба за мужчиной спиной живетъ. Нашему брату, лапотнику, зима, вьюга студеная въ лицо бьетъ, а бабѣ все петровки; и вѣтеръ ей все въ задъ.

Сильный стукъ въ сѣнную дверь съ улицы заставилъ всю семью насторожиться. Сенька, молча, глянулъ на отца, словно спрашивая его: не отворить-ли? Дверь заскрипѣла и затрещала подъ ломившимся въ нее человѣкомъ.

— Не Иванъ-ли? не то съ испугомъ, не то съ робостью воскликнула Матрена, поспѣшно слѣзая съ печи.

— Отвори! кратко приказалъ сыну Митрій.

XII.

Отецъ, мать и баба не спускали глазъ съ двери. Прошла минута томительнаго ожиданія. Въ избу вернулся Сенька и сказалъ отцу, въ видимомъ недоумѣніи:

— Баринъ какой-то: просится во дворъ; завязъ въ сугробѣ...

Старый Митрій недолго думалъ, поднялся съ лавки и торопливо вадѣлъ полушубокъ въ рукава.

— Просятся люди—впустить надо; не дать же загнать людямъ у своего двора. — Отпирать ворота пойду, а ты ихъ въ ворота наладь, Сеня.

Пріотворивъ на улицу дверь, Сенька едва ее сдерживалъ: такъ и рвала ее изъ рукъ отчаянно воющая мятель. Непрерывный свистъ мѣшался съ сухимъ шумомъ сыпавшагося снѣга, который въ одну минуту набился и въ сѣни. Съ легкомысліемъ деревенскаго парня, привычнаго ко всякой погодѣ, Сенька, прыгалъ въ сплошномъ сугробѣ, добрался до доброй рослой тройки, утонувшей у воротъ. Не слышно было ни колокольчика, выбѣленнаго

мятелью, ни кучерскаго голоса. Бѣлый, какъ привидѣнiе, кучеръ съ самоотверженiемъ пытался вести за поводъ коренную лошадь, ушедшую въ сугробъ по самую морду и дѣлавшую отчаянныя усилiя пробиться съ санями въ ворота. Пристяжныя падали и подымались только для того, чтобы снова повалиться; измученныя, дрожавшiя лошади безсилно прыгали и толкались въ глубокомъ снѣгу и поглядывали безнадежно и уныло, жмурясь отъ стегавшей имъ въ глаза морозной пыли.

— Баринъ, въ избу я те сведу! прокричалъ, чуть не на ухо проѣзжему, Митрiй, добравшiйся къ санямъ съ деревянной лопатой въ рукѣ, уходя на каждомъ шагѣ въ снѣгъ по грудь.

Но баринъ, закутанный въ енотовую шубу и представлявшiйся въ видѣ снѣжнаго истукана, ничего, конечно, не слыхалъ.

— Чего сробѣлъ? крикнулъ Митрiй Сенькѣ: вести его надо.

Сенька, впрочемъ, не слыхалъ отцова крика, а почувствовалъ его толчокъ. Безъ дальнихъ разговоровъ отецъ съ сыномъ подняли застывшаго барина и вытащили его изъ саней.

Митрiй съ сыномъ дѣлали отчаянныя усилiя, чтобы пробиться съ тяжелымъ бариномъ черезъ сугробъ, въ которомъ они тонули иногда по плечи. Мятель глушила голосъ, слѣпила глаза; въ двухъ шагахъ уже ничего не было слышно и видно. Догадливый малый, молча, взялъ изъ рукъ у отца широкую осиновую лопату и нѣсколькими сильными взмахами проложилъ къ избѣ путь. Митрiй, поддерживая утопавшаго въ снѣгу барина, одобрительно глянулъ на первые взмахи лопатой, а тамъ сейчасъ-же и Сенька, и лопата исчезли въ плотно застилавшей воздухъ снѣжной мятели. Похваливъ про себя сметливаго сына, Митрiй занырялъ въ снѣгу по проложенному лопатой пути, волоча за собой еле-двигавшагося барина. Спасибо Сенька толкалъ сзади барина, упирался ему руками въ плечи, и помочъ давалъ отцу, а то не въ мочь-бы ему: снѣжная кура прямо въ ротъ била.

Ужь какъ-никакъ, съ великимъ трудомъ, доволокли барина въ избу, сдали его бабамъ, сами же воротились къ завязшей тройкѣ. Митрiй съ собою другую лопату захватилъ. Дѣло какъ будто не мудреное: въ мятель тройку съ санями изъ сугроба высвободить и въ ворота на дворъ наладить; да не всякъ съумѣетъ это пустое дѣло сдѣлать. Принялись Митрiй съ Сенькой сугробъ передъ тройкой расшвыривать, и, кое-какъ расшвыривши снѣгъ, отоптали его подъ лошадиными ногами, чтобы отвердѣлъ. Въ этомъ и кучеръ имъ помогъ; ему и кстати: ноги окоченѣли, говорить онъ вовсе не могъ, обмерзшiя возжи у него изъ рукъ падали.

Смерзь человекъ. Бывалый извощикъ, Митрій, взялъ кореннаго за поводъ, — и, собравъ послѣднія силы, добрый жеребецъ рванулся, прыгнувъ разъ, другой; рванулись пристяжныя, какъ-бы тоже понявъ теперь, въ чемъ дѣло, и тройка съ санями, разворотившимися въ сугробъ широкій и глубокой слѣдъ, очутилась на просторномъ дворѣ, окруженномъ крытыми сараями. Насилу удалось Митрію съ сыномъ затворить ворота на запоръ. Вздохнули и фыркнули измученныя лошади въ затишьѣ. Всѣ въ снѣгу, съ шерстью, поднятою стужею, съ обледенѣлыми мордами, холками и гривами; поджавъ хвосты, согнувшись словно горбатыя, болѣзненно дрожа всѣмъ тѣломъ, рослая помѣщичья лошадь шурилась ослѣпшими съ пыли глазами на хозяйскихъ лошадей, — тяжелыхъ пуватыхъ жеребыхъ матокъ, безпокойныхъ стригуновъ и рабочихъ мереновъ, жевавшихъ подъ тихими сараями мелкую овсяную солому.

Тѣмъ временемъ молодайка Арина, съ свойственнымъ ея лѣтамъ и полу любопытствомъ, немного пріотворивъ сѣнную дверь, слѣдила за санями и тройкой, которыя вдругъ очутились изъ кружащейся куры у воротъ. Ни тупаго звука замерзшаго колокольчика, ни отцова крика — не слыхала она. Только вуръ свистѣла, выла и голосила. Потомъ она увидѣла передъ собою бѣлую фигуру, съ головы до ногъ плотно окутанную въ снѣжную простыню. Когда же эта фигура, поддерживаемая Сенькой, спотыкаясь и еле ногами перебирая, вошла въ избу и теплота стала на нее дѣйствовать, — она съ одушевленьемъ затопала ногами и замахала руками, издавая въ то же время отрывистые и безтолковые звуки переязбшаго человекъ. Снѣгъ, покрывавшій его шапку и поднятый воротникъ енотовой шубы, растаялъ и осыпался. Бабы увидѣли молодое красивое лицо съ маленькими усиками и бородкой.

— Бариночекъ хорошій, да какъ же это ты? причитывала ему, пригорюнясь, сердобольная Матрена: — въ такую погоду ѣхаль? какъ только живъ остался?.. О-о-хъ! у самой у меня — слышь — свой нынче въ дорогѣ, сынокъ родной, старшеньвій... какъ бы не замерзъ, сердёка!

Матрена заплакала, а Арина, съ полными слезъ глазами, взялась помогать барину раздѣваться.

— Вдову молодайку оставилъ беременную! причитывала Матрена: — былъ Ваня сынъ — всѣмъ матерямъ на зависть, парень всѣмъ дѣвкамъ зазнобушка, дитѣ умное, послушное, лицомъ — самымъ красивое.

Освободясь, при помощи Арины, отъ дорогой енотовой шубы съ

пушистымъ воротникомъ и мѣховыхъ большихъ сапогъ, прїѣзжій оказался высокимъ, статнымъ молодымъ человекомъ въ щегольской поддевкѣ, въ бѣлой канаусовой сорочкѣ съ косымъ воротомъ, расшитымъ цвѣтнымъ шолкомъ. Полное здоровья и силъ первой молодости, смуглое лицо его горѣло съ мороза. Кудрявые волосы, кажется, вовсе не слушались гребешка и щетки, а упорно стояли и разметывались себѣ, какъ имъ хотѣлось. Любуясь стройнымъ, какъ красная дѣвушка, молодчикомъ-баринномъ, Матрена ломала голову надъ вопросомъ: кто таковъ, откуда? что это за баринъ?

— Красавчикъ ты нашъ золотой! по своей привычкѣ думать вслухъ, прошамкала на печи старуха Алпатъевна и заохала.

— Чьихъ же это вы господъ и откуда сами будете? не утерпѣла, спросила его Матрена, развѣшивая съ помощью Арины дорогую пушистую шубу прїѣзжаго на столбъ, къ горячей печкѣ.

Арина скромно замѣтила свекрови, что онъ смерзь, не до разговора ему. Дѣйствительно, молодой человекъ словно не слыхалъ вопросовъ хозяйки и продолжалъ ходить взадъ и впередъ по избѣ, согрѣваясь движеньемъ и возвращая своимъ окоченѣвшимъ ногамъ способность ощущенія.

Какъ только привели въ избу кучера и освободили его отъ обмерзшаго суконнаго армяка на овчинахъ, молодой баринъ попросилъ хозяйку дать кучеру стаканъ водки, если есть.

— Какъ не быть, сударикъ? Есть въ домѣ водка! словно обидѣлась старуха на оговорку молодаго барина: — зимнее дѣло, безъ водки нельзя въ домѣ: случай какой, не хуже вотъ этого, а то, ину пору, по хворости своей, да по старости — грѣшнымъ дѣломъ — уживляемъ воточку... Поднеси кучеру, невѣстушка, поднеси, милая.

Невѣстка, молча, поднесла кучеру штофъ и стаканчикъ.

Кучерь выпилъ два стаканчика и крикнулъ. Послѣ водки онъ видимо повеселѣлъ и сталъ возлѣ двери прохаживаться, обирая пальцами сосульки съ бороды, усовъ и глазъ, и согрѣвая ноги... Онъ даже прыгалъ по сорочкѣ, то на одной, то на другой ногѣ.

— Ну, баринъ, впервой я муку такую принялъ! заговорилъ онъ наконецъ: — не чаялъ живымъ остаться.

Вошли въ избу Митрій съ Сенькой, всѣ убранные снѣгомъ, перезабшіе, и объяснили, что лошадей прибрали какъ надо.

— Спасибо вамъ, добрые люди, обратился къ нимъ расположившійся на лавкѣ прїѣзжій, тронутый заботливостью хозяевъ о себѣ и о своихъ лошадяхъ. Онъ вспомнилъ нечеловѣческія усилія мужиковъ, вытаскивавшихъ его изъ сугроба у самаго двора.

— Ты бы, невѣстуха, на столъ собрала, никакъ обѣдать пора, тихо замѣтилъ Аринъ Митрій.—И нерѣшительно на барина глянулъ.—Харчи наши, извѣстно, мужицкіе, а коли такое дѣло, можно вурочку зарѣзать, баринъ? Митрій ждалъ, что пріѣзжій скажетъ?

Молодой баринъ поблагодарилъ его и сказалъ, что курицы для него рѣзать не надо, а что, послѣ обѣда, онъ попроситъ самоварчикъ поставить, чаемъ его напоить.

Митрій зѣвнулъ во весь ротъ и на этомъ, повидимому, расположенъ былъ покончить свою бесѣду съ молодымъ баринкомъ, а молодой баринъ, отдыхая на лавкѣ, наблюдалъ, какъ дюжая молодаяка, вооруженная ухватомъ, исчезала съ головой, плечами и руками въ широкому устьѣ печи, для того чтобы ловко выхватить оттуда, съ горячаго пода, объемистый чугунокъ со щами или черныи отъ дыма горшокъ съ кашей. Теперь, отогрѣвшись, молодой баринъ относился къ пріютившей его избѣ уже не съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ и довѣремъ, съ какимъ вступилъ въ нее, полузамерзшій, только что вырвавшійся изъ страшныхъ и холодныхъ объятій бѣлой мятели. Затѣмъ Арина принялась «собирать на столъ». Сборы, впрочемъ, вышли не долги. Семья дружно обѣдала столъ, на которомъ, среди красныхъ деревянныхъ ложекъ и большихъ ломтей, во всю ковригу ржананаго хлѣба,—дымилась большая липовая чашка горячихъ щей изъ квашеной капусты со свинымъ саломъ, забѣленныхъ сметаной. Глава семьи, Митрій, сидѣлъ подъ «святыми», Матрена по правую руку. Жирный сѣрый котъ очутился на окнѣ, наблюдая оттуда за тѣмъ, что его интересовало. Большой сизый, стального цвѣта, красивый голубъ «турманъ», съ малиновыми глазами, шейкой, отливавшей вороновымъ крыломъ, и какъ будто въ короткихъ штанахъ изъ нѣжныхъ кудрявыхъ перушковъ, мелодически воркуя, граціозно взлеталъ на ковригу и клевалъ хлѣбныя крошки; съ ковриги онъ перелеталъ на плечо своего пріятеля Сени. Круглый, неуклюжій, какъ ввойлокъ завернутый, желтый щенокъ, съ бѣлесоватыми молочными глазами, смѣшно подкатился, бочкомъ, подъ столъ и забрехалъ съ такою назойливостью, такъ требовательно косился на Сеню, что тотъ не замедлилъ бросить ему подъ столъ кусокъ мякина. Митрій съ сыномъ обѣдали въ рубахахъ. Свѣтлобородый кучеръ съ выхолненнымъ не по молодымъ лѣтамъ тѣломъ, въ новомъ, дубленомъ полушубкѣ, посаѣ двухъ чашекъ водки возвратилъ себѣ способность и охоту болтать, а также не могъ пожаловаться и на недостатокъ аппетита. Старый Митрій за обѣдомъ держалъ себя

весьма солидно, не одобряя Сенькина зубоскальства и не допуская, вообще, бабьяго пустаго «хихиганья». Стѣдовавшая за щами, дѣ-красна упрѣвшая въ горшѣ гречневая каша, не скупо одобренная коровьимъ желтымъ масломъ, задала скудамъ еще больше работы. Потребовалась объемистая жестяная кружка съ квасомъ и пошла въ круговую.

— Хоша бы Иванъ къ обѣду подѣхалъ? не утерпѣла, высказала вслухъ свое материнское желанье Матрена, ни на минуту не переставшая бояться за старшаго сына: «Не попался ли, бѣднякъ, въ эту куру?»

— Какъ разъ тебѣ къ обѣду и подѣхалъ! не громко, какъ бы про себя, замѣтилъ Митрій, впрочемъ самъ желавшій и боявшійся того же самаго, чего желала и чего боялась жена, но считавшій почему-то неприличнымъ обнаруживать свои отцовскія чувства. При этомъ старикъ медленно отеръ полотенцемъ свою широкую и длинную пеньковую бороду.

Молодой баринъ, понурия голову, какъ бы раздумывая, прошелся по избѣ взадъ и впередъ съ заложенными за спину руками: онъ нервно и вѣрно сжималъ хрустѣвшіе пальцы.

— Вотъ человекъ мой пропалъ, сказалъ онъ, останавливаясь передъ хозяиномъ: — пошелъ тычки искать, отбился отъ сапей, замерзнетъ, пожалуй.

— Мудренаго мало по такой пыли, разсудительно замѣтилъ хозяинъ, положивъ на столъ свою деревянную ложку и добросовѣстно пережевывая горячую масляную кашу съ хлѣбомъ.

— Ничего, Аркадій Павлычъ, не сумлевайтесь объ Петрѣ, успокоительно замѣтилъ барину кучеръ, отрываясь на минуту отъ кружки съ квасомъ; — потому Пѣтра одѣвши хорошо, не замерзнетъ, Богъ дастъ...

— Опять же, можетъ, на жилѣ набредетъ, не хуже вашего; прибавилъ Митрій. Но сейчасъ же, какъ только баринъ отъ него отвернулся, кучеръ съ двоедушіемъ, составляющимъ, вообще, характерную черту бывшихъ дворовыхъ, шепнулъ хозяину уже совсѣмъ не успокоительно, а съ видомъ безнадежнымъ: «замерзнетъ, малый: потому человекъ комнатный, нѣжный, къ надворью неприличный, куда-жъ ему—должонъ замерануть?»

— Мудренаго мало: страсть одна въ полѣ, съ своею неизмѣнною разсудительностью согласился съ кучеромъ хозяинъ, тѣ же шопотомъ, чтобы барина не тревожить. Онъ самъ безпокоился о старшемъ сынѣ и прибавилъ:

— Мало бы што? у меня свой сынъ, можетъ, страждаетъ по этой по самой курѣ.

Повидимому, сидя въ теплой избѣ, за столомъ, съ ложкою въ рукахъ передъ горячей масляной кашей, молодой кучеръ не особенно расположенъ былъ вдаваться въ бесплодное безпокойство о судьбѣ лакея Петра, а потому замолчалъ, набивъ кашей полный ротъ и принимаясь громко чавкать въ свое удовольствіе. Тѣмъ не менѣе, отъ вниманія молодаго барина не ускользнулъ подозрительный шопотъ кучера съ хозяиномъ; къ тому же онъ не придавалъ никакого значенія успокоительнымъ словамъ о Петрѣ; по опыту, только что имъ самимъ вынесенному, онъ понималъ, что теперь замерзнуть въ полѣ гораздо легче, чѣмъ не замерзнуть. Онъ безпокойно прохаживался по избѣ, измысливая способы помочь своему любимцу. Снова остановясь передъ столомъ, онъ сказалъ Митрію:

— Нельзя-ли, хозяинъ, народу нанять, нѣсколько саней, чело­вѣка моего поискать? Я заплачу... хорошо заплачу... сколько хотятъ...

Митрій положилъ ложку, пережевалъ кашу съ хлѣбцомъ, и неторопливо, — какъ основательный чело­вѣкъ, сознающій, что обѣдать значить дѣло дѣлать, и что во всякомъ дѣлѣ спѣшить — только людей смѣшить, — обтеръ полотенцемъ губы и усы, и не глядя на молодаго барина, сказалъ ему:

— Наврядъ охотничковъ сыщете на такую оказію... Не пойдутъ мужики: видущая смерть. Старому мужику даже смѣшны показались предложенія молодаго барина; но по виду и тону, съ какимъ это говорилось, Митрій понялъ, что и самъ баринъ не вѣрить въ возможность того, о чемъ хлопоталъ. Все же бывалый хозяинъ счелъ нужнымъ объяснить молодому барину всю непрактичность его желанія найти Петра по такой погодѣ. Онъ продолжалъ:

— Который бы, пушай, и поворыстовался, на деньги завистливый мужикъ, — гдѣ жъ онъ искать чело­вѣка будетъ? Поле широкое — всего не изъѣдишь... По этой пыли заразъ въ оврагъ угодишь и сѣлъ.

— Какъ же быть? растерянно спросилъ проѣзжіи.

— А такъ быть, баринъ: переждать надо вамъ у меня пыль, можетъ, завтра уgomонится. Тогда и Петра поищемъ. Ужъ такъ-таки надъ нимъ и стряслось? Такъ-таки не прибѣется къ жилу чело­вѣкъ? А больше, баринъ, нечего придумать, потому дѣло это все въ виду нашемъ, и сами вы видѣли эту страсть въ полѣ. Зима — вѣдь — мудреная, и умника дуракомъ сдѣлаетъ...

— Это ужасно! ужасно! съ отчаянемъ въ голосъ и въ вы-

раженіи своего молодого красиваго лица, повторялъ проѣзжіи, ушащая свои шаги; и опять остановился передъ столомъ.

— Далеко отсюда Рѣпище? спросилъ онъ.

— До Рѣпища не далече. Хозяинъ подумалъ: — Верстъ во-семь будетъ-ли? Кабы погода — что тутъ до Рѣпища? плевое то есть дѣло.

— Не возьмется-ли кто изъ здѣшнихъ мужиковъ письмо отъ меня туда доставить? спросилъ вдругъ проѣзжіи. И видя, что хозяинъ молчитъ и въ душѣ считаетъ предложеніе его сумазброднымъ, молодой баринъ добавилъ:—Я сто рублей заплачу тому, кто мнѣ отвѣтъ принесетъ...

Обѣщаніе такихъ значительныхъ денегъ смутило даже разсудительнаго Митрія; онъ быстро на барина глянулъ, потомъ на печку, и долго соображалъ.

— Сто рублей мужику—большія деньги, всякому лестно сто рублей заслужить, заговорилъ онъ своимъ яснымъ, отчетливымъ языкомъ:—Будь я помоложе годочковъ на пятнадцать, я бы тебѣ, баринъ, уважилъ и дѣло бы это сдѣлалъ чисто. Ну, года мои не тѣ, ушли. Сенька мой опять же дитѣ, разумъ еще не великъ. Только пропадетъ по пусту.

— Господи! раздражительно воскликнулъ проѣзжіи:—Стало быть, изъ-за этой проклятой мятели пропадать мнѣ?... Мнѣ до зарѣзу надо, чтобы мое письмо нынче же въ Рѣпищѣ было... понимаешь ты это, старикъ? До зарѣзу надо! Вотъ какъ!...

Проѣзжіи выразительно провелъ рукою по своему горлу. Его синіе, чистые глаза блеснули слезой; онъ очень волновался.

Митрій глянулъ на него съ участіемъ.

— Мало ста рублей—больше дамъ...

— Не о деньгахъ тутъ рѣчь, баринъ милый, сказалъ Митрій съ убѣжденіемъ:—человѣкъ тутъ надобенъ опытный, да и отвага, вотъ что. Сказываешь: тебѣ письмо безпремѣнно надо доставить нонче въ Рѣпище... такой человѣчекъ у насъ въ селѣ, должно, есть. Думается мнѣ, этотъ письмо твое доставить. Потому отчаянной жизни человѣкъ: себя потерялъ... Ну, и дошлый, видалъ виды: огонь и воды прошелъ и мѣдныя трубы... прожого!

— Это ты про Дергоуса, тачка? засмѣялся Сенька.—Отвага!

— Потому дворинко свой опустилъ мужикъ, не хозяйствуетъ, продолжалъ Митрій объяснять проѣзжему личныя свойства Дергоуса.—Обился мужикъ до послѣдняго: ни на немъ, ни на жевѣ лоскута цѣлаго нѣтъ; избенка только подпорками держится—на бокъ свалилась; изъ подъ лавки собаки помануть нечѣмъ; жена

сыта, благодарить Бога, через два дни въ третій, а онъ пьянъ каждый день. Ну, этотъ, повладаю, за деньги на все пойдетъ, хоша бы на самого чорта.

— Отлично! Очень радъ! блистая глазами, заговорилъ, перебивая хозяина, проѣзжай.— Ты мнѣ его, старикъ, поскорѣ веди... я тебя за хлопоты поблагодарю...

— Что-жъ, съ нашимъ удовольствіемъ, баринъ! Хозяинъ поднялся изъ-за стола, обтеръ бороду, помолился на закопѣлую икону въ углу, вслухъ прочиталъ «Отче», и въ поясъ поклонился на двѣ стороны, вправо и влево отъ себя, проговоривъ: «на хлѣбъ на соли благодаримъ честныхъ хозяюшекъ».

— А коли такое дѣло, надоть мнѣ въ Павлу идти, сказалъ Митрій, надѣвая полшубокъ, а сверхъ полшубка натянувъ еще свиту съ помощью Сеньки. Подпоясался, перекрестился, надѣлъ шапку, рукавицы и вышелъ изъ избы. Проѣзжай не спускалъ съ него глазъ все время, и какъ онъ одѣвался, и какъ вышелъ. Потомъ, словно уврѣпленный проснушеюся надеждой, досталъ изъ своего щегольскаго чемодана дорожный бюваръ и, въ ожиданіи хозяина съ Дергоусомъ, присѣлъ писать письмо.

Не обращая вниманія на охавшую на печи старуху, ни на кучера, курившаго въ уголку самодѣльную папиросу, ни на хозяйку, шептавшуюся съ сыномъ на палатахъ, ни на прявшую молодайку, молодой человекъ обмокнулъ стальное перо въ пальмовую дорожную чернильницу; перо его забѣгло по большому голубоватому почтовому листу сначала тихо, а тамъ быстрѣе. Онъ писалъ:

«Дорогая Зинаида Васильевна! Я сейчасъ же выѣхалъ, какъ только получилъ ваше письмо, но судьба сильнѣе человека. Пишу вамъ въ избѣ, въ Мармыжахъ, куда прибился ужъ самъ не знаю какъ. Вы, конечно, догадываетесь, что эта ужасная мятель задержала меня здѣсь. Положеніе мое невыносимо: душой я у васъ, тѣломъ здѣсь. Благодарю васъ за все, что вы мнѣ написали. Вы не ошибаетесь во мнѣ и въ моемъ къ вамъ чувствѣ. Мысль, что вы можете быть женою другаго, просто убивала меня. Любить васъ такъ, какъ я васъ люблю—никто не сможетъ, не сумѣетъ... вы это сами должны знать; лучшіе свои дни я прожилъ съ вами. Еслибы вы знали, какъ тяжело, скучно тянулись для меня эти полгода? Я убивалъ время на охотѣ, въ гостяхъ, среди родныхъ; я прикидывался веселымъ — а на сердцѣ у меня кошки скребли. Наше прощанье въ липовой аллеѣ, въ мѣсячную ночь,— вотъ что только утѣшало меня все это время и поддерживало... Но полно

горевать заднимъ числомъ: я такъ счастливъ, я перечитываю ваше маленькое письмо, возвращающее меня къ вамъ; какъ хороша жизнь! Этотъ листокъ тонкой бумаги такъ хорошо пахнетъ, такъ мнѣ дорогъ!.. Я не отдамъ его за весь свѣтъ. Завтра я у васъ. Очень можетъ быть, что моему письму не суждено попасть къ вамъ въ руки; смѣльчакъ, который понесъ его, рискуетъ своею жизнью; замерзнуть въ полѣ въ такую мятежь вѣрнѣе всего; но все же я буду ждать вашей записки и говорю вамъ: до скорого свиданія, дорогая Зинаида Васильевна. Вашъ весь Николай Обрѣзковъ».

Высказавъ такимъ образомъ наполнявшее его чувство, молодой человекъ заклеилъ конвертъ и написалъ: «Зинаидѣ Васильевнѣ Дубенской, въ собственные руки».

Не замедлилъ вернуться въ избу и хозяинъ въ видѣ бѣлаго столба; за нимъ развально перешагнула порогъ другая бѣлая фигура съ увѣсистой дубинкой.

— Ну, баринъ, вотъ тебѣ и Павла Разувалова самого привелъ, весело сказалъ прїѣзжему хозяинъ, освобождаясь отъ снѣжной свиты и шапки. И пылить же, бабы! Боже мой! обратился онъ къ своимъ женщинамъ: — Бабье ваше дѣло — должно — теплѣе будетъ мужичьяго... какъ словно вы у Бога телушку съѣли... А тамъ-то рветъ и мечетъ!..

— Извѣстно, къ ночи расходилась, Митрій Ваньчъ, спокойно замѣтилъ Дергоусъ, страхнувшій съ себя у двери снѣгъ ловкимъ движеніемъ, вотъ какъ собаки встряхиваются отъ воды: — Къ ночи кура всегда жестче беретъ.

Проѣзжій съ чувствомъ не то любопытства, не то страха обмануться въ томъ, кому готовился вручить письмо, разглядывалъ коренастаго «загулявшаго» мужика. Мужикъ какъ мужикъ, только вправду «обился» крѣпко. Порванный старенькій полушубчишко, подъ мышками и на полахъ, клоками виситъ; обрывкомъ подпоясанъ; на ногахъ пожелтѣвшія отъ давней носки, тоже дырявыя, заткнутыя соломой, валенки; потемнѣвшее на морозѣ лицо глядѣло бойко и смышлено. Только не понравились молодому барину своимъ выраженіемъ его тусклые, словно оловянные глаза и усмѣшка: травленные мошенники такъ улыбаются и глаза перекашиваютъ. Русые усы, которыми Разуваловъ какъ-то странно вздергивалъ, отчего и носилъ свою кличку Дергоуса, были свѣтлѣе густой бороды. Не смотря на свой оборванный полушубокъ и изношенныя бабы валенки, Дергоусъ, со своею неизмѣнною ямскою шапкою въ рукахъ, выглядывалъ молодцовато и самоувѣренно. Бросивъ на ковикъ старую шапку и взявшись обѣими руками за

обрывокъ, замѣнявшій ему кушакъ, онъ пытливо глядѣлъ на того, кому занадобилась его услуга и отъ кого, за эту услугу, онъ считывалъ поживиться. Повидимому, молодой баринъ ему понравился. Дергоусъ, какъ малый непромахъ, своимъ собственнымъ опытомъ успѣлъ убѣдиться, что молодые господа «проще старыхъ»; перепало и ему отъ нихъ въ карманъ, когда онъ еще на станціи въ ямщикахъ жилъ.

— Вотъ, Паня, барину ты занадобился, сказалъ ему хозяйинъ, съ желаніемъ облегчить проѣзжему приступъ къ дѣлу:—коли можешь ты ему статью эту обдѣлать—берись; отъ барина обиженъ не будешь; а ежели не можешь — не берись. Такъ и сказывай, какъ должно, по совѣсти.

— Вѣстимо, дядя Митрій, по совѣсти важное дѣло надо дѣлать, и говорить надо по божески. Дергоусъ глянулъ на молодаго барина, желая встрѣтить въ немъ одобреніе своимъ правиламъ, высказаннымъ имъ столь твердо.—Я чтѣ тебѣ, дяденька Митрій, сказывалъ, то и барину скажу. Потому, слово у меня навсегда одно.

— Когда не пьянъ,—ввернулъ, смѣясь, хозяйинъ. Сенька тоже засмѣялся.

— Заговѣнье, дяденька; въ долгъ Юдичъ шкалика не вѣрять, а купило—притупило! весело заговорилъ Дергоусъ:—говѣю до самаго до поднесенья ва дня.

— Такъ ты, любезный, берешься доставить мое письмо въ Рѣпище, въ помѣщичій домъ? приступилъ къ Дергоусу проѣзжій, въ душѣ трепеща, что вотъ и этотъ молодецъ раздумаетъ идти.

— Взяться возьмусь, баринъ, отчего не взаться? Павелъ Разуваловъ вздернулъ усомъ и показалъ проѣзжему свои бѣлые зубы.—Награжденъ за это мнѣ, сказывалъ Митрій Ваньчъ, сотенный билетъ?

— Да, подтвердилъ проѣзжій.—За деньгами, братъ, дѣло не станеть... Дѣло все въ тебѣ...

— А мое дѣло короткое, баринъ: одѣлся, дубинку въ руки—и съ Богомъ; потому время провождать нечего—не рано.

Проѣзжій подалъ ему письмо и заторопился достать изъ бокового кармана щегольской поддевки объемистый сафьянный бумажникъ.

— На, впередъ! проѣзжій вынулъ изъ бумажника радужный билетъ. Дергоусъ денегъ не взялъ и пристально поглядѣлъ на барина, словно не одобряя его ненужной торопливости, и сказалъ спокойно:

— Денегъ съ васъ, баринъ, я теперь не возьму. Иду я въ самую пропасть: живъ останусь, аль пропаду—Его святая воля.

Приду—денъги свои получу отъ васъ, баринъ; а не приду,—бываетъ и это съ нашимъ братомъ,—бабѣ моей отдадите денъги; дяденька Митрій Ванычъ укажетъ... такъ-то, баринъ; а теперича собраться надо...

Дергоусъ оглянулъ хозяина и избу, словно ища глазами то, что ему нужно и безъ чего нельзя идти въ мятель.

— Дяденька, обратился онъ прямо къ хозяину:— свиту мнѣ свою дай и валенки. Голому нынче далеко не уйти. Какъ бы—ину пору— всю ночь не проблудить!

— Надѣнь, кратко согласился хозяинъ, разуваясь и передавъ свои валенки Павлу, а самъ сапоги надѣлъ. — Ишь его: въ теплыхъ онучахъ и штаны теплые. Хвалю за это твою бабу: справила, какъ быть должно.

— Онучами-то этими да штанами и живъ будешь, дяденька; замѣтилъ Павелъ, обуваясь въ крѣпкія хозяйскія валенки.

— Безъ суконныхъ онучей да безъ штановъ совсѣмъ бы я на цыганскомъ положеніи находился. Дергоусъ усмѣхнулся и, сверхъ своего старенькаго полушубка, надѣлъ толстую свиту и туго подпоясался своимъ обрывкомъ; старикъ Митрій благоразумно поднялъ ему воротъ свиты и по вороту обвязалъ шею и лицо большимъ полинялымъ женинымъ платкомъ, такъ что только глаза одни виднѣлись. Завязавъ письмо въ свой носовой платокъ въ родѣ тряпки, Дергоусъ бережно спряталъ его въ карманъ своихъ толстыхъ сѣрыхъ штановъ.

— Ну, теперь совсѣмъ! только на дорожку пропустить осталось, дяденька! весело сказалъ Дергоусъ, взявъ въ лѣвую рукавицу свою увѣсистую дубинку. — Ты мнѣ, молодайка, въ квасной стаканъ лей: не люблю губы мочить да себя дражнить; осадилъ— и шабашъ!

— Будьте вы тутъ здоровы и мнѣ бы къ вамъ благополучну вернуться, барину молодому службу сослужить! сказалъ Дергоусъ, съ кваснымъ стаканомъ водки въ рукѣ, и, не торопясь, съ невыразимымъ удовольствіемъ, выпилъ его до дна. Онъ только крикнулъ и облизнулся, завистливо провожая молодайку съ зеленоватымъ штофомъ водки и пустымъ стаканомъ.

— Даромъ, что дурашка, а справедливый напитокъ, неробкій, дяденька, замѣтилъ Дергоусъ хозяину:— и другой стаканъ, по такому времени, ничего бы...

— Полушубчишко-то у тебя больно плохъ, Паня; не пропадь бы ты чрезъ него? заботливо замѣтилъ ему хозяинъ. — Взялъ бы ты Сенькинъ.

— Вотъ еще что придумаль? Дергоусъ засмѣялся самымъ беззаботнымъ смѣхомъ. Одѣлся человекъ совсѣмъ, а онъ его раздѣвать вздумаль. Авось не смерзну. Аль, вправду, впервой намъ? По этой бы одежѣ ничего, можно жить... Цыганъ—погляди на него—куда плоше одѣвается, да еще въ шатру себѣ съ бабами, съ дѣтьми зиму зимуеть... Цыганъ шубу еще на крещенье продалъ: молъ, не въ рождеству дѣло, а въ велику дню.

— Ты, любезный, письмо мое барышнѣ Зинаидѣ Васильевнѣ передай самой въ руки, поумнѣе, пожалуйста... научаль своего посланца проѣзжій, все еще не вѣря себѣ, что этотъ смѣльчакъ взялся доставить его письмо.—Скажи, что я буду завтра; письмо мнѣ отъ нея принеси... да возьми, про случай, цѣлковый.

— Дѣло, баринъ: можетъ, выпить придется. А не вернусь, баринъ, бабѣ моей сторублевый билетъ заплати, какъ сказано... Таитья нечего, бабушка на двое сказала: либо выскочишь, либо нѣтъ... Прощайте... Идти надо.

— Съ Богомъ! напутствовали его.

Хозяинъ, Сенька, кучеръ и баринъ проводили Дергоуса на улицу.

— Молодецъ, хоть и пьяница, думаль, вернувшись въ избу, молодой баринъ, на котораго проявленіе такого рѣшительнаго мужества произвело сильное впечатлѣніе. — «А не вернусь, баринъ, бабѣ моей сторублевый билетъ заплати, какъ сказано»; звучали въ ухахъ проѣзжаго простыя и, какъ ему казалось, хорошія слова.—За сто рублей, можетъ быть, на смерть пошелъ! раздумываль проѣзжій, — и все это просто, безъ жалкихъ словъ, съ веселымъ смѣхомъ... и кто же? распянствовавшійся мужикъ, нищій! Онъ даже не понимаетъ своего подвига, не придаетъ ему никакой цѣны. Да, народъ — хорошая почва; она только дастъ Россіи будущее, достойное нашего отечества. Но дойдетъ-ли онъ до Рѣпища? вдругъ унываль духомъ молодой человекъ.

XIII.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ужасной мятели, проѣзжій, какъ ни хотѣлъ, плохо вѣрилъ въ успѣхъ отважнаго предпріятія, на которое рѣшился Дергоусъ. Онъ присѣлъ на лавку, болѣе смущенный, чѣмъ обрадованный, что ему удалось таки послать къ Зинаидѣ письмо. Ужасно сидѣть въ этой душной избѣ, когда его ждетъ Зинаида, когда должна рѣшиться судьба всей его жизни? Что можетъ быть тяжеле его положенія?

— Вы кто же такіе будете? чьихъ господъ? спросилъ его

вдругъ ховяинъ. — Кажись, по своей сторонѣ всѣхъ господъ знаю. Вы издалеца?

— Съ Граворонки. Можеть, слыхаль, старикъ, помѣщикъ Обрѣзовъ есть? я его сынъ.

— Обрѣзовъ? какъ не слыхать... Одного уѣзда. Это что крупчатка на Граворонкѣ на рѣчкѣ? Садъ большой, домъ каменный...

— Вотъ—вотъ... ты—стало—имѣнье наше знаешь... Тройцу?

— Тройцу! Митрій усмѣхнулся себѣ въ бороду. Сколько, можеть, разовъ проѣзжалъ. Мы, признаться, извозомъ занимались съ покойнымъ родителемъ, вдаль хаживали на тройкахъ. Это еще до чугулки; давно было дѣло. А въ Тройцѣ намъ кормежка была: это на Старооскольскомъ шляху дворъ стоялъ, мѣщанинъ знакомый держалъ. Дворъ преотмѣнный, и ховяинъ не обидчивъ былъ. Харчи это у него по всему шляху отиѣнные; изъ-за этого изъ-за самаго больше нашъ братъ, извощикъ, къ нему и прибывался. Потому, для извощика харчи—первое дѣло. Подастъ тебѣ, бывало, севрюжину съ квасомъ, лапшу это съ курицей, кашу съ масломъ, булки съ медомъ—по московски. Постоялый былъ, что и говорить! Запустѣлъ, должно, нонче, безъ надобности сталъ: извощикъ не ходитъ по дорогамъ, чугулка все...

— Да, отецъ давно снесъ постоялый: пустѣлъ долго, сарай уже разбирать стали...

— Такъ, такъ!.. А вы это, баринъ, куда же наладились по такому времени?

Молодой проѣзжій только вздохнулъ, вопросъ ховяина опять напомнилъ ему, что онъ въ избѣ, а не у любимой дѣвушки. Онъ сказалъ:

— Я къ Дубенскимъ ѣду, въ Рѣпище, надо мнѣ къ нимъ...

Ховяинъ вскинулъ на молодого барина, изподлобья, внимательный взглядъ, но ни слова не сказалъ.

— Это мои хорошіе знакомые, пояснилъ свои слова проѣзжій, и опять вздохнулъ и задумался.

— Такъ! протянулъ Митрій, снова опустивъ въ полъ глаза; и прибавилъ тихо:

— Хорошая госпожа — одобряють... тоже барышня, связываютъ, красавица и умница... богатая помѣщица...

Проѣзжій опять вздохнулъ.

Благодаря попечительной хозяйкѣ, опъ, сумерками, напижся чаю со сливками и со старооскольскими кренделями; на столѣ засвѣтилась сальная свѣча въ жестяномъ поставцѣ; а на печкѣ, въ черной закоптѣлой плшкѣ тускло горѣлъ въ жиру самодѣль-

ный фитиль, то и дѣло поправляемый толстыми руками молодойки.

Бывалый въ дорогахъ хозяинъ разсказывалъ молодому кучеру про свое извощичье время. Молодой баринъ сталъ слушать и невольно заинтересовался. Разсказывалъ старый хозяинъ, какъ «одновѣ съ сосѣдомъ-товарищемъ ходилъ въ Смоленскъ»; доставляли купцу кожу; Митриевыхъ три телѣги и товарищевыхъ три. Сдали товаръ благополучно, разочлись. Порожнемъ пошли. «Хорошо, идемъ, говорилъ хозяинъ:—Расшалился Фалѣй, товарищъ; какъ—вѣдь водку сталъ пить! Допался до ея—безъ устали пьеть. — Э, говорю, другъ, брось ты, скверно; всего опять же тебѣ не выпить, пьянѣ водки не бывать; это, говорю, только жадность твоя одна; глянь, говорю, на себя: извелся, измочалился. Куда тебѣ! Я—говорить—за себя самъ отвѣтчикъ; а ты мнѣ не указчикъ—и куликаеть. Ну, говорю, ладно, дѣло твое. Всю дорогу пропьянствовалъ. Гляжу, на карачкахъ полѣзь, горячка охватила; отъ пищи отрекся, словно пласть лежитъ. Подмостилъ я ему лежанье на передкѣ, да такъ и везъ дня четыре. Въ Рославлѣ язьмъ ему отняло: только на постоянный—померъ Фалѣй мой. Хорошо. Похоронимши я Фалѣя, поѣхалъ. Значить, на шести на подводахъ одинъ, девять лошадей велъ, сотъ на шесть—признаться—денегъ при мнѣ—сигнаціи тогда были. Одному мнѣ дѣло не способное: ни доглядѣть, ни накормить скотину, ни повозки смазать—хоть ты голосомъ вой. Ну, нечего: что-жъ дѣлать. Глядь, на первой же станціи, такъ это верстъ десять отъ Брянска отѣхачи, увязался за мной пострѣль, тоже верхомъ; жеребчикъ подъ нимъ ловкій. Слово за слово: я, молъ, вамъ попутчикъ. Милости просимъ, говорю: посадилъ я его на повозку, а жеребчика на задъ привязалъ; онъ мнѣ во всемъ это подражаетъ, все какъ слѣдъ исполняетъ по нашей части, по извощичьей. Я и радъ-радешенекъ такому товарищу. Съли обѣдать. Я ему поль-кварти поставилъ и, признаться, за обѣдъ его заплатилъ. Пушай его, думалось—ништо: я этимъ не обѣдняю, а только человекъ къ себѣ привяжу добродѣтелю; онъ мнѣ въ помощь будетъ. Хорошо. Одновѣ стали это съѣзжать со двора, запрягать, хватъ супонь пропала. Всклепался я на дворника. Это, молъ, не дворническое дѣло, что супони со двора пропадаютъ. Дворникъ божится: «братъ не бралъ, видѣть не видалъ». Ну, я себѣ: гдѣ наше не пропадало! Аль въ самомъ дѣлѣ изъ за двугривеннаго срамиться! съѣхалъ со двора. Станція намъ подошла большущая, перегонъ на двадцать на пять верстъ, а однимъ-одинъ «Шушувскій» дворъ. И все продѣски, мѣста сумнительныя подошли, народъ тоже болтаеть:

её совсѣмъ то есть покойно, шалаятъ, вишь. До «Шушувскаго» добрались за-свѣтло, до солнца. Я было заночевать, и по всему закону слѣдовало заночевать. Попутчикъ отговорилъ: рано-де на дворѣ, къ ночи-де до Ступишиной доѣдемъ; что, молъ, по пусту харчиться? поѣдемъ да поѣдемъ! Поѣхали; попуталъ меня лукавый, послушался. Трехъ версть не отѣхали — ночь, ѣхать не куда, наволочь насунулась, зги не видать. Дождь, осенняя изморозь, вѣтеръ пошелъ по лѣсу, мрѣка; волки это даже голосятъ; а Семень—попутчикъ на одной подводѣ со мной. Взяла меня оторопь, самъ не знаю, что со мною такое, ну, только всего боюсь; даже Семена-то пужаюсь, словно сердце тебѣ вѣсть подавало. Отослалъ я того Семена на заднюю подводу, какъ бы, молъ, не отрѣзали лошади по ночи; ну, а самъ на сторожкѣ, осматриваюсь, оглоблю запасную около себя положилъ: душа, значить, ныла, вѣсть черную подавала. Какъ прихлысветъ дождь! Остановился я это въ лѣсу, давай чекмень надѣвать, да такъ-то Семена спрашиваю: «Семень, а Семень! живъ ты»? Значить, по ночи голосъ человѣческой любезно услыхать. Семень молчитъ. Что такое? пошелъ я по повозкамъ. Глядь — анъ послѣдней нѣтъ, а въ ней чара молодыхъ лошадей шла, и Семенова жеребчика нѣтъ, и Семена нѣтъ, словно згинулъ. Подкузьмилъ меня кумъ, думаю, и такъ вотъ весь и тряусь—стою. Колокольчикъ звенить — бѣжить почта.—Стоять? кричу, не видалъ-ли, молъ, любезный человѣкъ, подводы парной и лошадь съ сѣдломъ?—Видалъ, говорить, подводу парную, а сзади лошадь привязамши; повстрѣчалъ въ лѣсу, ну только шибко гвалъ по лѣсу.

— Далече?—нѣтъ, говорить, не далече. Я назадъ, до Шушувскаго двора дотатился, рассказалъ о своемъ горѣ дворнику. Дворникъ, спасибо, человѣкъ знакомый былъ, господскій, и твѣрякъ. Ихъ у насъ по Орловской губерніи затѣмъ «литвяками» называютъ, что не русскіе они люди, не хохлы, а перевертни, косноязычные. Дворникъ мое горе раздѣлилъ. Я, говорить, знаю, чья это дѣль; безпремѣнно, говорить, Колбасовскіе: тамъ мошельники! посылай, говорить, за водкой. Четверть принесть. (Возлѣ-то кабакъ былъ). Дворникъ, пройда продувная, сѣликалъ извощиковъ, что у него ночевали.

— Ну, братцы, говорить, такъ и такъ, человѣку пособить надоть, ужъ его магарычъ, по закону. Я въ поясъ извощикамъ: братцы! не оставьте! Ведро обѣщаль поставитъ. — Запрягай, ребята, двѣ тройки! дворникъ это имъ командуеъ. Ну, выпимши, живой рукой двѣ тройки подали.

— Вались, братцы, народу больше, драки-моль не было-бъ: Болбасовскіе—бѣдовые. Навалился народъ на подводы, въ кнутыя лошадей приняли, поскакали. Большакомъ, лѣсомъ, а потомъ проселкомъ. И тоже лѣсъ все. Собаки лають; оврагъ; по оврагу дворы это разметаны. Дворникъ всѣмъ за собою велѣлъ идти, одного при лошадяхъ оставилъ. Ведеть онъ насъ задами, промежъ овиновъ; остановились. Дворъ крытый, защищенный, ворота затворимши на запоръ; изба середь двора, огонь маячится. Здѣсь, говоритъ дворникъ; безпремѣнно здѣсь твой злодѣй. Лѣзьте, братцы, на дворъ. Перелѣзли это на дворъ: моя телѣга среди двора и лошади мои, и Семеновъ жеребчикъ. Мои-то сердешныя инда заржали при мнѣ и ѣсть бросили; скотина, а стало смыслъ у ей. Мы въ избу. За столомъ семья большая, ужинають этта. Семень мой тутъ же съ ложкой; глянулъ на меня и ложку выпустилъ, побѣднѣлъ. Мы къ хозяину. Такъ, моль, и такъ: у тебя злодѣй. Хозяинъ и руками, и ногами: отступается отъ Семена. У ихъ, конечно, канитель одна была, а видить—не ихняя взяла, отступился. Вытащилъ я этого Семена за волосы изъ-за стола, повозилъ такъ-то по землѣ; извозчики было его пинками; ну, только я этого не пожелалъ, а за сотскимъ послали, какъ по закону надо. Сотскій того Семена сковаль и подъ караулъ отдалъ, обыскалъ при окольныхъ: супонь моя въ голенищѣ у него была, а за пазухой большой ножъ вытащили. Люди съ лихостью, — докончилъ со вздохомъ Митрій, — одинъ Богъ съ милостью!»

Старый хозяинъ въ свое время поужиналъ съ семьею и съ кучеромъ. Послѣ ужина мужики съ кучеромъ вышли. Каждый безпокоился о своихъ лошадяхъ и скотѣ. Проѣзжіи баринъ съ любопытствомъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ ложились эти простые трудящіеся люди. Сенька вытащилъ изъ сѣней охапку соломы, напустивъ, при этомъ, въ избу свѣжаго морознаго воздуха. Затѣмъ солному Сенька съ кучеромъ раструсили на земляномъ полу, отъ дверей, въ видѣ постели, прикрывъ ее бѣлымъ, широкимъ войлокомъ, а въ головы, къ лавкѣ, бросили двѣ тяжинныя подушки; на-скоро раздѣлись и залегли себѣ, укрывшись своими полушубками. Скоро все затихло въ избѣ, и послышалось отовсюду храпѣнье здоровыхъ паморившихся людей, которые привыкли ложиться рано, засыпать сейчасъ же, какъ лягутъ, и вставать со свѣтомъ. А Николаю Обрѣзкову было не до сна. Въ этотъ поздній часъ, ночью, среди сна, объѣвашаго избу, ему страшнѣе казалась бушевавшая за бревенчатыми стѣнами мятель. Пуще пугала его теперь мысль, что Дергоусъ замерзъ и письмо его пропало съ нимъ;

но въ то же время онъ чувствовалъ себя счастливымъ при сознаниі, что у него въ карманѣ узенькій, гласированный, тонко-пахнушій конвертъ, на которомъ Зинаида своимъ красивымъ женскимъ почеркомъ написала его имя и фамилію. Въ этомъ конвертѣ ея письмо, которое онъ успѣлъ перечестъ двадцать разъ и всякій разъ читалъ съ тѣмъ же волненіемъ, съ какимъ прочелъ въ первый разъ. Повинуясь сердечной потребности, онъ захотѣлъ еще разъ взглянуть на дорогія ему строки, прочестъ ихъ. Дѣвушка писала:

«Николай Николаевичъ! Пріѣзжайте, не медля. Чего я такъ боялась—случилось вчера: Алексѣй Дмитріевичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Я еще ничего ему не сказала рѣшительно, но вы хорошо знаете, что мечта моей маман—видѣть меня женою Алексѣя Дмитріевича. Маман такъ его уважаетъ, онъ такой славный человекъ; но мысль выйти за него за мужъ—меня просто ужасаетъ. Я не понимаю, отчего это? я высказалась ему безъ утайки, чисто-сердечно. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ счастье двухъ людей,—мнѣ кажется, лгать или не договаривать—безчестно. Послѣ объясненія съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ, я сама не своя. Я ослабѣла, какъ послѣ тяжелой болѣзни. Но это слабость тѣла, нервъ; душою я спокойна: я поступила какъ слѣдуетъ, я не обманываю человекѣва, котораго не могу любить, какъ своего мужа. Я нуждаюсь, въ эту минуту, въ вашемъ присутствіи, въ вашемъ ободряющемъ словѣ. Пріѣзжайте сейчасъ же... полгода мы не видались съ вами, какъ рѣшила моя маман; кажется, достаточно долгій срокъ для того, чтобы провѣрить свое чувство и безошибочно назвать его. Я та же, что была; если вы также не измѣнились—я васъ жду. Видите, я съ вами говорю безъ ложнаго самолюбія, я вамъ вѣрю. Отъ васъ теперь, помните, зависитъ многое, если не все. До свиданія! Боюсь сказать: прощайте! Ваша Зинаида.» P. S. «Маман не знаетъ объ этомъ письмѣ.»

Опять волнуясь и трепеща хорошимъ наполнявшимъ его чувствомъ, въ счастливомъ молчаньи, просидѣлъ надъ дорогимъ ему письмомъ Николай Николаевичъ. Эти строки грѣли его, уносили не вѣсть куда. Она его любитъ, эта милая, красивая дѣвушка; она, поэтому, и пойдетъ за Алексѣя Дмитріевича; это ему понятно. Со всею живостью юношескаго впечатлѣнія, онъ видѣлъ передъ собою хорошенькую дѣвушку точно такую, какъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ: съ личикомъ, разгорѣвшимся послѣ катанья съ нимъ въ полѣ, на его ухарской тройкѣ, въ московскомъ фавтонѣ. Хорошенькая шляпа съ сѣрымъ перомъ кокетливо надвинута на бойкій черный глазъ подъ соболиною бровью; золотомъ пере-

ливається на лѣтнемъ солнцѣ тяжелая свѣтлорусая коса; при всякомъ движеніи дѣвухи — золотистою змѣей волнуется она на черномъ блестящемъ ліонскомъ бархатѣ коротенькой кофты. Какъ онъ её любить! Онъ это докажетъ ей не словами, а всюю своею жизнью! Спрятавъ письмо опять въ свой объемистый бумажникъ, онъ не переставалъ улыбаться симпатичному женскому личику съ черными глазами и золотистой косой. Мало-по-малу онъ успокоивался по мѣрѣ того, какъ сказывалась въ немъ сильная душевная и тѣлесная усталость. Онъ не помнилъ, какъ упалъ на свою импровизованную постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ молодости, счастья и усталости...

XIV.

Между тѣмъ Павелъ Никитинъ Разуваловъ, прозванный Дергоусомъ, въ плохенькой одежонкѣ и съ дубинкой въ рукѣ, бодро пробивался впередъ, утопая часто по уши въ сугробахъ, навороченныхъ кругомъ Рачителява двора. Бѣшеная куря била его со всѣхъ сторонъ, «крутила», по мужицкому выраженію. Снѣжный буранъ душилъ его, заметая своей сухой, холодной пылью, набивавшейся въ глаза, всюду, куда только можно было проникнуть. Выбился изъ силъ Дергоусъ; просто задохнулся онъ и, провалившись въ сугробъ, долженъ былъ передохнуть. Всякій другой на его мѣстѣ, вѣрнѣе всего, не рѣшился бы продолжать своего безразсуднаго пути и вернулся бы назадъ къ женѣ, въ теплую избу. Но Дергоусъ и не думалъ вернуться. Сообразивъ, что «воронежскій» вѣтеръ, т. е. сѣверо-восточный, дуетъ какъ разъ съ той стороны, гдѣ Рѣпище, онъ весьма основательно рѣшился идти все напрямикъ, противъ вѣтра.

— Такъ будетъ трудно сбиться, разсуждалъ Дергоусъ, переводя духъ, для чего и повернулся къ ужасному вѣтру спиною. — Потому, если вправо какъ нибудь грѣхомъ заберу — неминуче въ Росховецкій лѣсъ попаду, а ежели влѣво — Переволочное село по оврагу сидитъ, верстъ на пять тянется, жилища все-таки не минувешь... А сугробы, извѣстно, жилы любятъ, овраги, лѣсъ.

Отдохнувъ, нашъ путникъ опять замахалъ палкой и руками, утопая въ сугробахъ. Только выльзетъ изъ сугроба, набирая себѣ холоднаго снѣгу въ валенки, въ суконные штаны, за платокъ, въ рукава, и сейчасъ глубже въ другой ушелъ... Такъ утопалъ онъ недолго, впрочемъ. Скоро Дергоусъ, къ своему удовольствію, почувствовалъ, что подъ его ногами снѣгъ твердѣетъ, что

ноги его словно возвратили себѣ свою всегдашнюю свободу и легкость, холодные сугробы уже не мѣшали привычному, ровному ходу, подвигавшему его впередъ къ завѣтной цѣли. Даже надземка, замѣтилъ онъ, стала здѣсь тише. Теперь онъ въ полѣ, отошелъ отъ деревни. Наддать пока можно. И пошелъ Разуваловъ «наддавать», т. е. живѣе работать привычными ногами, прямо навстрѣчу воронежскому вѣтру. Дергоусъ подвигался все въ одномъ неизмѣнномъ направленіи, какъ ни сбивала его отовсюду налетавшая и во всѣ стороны швырявшая его мятель. Мало того, наткнувшись на дубовый кустъ, весь выбѣленный, онъ сейчасъ же замѣтилъ себѣ, что это подошли «Желтухинскіе кусты», которыхъ миновать нельзя. Когда онъ пересталъ наткаться на кусты и падать въ навѣянныхъ между ними сугробахъ,—опять свободнѣе пошли мѣсить его ходкія ноги. Онъ подумалъ, что прошелъ версты три; оно, положимъ, здѣсь версты чортъ мѣрилъ веревкой и веревку потерялъ, все же мысль, что уже «кусты» позади—прибавила ему смѣлости, тѣмъ болѣе, что возвратъ теперь для него былъ уже «не подъ расчетъ» и оставалось до Рѣпища верстъ пять, не больше. Пять верстъ однако еще идти! пришло ему вдругъ въ голову не то опасеніе, не то раскаяніе, что на такое отчаянное дѣло пошелъ онъ изъ-за денегъ... «Изъ-за денегъ кто душу свою не бережетъ—тотъ дьявола потѣшаетъ и себя во адъ przygotowляетъ», вспомнилъ вдругъ Дергоусъ слова богомольнаго старика Митрія.

— Стало я дьявола тѣшу? испугался онъ вдругъ, уже со страхомъ вслушиваясь въ неистовый хаосъ звуковъ, оглушавшихъ его, и качаясь на ногахъ, уже притомившихся и несшихъ его не съ прежнею легкостью.—Ну, какъ это вѣдмы кругомъ меня лютуютъ? Ну, какъ это нечистый заманиваетъ меня? задался смѣлчакъ вопросомъ, холодившимъ его внутренность. И его возбужденному воображенію представлялось, что онъ попался среди самаго шабаша вѣдмъ, что они синлыми голосами радуются: «попался-де наконецъ къ намъ въ лапы, Бога забывшій, живущій безпутно Разуваловъ». Въ хохотъ и воѣ мятели онъ слышалъ насмѣшку съ адскимъ припѣвомъ: «сто рублей, сто рублей! вотъ тебѣ сто рублей! возьми ихъ въ оврагѣ! туда тебѣ и дорога»!.. Сердце смѣлчака дрогнуло и заныло. Самая мысль о сторублевомъ билетѣ, такъ укрѣплявшая его сначала въ рѣшимости добиться до Рѣпища; теперь больше всего пугала, какъ упрекъ въ жорысти, предавшей его душу нечистой силѣ. Правда, упреки совѣсти и страхъ, обуявшіе его такъ несвоевременно, нимало не

влияли на его движеніе впередъ; онъ, по прежнему, усердно работалъ ногами, наклонившись впередъ всѣмъ своимъ корпусомъ противъ вѣтра. Бабы сказки и ребячьи страхи, воспитавшіе воображеніе Дергоуса, дѣлали свое дѣло, такъ же точно, какъ его мужицкія ноги и сметка бывалаго человѣка дѣлали свое. Онъ такъ былъ проникнуть чувствомъ страха передъ нечистой силой, овладѣвшей имъ, какъ своею законной и давно желанной добычей, такъ наглядно и ясно подымалась и проходила передъ нимъ вся его грѣховная жизнь, съ ея мытарствомъ и вороватостью, ложью на каждомъ шагу, — что онъ тогда только замѣтилъ, что наступила ночь, когда завязъ вдругъ въ глубокой снѣгу, до того глубокой, что вылѣзть изъ него показалось ему невозможнымъ.

— Врешь, Разуваловъ, не нѣжничай другъ, внушительно сказалъ ему строгій внутренній голосъ, не слушать котораго онъ не могъ: — Чего разсолодѣлъ? усѣлся въ снѣгу, благо застрялъ. Ну, чтожь, что застрялъ? — застрялъ — такъ выбраться на Русь надо; а не выберешься, — оставаться тутъ тебѣ, другъ, навѣки. Ты тамъ, гдѣ должно: это «Жестяной верхъ», выбраться бы только отсюда — верста всего до Рѣпища... А то страхи старушечьи на себя напустилъ.

Идти надо. Сто рублей не шутка: и подати старшинѣ сунешь, пороть на сходѣ не будутъ, и бабѣ своей платье и башмаки справишь, и себѣ полушубченку да сапоги, да шапку, чтобы тебя на людяхъ не срамили. И тутъ опять мысль о сторублевомъ билетѣ, вмѣсто того, чтобы пугать, укрѣпила Дергоуса, успѣвшаго передохнуть... Онъ сдѣлалъ усиліе вылѣзть изъ «ловушки», какъ онъ назвалъ глубокое гнѣздо, пробитое имъ въ снѣговой насыпи, и къ досадѣ своей почувствовалъ, что усталыя ноги его, отъ насыпавшагося въ валенки снѣга, почти потеряли способность двигаться, да и руки, въ плечахъ и въ локтяхъ, словно не его, — не слушаются. Ужь крѣпко онъ усталъ... Впрочемъ, онъ и тутъ не растерялся, не смалодушничалъ, сознавая опасность своего положенія.

Хотя съ горемъ пополамъ, онъ вылѣзъ таки по крутому ребру верха и, вздохнувъ, снова замѣсилъ ногами по снѣжному полю. Сначала онъ задвигался съ большимъ трудомъ: ноги не слушались; затѣмъ, постепенно согрѣваясь, онѣ возвратились къ своей способности сгибаться, ощущать и исполнять волю своего хозяина. Эги не видѣлъ Дергоусъ. А слухъ его такъ утомился слушать эту дикую, однообразно воющую и злобно свистящую зимнюю мятежь, — что онъ уже не обращалъ на нее вниманія и не доискивался въ ея угрожающихъ звукахъ, кричить ли она: «сто рублей!

сто рублей!» или иное что. Трудно было ему дать себѣ отчетъ, долго-ли онъ идетъ и гдѣ именно находится. По его соображеніямъ, не оставившимъ его ни на минуту, онъ рассчитывалъ, что находится на пути между «Жестянымъ верхомъ» и Рѣпищемъ; но гдѣ именно—этого онъ не зналъ. Когда же, вправо отъ него, вьюга какъ бы усилилась и вдругъ новые, сильные, дикіе голоса завывли и захохотали пуще прежняго, Дергоусъ, съ живѣйшимъ порывомъ радости, догадался, что это старыя ракиты бушуютъ на валу; что это уже околица... Онъ тѣмъ болѣе радовался, что чувствовалъ себя уже неспособнымъ идти; пальцы на ногахъ у него замерзли и одеревенѣли — это онъ давно понялъ... Кровь стыла въ его жилахъ, сонъ одолевалъ на ходу... Подавался онъ впередъ тупо, еле-еле, насилая себя и забывая даже, гдѣ онъ и что это съ нимъ? зачѣмъ и куда онъ идетъ? Вдругъ онъ упалъ въ какую-то яму. Запахъ гари и дыма сейчасъ же ему сказалъ, что онъ очутился въ овиноѣ. Полежавъ нѣкоторое время въ большомъ удовольствіи человѣка, сознающаго себя въ безопасности, и съ полнымъ желаньемъ не вставать, бѣдный Дергоусъ ощущалъ всю разницу этого тихаго, теплаго мѣста съ полемъ, которымъ самодурно и всецѣло овладѣла жестокая мятель. Онъ забылся, какъ сильно усталый человѣкъ, прежде чѣмъ подумалъ о томъ, какъ-бы пріятно было теперь отдохнуть; теплота, тянувшая снизу изъ овина, только что вытопленного, располагала къ нѣгѣ, но Дергоусъ былъ не изъ нѣженокъ. Онъ скоро опомнился передъ вопросомъ: «а письмо? а сто рублей?» и собрался подняться. Въ ту же минуту, что-то въ овиноѣ, внизу, зашумѣло соломой и прежде, чѣмъ Дергоусъ всталъ, мимо него, съ какимъ-то глухимъ гортаннымъ воемъ и звонкимъ стукомъ зубовъ, блеснувъ въ темнотѣ на Дергоуса двумя глазами, словно двѣ горячія свѣчи — какъ мысль, — быстро промчался звѣрь. Въ носъ шибнулъ Дергоусу тотъ острый, сильный запахъ, что отличаетъ вообще хищнаго звѣря. Волкъ! только и могъ подумать путникъ, совсѣмъ уже ободрившійся послѣ опасности. Дергоусъ вышелъ изъ овиной ямы и, не мѣшкая, пошелъ себѣ мѣсить снѣгъ, все въ упоръ воронежскому вѣтру... Пришлось ему снова нырять и кувыряться. А! огонекъ въ окошкѣ свѣтится! Изба! Собака забрехала, за армякъ даже потянула... слава Богу!.. Стукъ-стукъ въ опущенное снѣгомъ оконце: «хозяинъ! а хозяинъ? слышь, хозяйва?».. заставляетъ себя кричать Дергоусъ, а языкъ и губы его не слушаютъ. Выходить не крикъ, не слова, а что-то странное, смѣшное. Кто тамъ? чего нужно? слышится въ избѣ лѣбный голосъ. Сѣнная дверь пріотворилась, да такъ немножко,

осторожно, словно хозяинъ былъ человекъ напуганный, недовѣрчивый ко всякимъ ночнымъ прохожимъ.

— Что тебѣ, чыхъ ты, милый? опросилъ его хозяинъ, босой, какъ спалъ на печи, въ навинутомъ на плечи полушубкѣ.

— Брѣховскій... Разуваловъ...

— А! Дергоусъ! весело заговорилъ хозяинъ. Что-жъ опоздился такъ, по этой по погодѣ... Ну, отвага!

— Пришлось такъ. Дергоусъ подвинулся къ хозяину:—никакъ Гаврикъ?

— Стало, что Гаврикъ, усмѣхнулся хозяинъ. Глаза-то тебѣ, должно, мятель съѣла, не призналъ пріятеля.

— А водка есть? прямо спросилъ Дергоусъ, входя въ сѣни.

— А деньги есть? тоже въ упоръ спросилъ Гаврикъ, затворяя за пришедшимъ сѣнную дверь.

— Деньги есть, кратко отвѣтилъ Дергоусъ.

— И водка есть, кратко сказалъ Гаврикъ и, впуская гостя въ свою избу, осмотрѣлъ его не безъ любопытства.

— Обдѣлала тебя мятель-то, Дергоусъ, мое почтенье, усмѣхнулся хозяинъ, при видѣ неподвижной, бѣлой, какъ въ простынѣ, фигуры. Раздѣть что-ль?

— Раздѣнь, мочи моей нѣтъ, сознался, словно жалуясь, Дергоусъ, и не трогался. Гаврикъ не безъ труда развязалъ обмерзшій платокъ, защищавшій шею и лицо пріятеля; снялъ обмерзшую шапку, армякъ, а самого гостя подъ руку взялъ и посадилъ на лавку, къ столу. Потомъ Гаврикъ твердо сказалъ:—Деньги, Пана, впередъ, милый; потому, не серчай, ты обманывалъ меня сколько разовъ и вѣры тебѣ нѣтъ.

Дергоусъ, нисколько не обижаясь, сказалъ Гаврику, чтобы тотъ досталъ изъ штановъ, изъ праваго кармана, рублевую бумажку: у самого руки не дѣйствуютъ. Гаврикъ, съ видимымъ недовѣріемъ къ словамъ своего пріятеля, полѣзъ въ указанный карманъ и, къ удивленію своему, досталъ бумажку.

Гаврикъ поставилъ на столъ зеленый штофъ и два шкалика, рассчитывая, что Дергоусъ, по старой дружбѣ, и его угостить,— и осторожно освободилъ его лицо отъ ледяныхъ сосулекъ.

— Наливай себѣ шкаликъ, а мнѣ, братъ, квасной: до разу чтобъ! приказалъ Дергоусъ:—Мочи нѣтъ моей, смерзь!

Когда Гаврикъ налилъ ему квасной стаканъ водки, Дергоусъ выпилъ однимъ духомъ, облизнулся и крякнулъ на всю избу.

— Ахъ ни душенька во мнѣ замерзла, сказалъ онъ пріятелю,

не попадая зубъ на зубъ, и прибавилъ:—Стаканъ ты еще мнѣ налей—выпью маленько—обогрѣюсь, и одѣться надо.

— Куда ты это, волчище сѣрый? удивился Гаврикъ.

— На господскій дворъ мнѣ надо: дѣло есть. Проводишь на господскій дворъ—за мной штофъ.

— Проводить провожу задами... Только непутящій ты человекъ, Дергоусъ, право непутящій. Кто-жъ таки по эдакой страсти, окромѣ насъ съ тобой, изъ избы тронется?

XV.

Мятель значительно ослабѣвала и къ утру постепенно стихла. Дергоусъ принесъ Николаю Николаичу письмо, столь нетерпѣливо имъ ожидаемое, въ ту минуту, когда рослая и красивая карачовая тройка ждала уже у крыльца, запряженная и отдохнувшая, съ свѣтлородымъ кучеромъ на передкѣ. Благодаря усиленной работѣ Митрія съ сыномъ въ сплошномъ сугробѣ, отъ воротъ къ крыльцу и отъ крыльца на дорогу, былъ прорѣзанъ лопатами широкій путь. Безъ этой глубокой прорѣзи не было никакой возможности выбраться санямъ и тройкѣ со двора. Все кругомъ словно выбѣлено: ракиты, дворы, колодезные журавли, скирды, дальній лѣсъ; безконечные бѣлоголовые сугробы уходятъ изъ глазъ, во всѣ стороны. Маленькая записочка, полученная Николаемъ Николаевичемъ, вѣроятно, вполне отвѣчала его ожиданіямъ, такъ какъ онъ не могъ читать ее безъ радостной улыбки, освѣтившей его красивое лицо. Заплативъ щедро хозяину, не соглашавшемуся сначала брать съ него деньги, и простясь съ гостепріимной семьей, молодой баринъ весело уѣхалъ въ Рѣлище со звономъ колокольчика и подобранныхъ подъ тонъ бубенчиковъ. Онъ жалѣлъ только о своемъ Петрѣ, отбившемся отъ саней; да и то рассчитывалъ найти его въ Рѣпищѣ. Дергоусъ, со сторулевой бумажкой въ рукѣ, долго глядѣлъ послѣдъ молодому барину, самъ себѣ не вѣря, что «счастье ему такое подошло, разбогатѣлъ вдругъ, словно въ сказкѣ». И направился къ пріятелю Юдичу въ кабакъ—размѣнять билетъ.

Матрена съ Ариной глазъ своихъ не осушали: объ Иванѣ все убивались. Мать придумывала всякія «страсти». Митрій, съ своею всегдашнею серьезностью, собрался ѣхать: Ивана разыскивать. Сенька запрегъ сани, оба одѣлись по дорожному и уѣхали. Бабы однѣ остались дома, съ тревожною мыслью и тяжелымъ предчувствіемъ.

Въ продолженіе дня мошодайкѣ не работалось: усердная правая

рука ея безсилно упала вдругъ съ веретенкомъ, а голова откидывалась къ стѣнѣ; слезы застилали глаза. Она часто выходила въ сѣнцы, чтобы взглянуть на дорогу. Никого! Взрытая санями въ глубокихъ снѣгахъ, дорога ослѣпительно бѣлѣется узкою тесемкой, спускающейся къ селу по отлогой бѣлой горѣ; эта бѣлая гора рѣзко отликаетъ на голубомъ холодномъ небѣ. Кромѣ одной этой дороги, Арина ничего не видитъ; этою дорогою поѣхалъ ея Ваня, ея добрый, молодой мужъ; давно-ли она проводила его въ дорогу до самой этой горы, поцѣловалась съ нимъ, и онъ обнялъ ее крѣпко, можетъ, въ послѣдній разъ... Этою же дорогою онъ воротиться долженъ. А если не вернется? Если онъ замерзъ? Мысль эта бьетъ теперь бѣдную молодайку въ самое сердце; она глядитъ — глазъ съ дороги не спускаетъ: никого! Скрипъ шаговъ по снѣгу заставилъ ее оглянуться. Подошелъ Кирсанъ Тимофеичъ въ крытомъ тужупѣ, розовый съ морозу, борода такъ и отливаетъ серебромъ.

— Здравствуй, молодайка, привѣтливо обратился къ ней старикъ, слегка приподымая сѣрую смушковую шапку.—Аль не воротился?

— Нѣтъ еще, дяденька. Арина стыдливо отвертывалась отъ старика, чтобы онъ слезъ ея не видѣлъ: — мужики наши искать Ивана поѣхали...

— Поѣхали! тихо и раздумчиво повторилъ старый однодворецъ и вмѣстѣ съ Ариной поглядѣлъ на серебрившуюся дорогу.

— Боимся, съ Иваномъ бы чего не случилось по такой пыли, Кирсанъ Тимофеичъ... Арина закрыла глаза рукавомъ, и упругая грудь ея вздрогнула подъ сорочкой. Старикъ тихо вздохнулъ, молча глядя на плачущую женщину.

— Чего плакать, бабочка? Авовь, Господь дастъ, вернется твой Иванъ живой, сказалъ онъ ей наконецъ, ковыряя снѣгъ концомъ орѣховой палки. А ты не плачь, милая, и себя по напрасну не зноби. Ступай домой, дѣло зимнее...

— И то, дяденька; прощайте себѣ! Арина побѣжала въ избу, отерла глаза рукавомъ рубашки и придавъ себѣ, насколько могла, спокойный видъ, сѣла за прятлеу.

— Нашихъ-то все нѣтъ! о о-дохъ, не ладно! нараспѣвъ, чуть-ли не въ сотый разъ, замѣтила на печи старуха Алпатьевна, чувствовавшая нынче, что и лежать-то ей на печи тяжело, и въ избѣ-то все не такъ.

— Чуть въщее сердечушко бѣду неминучую... Кашель сей-

часть-же прервалъ старухины слова, но они за живое схватили толстую Матрену.

— Что ты это, матушка! Богъ съ тобой? Что это вздумала? не то съ досадою, не то желая сама себя обмануть, заворчала бѣдная мать.—Лошади у Ивана не плохія; самъ человѣкъ молодой, одѣвши тепло... Какое дѣло: заплуталъ, все же должнъ куда прибиться...

Арина вдругъ бросила деревянный гребень съ начесанною на немъ куделью и закрылась широкимъ рукавомъ полотняной сорочки. Она рыдала. Она не вѣрила утѣшеніямъ свекрови; ея слова звучали теперь для Арины какою-то неправдою, какимъ-то мрачнымъ горемъ, скрываемымъ отъ нея. Тяжелую ночь провели Рачителевы бабы. Около завтрака вошелъ въ избу Митрій.

— Здравствуйте себѣ, мрачно, ни на кого не глядя и ни къ кому изъ домашнихъ не относясь, сказалъ онъ, словно нехотя, словно заставилъ себя сказать что нибудь. И съ минуту, молча, постоялъ среди избы съ шапкою въ рукахъ, какъ былъ, одѣтый по дорожному. Никогда того съ нимъ не бывало. Это сейчасъ же смекнула Матрена съ одного взгляда: значить, замерзъ Иванъ!

— Митрій Ваньчъ! вскрикнула она, внѣ себя:—куда-жь ты моего Ивана дѣлъ? и, зарывавъ, упала мужу въ ноги. Старый Рачитель хмуро глянулъ на нее тоскующими глазами; хотѣлъ что-то сказать ей и не могъ: волненіе его душило. Онъ искоса, недовѣрчиво глянулъ на невѣстку, неподвижную и блѣдную, какъ полотно, съ трясущимися блѣдными губами—и не выдержалъ, глухо вздохнулъ. Стоитъ старикъ среди своей избы, разставя ноги, тупо уставясь глазами на лежащую передъ нимъ пластомъ жену, —и ничего съ собой подѣлать не можетъ. Не сбросить ему теперь съ своихъ старыхъ плечъ непосильную налегшую на него тяжесть; только борода съ усами дрожить, дрожать нависшія брови, да ноздри тяжело и часто раздуваются. Видъ убитыхъ горемъ женцинь сокрушилъ наружную твердость, съ которою вошелъ въ избу Митрій.

— Аль Ивана моего не нашли, батюшка? сказала дрожащимъ голосомъ Арина, роняя на лавку деревянный гребень и требовательно вставъ передъ свекромъ.—Что молчишь? замерзъ? отчаянно вскрикнула она, дѣлая шагъ къ двери.

— Божья воля! чуть слышно прошепталъ старый Рачитель. Большая пеньковая борода, усы, нависшія брови, рѣсницы пуще задрожали, а по темнымъ загорѣлымъ щекамъ катились слезы. Жалкій видъ онъ имѣлъ въ эту минуту.

— Замерзъ! еще отчаяннѣе повторила Арина и, какъ стояла,

тяжело, всѣмъ тѣломъ, упала на полъ. Въ паденіи живаго человека, сраженнаго не физическою силой, а душевнымъ ударомъ, есть что-то страшное. Самая ужасная минута—минута роковаго извѣстія—прошла. Мать и бабушка не нуждались болѣе въ словахъ Митрія. Его горе—все имъ сказала. Общая скорбь не замедлила разрѣшиться такъ, какъ нуждалась въ этомъ. Голосъба поднявшейся на ноги Матрены разрывала сердце Митрія, но эта же голосъба и укрѣпляла его, убѣждая въ томъ, что ужасная вѣсть уже сообщена имъ семьѣ.

— Что жъ теперь? бормоталъ, плача, бѣдный отецъ безсвязныя и словно заученныя слова.—Видно, больше Бога не будешь.

— Отъ Бога это, сыночекъ, отъ Бога, милый, наслано. О—охъ! подтвердила на печи старуха Алпатьевна.

— Двухъ дѣтокъ рѣшили! взрослыхъ! не въ переносъ! подголашывала Матрена, отчаянно колотясь на лавкѣ.

— Его святая воля! пробормоталъ Митрій, повидимому, не вникая въ смыслъ своихъ словъ, а говоря ихъ только для того, чтобы жену успокоить и себя обмануть. Мужичій говоръ и бабій плачь у крыльца возвратили стараго отца къ его печальной обязанности. Съ заходившимъ сердцемъ онъ вспомнилъ, что у крыльца, на саняхъ, окоченѣлое тѣло Ивана ждетъ его къ себѣ для послѣднихъ родительскихъ попеченій; что старшій сынъ уже не самъ теперь войдетъ въ отцову избу на своихъ молодыхъ, сильныхъ ногахъ; что не на мягкую постель съ молодою любимую женою ляжетъ онъ теперь, а на столъ, «подъ святыхъ»; что изъ отцовской избы вынесутъ его теперь уже въ основномъ гробу прямо на погостъ, къ оврагу. Зашатался бѣдный старикъ и сбѣгалъ надъ собою большое усиліе, чтобы выйти на улицу. Разрумяненный морозомъ, но тоже убитый, молча стоялъ у своихъ подвокъ Сенька. Онъ съ сердцемъ, неохотно отвѣчалъ на докучные вопросы толпы, собравшейся у Рачителевой избы: «гдѣ нашли? какъ? что?» Открывать войлокъ онъ не позволялъ, считая это неумѣстнымъ и даже оскорбительнымъ для своего покойнаго брата. Мужики дружно принялись распрягать Рачителевыхъ лошадей тамъ же, на улицѣ, а Кузьма Суяровъ добился таки своего: заставилъ рассказать неутѣшнаго Сеньку, какъ Ивана нашли въ Орѣховомъ верху.

— И вправду, Савушка, Рачителивъ Иванъ замерзъ? словно себѣ не вѣря, поглядѣвъ украдкой подъ войлокъ на замерзшаго Ивана, спросила Савву запыхавшаяся отъ скорой ходьбы, круглая изъ себя, черномазая дьячиха.

Глупый мужикъ глянулъ на любопытную дьячиху съ своимъ обычнымъ грубымъ выраженіемъ, и отрѣзалъ ей:

— Аль тебѣ глаза высадило, дьячиха? Ивана мерзлаго привезли, даже лошади померзли—а она сумлеается! Не сумлевайся, дьячиха: замерзъ. Не хуже теперь свиной туши, что въ амбарѣ; хошь топоромъ разймай. Ну, и хитрыя, Кузя, эти бабы! обратился Савка къ Суярку.

— Будеть тебѣ, Савушка. А ты вотъ что послушай:—Должно, курносая-то ровняетъ всѣхъ: что бѣднаго, что богача? измышляя, съ своею склонностью къ поученію, Кузьма Суярокъ.

— Это, видно, не овсяную солому, въ голодную зиму, нашему брату продавать, по цѣлковому копну? укорительно и не безъ злорадства зашѣтилъ Суярку придуроватый Савка, кивнувъ бѣлобрысой головой на Рачителя, вышедшаго изъ избы.

— Богачъ—завсегда вавилонъ безчувственный, заговорилъ было покачивавшійся съ хмѣлю Павелъ Разувадовъ, уже въ новомъ полушубкѣ, новыхъ валенкахъ и новой шапкѣ, но замолчалъ и благоразумно кашлянулъ при видѣ Митрія, перекрестившагося и осторожно снявшаго съ тѣла бѣлый войлокъ.

— Снести, братцы, надоть, старику помочь! внушительно сказалъ мужикамъ Суярокъ.

Берись, ребята!

— Я его одинъ сопру! съ своею глупою усмѣшкою похвалился долговязый Савка.

— А ты, Савушка, любезный другъ, безъ глупостей безо всякихъ! строго посоветовалъ Савкѣ Кузьма. Можешь ты понимать: горе Рачителейымъ пришло.

Благодаря толковитому распоряженію Кузьмы Суярка, оконченъ благо, какъ бревно, Ивана внесли въ холодную «горницу» при голосѣ матери и плачѣ Митрія съ Сенькой. Видъ обезображеннаго смертью молодчика - Ивана тяжело подѣйствовалъ не только на мать, но и на мужиковъ. Объ Аринѣ и говорить нечего: только встанеть на ноги, опять о землю ударится. Съ того же вечера горница освѣтилась и огласилась гнусливымъ голосомъ: то пономарь Яша читалъ на распѣвъ псалтырь «новопреставльшемуся рабу божію Іоанну». Ночь и день пять старухъ, повязанныхъ по самые глаза темными платками, неподвижно и въ строгомъ молчаніи сидѣли на лавкахъ, вдоль стѣнъ. Въ Рачителевой избѣ пла тревожная дѣятельность, вѣрный признакъ того, что въ домѣ покойникъ. Здоровая баба, Савкина жена, проворно вынимала съ пода раскаленной печи пшеничные пироги съ начинкой и рядкомъ

вляла ихъ на чистую лавку; Аринина мать, Секлетей, также проворно смазывала ихъ сверху масломъ, отчего они блестяли. Нѣсколько молодыхъ бабъ возились съ только что зарѣзаннымъ бараномъ, разсѣвая его на части, чистили картофель, перемывали желтое пшено и пр.

Ивана похоронили, какъ слѣдуетъ; все село, почитай, провожало его на погостъ. Отецъ и мать ничего не жалѣли на похороны. — «Только и его! Все тутъ съ нимъ!» философски замѣтилъ Митрій, когда его въ могилу опускали.

Время шло, не останавливаясь по своему обычаю ни на людскомъ счастьѣ, ни на людскомъ горѣ, равнодушное ко всему, что оно поощало. Попъ уже справилъ «сорокоустъ» по Иванѣ; оправилась отъ своего горя Рачителева семья, а Арина въ свое время родила славнаго, крѣпенькаго мальчика, который уродился весь въ покойнаго отца. Съ общаго желанія назвали ребенка Ивановъ же. Съ появленьемъ на свѣтъ Божій маленькаго Ивана, стала поправляться и по прежнему разцвѣла молодая вдова, совсѣмъ было оплошавшая послѣ неожиданной смерти мужа. Маленькій Ваня былъ общимъ любимцемъ; даже серьезный бородатый дѣдушка съ нимъ нянчился.

Прошелъ годъ со смерти Ивана. Могила позабывчива. Стали и объ Иванѣ забывать, какъ забыли о Варѣ. Не забывала ихъ только мать, да старый Рачитель еще угрюмѣе сталъ. Онъ бросилъ ѣсть мясо и не пропускалъ ни одной церковной службы. По святой недѣлѣ онъ неуклонно «ходилъ въ оброчникахъ», то есть носилъ по приходу церковные образа, повязавъ голову кумачовымъ платкомъ, такъ какъ «оброчники» ходятъ съ образами безъ шапокъ, кака-бы ни была погода. Хорошіе парни присматривались къ молодой вдовѣ, а одинъ богатый вдовецъ сваталъ ее чрезъ сваху, но она слышать не хотѣла о замужествѣ. Посыпались снѣга, опять завывала бѣлая мятель. Рачителева семья сбилась въ теплую избу и невольно припоминалась ей ужасная прошлогодняя мятель, погубившая Ивана. Арина качала ногою люльку съ заплаканнымъ ребенкомъ, а ея трудолюбивыя руки выпрядали безконечную нитку. Ребенокъ пуще заплакалъ. Молодая мать догадалась, что это онъ груди просить, бросила пряжу и, взявъ ребенка, внимательно и нѣжно взглянула въ его большіе голубые глаза. Стихнувъ и улыбаясь матери, малютка тянулся губками и рученками къ ея груди. Молодая мать, ловкимъ движеніемъ руки и круглаго плеча, высвободила изъ подъ бѣлой ткацкой рубашки полную смугловатую грудь, и малютка въ ту же минуту припалъ къ розовому сосцу,

сочившемуся молочной каплей? Онъ не замедлилъ поперхнуться и завапльгъ, даже покраснѣлъ съ натуги. Было ясно, что малютка еще не въ силахъ справиться съ запасомъ материнскаго молока, обильно лившагося въ его крошечный ротикъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ соску его розовыхъ губокъ. И было откуда взяться молоку. Арина, ставъ матерью, «раздобрѣла».

— Вотъ привыкли мы къ тебѣ, Аринушка, какъ къ родной дочери, обратилась къ ней пригорюнившаяся на палатахъ Матрена:— внука ты намъ въ домъ принесла, а, должно быть, бросишь ты насъ, стариковъ?...

Въ словахъ свекрови невѣстка услышала не то вопросъ, не то грустное убѣжденіе.

— Зачѣмъ же я васъ брошу, матушка? сказала она, и въ свою очередь ждала, чтобы свекровь пояснила свои слова.

— Зачѣмъ, что твое вдовье дѣло, Аринушка, грустно утирая глаза рукавомъ, продолжала Матрена:— Опять же ты молодой человекъ, замужъ пойдешь, женихи за тебя хорошіе сватаются...

— Ну ихъ совсѣмъ и съ сватаньемъ! Молодая вдова пуше покраснѣла, красивое лицо ея выразило рѣшительное неудовольствие:— Не пойду я, матушка, замужъ... Была за однимъ: довольно съ меня. Крупныя слезы блеснули на ея голубыхъ глазахъ и градомъ покатались по щекамъ. Она нагнулась къ ребенку и медленно, беззвучно цѣловала его маленькое хорошенькое личико.

Старый Митрій подошелъ къ печи и, грѣя спину, внимательно посмотрѣлъ на невѣстку своими строгими глазами изъ подъ нависнувшихъ бровей, словно соображая дѣло. Молодая вдова скромно прикрыла свою обнаженную грудь миткалевымъ платкомъ, накинувъ его себѣ на плечи и придерживая конецъ свободной рукой.

— О-дѣхъ, подала на печи свой старческій голосъ старуха Алпатьевна:— Побѣдны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мѣрѣ вдова да дѣвка...

— Никуда я отъ васъ и отъ сына не пойду, матушка! съ спокойнымъ убѣжденіемъ сказала Арина, ни на кого впрочемъ не глядя, а улыбаясь своему ребенку улыбкою счастливой матери.

— Это ты сказала умно, невѣстка, одобрилъ ее Митрій:— Тебѣ идти со двора незачѣмъ: сынишко твой намъ родной внукъ. Ты при хозяйнѣ останешься. Иванова часть, равная съ Семеновой, пойдетъ твоему сыну: что земля, что скотина, что дворъ—пополамъ имъ слѣдуетъ по закону.

Молодая вдова только вздохнула при напоминаніи о покойномъ мужѣ, и ниже къ ребенку нагнулась.

— Мы тебя за дочь родную считаемъ, не за невѣстку, Ари-
нушка! продолжала плачущая Матрѣя. — Господь прибралъ Варю—
тебя на ее мѣсто намъ далъ... Закрой ты мнѣ глазки, дочушка!

• — Хорошая моя пригожая, Аринушка—овѣтъ Ильинишна!
одобрительно прошамкала на печи старуха Алпатыевна. — Дѣвкой
слыла скромницей, вдовой прослывешь разумницей!

Старый Митрій хотѣлъ что-то еще сказать невѣсткѣ, но не
могъ, боясь обнаружить свое душевное волненіе; онъ спросилъ
Сеньку: принесъ-ли онъ солону въ сѣни бабамъ топить на утро?

— Все по порядку сдѣлалъ, тятка! Сеня даже словно обидѣлся
этимъ вопросомъ.

Арина повкимъ движеніемъ плеча спрятала свою полную грудь
подъ сорочку и осторожно, какъ только матери умѣютъ, положила
заснувшаго ребенка въ люльку и укрыла одѣяльцемъ.

Павель Разуваловъ, прозвищемъ Дергоусъ, нѣкоторое время
совсѣмъ было поправился: недоимку казенную уплатилъ, съ цѣло-
вальникомъ Юдичемъ расчелся, одѣлся самъ и бабу свою «спра-
вилъ». Брѣховцы поплосе, въ родѣ глупаго Савки, даже завидовали
Дергоусу: «вотъ—моль—мятель человѣка поправила; изъ лаптей
въ сапоги перебула». Но судьба, какъ извѣстно, большая насмѣш-
ница. Наступившая зима застала уже Дергоуса въ прежнемъ его
положеніи: деньги свои онъ пропилъ, новый полушубокъ, сапоги,
шапка и пр. очутились гдѣ слѣдуетъ, то есть у іудоподобнаго
Юдича; къ нему же, воровски, онъ перетаскалъ и все то, что
«справилъ» было женѣ. Опять уличныя насмѣшки встрѣчаютъ и
провожаютъ хмѣльную, растрепанную фигуру Дергоуса въ изорван-
номъ старенькомъ полушубкѣ, бабьихъ дырявыхъ валенкахъ и сбив-
шейся на сторону ямской шапкѣ; опять на сходкѣ волостной
старшина грозитъ ему за неуплату податей. Цѣловальникъ норо-
вить «проводить изъ кабака по шеѣ», а въ домъ шкалика не
даетъ; опять обкраденная имъ «баба», то есть жена, ругательски
его ругаетъ: «лѣшій-де пучеглазый, жизнь мою бабью загубилъ!»

— Кабы другая така-то мятель, да другой сотенный билетъ—
авось поправился бы! вздыхаетъ, часомъ, Дергоусъ, забывшій, что
и послѣ первой матели онъ остался съ отмороженными пальцами
на ногахъ.

«Авось» да «небось»—старинные пріятели русскому человѣку.

Владиславъ Марковъ.

Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

(За 20 лѣтъ).

(Окончаніе).

VII.

Прослѣдивъ почти шагъ за шагомъ, какъ росла и зрѣла въ русскомъ обществѣ и правительственной сферѣ идея о необходимости общаго (университетскаго) и спеціального (медицинскаго и педагогическаго) высшаго женскаго образованія, и какъ осуществлялась практически эта важная отрасль государственнаго образованія, мы обязаны остановиться на вопросѣ: откуда взялись средства на такое сложное, требующее громаднѣхъ затратъ дѣло, какъ высшее образованіе?

«Россія—страна-бѣднякъ, страна-работникъ,—говоритъ профессоръ Трачевскій въ своей брошюрѣ—«Высшіе женскіе курсы въ Одессѣ»: У нея самыя идеальныя, самыя изящныя стремленія всегда отзываются потомъ пощенника, и въ этой высшей сферѣ жизни (въ высшемъ образованіи), повидимому, предназначенной для украшенія матеріальнаго довольства, слышатся стоны голодающаго, льются «незримыя міру» слезы. Въ прискорбію, можно быть увѣреннымъ, что и наши (одесскіе) женскіе курсы станутъ столько же пріютомъ дарованій, благородства и примѣрнаго трудолюбія, сколько средоточіемъ нищеты и связаннаго съ нею высшаго жизненнаго трагизма».

Дѣйствительно, все прошлое высшаго женскаго образованія представляетъ собою упорную борьбу за существованіе, борьбу съ нуждою и лишеніями. Въ памяти читателей, вѣроятно, не изгладился еще ужасный случай голодной смерти кіевской сту-

дентки и голодный обморокъ двухъ петербургскихъ студентокъ: одной—врачебныхъ, другой—высшихъ курсовъ. Какъ на аларчинскихъ, такъ и на лубянскихъ курсахъ, преподавателямъ нерѣдко приходилось отказываться отъ вознагражденія, по недостатку матеріальныхъ средствъ курсовъ, и читать лекціи даромъ. Горько бѣдствуютъ кievскіе и казанскіе курсы во все время ихъ существованія. Кіевскимъ курсамъ оказана была небольшая матеріальная поддержка бессарабскимъ и черниговскимъ земствами; казанскіе курсы не имѣютъ никакой посторонней матеріальной помощи. Въ Кіевѣ, по крайней мѣрѣ, оказалось возможнымъ учредить попечительство, или общество для доставленія средствъ слушательницамъ курсовъ; въ Казани же до такой степени не развита общественная жизнь, что почти вовсе невозможно вызвать пожертвованія со стороны въ пользу курсовъ, невозможно сплотить около нихъ кружокъ жертвователей, которые заботились бы о матеріальной сторонѣ курсовъ, о добываніи средствъ. Здѣсь профессора университета являются и преподавателями, и администраторами курсовъ, и исключительными жертвователями. Очень часто и очень многіе преподаватели отказываются отъ вознагражденія въ пользу недостаточныхъ слушательницъ. Наконецъ, необходимо замѣтить, что какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ, мѣстное городское управленіе проявляло позорнѣйшее равнодушіе къ положенію и нуждамъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній во все время ихъ существованія. Нѣкоторое исключеніе представляетъ петербургское городское управленіе, да и то лишь въ самое недавнее время. Военное министерство, послѣ десятилѣтняго завѣдыванія врачебными курсами, почему-то, не пожелало имѣть этого учрежденія въ своемъ вѣдѣніи. Министерство народнаго просвѣщенія также отказалось принять курсы подъ свое покровительство. Чтобы спасти отъ закрытія это единственное въ Россіи высшее женское медицинско-учебное заведеніе, столичное городское управленіе согласилось въ принципѣ принять курсы въ свое завѣдываніе. Когда пишутся эти строки, вопросъ о переходѣ курсовъ въ вѣдѣніе города еще не оформленъ окончательно; но, по всей вѣроятности, курсы перейдутъ въ вѣдѣніе столичнаго городского управленія, которое, въ придачу къ суммамъ, отпускаемымъ на курсы изъ средствъ казны, соглашается принять на себя ежегодный расходъ не бо-

лѣе 15,000 рублей. Почти одновременно съ этимъ, столичная дума, по ходатайству петербургскихъ высшихъ курсовъ, постановила отпускать ежегодно, въ пользу ихъ по 3,000 руб., до тѣхъ поръ, пока окончательно не упрочится матеріальное положеніе высшихъ курсовъ.

Но не смотря на тяжелыя матеріальныя невзгоды и затрудненія, высшее женское образованіе продолжаетъ существовать, развивается и оказываетъ блистательные успѣхи въ педагогическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, какъ объ этомъ неоднократно заявлялось педагогическими совѣтами всѣхъ существующихъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Особенно внушительные примѣры прочнаго и быстрого развитія представляютъ петербургскіе врачебныя и высшія курсы.

Какъ было уже указано въ предъидущей статьѣ (книга 5 - я «Наблюдателя»), при переводѣ врачебныхъ курсовъ изъ медико-хирургической академіи въ Николаевскій военный госпиталь, военное министерство оказало курсамъ денежное вспоможеніе. Министерство народнаго просвѣщенія также оказываетъ небольшую матеріальную помощь общему высшему женскому образованію. Съ 1872 года по 1878 годъ, министерство просвѣщенія ежегодно отпускало 1,000 рублей въ пользу владимірскихъ курсовъ; въ 1878 году отпущено было 1,500 рублей; затѣмъ, начиная съ 1879 года, отпускается ежегодно въ пользу петербургскихъ высшихъ курсовъ по 3,000 рублей въ годъ. Это единственный примѣръ матеріальной помощи курсамъ со стороны министерства просвѣщенія; провинціальныя курсы, не смотря на крайне бѣдственное матеріальное положеніе, не получаютъ отъ министерства никакой помощи. Но матеріальная поддержка, со стороны казны, петербургскимъ врачебнымъ и высшимъ курсамъ такъ незначительна, что, строго говоря, ею можно дорожить лишь въ смыслѣ прецедента правительственной помощи высшему женскому образованію, общему и профессиональному. Матеріальныя средства врачебнымъ и высшимъ курсамъ дали сами слушательницы и та же самая общественная среда, которая, наперекоръ предразсудку, выдвинула вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, руководила этимъ вопросомъ съ 1868 г. и, въ концѣ концовъ, добилась уже, можно сказать, образцовой постановки петербургскихъ врачебныхъ и высшихъ курсовъ, въ

смыслъ объема программъ и строгой научности занятій, вполне отвѣчающихъ требованіямъ высшеучебныхъ заведеній.

Въ моментъ открытія женскихъ врачебныхъ курсовъ, кромѣ 2,866 рублей, процентовъ съ неприкосновеннаго капитала въ 50,000 руб., пожертвованныхъ г-жею Л. Родственнойю, курсы не имѣли нивакихъ другихъ денежныхъ фондовъ, и всѣ расходы должны были покрываться изъ платы за слушаніе лекцій. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, т. е. со времени отдѣленія курсовъ отъ медико-хирургической академіи, курсы успѣли обзавестись такими учебными пособиями, кабинетами и лабораторіями, которымъ позавидуетъ любой изъ медицинскихъ факультетовъ провинціальныхъ университетовъ. Въ настоящее время курсы имѣютъ: 1) патолого-анатомическій кабинетъ, снабженный 40 микроскопами и коллекціею замѣчательныхъ въ научномъ отношеніи препаратовъ. 2) Гистологическій кабинетъ, располагающій 40 микроскопами и обширною коллекціею микроскопическихъ препаратовъ. 3) Физическій кабинетъ, весьма удовлетворительно обставленный для экспериментальнаго преподаванія физики. 4) Химическій кабинетъ съ лабораторіею на 40 мѣстъ для одновременнаго практическаго занятія химіею. 5) Зоологическій кабинетъ, обладающій довольно полною коллекціею эмбриологическихъ и зоологическихъ препаратовъ. 6) Ботанический кабинетъ, съ коллекціею ботаническихъ рисунковъ и моделей, гербаріумомъ и 13 микроскопами. 7) Анатомическій музей восковыхъ и другихъ препаратовъ. 8) Физиологическій кабинетъ, снабженный новѣйшими приборами. 9) Полную коллекцію фармацевтическихъ средствъ и препаратовъ. 10) Лабораторію для практическихъ занятій фармакологіею. 11) Гигиеническую лабораторію для практическихъ занятій слушательницъ. 12) При клиникахъ терапевтической, хирургической, акушерской и гинекологической, глазной и дѣтской, устроены для курсовъ особыя кабинеты, снабженные необходимыми для изслѣдованія больныхъ инструментами, рисунками, восковыми препаратами, микроскопами, химическими реагентами, различными электрическими аппаратами, офтальмоскопами, коллекціями глазныхъ стеколъ, ларингоскопами, наборомъ хирургическихъ и акушерскихъ инструментовъ. 13) Курсы располагаютъ довольно обширною бібліотекою, состоящею исключительно изъ книгъ медицин-

скаго содержанія. Основаніе бібліотеки положено было пожертвованіями профессоровъ курсовъ; теперь же бібліотека пополняется на счетъ взносовъ слушательницъ за право чтенія.

Еще болѣе поразительнымъ представляется ростъ высшихъ женскихъ курсовъ. Въ моментъ открытія ихъ вмѣсто «публичныхъ лекцій», въ 1878 году, въ кассѣ курсовъ было 222 рубля, и затѣмъ—никакихъ собственныхъ учебныхъ пособій, никакой власной мебели, такъ что курсы принуждены были временно пріютиться, какъ вечернія занятія, въ зданіи александровской женской гимназіи. Въ настоящее время, т. е. въ четвертый годъ существованія высшихъ курсовъ, они находятся въ такомъ положеніи. Курсы вступили въ 1881—82 учебный годъ съ наличнымъ капиталомъ въ 29,100 рублей. Они имѣютъ самостоятельное наемное помѣщеніе, стоящее въ годъ 8,420 руб. Аудиториі вполнѣ прилично и удобно обставлены всѣмъ необходимымъ для чтенія лекцій. Кромѣ того, курсы имѣютъ слѣдующія собственные учебныя пособія: физическій кабинетъ, химическую лабораторію, анатомио-физиологическій кабинетъ, зоологическій кабинетъ и всѣ необходимыя приспособленія для практическихъ занятій по ботаникѣ, анатоміи и физиологіи растений, минералогіи и кристаллографіи. Насколько широко обставлены эти кабинеты учебными пособиями, лучше всего свидѣлствуютъ приведенныя въ предыдущей статьѣ цифровыя данныя о количествѣ слушательницъ, практически занимавшихся подъ руководствомъ гг. профессоровъ и ассистентовъ въ прошломъ году. Со стороны приноровленности химической лабораторіи и кабинетовъ къ экспериментальному чтенію лекцій и практическимъ занятіямъ слушательницъ, кабинеты не только не нуждаются въ какихъ бы то ни было позаймствованіяхъ на сторонѣ, но смѣло могутъ считаться стоящими наравнѣ съ лучшими кабинетами провинціальныхъ университетовъ. Наконецъ курсы имѣютъ собственную бібліотеку, заключающую болѣе 800 сочиненій (слишкомъ 1,400 томовъ).

Великая, могучая сила—общественный починъ. Факты роста врачебныхъ и высшихъ женскихъ курсовъ—живое свидѣтельство, какъ изъ ничего, такъ сказать, силою и вліяніемъ одной только общественной самодѣтельности, разомъ возникли и возросли во всю свою крупную величину два видныхъ разсадника высшаго женскаго образованія, имѣющихъ не толь-

ко общерусское, но и общечеловѣческое значеніе. Но нужна свобода для того, чтобы общественный починъ могъ проявляться во всю свою богатырски-чудовищную мощь; необходимъ полный просторъ и ширь, чтобы общественная самодѣятельность могла доводить разъ предпринятое ею дѣло до конца, безъ задержекъ и искусственныхъ препятствій, безъ вынужденныхъ остановокъ на полпути. При условіи свободнаго проявленія общественнаго почина и самодѣятельности, при свободной агитаціи для привлеченія общественнаго участія въ матеріальномъ содержаніи высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, невозможно и помыслить даже, чтобы казанскіе высшіе курсы, привлекающіе слушательницъ изъ Томска, Архангельска, Астрахани и другихъ отдаленныхъ городовъ Россіи, и кіевскіе курсы, имѣющіе около двухъ третей слушательницъ изъ природныхъ кіевлянокъ,—могли терпѣть какую-либо матеріальную нужду. Двадцать лѣтъ уже неуклонно стремится русская женщина къ высшему образованію; около 15-ти лѣтъ уже практически разрешается этотъ жгучій общественный и государственный вопросъ; а между тѣмъ до общества доходятъ лишь отрывочныя вѣсти о томъ, что гдѣ-то что-то такое дѣлается для высшаго женскаго образованія. Въ то же время субсидированные и несубсидированные лженародники и лжеохранители, сознательно или безсознательно, клеветаютъ на высшее женское образованіе. Это, безъ сомнѣнія, весьма серьезно вліяетъ на недостатокъ прилива общественныхъ средствъ въ пользу высшаго женскаго образованія и обуславливаетъ матеріальныя затрудненія провинціальныхъ высшихъ женскихъ курсовъ. Одни не идутъ на помощь высшему женскому образованію потому, что недостаточно знакомы съ его прошлымъ и блистательными результатами, достигнутыми имъ; другіе, слыша лишь голоса лжеохранителей и «самобытниковъ», не прочь, пожалуй, смотрѣть на высшее женское образованіе,—это возвышеннѣйшее изъ проявленій русской общественной жизни,—какъ на что-то контрбандное....

VIII.

Изъ всѣхъ существующихъ нынѣ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній только петербургскіе «педагогическіе курсы»

имѣютъ вполне оформленный оффиціальныи характеръ, съ опредѣленнымъ уставомъ и правами для окончившихъ курсы: остальные же учебныя заведенія этого рода сущестуютъ, какъ частныя учебныя заведенія, притомъ до сихъ поръ еще не оформленные въ законодательномъ порядкѣ. Петербургскіе врачебные курсы, равно какъ московскіе и казанскіе высшіе курсы, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, хоть нѣкоторое подобіе устава, въ видѣ «временныхъ правилъ»; но это, разумѣется, только прецедентъ устава, но не уставъ. Петербургскіе же и вѣевскіе высшіе женскіе курсы не имѣютъ и этого немногаго. При открытіи этихъ курсовъ, въ 1878 году, имъ разрѣшено было существовать согласно проекту устава, представленному учредителями, но до сихъ поръ еще не утвержденному. Въ концѣ прошлаго года, по требованію министерства народнаго просвѣщенія, петербургскими высшими курсами представленъ новый проектъ устава, ожидающій разрѣшенія. Отсутствие же устава для врачебныхъ и высшихъ женскихъ курсовъ, санкціонированнаго высшею правительственною властью, оставляетъ открытымъ вопросъ о правахъ лицъ, получившихъ образованіе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вотъ что, напримѣръ, говорится въ отчетѣ петербургскихъ высшихъ курсовъ за 1880—81 учебный годъ: «Кромѣ денежныхъ затрудненій, которыя до сихъ поръ счастливо преодолѣвались при помощи «Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.»*) упорченію курсовъ много препятствуетъ то обстоятельство, что слушательницамъ, по успѣшномъ окончаніи полнаго курса, не предоставлено еще никакихъ правъ. Какъ ни почтенна, ни завлекательна цѣль—стремиться къ образованію ради него самаго, но комитету (учрежденію, выдѣляемому изъ среды общества доставленія средствъ курсамъ и завѣдывающему всею распорядительно-хозяйственною частью курсовъ) хорошо извѣстно, что если между слушательницами и есть много лицъ, поступающихъ на курсы именно съ этою цѣлью, то между ними гораздо болѣе такихъ, которымъ эта цѣль пред-

*) «Общество» это имѣетъ право на названіе учредителя и содержателя петербургскихъ высшихъ курсовъ. Оно образовано тѣмъ же кружкомъ женщинъ, которыя учредили владимірскіе курсы и добились затѣмъ преобразованія ихъ въ высшіе курсы.

ставляется недоступной роскошью, и для которыхъ вопросъ объ образованіи неразрывно связанъ съ вопросомъ о кускѣ хлѣба. Если эти слушательницы рѣшаются и теперь на всевозможныя лишенія въ теченіе четырехъ лѣтъ, лишь бы пріобрѣсти недостающія имъ знанія, то дѣлаютъ это въ надеждѣ, что, путемъ такихъ, подчасъ крайне тяжкихъ усилій, покупаютъ себѣ средства къ существованію въ будущемъ. Такая надежда тѣмъ болѣе позволительна и справедлива, что тутъ личные интересы учащихся женщинъ не только совпадаютъ съ интересами и потребностями всего русскаго общества, но идутъ, такъ сказать, навстрѣчу имъ, потому что женщина всегда была и будетъ главнѣйшимъ органомъ правильнаго воспитанія и образованія молодыхъ поколѣній.

«Исходя изъ такого взгляда, комитетъ считаетъ одною изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ способствовать всеми зависящими отъ него мѣрами осуществленію указанной сейчасъ надежды слушательницъ. Соединенными трудами педагогическаго совѣта и комитета, нынѣшнею осенью (т. е. въ 1881 году), уже выработана проэктъ новаго устава курсовъ, въ которомъ, между прочимъ, ходатайствуется передъ высшимъ учебнымъ начальствомъ о предоставленіи слушательницамъ, успѣшно кончившимъ курсъ, права держать особый экзаменъ на званіе учителя гимназіи, согласно съ существующими и установленными на этотъ предметъ правилами, съ тѣмъ чтобы лица, выдержавшія этотъ экзаменъ, были впослѣдствіи допускаемы къ преподаванію во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій, съ соблюденіемъ, разумѣется, всѣхъ условій, требуемыхъ вообще отъ лицъ, посвящающихъ себя учительской дѣятельности».

Починъ въ возбужденіи вопроса о правахъ лицъ, окончившихъ высшіе женскіе курсы, принадлежитъ московскимъ курсамъ Герье, какъ старѣйшему изъ высшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ женскихъ заведеній, существующему съ 1872 года. Послѣ цѣлаго ряда выпусковъ изъ курсовъ, профессоръ Герье, чтобы лишить курсы ихъ частнаго характера, упрочить ихъ положеніе, обезпечить за ними серьезное научное направленіе и права, возбудилъ ходатайство о приведеніи курсовъ въ болѣе близкую связь съ университетомъ и присвоеніи имъ названія «женскихъ курсовъ при московскомъ университетѣ». Та-

кое же ходатайство предполагалось и со стороны казанскихъ курсовъ, послѣ перваго выпуска въ 1878 году. Но послѣдовавшій въ это время отказъ на ходатайство профессора Герье остановилъ и ходатайство казанскихъ курсовъ. Одновременно съ этимъ отказомъ послѣдовало циркулярное предложеніе министра просвѣщенія попечителямъ: «составить проектъ правилъ о производствѣ особыхъ при университетѣ специальныхъ испытаній для лицъ женскаго пола, желающихъ приобрѣсти право преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ». Въ предложеніи министерства, между прочимъ, говорится, что «курсы могли бы служить хорошимъ подспорьемъ для приготовленія женщинъ къ особому испытанію въ университетѣ, наравнѣ съ лицами, ищущими званія учителей среднихъ учебныхъ заведеній». Казанскій университетъ ускорилъ движеніе этого дѣла. Факультеты историко-филологическій и физико-математическій, въ соединенныхъ засѣданіяхъ, выработали проектъ правилъ и программы для испытанія будущихъ преподавательницъ въ старшихъ классахъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, примѣнительно къ «правиламъ на испытаніе учителей гимназій и прогимназій», и совѣтъ университета представилъ этотъ проектъ въ министерство въ маѣ 1878 года. Высшіе женскіе курсы, по циркуляру министерства, поставлены были вѣдѣ соотношеній къ испытанію будущихъ преподавательницъ; тѣмъ не менѣе совѣтъ казанскаго университета ходатайствовалъ, чтобы «лица, представившія свидѣтельства объ успѣшныхъ занятіяхъ на курсахъ, были избавляемы отъ экзамена по дополнительнымъ предметамъ».

И вотъ, черезъ четыре года, петербургскіе высшіе курсы, учрежденіе безспорно факультетскаго характера, просить, какъ милости, права для женщинъ, получившихъ полное высшее образованіе, экзаменоваться по программѣ для учителей гимназій и прогимназій!.. Между тѣмъ допущеніе окончившихъ высшіе курсы на должности преподавателей во всѣхъ классахъ женскихъ среднеучебныхъ заведеній не только важно для женщинъ, получившихъ высшее образованіе, но и представляетъ самый животрепещущій и жизненный вопросъ для женскихъ среднеучебныхъ заведеній. Въ настоящее время,

составъ преподавателей во всѣхъ провинціальныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая даже и университетскихъ городовъ, чрезвычайно пестрый и крайне неудовлетворительный. Учителя гимназій составляютъ самый незначительный процентъ въ преподавательскомъ персоналѣ женскихъ училищъ, потому что поурочная плата здѣсь значительно ниже поурочной платы въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учителя городскихъ, уѣздныхъ и духовныхъ училищъ, преподаватели учительскихъ и духовныхъ семинарій, домашнія учительницы съ гимназическимъ общимъ образованіемъ и рядомъ съ ними лица, получившія высшее образованіе въ университетскихъ женскихъ факультетахъ— вотъ кто составляетъ значительно преобладающій элементъ въ преподавательскомъ персоналѣ женскихъ среднеучебныхъ заведеній. Недостаточная сама по себѣ, общеобразовательная программа женскихъ среднеучебныхъ заведеній, на практикѣ, едва ли не въ большинствѣ случаевъ, оказывается нищенски убогою, вслѣдствіе неумѣлаго выполненія ея разношерстнымъ составомъ преподавателей, которые, уже въ силу различія уровня общаго и specialнаго образованія, не имѣютъ возможности согласиться между собою ни въ общемъ взглядѣ на задачи и цѣли среднеучебныхъ женскихъ заведеній, ни въ частностяхъ—по поводу программъ, плановъ и методовъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ. Между тѣмъ женскія среднеучебныя заведенія имѣютъ всѣ задатки къ тому, чтобы развиться въ солидныя училища, по крайней мѣрѣ, не уступающія мужскимъ учебнымъ заведеніямъ. Уже тотъ фактъ, что среднеучебныя женскія заведенія не забыты древними языками и сравнены, по продолжительности учебного срока, съ мужскими заведеніями, даетъ имъ широкій просторъ къ развитію, въ общеобразовательномъ и воспитательномъ отношеніи. Для этого необходимо, прежде всего, умѣлое, согласное, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу со стороны учебно-воспитательнаго персонала, для котораго женскія учебныя заведенія должны быть не побочнымъ, второстепеннымъ дѣломъ, какъ это поставлено теперь, а specialнымъ служебнымъ долгомъ, которому нужно отдать все свое время и силы, весь запасъ нравственной энергіи. Такой педагогическій персоналъ можно создать только изъ женщинъ, получившихъ образованіе въ высшихъ курсахъ, вопросъ о правахъ которыхъ, къ

сожалѣнію и несчастію, такъ давно остается открытымъ, не смотря на ежегодно почти возобновляющіяся ходатайства по этому предмету, начиная съ 1874 года, т. е. уже въ теченіе 8 лѣтъ.

Болѣе гарантированнымъ, повидимому, представляется вопросъ о правахъ женщинъ, окончивающихъ врачебные курсы. Какъ было уже указано выше, и совѣтъ преподавателей врачебныхъ курсовъ, и особая коммиссія для разрѣшенія вопроса о правахъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ, и, наконецъ, медицинскій совѣтъ, какъ высшее въ Россіи медицинское учрежденіе, — всѣ единодушно высказались за уравниеніе въ правахъ врачебной практики женщинъ, окончившихъ курсы, съ мужчинами, получившими высшее медицинское образованіе. Въ 1879 г., управленіе врачебныхъ курсовъ обратилось къ земствамъ съ запросомъ о результатахъ врачебной дѣятельности женщинъ-врачей, состоящихъ на земской службѣ. На этотъ запросъ послѣдовало единодушное заявленіе земствъ, что врачебная дѣятельность женщинъ-врачей оказывается полезнѣе и производительнѣе дѣятельности врачей-мужчинъ, что земства предпочитаютъ женскую врачебную практику—мужской. Нагляднымъ доказательствомъ несомнѣнной искренности этихъ земскихъ заявленій служитъ тотъ фактъ, что на безправныхъ врачебныхъ женскихъ курсахъ, не имѣющихъ даже, въ исходѣ десятилѣтняго срока своего существованія, опредѣленнаго устава, учреждено около 35 земскихъ стипендій, съ условіемъ обязательной врачебной службы для слушательницъ, получавшихъ эти стипендіи. Наконецъ, въ 1880 году, высочайше установленъ особый нагрудный знакъ, съ буквами: «Ж.-В.» (женщина-врачъ), для лицъ, окончившихъ курсы съ правомъ на врачебную практику. Это высочайшее вниманіе служитъ какъ бы официальнымъ признаніемъ правъ женщинъ-врачей. Вслѣдъ за установленіемъ нагруднаго знака для женщинъ-врачей, въ началѣ 1881 года, медицинскій совѣтъ, при вторичномъ разсмотрѣніи вопроса о правахъ лицъ женскаго пола на врачебную практику, вновь подтвердилъ данное имъ въ 1878 году заключеніе о необходимости законодательнаго уравниенія правъ женщинъ-врачей съ мужчинами-врачами.

Словомъ, если смотрѣть на дѣло со стороны приведенныхъ

фактовъ, — то кажется, что упроченность общественнаго положенія женщинъ, какъ врачей, равноправныхъ съ мужчинами, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнью. А между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что отсутствіе окончательной законодательной санкціи правъ женщинъ-врачей приводитъ къ очень грустнымъ послѣдствіямъ. Бывали случаи, что начальники губерній собственною властью лишали женщинъ возможности заниматься врачебною практикою, воспрещая земствамъ держать у себя на службѣ женщинъ-врачей и аптекамъ — отпускать лѣкарства по рецептамъ женщинъ. Такіе факты были въ новгородской, вятской и въ некоторыхъ другихъ губерніяхъ. Воспрещеніе женщинамъ врачебной практики, глядя по усмотрѣнью губернаторовъ, распространялось или на всю губернію, или на отдѣльные только уѣзды. Произволъ губернаторскихъ «veto» проходилъ безнаказанно, не смотря на то, что, подъ покровительствомъ высшаго медицинскаго управленія, женщины-врачи состоятъ на официальной службѣ: — помимо земскихъ учрежденій, гдѣ служатъ болѣе 60 женщинъ-врачей, — при женскихъ врачебныхъ курсахъ — 12 и при клиникахъ и больницахъ 40 женщинъ-врачей.

Отсутствіе опредѣленнаго устава и правъ у существующихъ нынѣ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ существеннѣйшихъ препятствій къ окончательному упроченію ихъ въ матеріальномъ отношеніи, и притомъ даже такихъ солидныхъ изъ нихъ, имѣющихъ бесспорно законченный высшеобразовательный характеръ, какъ петербургскіе врачебные и высшіе курсы.

Для самостоятельнаго существованія врачебныхъ женскихъ курсовъ и для удержанія ихъ на современномъ уровнѣ научнаго развитія и учебной обстановки, необходимо увеличеніе матеріальныхъ средствъ курсовъ на 8—10 тысячъ рублей въ годъ, чтобы не обременять чрезмѣрно учащихся дальнѣйшимъ возвышеніемъ платы за слушаніе лекцій. Не говоря уже о полезной общественной дѣятельности женщинъ-врачей, женщины, получающія высшее врачебное образованіе, успѣли уже, рядомъ жертвъ, какъ на театрѣ войны, такъ и въ борьбѣ съ эпидеміями, купить себѣ безусловное право гражданства во врачебномъ отношеніи. Этимъ же рядомъ жертвъ куплено, вмѣстѣ съ

правомъ гражданства, и право на требуемую ежегодную матеріальную помощь врачевнымъ курсамъ, въ размѣрѣ 8—10 тысячъ рублей, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общества. Если состоится переходъ курсовъ въ вѣдѣніе петербургскаго городского управленія, то, въ виду предполагаемаго ежегоднаго расхода изъ средствъ города, матеріальное положеніе курсовъ значительно упрочится.

Болѣе счастливо поставлены въ матеріальномъ отношеніи петербургскіе высшіе женскіе курсы. Но и надъ ними, въ сожалѣнію, тяготѣтъ — обременительный въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, и вредный для успѣховъ научной ихъ дѣятельности—вопросъ объ отсутствіи собственнаго помѣщенія. До сихъ поръ курсы перекочевываютъ по наемнымъ квартирамъ, чтó сопряжено съ громадными матеріальными затратами и крайне затруднительно для такого обширнаго учрежденія, требующаго для себя немало специальныхъ приспособленій. Не беремъ судить, какъ могло случиться, что въ столицѣ, гдѣ въ распоряженіи городского управленія и казны имѣется такъ много зданій, не нашлось мѣста для пріюта высшихъ женскихъ курсовъ. Еще болѣе непонятенъ намъ слѣдующій фактъ. Въ январѣ прошлаго года, управленіе курсовъ обратилось въ петербургскую думу съ просьбою: отвести около 600 кв. саж. городской земли въ собственность курсовъ, для постройки отдѣльнаго помѣщенія, или оказать курсамъ денежное пособіе, на покупку земли, въ размѣрѣ отъ 12 до 15 тысячъ рублей. Городская управа, въ заключеніи своемъ по поводу этой просьбы, между прочимъ, говоритъ: «Городскія земли вообще немногочисленны, а между тѣмъ онѣ несомнѣнно могутъ понадобится городу для своихъ нуждъ; съ другой стороны, земли эти—такой капиталъ, который, безъ заботъ и хлопотъ, прогрессивно самъ собою увеличиваетъ свою цѣнность». Почему петербургская городская управа думаетъ, что клочекъ земли въ 600 кв. саж. представляетъ «такой капиталъ», которымъ не слѣдуетъ пожертвовать даже въ интересахъ университетскаго женскаго образованія,—это остается секретомъ управы, разгадывать который мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія. Провинціальныя земства содержатъ на свой счетъ около 35 слушательницъ врачевныхъ курсовъ, бессарабское и черниговское

земства оказываютъ матеріальную помощь кievскимъ высшимъ курсамъ, а петербургская дума барышничаетъ съ влочкомъ земли для высшихъ женскихъ курсовъ! Впрочемъ, въ нынѣшнемъ году, отношеніе столичнаго городского общественнаго управленія къ высшему женскому образованію кореннымъ образомъ измѣнилось къ лучшему. Какъ было уже указано выше, городъ принимаетъ подъ свое вѣдѣніе врачебные курсы и, сверхъ того, безсрочный ежегодный расходъ на нихъ въ 3,000 руб. лей. Этого вполне достаточно для столичнаго общественнаго управленія, у котораго обязательные расходы поглощаютъ ежегодно около двухъ-третьей бюджета. Необходимо также, чтобы и провинціальное общественное городское управленіе, подобно столичному, пришло на помощь высшимъ курсамъ какъ въ столичныхъ, такъ и въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ. Подобно тому, какъ земства учреждаютъ стипендіи во врачебныхъ курсахъ, чтобы заручиться женщинами-врачами, и города, гдѣ есть женскія среднія учебныя заведенія, должны учреждать стипендіи въ высшихъ курсахъ, чтобы заручиться преподавательницами съ университетскимъ образованіемъ. Женщина-врачъ оказалась добросовѣстнымъ и полезнымъ земскимъ работникомъ. За скромное вознагражденіе, получаемое ею отъ земства, она отдаетъ все свое время врачебной дѣятельности на пользу сельскаго населенія. Точно такъ и женщина-преподаватель не будетъ зарываться въ массѣ уроковъ, всецѣло посвятить себя педагогической дѣятельности въ среднеучебныхъ женскихъ заведеніяхъ—и непремѣнно подниметъ ихъ уровень въ общеобразовательномъ и воспитательномъ отношеніи. Такимъ образомъ, вопросъ о поддержаніи высшихъ курсовъ неразрывно связанъ съ судьбою среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Только опираясь на университетское женское образованіе, можно поднять уровень женскихъ среднеучебныхъ заведеній на должную высоту и достигнуть того, что среднее образованіе женщины не будетъ отставать отъ образованія мужчины.

Русская женщина, своимъ энергическимъ требованіемъ высшего образованія, вызвала къ жизни тотъ рядъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, историческій очеркъ которыхъ изложенъ выше. Непреклонная воля женщины, сознавшей свои права на высшее образованіе и продолжавшей стремиться къ образованію,

пренебрегая всевозможными препятствіями — вотъ что, главнымъ образомъ, создало у насъ цѣлый рядъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, и фактически упрочило уже въ Россіи университетское, медицинское и педагогическое высшее женское образованіе. Мужчина только помогаль женщинамъ стремиться къ высшему образованію, но не стоялъ во главѣ этого общественнаго движенія. Существенная обязанность русскаго общества — сохранить вышеучебныя женскія заведенія, созданныя исключительно усиліями женщинъ, обезпечить эти заведенія матеріально и охранять эту важную отрасль государственнаго образованія отъ какихъ бы то ни было невзгодъ. Какъ бы высоко ни стояло среднее и высшее образованіе мужчины, но оно будетъ вполне достигать цѣли и успѣшно воздѣйствовать на умственное и нравственное развитіе націи въ томъ лишь случаѣ, если въ помощь къ нему будетъ существовать и образованіе женщины, стоящее на одномъ уровнѣ съ образованіемъ мужчины *).

IX.

Подводя итогъ тому, что сдѣлано у насъ въ пользу высшаго женскаго образованія, мы имѣемъ право сказать, что вопросъ о необходимости въ Россіи высшаго женскаго образованія не только окончательно разрѣшенъ исторіею, но и осуществленъ уже практически въ основныхъ его чертахъ. Высшее женское образованіе безспорно приобрѣло у насъ полное право граж-

*) Считаю необходимымъ исправить здѣсь неточность, вкравшуюся въ нашу первую статью о высшемъ женскомъ образованіи (№ 4 «Наблюдателя»). Въ статьѣ сказано было, что дубянскіе женскіе курсы (при 3-й московской гимназіи), съ пользою просуществовавъ 10 лѣтъ, закрылись въ 1880 году. Одна изъ слушательницъ дубянскихъ курсовъ сообщаетъ намъ объ этихъ курсахъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ 1880 году курсы подавали прошеніе о расширеніи объема чтеній по предметамъ естественныхъ и математическихъ наукъ до объема спеціальныхъ курсовъ высшихъ учебныхъ заведеній (о правахъ для окончившихъ курсъ советъ не было рѣчи) и получили на это прошеніе удовлетворительный отвѣтъ. Получивъ, такимъ образомъ, на 13-мъ году своей жизни, болѣе прочную организацію, курсы продолжаютъ существовать и въ настоящее время. Теперь на курсахъ два отдѣленія: математическое и естественное, съ четырехлѣтнимъ курсомъ».

данства, наравнѣ съ высшимъ мужскимъ образованіемъ; оно достигло уже того уровня развитія, на которомъ получаетъ безусловное право гражданства въ общей системѣ государственнаго образованія, куда оно обязательно и должно быть включено, съ отнесеніемъ расходовъ на средства казны и установленіемъ порядка завѣдыванія и подчиненія, одинаковаго съ соответствующими мужскими высшими учебными заведеніями. Двадцатилѣтняя давность высшаго женскаго образованія, огромный запросъ на эту отрасль образованія и громадное ея практическое значеніе—рѣшительно не даютъ возможности оставлять долѣе высшія женскія учебныя заведенія на степени частныхъ училищъ. Они должны быть государственными учебными заведеніями, подобно соответствующимъ мужскимъ учрежденіямъ. Что же касается общественныхъ управленій и частныхъ лицъ, то они могутъ помогать въ этомъ дѣлѣ государству отводомъ и устройствомъ помѣщеній, учрежденіемъ стипендій, временными денежными взносами—словомъ, помогать такъ, какъ это дѣлается въ отношеніи высшихъ мужскихъ учебныхъ заведеній.

Сообразуясь съ ходомъ и развитіемъ у насъ высшаго женскаго образованія за послѣднія 15 лѣтъ, можно уже выдвинуть на очередь и вопросъ о высшихъ реально-практическихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ—техническихъ, сельскохозяйственныхъ и коммерческихъ. Еще въ 1875 году, небольшой кружокъ образованныхъ петербургскихъ коммерсантовъ предполагалъ устроить «высшую женскую коммерческую школу», съ подробнымъ преподаваніемъ въ ней счетоводства, бухгалтеріи, товаровѣдѣнія и прочихъ коммерческихъ наукъ. Цѣль этой «школы»—приготовление управляющихъ и контролеровъ для большихъ торговыхъ фирмъ. Самый проектъ вызванъ былъ расчетомъ на трудолюбіе, аккуратность и добросовѣстность женщины. Это, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ коммерческихъ расчетовъ. Сербская и русско-турецкая война, равно какъ и послѣдующій рядъ событій внутри Россіи задержали осуществленіе этого разумнаго проекта. Но едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что осуществленіе высшихъ реально-практическихъ женскихъ учебныхъ заведеній не заставитъ себя долго ждать. Чѣмъ скорѣе будетъ легально оформлено и упрощено положеніе существующихъ уже высшихъ женскихъ учеб-

ныхъ заведеній, тѣмъ быстрѣ возникнутъ весьма желательныя и полезныя реально-практическія высшія женскія училища.

Выше изложенъ историческій ходъ вопроса о правахъ женщинъ, получающихъ высшее образованіе. Въ сущности же, это вопросъ не о правахъ, а только о п о л у - п р а в а хъ женщинъ съ высшимъ образованіемъ.

Такъ, напримѣръ, высшее педагогическое право женщинъ (котораго онѣ столько лѣтъ уже безуспѣшно добиваются)—преподавать во всѣхъ классахъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній. Но почему же только «женскихъ»?

Въ августѣ 1878 года, преподавательница французскаго языка въ кронштадтской женской гимназіи, г-жа М. С. Кузьмина, была назначена министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, на должность преподавателя французскаго языка въ кронштадтскомъ реальномъ училищѣ. «Кронштадтскій Вѣстникъ», сообщая объ этомъ фактѣ, говоритъ, что «министръ народнаго просвѣщенія пожелалъ воспользоваться педагогическою опытностью г-жи Кузьминой для успѣшнаго преподаванія французскаго языка въ реальномъ училищѣ». По поводу назначенія г-жи Кузьминой на должность преподавателя реального училища, «Женское Образованіе» замѣчаетъ: «Этой новости нельзя не порадоваться: съ одной стороны, удачный «опытъ» можетъ повести къ тому, что учительское поприще для женщинъ значительно расширится; съ другой стороны, нельзя не порадоваться за мужскія учебныя заведенія. Если, вообще говоря, живые и талантливые люди среди учителей встрѣчаются не очень часто, то между преподавателями иностранныхъ языковъ они еще рѣже. Между нашими же образованными женщинами, окончившими институты и педагогическіе курсы, можно найти немало лицъ, прекрасно знающихъ и иностранные языки, и русскій языкъ, и могущихъ быть прекрасными преподавательницами». Еще болѣе вѣскимъ представляется слѣдующее соображеніе «Кроншт. Вѣстника»: «Для реального училища это назначеніе, кромѣ педагогической опытности г-жи Кузьминой, имѣетъ другое, еще болѣе важное значеніе, именно—въ воспитательномъ отношеніи. Съ женщиною, въ среднюю мужскую школу, проникнетъ то благотворное вліяніе женской ласки, любви и скромности, которыхъ не замѣнятъ никакія наставленія и вну-

шенія преподавателя». Назначеніе г-жи Кузьминой на должностъ преподавателя въ мужское учебное заведеніе—очень вѣскій прецедентъ въ пользу допущенія женщинъ въ мужскія учебныя заведенія. Но нужно, чтобы допущеніе женщинъ на должности преподавателей въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя бы по однимъ новымъ языкамъ, обусловливалось не однимъ только «желаніемъ» или нежеланіемъ министра народнаго просвѣщенія, либо другаго лица, стоящаго во главѣ того или инаго учебнаго вѣдомства, а было бы санкціонировано закономъ.

Но уравненіе женщинъ съ мужчинами въ правахъ на педагогическую и врачебную дѣятельность еще не исчерпываетъ вопроса о правахъ женщинъ съ высшимъ образованіемъ:—остается еще открытымъ вопросъ о правѣ женщинъ на высшія ученныя степени и занятіе профессорскихъ кафедръ въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Строго говоря, и эта существеннѣйшая часть какъ общаго женскаго вопроса, такъ и въ частности—вопроса высшеобразовательнаго,—въ половину уже разрѣшена у насъ.

Какъ было указано въ первой статьѣ нашего очерка (№ 4 «Наблюдателя»), заграничныя университеты дали намъ довольно солидное количество докторовъ-женщинъ по разнымъ отраслямъ высшей науки: химіи, математики, медицины, права и т. д. Справедливо-ли, благоразумно-ли, наконецъ, допустить, чтобы эти, бесспорно, очень крупныя женскія дарованія пробавлялись какою-либо третьестепенною, мелкою интеллигентною работою, не имѣя легальнаго пристанища въ области чистой науки? Не будетъ-ли это ужъ слишкомъ грубымъ и безпощадно-жестокимъ насиліемъ надъ дарованіемъ женщины? Кому и для чего можетъ быть полезно такое насиліе?

Въ области печатнаго слова, женщина, въ теченіе нынѣшняго вѣка, заняла очень видное мѣсто, въ силу высокой способности къ тонкому и точному анализу человѣческой души и чуткой воспримчивости къ философской мысли. Американская женщина, въ роли духовнаго оратора и проповѣдника, сразу заняла, въ послѣдніе три—четыре года, передовой постъ. Наконецъ, очень высоко стоятъ въ общественномъ мнѣніи американская женщина-лекторъ въ высшихъ женскихъ коллегіяхъ. Почему знать, какою высокою лекторскою способностью можетъ проявить

русская женщина на профессорской кафедрѣ? Не слишкомъ-ли много потеряетъ наука отъ произвольнаго, насильственнаго загражденія женщинамъ пути къ ученой, профессорской и академической дѣятельности? Чѣмъ можетъ быть мотивировано это прегражденіе женщинамъ пути въ такой области, которая можетъ жить и развиваться только подѣ условіемъ полной свободы дѣятельности для способнѣйшихъ, трудолюбивѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ въ своемъ отношеніи къ наукѣ, безъ всякаго, разумѣется, различія половъ и возрастовъ? Ужели однимъ только деспотическимъ желаніемъ мужчины сохранить, во чтобы то ни стало, за собою монопольное право въ области чистой науки, не смотря даже на фактъ высокихъ ученыхъ степеней, достигнутыхъ женщиною?..

Но помимо заграничныхъ докторовъ-женщинъ по разнымъ отраслямъ высшей науки, и на русской почвѣ имѣются очень вѣскіе факты въ пользу положительнаго разрѣшенія вопроса о правѣ женщинъ на ученую дѣятельность. Съ перваго выпуска женщинъ-врачей, вошло въ обычай оставлять при курсахъ и клиникахъ наиболѣе способныхъ и успѣшно окончившихъ курсъ. Въ настоящее время, при курсахъ, клиникахъ и больницахъ въ Петербургѣ состоитъ, въ качествѣ ассистентовъ и ординаторовъ, не менѣе 52 женщинъ-врачей. На долю же клиническихъ ассистентовъ и ординаторовъ приходится, по крайней мѣрѣ, половина профессорской работы и притомъ труднѣйшая половина. Не легко преподавать медицинскую науку съ профессорской кафедрѣ, но еще труднѣе наглядно передавать эту науку, прямо у постели больныхъ, что и приходится на долю ассистентовъ и ординаторовъ женщинъ-врачей, состоящихъ при клиникахъ и больницахъ, гдѣ производится чтеніе лекцій слушательницамъ. Наконецъ, со времени перваго выпуска женщинъ-врачей, многими изъ тѣхъ, которыя оставлены при курсахъ, изготовлены ученые работы, ни въ какомъ случаѣ не уступающія, по отзывамъ авторитетныхъ людей въ медицинской наукѣ, докторскимъ диссертациямъ мужчинъ.

Такимъ образомъ, врачебные курсы не только дали русскому обществу сотни женщинъ-врачей, но и подготовили уже контингентъ женщинъ, способныхъ къ профессорской дѣятельности. Остановка только за докторскимъ экзаменомъ и защитою диссертаций, т. е. готовыхъ уже, напечатанныхъ работъ, заслужившихъ притомъ высокую похвалу вакъ въ русской, такъ

и въ заграничной медицинской литературѣ. Такъ будемъ-ли мы еще продолжать упорствовать въ загражденіи пути русской женщины къ ученой профессорской дѣятельности, не смотря даже на то, что не менѣе пяти лѣтъ уже, какъ русская женщина-врачъ съ успѣхомъ исполняетъ половину профессорскихъ обязанностей, а своими учеными трудами приобрѣла себѣ почетную извѣстность и въ заграничной медицинской литературѣ?..

М. Песковскій.

ЮНОСТИ.

Юность—солнце упованья,
 Нѣжныхъ, страстныхъ чувствъ магноть,
 Смѣлый вызовъ, битвъ желанье
 И стыдливый жаръ ланить!
 Юность—жизнью упоенье,
 Міръ волшебной красоты,
 Жажда муки и гоненья
 Ради призрачной мечты!
 Океанъ любви безъ мѣры,
 Море ненависти злой,
 Ты—источникъ чистой вѣры,
 Отрицанья духъ нѣмой.
 Все въ тебѣ, и смѣхъ, и слезы,
 Скоротечно, какъ мечта;
 Ты обманчива, какъ грезы,
 И какъ истина свята.

С. Г.

ЯЗВЫ ПЕТЕРБУРГА.

Опыт нравственной статистики столичнаго населенія.

VII.

ЖЕРТВЫ ОБЩЕСТВЕННАГО ТЕМПЕРАМЕНТА.

Къ пауперизму и нищенству близко примыкаетъ, какъ ихъ прямое, естественное порожденіе, та глубоко-печальная, гнойная общественная язва, несмолгаемымъ укоромъ протестующая противъ социально-экономической неправды существующаго строя, имя которой цѣломудренныя уста стыдятся даже произносить... Имя это—проституція, и, надѣмся, благонравный читатель пойметъ, что обойти здѣсь это зазорное слово и опредѣляемое имъ еще болѣе зазорное явленіе, говоря о нравственныхъ язвахъ Петербурга, мы никоимъ образомъ не можемъ, безъ существеннаго ущерба для цѣльности нашей картины. Наконецъ, господа, не нужно лицефриты! Курьезны тѣ моралисты, которые равнодушно сносятъ ежедневно и повсемѣстно бьющее имъ въ глаза зрѣлище гнуснѣйшаго втоптыванья въ грязь образа Божія въ человѣкѣ, и—воспламеняются негодованіемъ весталокъ, когда имъ гласно указываютъ на это зрѣлище и называютъ его собственнымъ именемъ... Это, по малой мѣрѣ, фарисейство!

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, повинно въ фарисействѣ все общество. Въ самомъ дѣлѣ, что такое мы видимъ передъ собою?—Мы видимъ съ полнымъ равнодушіемъ, какъ тысячи молодыхъ существъ, свѣжихъ, здоровыхъ и прекрасныхъ, точно въ какомъ нибудь первобытномъ культѣ людодѣднаго Молоха, непрерывно смѣняя одиѣ другихъ, приносятся въ жертву не-

насытному плотоядному звѣрю, именуемому общественнымъ температуромъ... Мы видимъ изо дня въ день это позорнѣйшее для человечества жертвоприношеніе, это алчное, разнузданное пожираніе человѣческой «свѣжинки», открыто сбываемой на площади цѣною нравственнаго паденія и озвѣренія обѣихъ договаривающихся сторонъ; видимъ эту крикливую, безобразную и деморализующую нравы каррикатуру на поэзію и святость любви, брака и семьи, на личность женщины, на все, въ чемъ сосредоточены лучшіе идеалы человѣка, отличающіе его отъ животнаго; видимъ публичное оскверненіе дорогихъ идеаловъ—нашъ общій величайшій грѣхъ и стыдъ, и—что-же?—Безлич- ный, но многоголовый звѣрь, нами вспоенный и вскормленный, не только пользуется всѣми правами терпимости, но обезпеченъ еще и законными гарантіями въ правильномъ, органи- зованномъ насыщеніи его людоедныхъ потребностей! Обществен- ный темпераментъ, т. е. точнѣе сказать, его звѣрская, плотояд- ная сторона, его циническіе, безнравственные инстинкты, раз- нуздываемые аномаліями и неправильностями въ отношеніяхъ половъ,—здѣсь, на этомъ рынкѣ паденій, являются въ положе- ній полноправнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго хозяина... Отврати- тельный звѣрь, открыто попирающій краугольные камни чело- вѣческаго союза и священнѣйшія основы хваленой морали и гуманизма, гордо носить голову и, спекулируя на голодъ и нужду, на порокъ и легкомысліе, безпрепятственно хватается жертву за жертвой всюду, куда-бы только ни проникло его оду- ряющее, тлетворное дыханіе. И общество, и законъ его тер- пятъ—только-бы онъ не слишкомъ скандализировалъ своими сатурналіями внѣшній декорумъ порядка и приличія... Это—сдѣлка съ прокаженнымъ, подъ условіемъ терпѣть его присут- ствіе, если онъ не очень станетъ выказывать свои язвы, хотя и подъ постояннымъ страхомъ заразиться отъ него. Другаго исхода нѣтъ: ни изгнать изъ своей среды, ни исцѣлить эту заразительную проказу, называемую проституціей, современное общество, при данныхъ условіяхъ своего соціально-экономиче- ского быта, не въ состояніи. Остается предоставить ее самой себѣ, на основаніи *laissez faire, laissez passer*, фарисейски жму- рить глаза при ея видѣ и проходить ее цѣломудреннымъ молча- ніемъ, какъ если-бы ее и на свѣтѣ не бывало. Иначе, вѣдь,

пришлось-бы сознаться въ полной несостоятельности существующихъ и опирающихся, якобы, на правѣ и нравственности общественныхъ отношеній, прочностью которыхъ мы, однакожъ, такъ любимъ похвалиться и такъ дорожимъ...

Существуетъ взглядъ, что проституція представляетъ собою нѣчто въ родѣ страховой преміи, выплачиваемой обществомъ гнѣздящемуся въ его нѣдрахъ стихійному звѣрю разврата, въ огражденіе отъ его покушеній на святость и неприкосновенность семейнаго очага. Пусть тамъ, на улицѣ, разгуливаетъ на полномъ просторѣ развратъ, поглощая тысячи брошенныхъ ему въ жертву и обреченныхъ на это неумолимой судьбою женскихъ существованій, лишь-бы онъ не вторгался въ стѣны нашего семейнаго очага и не покушался на чистоту нашихъ женъ и дочерей! Такой эгоистическій, глубоко-безчеловѣчный расчетъ несомнѣнно существуетъ и имъ-то объясняется узаконенная снисходительность общества и власти къ уличному разврату въ самыхъ гнуснѣйшихъ его проявленіяхъ. Съ такимъ расчетомъ, пожалуй, можно было-бы даже помириться, въ интересѣ привилегированной, обеспеченной и сытой добродѣтели; но бѣда въ томъ, что расчетъ-то этотъ оказывается фальшивымъ и на практикѣ не оправдывается! Онъ невѣренъ въ самомъ основаніи, какъ недѣло было-бы страдающему какой-нибудь злокачественной язвой, изолировавъ ее на своемъ тѣлѣ предохранительнымъ пластыремъ, воображать, что онъ этимъ застраховалъ свой организмъ отъ общаго патологическаго пораженія. Проституція—потому-то и есть самая страшная язва, что она парализуетъ общій нравственный строй и вноситъ неопутительно деморализующую заразу повсюду,—и вверху, и внизу общественнаго зданія. Семейный очагъ почти также мало обезпеченъ отъ ея растлѣвающего вторженія, какъ и улица...

Кажется, излишне доказывать, что въ современномъ городскомъ обществѣ и въ петербургскомъ, въ особенности, развратъ представляетъ собою одно изъ самыхъ распространеннѣйшихъ явленій соціальной патологіи, и что нѣтъ такого общественнаго слоя, нѣтъ такой среды, которые не были-бы заражены этой нравственной проказой, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей. Моралисты сдѣлали даже такое безотрадное наблюденіе, что чѣмъ выше и матеріально

обеспеченіе данная среда, тѣмъ она грѣховнѣе въ указанномъ отношеніи, тѣмъ болѣе выдѣляетъ изъ себя испорченныхъ до мюга костей сластолюбцевъ и утонченныхъ развратниковъ, не стѣсняющихся никакими нравственными сдержками, но лишь старательно избѣгающихъ огласки и скандала, прикрывая свое распутство маской приличій и соблюденіемъ тайны, которая, впрочемъ, рѣдко оказывается настолько непроницаемой, чтобы не послужить пищей для всевѣдущей молвы. Кому неизвѣстна безпрестанно пополняемая все новыми и новыми страничками скандальная хроника такъ называемаго «большаго свѣта», обезславившая соблазнительными сказаніями многія, съ виду весьма почтенныя семьи и титулованныя, иногда очень громкія имена? Кто не слыхалъ о гривуазныхъ похожденияхъ и вакханаліяхъ нашей «jeunesse dorée»? Кто не знаетъ, наконецъ, дурной славы, относительно этого-же щекотливаго пункта, приобрѣтенной гостинно-дворскими тузами, банкирами, биржевиками, желѣзнодорожниками и, вообще, представителями денежной аристократіи, давно превзошедшей родовую по ширинѣ и умѣнью «срывать цвѣты наслажденія» въ гесперидскихъ садахъ утонченнаго разврата?

Всѣ эти наблюденія жизни и нравовъ верхнихъ, культурныхъ слоевъ, подтверждаемыя, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, весьма краснорѣчивыми фактическими разоблаченіями предъ лицомъ возмущенной общественной совѣсти, указываютъ, что развратъ и проституція, въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, не только лежатъ на совѣсти всего общества, какъ результатъ дурной организаціи, но и составляютъ повсемѣстную его заразу, проникающую весь организмъ съ головы до ногъ. Этому грѣху причастны представители всѣхъ классовъ и положеній—сильные и слабые, сытые и голодные, вверху и внизу стоящіе, торжествующіе и униженные. Разница только въ причинахъ и условіяхъ, приводящихъ людей столь противоположныхъ слоевъ и состояній къ дружному культивированію общественнаго распутства. Главная и существенная разница заключается здѣсь въ томъ, что одни поддаются грѣхопадению отъ избытка и пресыщенія земными благами, другіе—отъ крайняго въ нихъ недостатка; одни—требуютъ жертвъ, другіе—страдательно отдаются въ жертву; одни—герои, другіе—побѣжденные.

Страдательная роль въ этой безконечной сатурналіи принадлежить, конечно, женщинѣ...

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ различать два, кореннымъ образомъ разнящихся по своимъ источникамъ, вида проституціи— активную и пассивную, если ихъ можно такъ назвать. Первая порождается сытой развращенностью и есть несомнѣнный порокъ; вторая, служа лишь объектомъ для первой и возникая по ея спросу, порождена бѣдностью, вскормлена голодомъ, попита нищетою; первая—ищетъ грѣховныхъ наслажденій, вторая—насушнаго хлѣба. Въ сущности, это—безбожное торжище, гдѣ происходитъ такой-же коммерческій обмѣнъ, какой имѣетъ мѣсто на всякомъ рынкѣ, съ тою только разницею, что товаръ здѣсь—человѣческое достоинство женской личности. Сбытъ идетъ всегда очень бойко и въ «товарѣ» никогда не будетъ недостатка, до тѣхъ поръ, пока будутъ на бѣломъ свѣтѣ брошенные на произволъ судьбы дѣвушки, слабыя, неразвитыя, сиротливыя, голодныя, неспособныя къ честной работѣ или не умѣющія ее найти... Прихотливый потребитель можетъ не безпокоиться за свой аппетитъ: на спросъ его очень, очень долго будетъ найдаться избыточное предложеніе!

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выдѣленію того спеціальнаго элемента проституціи, на которомъ именно мы и хотѣли остановиться. Что касается ея активного элемента, олицетворяемаго длинными рядами сластолюбцевъ и развратниковъ, незаклейменныхъ «роковыми словами на лбу», но распространяющихъ повсемѣстное поврежденіе нравовъ, подрывающихъ основы семьи и отравляющихъ деморализаціей всю общественную атмосферу, то этой большой злокачественной язвѣ мы посвятимъ въ свое время особый этюдъ. Здѣсь мы рассмотримъ только профессиональную проституцію, составляющую объектъ общественнаго или, точнѣе сказать, «уличнаго разврата», вѣдаемаго полиціей.

По буквѣ дѣйствующаго законодательства и въ общепринятомъ смыслѣ, подъ понятіе проституціи подводится почти исключительно одинъ лишь промыселъ развратомъ. Конечно, это крайне узкія рамки, далеко не охватывающія собою даннаго явленія во весь ростъ и во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ и формахъ; но мы должны подчиняться этому официально-

му опредѣленію, такъ какъ только въ этихъ предѣлахъ разсматриваемая язва доступна болѣе или менѣе точному статистическому изученію. Законъ и общество, будучи не въ силахъ бороться со всѣми проявленіями разврата и искоренить его, вынужденные относиться къ нему терпимо, какъ къ печальной, но неизбѣжной необходимости, довольствуются лишь изолированіемъ одного изъ его частныхъ, наиболѣе крикливыхъ отправленій, въ видахъ санитарно-полицейскихъ. Такимъ образомъ, законъ и полиція, имѣя дѣло только съ тою формою проституціи, которая подходитъ подъ спеціальнѣйшій юридическій терминъ «публичнаго непотребства», преслѣдуютъ двѣ цѣли: во-первыхъ, приведеніе въ извѣстность всѣхъ женщинъ, промышляющихъ непотребствомъ, и примѣненіе такихъ мѣръ, которыя препятствовали-бы искусственному увеличенію ихъ числа, и, во-вторыхъ, подчиненіе ихъ строгому врачебно-полицейскому надзору, въ огражденіе, съ одной стороны, общественной нравственности отъ слишкомъ явнаго соблазна и, съ другой, общественнаго здоровья отъ распространенія заразныхъ болѣзней. Въ границахъ-то этихъ требованій, проституція и разсматривается, какъ обособленное явленіе городской жизни, какъ спеціальнѣйшій промыселъ развратомъ—не болѣе.

Границы эти, впрочемъ, не смотря на всю ихъ узость и опредѣленность, на практикѣ вовсе не имѣютъ точнаго очертанія и, сколько ни старается полиція обнять ими всѣ проявленія промышленнаго, профессиональнаго непотребства, послѣднія во множествѣ и на каждомъ шагѣ ускользаютъ отъ ея блюстительнаго ока и руководящей длани. Естественно, что этой категоріи жертвы общественнаго темперамента всѣми мѣрами стараются избѣгать позорнаго подчиненія санитарно-полицейской ферулѣ; полиція же, наоборотъ, заинтересована въ томъ, чтобы ни одна изъ этихъ жертвъ не ускользнула отъ ея бдительнаго надзора. Вслѣдствіе этого, происходитъ постоянная, въ существѣ дѣла, безобразная травля, тѣмъ болѣе грубая, что полиція наша не отличается, какъ извѣстно, деликатностью и мягкостью пріемовъ, а въ особенности въ отношеніи къ такимъ беззащитнымъ, отверженнымъ и всецѣло подчиненнымъ полицейской опека существамъ, какъ заклеименныя падшія женщины. Власть надъ ними врачебно-полицейскаго комитета, вѣдаю-

ищаго публичное «непотребство», почти безотчетная и крайне суровая, по смыслу самих узаконенныхъ правилъ, изданныхъ для регулированія поведенія этихъ несчастныхъ и для надзора за ними. Довольно вспомнить, что не даѣе, какъ въ 1864 г., только съ изданіемъ судебной реформы, отмѣнено право комитета, по своему усмотрѣнію, съчь розгами подчиненныхъ его надзору проституткокъ и примѣнять къ нимъ всякія другія дисциплинарныя и пенитенціарныя мѣры; только съ того времени, этимъ истиннымъ паріямъ общества даны кое-какія человѣческія права;—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи судимости онѣ сравнены съ остальными гражданами, такъ какъ дѣла о нихъ стали вѣдаться мировыми судами, на основаніи общихъ узаконеній.

Но и до сихъ поръ полиція сохранила надъ ними безапелляціонную, неограниченную власть, и потому-то онѣ всѣми силами стараются, особенно на первыхъ порахъ своего паденія, когда еще и стыдъ и чувство женственности несовсѣмъ въ нихъ вывѣтривались отъ веселой жизни, избѣжать полицейской опеки и полицейскаго клейма, въ видѣ ненавистнаго для нихъ, позорнаго желтаго билета—этого, въ своемъ родѣ, волчьаго паспорта, специально придуманнаго для врачебно-полицейскаго контроля надъ ними. Отсюда-то и происходитъ вѣчная травля, для веденія которой комитетъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи отрядъ специалистовъ-сыщиковъ (такъ наз. «инспекторовъ»), обязанныхъ, между прочимъ, всѣми мѣрами преслѣдовать, уловлять и приводить къ медицинскому освидѣтельствуванію неподчиненныхъ еще надзору, либо укрывшихся отъ него промышленницъ развратомъ, считая въ томъ числѣ и подозрѣваемыхъ лишь въ занятіи такимъ промысломъ. О ретивости и безцеремонности этихъ аргусовъ общественной нравственности можно судить по тѣмъ, не разъ повторявшимся, возмутительнымъ случаямъ, когда они, здорово живешь, ловили, подвергали аресту и позорному осмотру не только женщинъ вовсе неповинныхъ въ развратѣ, но и невинныхъ дѣвушекъ...

Впрочемъ, строгость и ретивость этихъ аргусовъ простираются до извѣстнаго предѣла и примѣняются только къ такимъ несчастнымъ, которыя или не умѣютъ постоять за себя, или не научились еще ловко хоронить концы и носить личину, отдающую

блустительное око. Кто не знает, что множество завѣдомыхъ, иногда всему городу извѣстныхъ, блистательныхъ Фринъ и Нанъ, съ явственно начертанными «роковыми словами на лбу», особенно если слова эти написаны на французскомъ діалектѣ,—пользуются полною свободою промысла и никогда не попадаютъ въ списокъ кліентовъ врачебно-полицейскаго комитета. Самый этотъ органъ и его исполнители очень строги только къ злосчастнымъ представительницамъ дешеваго разврата, а пышныя, расфранченныя Нанъ, вывозящія себя на продажу, «соблазнительно лежа, въ щегольскомъ экипажѣ», выставляющія свои предести въ бель-этажѣ театровъ, въ клубахъ и т. под. публичныхъ мѣстахъ, не подчинены никакому наблюденію и не испытываютъ никакихъ стѣсненій со стороны блюстителей казенной нравственности. Внѣшній блескъ, «шикъ» и наглость, а съ другой стороны привилегированность положенія, хорошо оплачиваемая изысканною прихотью развратниковъ верхняго слоя, создаютъ для этихъ аристократокъ проституціи такой яркій ореолъ, которымъ благоговѣнно ослѣпляются не только скромные чины врачебно - полицейскаго комитета, но и «стая молодыхъ, глупыхъ людей», какими переполнены ряды столичной «интеллигенціи».

Эту разницу положеній аристократки и паріи петербургскаго профессиональнаго гетеризма и ихъ типичныя особенности, въ яркихъ краскахъ, съ сатирической силой, изобразилъ поэтъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи: «Убогая и нарядная». Опытный глазъ различаетъ ихъ безъ труда. У первой—

«Безпокойная ласковость взгляда
И поддѣльная краска ланитъ,
И убогая роскошь наряда—
Все не въ пользу ея говорить»...

Оттого-то, ей, убогой, «состраданья не встрѣтить» и лице-мѣрный «свѣтъ предастъ ее поруганью», хотя часто вся вина ея только въ томъ и состоитъ, что она—«нищеты и несчастія дочь». Зато бездушный, фальшивый «свѣтъ»

... «охотно прощаетъ другой (нарядной)
Что торгуетъ собой по призванью,
Безъ нужды, безъ борьбы роковой»,—

у которой въ обстановкѣ, въ манерѣ и въ нарядѣ «эффектъ чрезвычайный»:—

«Бриллианты, цвѣты, кружева,
Доводящіе умъ до восторга,
И на лбу роковыя слова:
«Продается съ публичнаго торга»!
Что, красавица, нагло глядишь?

Странный вопросъ! Въдѣ она «въ моду вошла» и гдѣ-бы ни явилась, — «стая модныхъ и глупыхъ людей провожаетъ ее въ перегонку». Эти люди

... «знакомству скандальному рады.
Что за дѣло, что вся до чиста
Предалась ты постыдной продажѣ,
Что поддѣльна твоя красота,
Какъ гербы на твоємъ экипажѣ,
Что глупа ты, жадна и пуста—
Ничего! знатоки нашей націи
Порѣшили разумнымъ судомъ,
Что динизмъ твой доходитъ до граціи,
Что геройство въ безстыдствѣ твоємъ!»

Вотъ чѣмъ она завоевываетъ сердца и опустошаетъ кошельки, и вотъ въ силу какихъ достоинствъ и прелестей знатное «тупоуміе, праздность и скука» фешенебельнаго шалопайства стоятъ за нею!..

Къ этимъ портретамъ двухъ господствующихъ типовъ различныхъ продажныхъ гетеръ прибавить нечего. Поэтъ, быть можетъ, погрѣшилъ только въ отношеніи ихъ происхожденія, предполагивъ, что между «убогой» и «нарядной» существуетъ рѣзкая разница, что первая и вторая приходятъ къ паденію, будто-бы, различнымъ путемъ,—одна чрезъ нищету и несчастье, другая по какому-то внутреннему «призванью» къ пороку и распутству. Хотя, дѣйствительно, существуютъ прирожденные гетеры—«женщины улицы», какъ ихъ называетъ А. Дюма,—но это индивидуумы исключительные, представляющіе собою уродливый продуктъ вовсе не той среды, изъ которой главнымъ образомъ комплектуются ряды профессиональной проституціи. Клеопатры, Мессалины, Октавіи, Ниноны Ланкло, Дюбарри и имъ подобныя, прославившіяся и оставшіяся въ безызвѣстности, прирожденные жрицы распутства являлись и являются до

сихъ поръ въ высшемъ, привилегированномъ слоѣ общества въ періоды его деморализаціи, благодаря чрезмѣрному развитію роскоши, сластолюбія и эпикурейства. Онѣ—дочери аристократическаго прельщенія земными благами и органической порчи дѣлаго поколѣнія извращенныхъ сластолюбцевъ, тогда какъ описываемыя здѣсь современныя гетеры—львицы-ли полусвѣта, или «убогія» гражданки улицы—одинаково, въ большинствѣ случаевъ, порождены нищетой и несчастьемъ, и вышли изъ самыхъ низменныхъ подонковъ общества. Это подтвердятъ намъ и статистическія данныя, да это-же свидѣтельствуяютъ и повседневныя наблюденія.

На этомъ основаніи мы и отнесли эту группу *classe dangereuse*, главнымъ образомъ, къ продуктамъ пауперизма,—и на самомъ дѣлѣ большая часть представительницъ этой отверженной, заклеянной позоромъ группы выступаютъ на поприще своего промысла «убогими» во всѣхъ отношеніяхъ. Само собой разумѣется, что прежде всего онѣ до жалости убоги духомъ:—темныя, невѣжественныя, весьма часто даже неграмотныя, не получившія никакой культурной и моральной выправки, жалкія питомицы затхлыхъ чердаковъ и подваловъ или полудикія дочери деревни, выброшенныя изъ нея опять таки голодомъ, на соблазнъ и деморализацію городской улицы,—всѣ онѣ дѣлаются легко-доступнымъ и дешевымъ достояніемъ разврата. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, судьбу ихъ въ этомъ смыслѣ рѣшаетъ голодъ и нужда, подхлестываемые соблазномъ щегольства, гульбы и сытаго бездѣльничества, при полной неподготовленности или неспособности къ какому нибудь честному труду или ремеслу, а нерѣдко и при воспитанномъ съ дѣтства отвращеніи къ нимъ. Между ними немало есть «благородныхъ», т. е. чиновничьихъ дочерей, дворянокъ, которыя изъ родительскаго крова и изъ родительской школы успѣли унаслѣдовать одинъ только глупый сословный гоноръ, обязывающій ихъ соблюдать себя на линіи «барышень-бѣлоручекъ» и считать для себя униженіемъ идти, напр., въ служанки или заняться какой нибудь «черной» работой. Впрочемъ, существующій въ Петербургѣ женскій трудъ, въ большинствѣ своихъ отраслей, не только не обезпечиваетъ занимающихся имъ молодыхъ женщинъ отъ деморализаціи и

паденія, но—напротивъ—нерѣдко содѣйствуетъ этому и служить только какъ-бы переходной, подготовительной ступеню отъ невинности къ «легкому поведенію». Не говоря уже о томъ, что трудъ этотъ, обыкновенно, очень плохо оплачивается, есть такія отрасли его, которыя, можно сказать, систематически, по своимъ условіямъ, а иногда и завѣдомо—съ корыстной цѣлью антрепренеровъ—развращаютъ сотни молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ съ самаго нѣжнаго возраста. Такою весьма извѣстной и упороченной славой пользуются, напр., разнаго рода швейныя мастерства (существуютъ «модные магазины», положительно промышленяющіе продажей товара, не имѣющаго ничего общаго съ гардеробомъ), женскія работы на нѣкоторыхъ фабрикахъ, занятія продавщицъ и служанокъ въ полпивныхъ, въ ресторанахъ, кухмистерскихъ и т. д. Самыя даже профессиональныя влички—«модистка», «швейка», «фабричная» — получили на петербургскомъ бульварномъ аргѣ иносказательно-скабрезное значеніе.

Другіе виды, такъ называемаго, «чистаго» женскаго труда тоже весьма часто сопряжены, если не прямо, то косвенно, съ опасностью паденія. Таковъ ужъ уровень современныхъ нравовъ городской, въ большинствѣ, развращенной среды, что каждая молодая женщина съ смазливымъ личикомъ дѣлается предметомъ грѣшныхъ вождельній и наглаго донъ-жуанства сталкивающихся съ нею мужчинъ, въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда она не ограждена семьей, изолирована отъ нея и доступна, по роду своихъ занятій, для завязыванья съ нею знакомства всякому искателю романическихъ приключеній. Въ положеніи таковой общедоступности для ухаживанья встрѣчныхъ и поперечныхъ шелопаевъ находятся, напр., конторщицы, продавщицы и иныхъ названій служащія женщины въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ. Во-первыхъ, приведено въ извѣстность немало случаевъ, гдѣ этой категоріи женщины дѣлались предметомъ нахальнаго волокитства и даже насилія, прежде всего, со стороны своихъ хозяевъ. Затѣмъ, онѣ часто рѣшительно не знаютъ, куда дѣваться отъ преслѣдованій кліентовъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ служатъ. Изъ множества фактовъ въ этомъ родѣ приведемъ здѣсь одинъ, особенно характеристичный, изъ судебной практики. Одна замужня дама порядочнаго общества, молодая и красивая женщина, вынуждена была крайностью поступить при-

нащицей въ галантерейный магазинъ на бойкомъ мѣстѣ. Навѣщая ее, мужъ замѣтилъ, что она постоянно разстроена и нерѣдко заплакана. На его разспросы, она долго скрывала причину своего горя, не желая его огорчать; но, наконецъ, объявила, что у нея нѣтъ больше силъ выносить постоянныя оскорбительныя любезности, заигрыванья и двусмысленныя предложенія посѣщающихъ магазинъ мужчинъ, чему со стороны хозяина не оказывалось никакого противодѣйствія. Возмущенный мужъ явился къ хозяину магазина съ упреками, но тотъ встрѣтилъ его бранью, сталъ гнать вонъ и заявилъ, что «если-де жена его нанялась, то, значитъ, продалась». Когда-же мужъ пригласилъ жену уйти съ нимъ сейчасъ-же «изъ этого омута», то хозяинъ заперъ ей верхнее платье и, только уступая воинской силѣ полиціи, согласился возвратитъ свою прикащицу въ объятія ея законнаго супруга... Случай этотъ характеристиченъ, между прочимъ, потому еще, что свидѣтельствуетъ о весьма распространенномъ въ петербургской торговой средѣ безздравственномъ возрѣвнн на женщинъ-продавицъ, какъ на своего рода рекламу и приманку для покупателей, имѣющихъ слабость къ женскому естеству. Спекуляція на это естество имѣетъ мѣсто во многихъ магазинахъ и, конечно, въ результатъ увеличиваетъ число падшихъ женщинъ, потому что далеко не всѣ представительницы этихъ рискованныхъ профессій оказываются такими неуступчивыми и твердыми въ добродѣтели, какъ вышеизображенная дама.

Наблюденія указываютъ, что немногимъ обезпеченнѣе отъ опасности грѣхопаденія является также многочисленный классъ петербургскихъ кухарокъ и горничныхъ, особенно если взять во вниманіе, что народъ этотъ, въ большинствѣ, — молодой, здоровый, живущій здѣсь внѣ брачныхъ паръ или совершенно холостой, оторванный отъ деревни и семьи, слѣдовательно, такъ или иначе эмансипированный отъ нравственнаго контроля и руководства, а, взаменъ того, предоставленный соблазнительному вліянію города, съ его лакомыми до клубники ловеласами и развратниками. И какъ увидимъ изъ статистики разсматриваемой здѣсь группы, этотъ классъ петербургскаго женскаго населенія, комплектуемый главнымъ образомъ крестьянками, выдѣляетъ значительный процентъ непотребныхъ женщинъ.

Сказавъ о духовной и матеріальной «убогости» нашихъ героинь, какъ о главной причинѣ ихъ паденія, должно замѣтить, что къ послѣднему онѣ приходятъ, въ большинствѣ случаевъ, самымъ простымъ, легкимъ, прозаическимъ путемъ, безъ всякой почти борьбы, какъ это, впрочемъ, само собой становится понятнымъ и естественнымъ при указанныхъ условіяхъ ихъ воспитанія и обстановки. «Романы» ихъ замѣчательно однообразны, пошлы и коротки: тутъ всего одна страничка, и послѣ пролога обыкновенно наступаетъ сейчасъ-же, безъ всякихъ интерваловъ, эпилогъ; авторъ — судьба пишетъ твердой рукою «конецъ», и романъ, вмѣстѣ съ героиней, тотчасъ-же поступаетъ въ регистратуру врачебно-полицейскаго комитета, большею частью безъ всякаго «продолженія впредь».

Неизбѣжный «жестокій» соблазнитель — чаще всего молодой, блестящій субалтернъ-офицеръ или юнкеръ того или другаго рода оружія; но офицеръ необходимъ для усугубленія роковой fatalit  и сгущенія кавалерски-романическаго колорита. Героиня, — до фатальной встрѣчи, невинная, какъ ангелъ, — слѣпитъ свои глаза надъ иглой, въ скучной мастерской у «мамамы», въ модномъ магазинѣ. Вдругъ, — какъ поется въ одномъ самодѣльномъ романсѣ, весьма распространенномъ въ средѣ петербургскихъ швеевъ, —

„Разъ, однажды, вечеромъ
Сажу за работой—
Ходить юнкеръ подь окномъ
Въ ясной позолотѣ.
Онъ манилъ меня шутя,
Я не испугалась;
Вдругъ, немножечко спустя,
Нитка оборвалась“!

Цитируемъ эти стишки, такъ сказать, для букета, чтобы читатель могъ осязательно оцѣнить всю бульварную пошлость и назенную безхитрость этихъ «романовъ», съ ихъ приторно-конфетнымъ и очень дешевымъ сантиментализмомъ. Такъ начинаются въ Петербургѣ тысячи подобныхъ романовъ. Канитель грубаго ухаживанья неизбежно и очень скоро оканчивается тѣмъ, что у героини «разъ, однажды, вечеромъ», «нитка оборвется», а вслѣдъ затѣмъ, — стремительно побѣжденная «ясной позолотой», фунтомъ-другимъ конфетъ, трактирнымъ ужиномъ съ

бутылкой вина, и много, много—парой нехитрыхъ сережекъ,— она быстро проходитъ школу паденія и деморализации, для того чтобы въ ближайшій затѣмъ «разъ, однажды, вечеромъ», появиться въ рядахъ стоворчивыхъ сальфидъ Невскаго проспекта или пріютиться въ гостепріимныхъ конурахъ Мѣщанскихъ улицъ съ переулками. Конечно, въ этой драматической развязкѣ оказывается всецѣло повиннымъ «юнкеръ въ позолотѣ», который, по свойственной сынамъ Марса «жестокости», побѣдоносно сорвавъ «цвѣтокъ наслажденія», покидаетъ свою жертву для новыхъ завоеваній.

Это, можно сказать, классическая форма романовъ большинства нашихъ героинь, и она такъ хорошо заучена и общедоступна, что къ ней часто прибѣгаютъ съ цѣлью «сочинительской», для прикрытія несравненно менѣ романтической дѣйствительности. А дѣйствительность эта часто бываетъ такова, что героиня, иногда въ очень ранней юности и благодаря именно ей, рекрутируется въ ряды жертвъ общественнаго темперамента самымъ обыденнымъ, прозаическимъ образомъ, на началахъ чисто-коммерческихъ, какъ предметъ простой купли и продажи. Скандальная хроника столицы и ея судебная лѣтопись чрезвычайно богаты фактическими указаніями на существованіе такой коммерціи и специально занимающихся ею особыхъ промышленниковъ—«свахъ» и «сводень», преимущественно изъ лицъ женскаго пола, чаще всего—бывшихъ «камельй», застарѣлыхъ въ наукѣ разврата и содержательницъ тайныхъ и публичныхъ притоновъ терпимости... Грязные, возмутительные факты этого рабовладѣльческаго промысла, не смотря на его хорошо охраняемую подпольность, время отъ времени всплываютъ наружу и докладываются судомъ вниманію общественной совѣсти. Такихъ фактовъ не мало и въ нашихъ матеріалахъ. Господствующій между ними и чаще всего повторяющійся состоитъ обыкновенно въ томъ, что подходящія, по своей безпомощности и неразвитости, невинныя дѣвушки добровольно или обманомъ, — путемъ опутыванія ихъ воли разными соблазнами и закабаленіями,—заманиваются въ притоны разврата и сбываются по хорошей цѣнѣ, сперва, какъ свѣжинка, — охотникамъ до нея, безнравственнымъ сластолюбцамъ съ туго набитымъ карманомъ, а затѣмъ становятся общедоступными промышленницами разврата.

Бывали случаи, что въ такое положеніе попадали, ничего не подозревая, дѣвушки образованныя—искательницы честнаго труда, особенно такия изъ нихъ, которыя заѣзжаютъ сюда издалека, одинокія и неопытныя провинціалки. «Свахи» помянутой категоріи, подъ маской приличныхъ съ виду, почтенныхъ и зажиточныхъ «дамъ», матерей семействъ, закидывали на нихъ сѣти, подъ предлогомъ доставленія выгодныхъ мѣстъ, и, когда, путемъ притворнаго участія, щедрыхъ посуловъ, а нерѣдко обязательной денежной помощи, успѣвали свискать ихъ довѣріе, то безъ дальнихъ околичностей пересылали въ дома терпимости, гдѣ ужъ, въ случаѣ протеста и сопротивленія пойманной въ западню жертвы, пускалось въ ходъ и грубое насиліе. Этотъ способъ уловленія жертвъ, имѣющій много разновидностей и носящій характеръ совершенно первобытнаго поработченія, всегда такъ коварно обставленъ, что безпомощной дѣвушкѣ нужно много мужества и энергіи, чтобы разорвать опутавшія ее сѣти. Безъ всякаго сомнѣнія, множество случаевъ этого возмутительнѣйшаго насилія и обмана вѣнчаются успѣхомъ и проходятъ безнаказанно, а несчастныя существа, ставшія ихъ жертвами, при запуганности и апатичности, пассивно покоряются своей участи.

Съ грустью должно сказать, что есть много случаевъ, гдѣ на подобнаго рода омерзительныя сдѣлки охотно соглашаются,—по полюбовному уговору, какъ о простомъ комерческомъ дѣлѣ,—если не сами жертвы, то близкіе имъ, кровные люди. Въ нашихъ матеріалахъ имѣются едва вѣроятные въ этомъ отношеніи, позорнѣйшіе для человѣческой репутаціи примѣры! Лѣтъ десять тому назадъ изобличенъ былъ на судѣ одинъ «культурный» негодяй въ томъ, что продалъ влюбленную въ него дѣвушку какому-то сладострастному восточному князю, и такъ какъ она протестовала противъ этой сдѣлки, то онъ силой передалъ ее съ рукъ на руки покупателю, при самой возмутительной обстановкѣ. Констатированы случаи, гдѣ мужья,—въ томъ числѣ чиновники, слѣдовательно, люди культурные,—кормились отъ разврата своихъ женъ, и не только знали объ этомъ, но сами толкали ихъ на этотъ промыселъ и лично старались какъ можно выгоднѣе обставить это дѣльце. Въ одномъ изъ танцъ-классовъ,—этихъ величайшихъ разсадниковъ нравственной порчи,—объявилъ

ся какъ-то оборотливый «братецъ», нѣмецъ, привезшій двухъ своихъ молоденькихъ сестеръ изъ милаго Vaterland'a для раздробительной продажи въ Петербургъ, и открыто маклерствовалъ въ зазорныхъ сдѣлкахъ съ танцъ-классными кутилами. Разъ у мирового судьи обвинялась нѣвая мѣщанка, содержавшая у себя тайный притонъ, въ томъ, что намѣревалась продать какому-то распутному старцу свою родную сестру, красивую 18-тилѣтнюю дѣвушку, которую она, нарочно для этого, вывезла изъ родительскаго дома въ деревнѣ. Продажа не состоялась только благодаря тому, что въ дѣло вмѣшались сторонніе честные люди—жилцы изобрѣтательной мѣщанки, бывшіе «невольными свидѣтелями гнуснаго торга между продавщицей и покупателемъ—старымъ развратникомъ, въ присутствіи беззащитной и горько плакавшей дѣвушки», обреченной на жертву. Значить, товаръ продавался лицомъ и безъ всякихъ стѣсненій; помѣшали его завершенію впечатлительные свидѣтели, позвавшіе въ квартиру полицію... Но сколько-же бываетъ случаевъ, гдѣ или вступиться некому за беззащитную жертву, или сама она, уступая родственному влиянію, безропотно позволяетъ продать себя! Участіе родственниковъ въ такихъ сдѣлкахъ—фактъ заурядный; достовѣрно, что встрѣчаются даже отцы и еще чаще матери, которые завѣдомо продаютъ своихъ дочерей такимъ-же образомъ. Не очень давно былъ обнаруженъ въ Новой Деревнѣ притонъ, гдѣ сбывались охотникамъ, по сходной цѣнѣ, несовершеннолѣтнія дѣвочки,—почти дѣти! Открытіе это надѣлало большаго скандала; винили притонно-содержательницу и ея развратныхъ сообщниковъ-покупателей, винили полицію за недосмотръ; но никто не спросилъ: какимъ образомъ несчастныя отроковицы могли попадать въ этотъ притонъ? Вѣдь, были-же у нихъ родители, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, и всѣ данныя указывали на несомнѣнную виновность родителей или въ томъ, что они выбросили своихъ дочекъ на улицу на произволь судьбы; или-же въ томъ, что завѣдомо, съ корыстной цѣлью, пристроили ихъ въ гостепріимный притонъ. Возможность подобныхъ случаевъ подтверждается, между прочимъ, и судебной хроникой, а до какой степени иные чадолюбивые родители бываютъ на этотъ счетъ сговорчивы и равнодушны къ цѣломудрію своихъ дѣтей, можно заключить изъ слѣ-

дующаго эпизода, крайне несложнаго, но способнаго до глубины потрясти каждое челоуѣколюбивое сердце. Какъ-то въ ружьи полиціи попали двѣ дѣвочки, одна 12-ти, другая 13-ти лѣтъ, изобличенныя въ промыслѣ развратомъ. Полиція навела о нихъ справки и—вотъ что оказалось: незадолго передъ этимъ обѣ онѣ, по требованію матерей своихъ—нищенокъ, промышляли вмѣстѣ попрошайничествомъ на улицахъ и однажды, вечеромъ, «безотчетно» и даже неизвѣстно съ какими, совершенно незнакомыми имъ негодяями, потеряли невинность, получивъ за это въ награду нѣсколько копѣекъ. Придя домой, онѣ объявили о своемъ безсознательномъ грѣхѣ матерямъ и вручили имъ свой «заработокъ», и—что-же?—матери не только не пришли отъ этого въ ужасъ и негодование, но встрѣтили паденіе дочекъ, какъ желанный случай для умноженія источниковъ своего дохода, и напутствовали ихъ на прибыльный промыселъ обѣими руками...

Разумѣется, приведенный рядъ фактовъ взятъ изъ безотрадной жизни самыхъ низменныхъ общественныхъ подонковъ, искорверканныхъ и деморализованныхъ крайней бѣдностью и всеческими лишеніями, совершенно ниспровергающими авторитетъ ходячей максимы, будто «бѣдность не порокъ»,—максимы, лицемерно сочиненной тѣми, кто ея не испытывалъ, въ сомнительное утѣшеніе удрученныхъ ею. Отсюда становится неоспоримымъ и ранѣе высказанное нами положеніе, что въ ряды профессиональной проституціи рекрутируются, такъ или иначе, исключительно «дочери нищеты и несчастья»—круглыя «убогія» во всѣхъ отношеніяхъ, а не прирожденные Мессалины, впадающія въ распутство «по призванью», какъ думалъ поэтъ.

Но у этихъ, равно «убогихъ» на первыхъ шагахъ зазорнаго промысла, молодыхъ неопитокъ разврата существуютъ различные шансы на успѣхъ и ихъ ждетъ различная доля: однѣ осуждены, по тѣмъ или другимъ причинамъ, навсегда остаться «убогими», другія—конечно, меньшинство—превращаются въ «нарядныхъ» героинь полусвѣта. Это распредѣленіе фортуны зависитъ отъ различной степени красоты, обольстительности, способности—доводить «цинизмъ до граціи», наконецъ, отъ случайныхъ условій, благоприятныхъ для фортуны или неблагоприятныхъ, въ которыя попадаетъ та или другая изъ жертвъ общественнаго темперамен-

та... Какъ во всемъ и вездѣ, тутъ большую роль играютъ удача, случай, извѣстная степень ловкости и практичности въ обдѣлываньѣ своей карьеры и въ умѣньѣ продать товаръ лицомъ.

Поэтъ, описывая свою «нарядную» Фрину, заставляетъ ее «ребенкомъ попасть въ Парижъ», тамъ пройти высшую школу разврата и уже оттуда, во всеоружіи, пріѣхать въ Петербургъ «обирать наше будто богатое барство». Дѣйствительно, аристократія петербургскаго полусвѣта состоитъ въ значительной части изъ такихъ именно плотоядныхъ дочерей вѣтренной Франціи и, вообще, изъ заѣзжихъ иностранокъ; но среди нея есть немало и нашихъ соотечественницъ, чистокровныхъ «Катекъ» и «Сашекъ», какъ ихъ прозываютъ галантные поклонники, съ придаткомъ какихъ нибудь уличныхъ вличекъ, измышленныхъ казарменно-фривольнымъ остроуміемъ. Между этими «Катками» бывають даже знаменитости, которыхъ знаетъ весь городъ, на которыхъ указываютъ пальцами во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и о скандалезныхъ похожденияхъ которыхъ повѣствуются пикантные рассказы въ веселыхъ газетахъ. Прошлое у нихъ такое-же темное и безотрадное, какъ и у любой «убогой» ихъ товарки, тоскливо рыскающей по Невскому проспекту, въ то время, какъ онѣ «летятъ въ щегольскомъ экипажѣ», транжирятъ большія деньги на роскошные наряды и прихоти, возбуждая «чувство злобы и зависти тайной» въ «порядочныхъ» женщинахъ, знаются и амишонствуютъ съ «золотой молодежью», а также съ сластолюбивыми и шаловливыми государственными мужами, обирають ихъ и, подъ часъ, разоряють не плоше патентованныхъ парижанокъ... Не уступаютъ онѣ послѣднимъ и въ искусствѣ утонченнаго разврата, въ цинизмъ и безстыдствѣ, и развѣ только спасуютъ передъ ними въ степени культурности и образованности, не возвышаясь въ этомъ отношеніи надъ уровнемъ кухарокъ и прачекъ. Вообще, въ умственномъ и культурномъ отношеніи, всѣ представительницы полусвѣта и улицы — «убогія» и «нарядныя», — одинаково оказываются, въ огромномъ большинствѣ, невинными до совершеннаго безграмотства и дикости, какъ это покажетъ намъ ихъ статистива, и какъ тому слѣдуетъ быть, имѣя въ виду, что просвѣщеніе служитъ однимъ

изъ могущественныхъ орудій для истинной эмансипаціи женщины отъ всякаго рабства.

Замѣчательно также, что какъ убогія, такъ и нарядныя всего чаще кончаютъ одинаково — болѣзью, нищетой и рановременной смертью. Исходъ вполне естественный для той, по истинѣ ужасной, «каторжной» жизни, какую приходится вести этимъ несчастнымъ изо дня въ день, среди беспросыпныхъ оргій, бессонныхъ ночей, пьянства и всяческихъ излишествъ! Трудно даже сказать, чья жизнь въ этомъ отношеніи каторжнѣе и скоротечнѣе — убогихъ или нарядныхъ? По всѣмъ вѣроятіямъ, послѣднимъ достается ихъ счастливое, блестящее положеніе несравненно труднѣе и несравненно большимъ расходомъ здоровья и силъ, потому что и онѣ сами, и ихъ «временно-обязанные» друзья, какъ люди зажиточнаго класса, больше имѣютъ средствъ, охоты и вкуса къ расточительнымъ оргіямъ и грязнымъ вакханаліямъ. Эта безпутная жизнь, въ постоянной бѣшеной погонѣ за грубыми, чувственными наслажденіями, быстро подламываетъ силы нѣжнаго женскаго организма и — въ кратчайшее время красивая, «шикарная» гетера превращается въ безобразную развалину, не имѣющую никакой цѣны на рынкѣ разврата. Остается гибнуть и умирать въ нищетѣ, потому что обыкновенно эти несчастныя не успѣваютъ, да и не умѣютъ сберечь про черный день копѣйку изъ своего гонорара, какъ онъ ни бываетъ иногда роскошенъ и обилень...

Извѣстный Дю-Канъ, на котораго мы уже имѣли случай ссылаться, изучивъ парижскую проституцію, пришелъ къ выводу, что обыкновенно изъ ста женщинъ этой профессіи, по малой мѣрѣ, восемьдесятъ кончаютъ крайне жалкой участью вслѣдствіе болѣзни, алкоголизма и преступленія. Принявъ во вниманіе разницу въ культурности французскаго и нашего общества, слѣдуетъ предположить, что у насъ еще большій процентъ подобныхъ женщинъ оканчиваютъ также печально.

Вл. Михневичъ.

НАТУРАЛЬНЫЯ И ДЕНЕЖНЫЯ АРЕНДЫ.

(Историческій очеркъ).

III.

Съ 1764 г. Екатерина начала жаловать мызы въ аренду и безъ всякаго платежа; преимущественно, впрочемъ, заслуженнымъ русскимъ, напр. генераль-поручикамъ: Муравьеву и Чичерину (въ 1765 г.). Затѣмъ, чтобы установить порядокъ управления пожалованными въ аренду мызами, Екатерина поручила сенату рассмотретьъ полученные ею проекты арендныхъ контрактовъ, съ примѣчаніями къ нимъ лифляндскаго генераль-губернатора, и выработать общую форму контракта. Форма эта, изданная сенатомъ для всеобщаго руководства, обнимала въ общихъ чертахъ отношенія арендаторовъ къ крестьянамъ и казѣ, и обратно. *) Въ огражденіе крестьянъ отъ «сугубой тяжести» пятый пунктъ контракта гласилъ: «арендаторъ обязанъ самъ распоряжаться мызою, а ежели, за положенною въ службѣ должностію, не можетъ,—то вправѣ поручать диспененту (управителю), за котораго отвѣтствуетъ во всемъ, какъ за самого себя; въ третьи же или четвертыя руки мызы, ни подъ какимъ видомъ, въ переводную или субъ-аренду не передавать и полученною отъ императорскаго величества милостию, во вредъ мызѣ, не пользоваться; прочимъ же, службою незанятымъ, отдача диспененту, или субъ-арендатору наикрѣпчайше запрещается, а ежели въ томъ приличится кто, лишень будетъ арендъ». Проще говоря, рассчитывали, что сами лишь арендаторы, за предоставленные имъ выгоды, будутъ лично и добросовѣстно хозяйничать въ арендуемыхъ ими земляхъ. (17 февраля 1765 г.).

*) Вслѣдствіи правительство признало образцовымъ контрактомъ «формуляръ», объявленный, въ видѣ манифеста, 24 іюня 1786 г., курляндскимъ герцогомъ Петромъ арендаторамъ его имѣній и заключавшійся въ 30 иностранныхъ пунктахъ, въ которыхъ предусматривались всѣ мельчайшія подробности. Формуляръ этотъ помѣщенъ въ 8 т. Св. Зак., изд. 1835 г.

Съ крестьянъ, не состоявшихъ въ арендѣ у кого либо изъ дворянъ, шведское правительство взимало, взамѣнъ податей, произрастеніями земли. Руководствуясь этимъ примѣромъ, Екатерина велѣла на довольствіе войскъ, квартировавшихъ въ Петербургской, Рижской, Ревельской и Выборгской губерніяхъ, провіантъ и фуражъ, положенный съ тамошнихъ земель, собирать и доставлять для полковъ сполна, по расписанію, какое сдѣлаетъ провіантская канцелярія, «безъ конфузій» (27 апрѣля 1765 г.).

По случаю войны Россіи съ Турціею, Екатерина установила особую повсемѣстную подать, въ число которой распорядилась взимать и съ ливонскихъ, эстляндскихъ и эзелскихъ арендныхъ мызъ «одну половину, зачитая другую въ арендную сумму, съ назначенныхъ гаковъ ими платимую» (4 іюня 1769 г.). Войны создавали героевъ, и ихъ нужно было поощрять. Екатерина и пожаловала фельдмаршалу Румянцеву мызу Свартенъ (18 августа 1766 г.), но при отводѣ этой мызы возникло недоразумѣніе, съ какого именно времени пользоваться съ нея доходами? Вопросъ этотъ понадобилось разрѣшить, кромѣ Румянцева, и для всѣхъ,—вотъ почему. Мызы жаловались въ разное время, круглый годъ, причемъ въ некоторымъ доставались поля, съ которыхъ прежніе арендаторы не успѣвали еще убрать засѣянный хлѣбъ. Когда свѣдѣніе объ этомъ дошло до Екатерины,—она предоставила всѣмъ арендаторамъ пользоваться доходами до сентября; съ мызъ же, пожалованныхъ въ сентябрѣ или позже, велѣла обращать собранные плоды въ казну (10 іюня 1769 г.).

Послѣ перваго раздѣла Польши, Екатерина задумала облагодѣтельствовать бѣлорусскихъ помѣщиковъ, для привлеченія ихъ на сторону Россіи. Съ этою цѣлью она издала законъ, по которому владѣльцы купленныхъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ старѣвствъ и присягнувшіе на вѣрность Россіи — сохраняли за собою старѣвства по смерти: безъ платежа аренды — пока выручатъ заплаченные ими за старѣвства деньги, а потомъ — съ платежемъ аренды въ казну по установленію; тѣмъ изъ присягнувшихъ, которымъ старѣвства достались отъ родителей или сродниковъ, а имъ были пожалованы польскими королями — предоставлялось владѣть по смерти же, но съ платежемъ арендныхъ въ казну денегъ (6 марта 1773 г.).

Поляки въ присоединенной Бѣлоруссіи любили пиры, роскошь, а резиденція бѣлорускаго намѣстника находилась въ Смоленскѣ, гдѣ онъ долженъ былъ принимать поляковъ. И вотъ, чтобъ доставить намѣстнику больше средствъ на представительство — Екатерина пожаловала ему, «на столовое содержаніе,

Мстиславское старѣство, со всѣми угодыями» (22 февраля 1776 г.).

Войны поглотили пропасть денегъ, почему государство сильно въ нихъ нуждалось. Екатерина и издала указъ о податяхъ со всего низшаго сословія Россіи; при этомъ со всѣхъ арендныхъ деревень приказала вѣзвать по рублю съ души, съ оговоркою, впрочемъ, чтобы начать этотъ сборъ лишь по истеченіи сроковъ, на которыя деревни были отданы въ аренду (3 мая 1783 г.). Но не прошло и года, какъ Екатерина разъяснила, чтобы въ платежахъ съ держателей арендъ «различать то, что съ деревень принадлежитъ въ казну, яко общая государственная подать, и положенную по 70 коп. съ души—исключить до окончанія сроковъ арендъ, отчего крестьяне не будутъ отягощены, когда заплатятъ только разницу между нынѣшнею и прежнею податью; при заключеніи же новыхъ контрактовъ, обязывать арендаторовъ платить государственную подать особо отъ помѣщичьихъ доходовъ» (18 марта 1784 г.).

Хотя, вслѣдствіе обложенія арендныхъ мызъ нѣкоторыми податями, выгоды арендаторовъ и уменьшились, тѣмъ не менѣе всѣ чрезвычайно дорожили арендами и вели изъ-за нихъ даже процессы. Такъ, полковнику Герсдорфу, за полученную имъ въ сраженіи рану и за 26-лѣтнюю службу, была пожалована на 12 лѣтъ мыза Нейбилькенгофъ, причемъ въ контрактѣ, заключенномъ съ нимъ казною, было выражено, что въ случаѣ его смерти раньше истеченія контрактнаго срока,—мыза переходитъ къ его наслѣдникамъ по срокъ. Умеръ онъ дѣйствительно прежде окончанія 12-лѣтняго владѣнія мызою, поэтому ею и завладѣла его дочь, жена дворянина Левенштейна. Между тѣмъ, эту же самую мызу, послѣ кончины Герсдорфа, зачислили въ число вакантныхъ, и Екатерина пожаловала ее генераль-аншефу, рижскому и ревельскому генераль-губернатору, графу Броуну, въ вѣчное владѣніе. Отъ Левенштейнъ и хотѣли отнять мызу въ пользу Бруна. Тогда Левенштейнъ пожаловалась, проси оставить ее за нею, въ силу выговореннаго въ контрактѣ условія, да еще и потому, что она, не получивъ послѣ отца никакого наслѣдства, находилась въ нуждѣ. Такъ какъ Екатерина сама отдала мызу, да еще главному начальнику края, то, чтобы поддержать значеніе своей власти,—она утвердила мызу за Броуномъ и, какъ бы кстати, воспретила напередъ писать въ контрактахъ что либо о переходѣ мызъ отъ арендаторовъ къ ихъ наслѣдникамъ (29 февраля 1784 г.).

Изъ состоявшаго въ пожизненномъ владѣніи коллежской совѣтницы Малиновской Головачевскаго старѣства, 3 крестьянскихъ семействъ въ 11 м. и 16 ж. душъ задумали перечислиться въ «посадскіе». Малиновская соглашалась отпустить ихъ не

иначе, какъ если казна обезпечить ей выгоду отъ работъ всѣхъ 27 душъ до контрактнаго термина. Могилевская казенная палата обратилась, поэтому, къ начальству, съ вопросомъ: какъ въ данномъ случаѣ поступить? Сенатъ, а за нимъ и Екатерина рѣшили: просителей отъ Малиновской до срока ея аренды—не освобождать, такъ какъ арендаторы принимали въ аренду имѣнія по контрактамъ съ крестьянами, т. е. съ оброками, податями и крестьянскою работою, а еслибы желавшіе перейти въ посадскіе удалились въ городъ,—значитъ Малиновская лишилась-бы всѣхъ причитавшихся ей отъ нихъ выгодъ, притомъ же нарушился-бы и смыслъ контракта, который, въ силу утвержденного по этому предмету (8 декабря 1776 г.) наставленія, слѣдовало сохранять свято. Впрочемъ, въ утѣшеніе всѣмъ крестьянамъ, указъ кончался словами, что, по минованіи арендныхъ сроковъ, какъ просителямъ, такъ и другимъ крестьянамъ, дозволяется переселиться въ городское сословіе (27 іюля 1790 г.).

Съ воспослѣдовавшимъ вскорѣ третьимъ раздѣломъ Польши между Австрією, Пруссією и Россією, Екатерина подтвердила право вѣчнаго владѣнія староствами, подъ какими-бы названіями они ни числились, за всѣми владѣльцами (въ Минской, Изяславской и Брацлавской провинціяхъ), коль скоро они присягнули на вѣрность Россіи (19 апрѣля 1794 г.).

Павелъ I не только сберегъ неприкосновенность арендныхъ привилегій предшествовавшихъ царствованій, но еще обратилъ свободныя казенныя имѣнія Финляндіи въ раздачу на аренду разнымъ лицамъ. Мотивомъ къ назначенію этихъ арендъ служило то, что «сборъ арендъ будетъ исправный, жалуемымъ окажется помощь и вознагражденіе за ихъ заслуги отечеству, безъ малѣйшей казнь потери». Раздавать въ Финляндіи аренды Павелъ I велѣлъ по правиламъ, дѣйствовавшимъ въ Лифляндіи (12 ноября 1796 г.).

Но едва минуло 17 дней со времени обнародованія упомятаго распоряженія, какъ уже явились для финляндскихъ арендаторовъ особыя, самостоятельныя правила, озаглавленныя такъ: «Порядокъ отдачи пожалованныхъ въ арендное содержаніе финляндскихъ земель и объ обязанностяхъ арендаторовъ». Все это было формулировано многими пунктами, но мы приведемъ изъ нихъ лишь самыя существенныя: 1) когда послѣдуетъ повелѣніе о пожалованіи въ аренду земель,—финляндскій намѣстникъ «справедливо, чтобы никто не былъ обойденъ»,—назначаетъ уѣздъ, кирхшпиль и гейматы; 2) если кому пожалована аренда безъ точнаго означенія числа душъ и количества земли; 3) по исполненіи сего—директоръ экономіи, съ землемѣромъ и двумя членами земскаго суда сочиняютъ списокъ

гейматамъ, живущимъ въ мѣстности владѣльцамъ, крестьянамъ и бобылямъ обоего пола, опись строеніямъ и двѣ табели: одну—сколько арендатору оброчныхъ податей и проч. получать слѣдуетъ, на основаніи помѣщичьяго права, съ содержателей гейматовъ, а другую—сколько съ тѣхъ гейматовъ въ казну платить; 4) послѣ того, имѣніе сдается арендатору на 12 лѣтъ, а содержателямъ объявляется, чтобы со дня пожалованія, вмѣсто прежней платы въ казну оброка—платили и исполняли всѣ обязанности натурою арендаторамъ; съ послѣднихъ-же брать обязательства, чтобы сверхъ положеннаго по ревизіи и закону оброка—никакими «вымысленными налогами народъ не отягощали»; 5) арендаторы, получая все натурою, или какъ добровольно условятся съ содержателями и крестьянами,—обязываются: вносить въ казну—весь платимый оброкъ деньгами по прежнему положенію; содержать все въ порядкѣ; заботиться о крестьянахъ и проч., улучшить хозяйство, скотоводство и т. под.; 6) казеннымъ палатамъ, чрезъ каждые три года свидѣтельствовать порядокъ, разбирать жалобы и чинить расправу, а по истеченіи сроковъ принимать все обратно въ казну по описямъ, а если арендаторы истребятъ лѣсъ—взыскивать съ нихъ убытки *). (29 ноября 1796 г.).

Независимо отъ установленія арендъ въ Финляндіи, Павелъ I не обошелъ ими заслуженныхъ лицъ и въ Бѣлоруссіи. Такъ, въ «возданіе усердной службы и преданности» гофмаршала графа Віельгорскаго, Павелъ I пожаловалъ ему въ пожизненное владѣніе Каменецкое старѣство (Слонимской губерніи) со всѣми селами, деревнями, землями и угодьями, кромѣ г. Каменецъ-Волинска, безъ платежа кварты, съ распространеніемъ этихъ правъ и на сына графа, въ случаѣ его смерти (1-го декабря 1796 г.). Затѣмъ, вниманіе къ роду Віельгорскихъ Павелъ простеръ еще дальше: утвердилъ за сыномъ графа и г. Каменецъ-Волинскъ, въ вѣчное потомственное владѣніе, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы изъ собираемыхъ съ жителей города доходовъ—вносилась въ казну узаконенная сумма (5 февраля 1798 г.).

Нѣкоторые лица, которымъ по указамъ Екатерины временно дарованы были права на старѣства, долго не вступали во владѣніе ими. Это побудило Павла I повелѣть: оставить старѣства лишь за тѣми изъ нихъ, которые по меньшей мѣрѣ приступили къ ихъ приему (15-го августа 1798 г.). Забо-

* По этимъ правиламъ, аренды раздавались въ Финляндіи только въ теченіе 10 лѣтъ: въ 1806 г. раздача была приостановлена, впредь до разъясненія степени ея полезности для государства особою комиссіею, и болѣе уже не возобновлялась.

тятся о сбереженіи лѣсовъ въ арендныхъ имѣніяхъ всѣхъ окраинъ, Павелъ I приказалъ примѣнить къ нимъ законъ, существовавшій въ командорскихъ имѣніяхъ (11-го января 1799 г.). А для того, чтобы арендаторы исполняли этотъ законъ и считали себя вполне облагодѣтельствованными Павломъ I, онъ разрѣшилъ: «со всѣхъ гаковъ и старѣствъ, которыя Мы пожаловали и впредь жаловать будемъ разнымъ лицамъ на время, безъ платежа аренды, или инаго сбора.—пятую часть въ казну не собирать» (4-го мая 1799 г.). Наконецъ эстляндскій губернскій прокуроръ рапортовалъ о необходимости, для устранения неурядицъ, обрѣвизовать число гаковъ въ названной губерніи. Тогда Павелъ I, чтобы дознаться, насколько осчастливленные арендаторы добросовѣстно пользовались имѣніями—началъ ревизію по всѣмъ аренднымъ имѣніямъ эстляндской, лифляндской, курляндской и Выборгской губерній (9-го ноября 1800 г.). Такъ что, еслибы онъ дожидъ до полученія результатовъ ревизіи, то, вѣроятно, не одинъ арендаторъ лишился бы за свои поступки не только имѣній, но, пожалуй, и свободы и чиновъ: Павелъ былъ щедръ, зато и суровъ до крайности.

IV.

Александръ I, на первыхъ же порахъ своего царствованія, награждалъ арендою и благотворительныя учрежденія: въ Вильнѣ существовали двѣ общины сестеръ милосердія, изъ которыхъ одна содержала госпиталь, а другая—принимала и воспитывала несчастно-рожденныхъ и бѣдныхъ сиротъ. И вотъ, во уваженіе недостаточности средствъ обѣихъ общинъ, Александръ I распорядился поступавшую въ казну кварту *) съ Мендзиржецкаго старѣства, состоявшаго въ пожизненномъ владѣніи Хребтовича и Домбровской—обратить на расходы общинъ, съ тѣмъ чтобы, со смертію арендаторовъ, все старѣство со всѣми доходами, кромѣ государственныхъ податей, также перешло къ общинамъ, для «вѣщшаго ихъ распространенія» (7-го января 1803 года).

Въ числѣ первыхъ, получившихъ аренды отъ Александра I, былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Биберъ, которому за взносъ кварты досталась на 12 лѣтъ, въ гродненской губерніи, деревня въ 397 домовъ. Казенная палата, передавъ Биберу

*) Въ царствованіе Александра I, кварту взимали съ пожизненныхъ владѣльцевъ—три пятахъ; съ супруговъ, владѣвшихъ одинъ по смерти другаго—³/₄ годоваго дохода, а съ имѣній, пожалованныхъ на сроки—постолюку, поскольку прописывалось въ указахъ о пожалованіи; впрочемъ, имѣнія жаловали и безъ всякой платы, о чемъ тоже оговаривалось въ указахъ.

имѣніе «со всею аккуратностію и съ ревизскою переписью крестьянъ по семействамъ»,—затруднилась опредѣлить съ него ежегодный размѣръ кварты, ибо деревня принадлежала къ числу бывшихъ «королевскихъ столовыхъ», а съ нихъ, со времени присоединенія провинціи къ Россіи,—весь доходъ дѣликомъ обращался въ казну. Сенатъ рѣшилъ: пожалованныя въ аренду имѣнія сравнить, по платежу кварты и по налогамъ въ пользу арендаторовъ,—съ коронными имѣніями, состоявшими въ пожизненномъ владѣніи разныхъ лицъ, и заодно уже распространить на нихъ и казенный надзоръ за хозяйственными распоряженіями арендаторовъ. Александръ I, утвердивъ это рѣшеніе, прибавилъ на докладѣ сената: «съ тѣмъ, чтобы лѣса сбережены были по изданнымъ правиламъ». (11-го января 1803 г.).

Арендаторы, владѣя имѣніями временно, естественно старались какъ можно больше обогатиться на ихъ счетъ въ продолженіе аренднаго срока, если, въ особенности, не питали увѣренности, что имъ продолжать, какъ это случалось, аренды на дальнѣйшее время. Оттого многіе арендаторы до крайности отягощали арендуемыхъ крестьянъ. Этому способствовало еще то замѣчательное въ своемъ родѣ обстоятельство, что отъ крестьянъ въ судебныхъ инстанціяхъ не принимали жалобъ на арендаторовъ. Когда подобныя жалобы дошли до Александра I,—онъ постановилъ, чтобы претензіи крестьянъ на арендаторовъ «за притѣсенія и обиды» производились и рѣшались въ мѣстныхъ судахъ, наравнѣ со всѣми дѣлами (31-го мая 1806 г.).

Какъ во время владѣнія шведовъ Прибалтійскимъ краемъ, такъ и впоследствии существовалъ обычный порядокъ—отбирать имѣнія отъ прежнихъ арендаторовъ въ годъ разъ, 12-го іюня, въ Ивановъ день, который считался днемъ «очистки всѣхъ срочныхъ казенныхъ и частныхъ платежей», потому что къ этому дню распродалаея иногда на горню уродившійся хлѣбъ. Между тѣмъ, въ указахъ о пожалованіи мызъ въ аренду или въ даръ часто оговаривалось: «со дня пожалованія». Для устраненія споровъ, возникшихъ между казною и наследниками умершихъ арендаторовъ, о томъ, по какое время послѣдніе должны владѣть имѣніями—было постановлено: 1) въ случаѣ смерти арендатора, внесшаго въ казну вперёдъ часть арендной платы, но не оставившаго послѣ себя ни вдовы, ни дѣтей,—оставлять мызы за прочими ихъ родственниками по 12-е іюня слѣдующаго года; 2) это же правило распространить и на пожизненныхъ владѣльцевъ имѣній; 3) ежели владѣвшій безплатно арендною мызою умереть ранѣе срока аренды, также не оставивъ по себѣ ни вдовы, ни дѣтей, то предоставить прочимъ наследникамъ вступать во владѣніе мызами до срока, но не иначе, какъ за плату аренды и съ обезпеченіемъ вѣр-

ности взносовъ залогомъ со дня смерти арендатора по 12 июня же срочнаго аренднаго времени. Привилегія простерлась и на наследниковъ, потому что въ утвержденномъ, 17-го февраля 1765 г., общемъ контрактѣ 17-й пунктъ гласилъ: «а по смерти арендаторовъ, контрактомъ пользоваться и ихъ наследникамъ». (5-го июня 1806 г.).

Выше читатели замѣтили, разумѣется, что правительство позволяло только состоявшимъ на службѣ лифляндскимъ арендаторамъ имѣть управителей. Но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе слабаго надзора за арендаторами, — они вездѣ присвоили себѣ гораздо больше власти. Именно большинство изъ нихъ, какъ служилые, такъ и не служилые люди, проживали вдали отъ имѣній, которыя вѣряли управителямъ и даже просто продавали разнымъ лицамъ на аредный срокъ, за опредѣленную плату. По примѣру другихъ, и дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Корфъ—пожалованное ему въ пожизненное владѣніе Рѣжецкое старѣство, съ населеніемъ около 6,000 душъ, отдалъ, по контракту на 12 лѣтъ, за 40,000 р. нѣкому барону Медему. Медемъ такъ усиленно сталъ прижимать крестьянъ, что они прибѣгли къ защитѣ Корфа, а по его ходатайству мѣстныхъ власти отняли имѣніе отъ Медема и возвратили ему, Корфу. Медемъ обжаловалъ это распоряженіе сенату, который предписалъ: имѣніе—отдать Медему до истеченія 12-лѣтняго договорнаго срока, а для изслѣдованія жалобъ крестьянъ на Медема — снарядить особую комиссію и результаты ея труда разобрать главному суду; покуда-же разслѣдованіе будетъ производиться—сенатъ поручилъ казенной палатѣ «строжайше слѣдить, чтобы Медемъ не угнеталъ крестьянъ». Разслѣдованіе затянулось, причѣмъ жаловались: крестьяне—на медленность, а Корфъ—на притѣсненія, чинимыя Медемомъ крестьянамъ, въ такомъ, напр., родѣ, что онъ «схватилъ крестьянскаго повѣреннаго и сдалъ его въ солдаты, а крестьянъ посылалъ въ распутицу за 300 верстъ съ подводами, для продажи продуктовъ». Казенная палата претендовала на то, что ни Корфъ, ни Медемъ не платили въ казну накопившихся на имѣніи недоимокъ въ 1,426 р. 57 к. Членъ же этой палаты, Троицкій, (участвовавшій въ слѣдственной комиссіи) извѣстилъ письмомъ министра финансовъ, графа Васильева, что Медемъ «всѣми способами рѣшился протянуть разслѣдованіе чрезъ всѣ 12 контрактныхъ лѣтъ», почему «не допускалъ комиссію къ разбирательству дѣла на мѣстѣ, въ конецъ разорялъ крестьянъ» и т. д.

Васильевъ, въ представленіи по этому предмету въ государственный совѣтъ, излагалъ, что по неимѣнію положительнаго общаго закона—арендные имѣнія часто переходятъ изъ рукъ въ руки, а въ этомъ «весь корень зла». Хотя въ 1775 г. быв-

шая польская республика и воспретила произвольныя передачи имѣній, но съ переходомъ польскихъ губерній во владѣніе русской власти, прежній запретъ нарушенъ, появились субъ-арендаторы, которые, заплативъ арендаторамъ впередъ деньги,—всячески извлекаютъ ихъ отъ крестьянъ, какъ доказано многочисленными жалобами. Въ утвержденномъ, въ 1765 году, для Лифляндіи контрактѣ, 5-мъ пунктомъ воспрещалось арендаторамъ передавать имѣнія въ третьи руки, а не занятымъ службою даже держатъ управителей, подъ страхомъ лишиться аренды. Тѣмъ не менѣе и въ Лифляндіи это правило многократно нарушалось дворянами, продававшими аренды субъ-арендаторамъ, какъ примѣчалъ и сенатъ, предписавшій въ 1805 г. исполнять правила въ точности. Словомъ, Васильевъ, въ интересахъ крестьянъ, горячо возставалъ противъ субъ-арендаторовъ и даже противъ управителей.

Государственный совѣтъ, обсудивъ докладъ Васильева, пришелъ, однако, къ противоположному выводу. Онъ усмотрѣлъ, что «многія пожалованныя имѣнія находятся и впредь могутъ находиться во владѣніи лицъ, службою обременныхъ», а потому опредѣлилъ: 1) всѣмъ пожизненнымъ арендаторамъ, содержащимъ имѣнія по привилегіямъ 1775 г.—оставить имѣнія на этихъ привилегіяхъ, но подъ наблюденіемъ казенныхъ палатъ; 2) всѣмъ чинамъ, въ службѣ находящимся и владѣющимъ арендами по указамъ, если они не въ состояніи имѣть управителей и отвѣчать за нихъ—предоставить «свободу уступать вообще свое право» кому пожелають, кромѣ евреевъ, но съ вѣдома министерства финансовъ, которое должно на это испрашивать высочайшее разрѣшеніе, а приобрѣтатели правъ, по представленіи залога въ казенную палату, соотвѣтственно двухгодичному доходу съ имѣнія, получаютъ контрактъ и инвентарь имѣнія, и, сдѣлавшись посессорами, сами за все должны отвѣчать; 3) чиновники, въ службѣ состояще и уже отдавшіе имѣнія субъ-арендаторамъ на нѣсколько лѣтъ, безъ обезпеченія казны,—обязаны въ теченіе 1806 г. раздѣлаться съ субъ-арендаторами или вообще уступить имъ свои права, ибо по прошествіи года субъ-арендаторовъ въ имѣніяхъ быть не можетъ, и никто, кромѣ посессоровъ и управителей, и «не будутъ тамъ терпимы»; въ противномъ-же случаѣ имѣнія отберутся въ казну, а субъ-арендаторамъ, заплатившимъ впередъ деньги, — онѣ возвратятся казною по расчету, ежегодно; 4) чиновникамъ, службою не занятымъ, тоже позволяется уступать свои арендныя права, какъ и служащимъ; 5) всякому арендатору дозволяется заключать въ казенныхъ палатахъ съ арендуемыми крестьянами добровольныя сдѣлки, и крестьяне обязаны будутъ отвѣчать за цѣлостъ имѣнія всѣмъ обществомъ; 6) за всякое нарушеніе арендныхъ пра-

вить — арендаторъ лишается аренды и платитъ причиненные крестьянамъ или казнѣ убытки. Наконецъ, такъ какъ Корфъ заключилъ съ Медемомъ контрактъ «безъ вѣдома казны», то имѣніе возвратитъ Корфу, а Медему — предоставить, за отданныя Корфу деньги, вѣдаться съ нимъ судебнымъ порядкомъ (17 іюля 1806 г.).

Крестьяне старостинскихъ имѣній облагались арендаторами гораздо болѣшими податями и повинностями, нежели платили при польскомъ правленіи, поэтому они жаловались на тяжесть налоговъ. Чтобы облегчить ихъ, сенатъ предписалъ руководствоваться, въ этомъ отношеніи, прежними польскими инвентарями и табелями (11 мая 1808 г.). Впослѣдствіи тѣ же жалобы раздавались и со стороны крестьянъ, находившихся во владѣніи по пожалованію въ прочихъ мѣстахъ. Тогда правительство примѣнило и къ нимъ размѣръ платежей, опредѣленныхъ въ старостинскихъ имѣніяхъ, какъ къ арендаторамъ, такъ и къ посесорамъ (10 февраля 1809 г.).

Александръ I выказалъ особенную благосклонность къ имѣцамъ. Такъ, для «отвращенія могущихъ случиться казнѣ убытковъ и для сохраненія порядка въ феодальныхъ имѣніяхъ», тѣ изъ нихъ, какія будутъ вакантными — онъ распорядился отдавать въ аренду «однимъ курляндскимъ дворянамъ», съ обезпеченіемъ на 4 года, если они, не угнетая казенныхъ крестьянъ, — исполнять арендныя правила (4 марта 1808 г.). Потомъ, «для болѣшаго поощренія желающихъ брать эти имѣнія» велѣлъ отдавать ихъ только тѣмъ же дворянамъ въ аренду на 6 лѣтъ (10 февраля 1809 г.). Видя благоволеніе къ себѣ, курляндцы не преминули воспользоваться имъ вдосталь. Они жаловались Александру I на сенатъ за то, что онъ считалъ жалованныя мызы казенными и подводилъ ихъ подъ общія арендныя правила, тогда какъ, по содержанію жалованныхъ грамотъ (12 января 1726 г. и 8 сентября 1806 г.), эти мызы отданы были въ вѣчное владѣніе дворянства, на общественныя его нужды, и потому должны составлять неотъемлемую его собственность. Александръ I призналъ и эту жалобу основательною, и предоставилъ дворянству «распоряжаться мызами и получать съ нихъ доходъ, согласно грамотамъ, рыцарству пожалованнымъ» (7 января 1810 г.).

Напротивъ, вслѣдствіе превышенія власти нѣкоторыми владѣльцами старостинскихъ имѣній — изданы были подробныя правила о порядкѣ управленія ими и наблюденія за исполненіемъ правилъ со стороны представителей казны, въ лицѣ казенныхъ палатъ. Кроме того, дѣла по жалобамъ крестьянъ воспрещено было разбирать не только самимъ арендаторамъ, но и участвовавшимъ въ арендахъ — ихъ родственникамъ (29 марта 1812 г.).

О стардствах вообще часто возникали самыя разнообразныя дѣла. Такъ, полковнику князю Жевахову пожалованы были (4 марта 1809 г.) на 12 лѣтъ, безъ платы квартиры, стардства: Синецкое—въ Киевской и Ястребинцы—въ Подольской губерніи, съ тѣмъ чтобы они перешли къ нему лишь послѣ смерти пожизненнаго ихъ владѣльца Олизара, а до того времени, чтобы Жевахову выдавалось изъ государственнаго казначейства по ты ся чѣ рублей въ годъ. Не взирая на это повелѣніе, Олизаръ продалъ имѣніе князю Понятовскому, а тотъ—графу Браницкому. Это потомъ обнаружилось, но тогда уже, когда въ живыхъ былъ только Браницкій. Онъ и поплатился за неправильную покупку. Но въ то же время, во избѣжаніе въ будущемъ подобныхъ оказій,—предписано было доставлять въ мѣстные казенныя палаты, въ опредѣленные сроки, удостовѣренія о существованіи пожизненныхъ владѣльцевъ стардстинскихъ имѣній (16 сентября 1812 г.).

Мы упомянули выше о денежной арендѣ, назначенной князю Жевахову; но подобныхъ арендъ было уже не мало: Александръ I замѣнялъ деньгами натуральную аренду какъ до открытія свободныхъ имѣній, такъ и по просьбамъ самихъ награждаемыхъ, которые, по разнымъ причинамъ, предпочитали вѣдаться лишь съ казначействомъ. Поэтому, чтобы аренды соотвѣтствовали какъ чинамъ, такъ и желанію просителей, Александръ I велѣлъ, при представленіяхъ къ продолженію арендъ или ко вторичному ихъ назначенію, «непремѣнно упоминать: гдѣ и въ какія цѣны имѣли они (просители) прежнія аренды». (4 п. указа 23 декабря 1815 г.).

Учрежденный по докладу графа А. А. Аракчеева, въ 1814 г., Комитетъ о раненыхъ долженъ былъ существовать вычетами изъ всякихъ полученныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. На этомъ основаніи, и со всѣхъ пожалованныхъ арендъ опредѣлено было взимать въ пользу инвалидовъ: съ получившихъ аренды въ натурѣ, безъ платежа квартиры—по 3⁰/₁₀₀, а съ обязывавшихся вносить квартиру—по 1⁰/₁₀₀ въ годъ, со всего дохода, исчисленнаго по люстраціи (23 марта 1816 г.).

При образованіи Бессарабіи, тамъ тоже оказалось много свободныхъ земель, для скорѣйшаго заселенія которыхъ Александръ I и ихъ сталъ жаловать въ аренду (10 п. указа 29 апрѣля 1818 г.), но безъ крестьянъ, ибо они не были тамъ строго прикрѣплены къ землѣ. Впрочемъ, къ этому времени уже созрѣла мысль о возможности избавленія арендныхъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости арендаторовъ. Такъ, крестьяне Эзеридскаго стардства Витебской губерніи, Вацилло и Филиповъ, просились въ купцы, съ семействами въ 33 души. Стардство это состояло, съ 1814 г., въ 50 - тилѣтней арендѣ у герцога

Александра Виртембергскаго. Крестьяне деревень, въ которыхъ жили Вацилло и Филиповъ, обязались платить за нихъ всѣ казенныя подати и повинности герцогу, по срокъ его аренды. Послѣдовало рѣшеніе: Вацилло и Филипову—дозволить перечислиться въ купечество, да и другимъ, при одинаковыхъ съ ними условіяхъ, поступать по ихъ примѣру, во всѣхъ мѣстностяхъ, возвращенныхъ отъ Польши (31 марта 1819 г.).

Вслѣдствіе установившагося обычая, какъ до открытія вакантныхъ имѣній, такъ и вмѣсто нихъ, выдавать на тѣ же арендные сроки опредѣленные суммы въ годъ, — денежные аренды, вмѣсто натуральныхъ, возросли до 948,613 р. 83¹/₄ к. въ годъ. Министръ финансовъ, графъ Е. Ф. Канкринъ, доложилъ Александру I о затруднительности для казначейства нести долге такой большой непроизводительный расходъ. Тогда Александръ I повелѣлъ: для облегченія оборотовъ казначейства, не стѣснять его новыми расходами при пожалованіи арендъ. (21 января и 4 февраля 1822 г.). Повелѣніе это, какъ читатели увидятъ ниже, почти вовсе не исполнялось, потому что арендаторы нуждались въ деньгахъ, да и правительство предпочитало, по возможности, меньшее число крестьянъ закабалывать въ аренду разнымъ лицамъ.

Читатели помнятъ, что передача арендныхъ правъ въ частныя руки дозволялась съ вѣдома министерства финансовъ, испрашивавшаго на это высочайшее разрѣшеніе чрезъ комитетъ министровъ. Представленія эти всегда утверждались; по этому, во избѣжаніе излишняго утружденія комитета и государя докладами,—предоставлено было самому министру утверждать эти передачи, коль скоро онѣ соответствовали аренднымъ правиламъ (25 января 1823 г.).

Арендаторы впадали иногда въ долги, и кредиторы домогались погашенія ихъ претензій арендными имѣніями и деньгами, причитавшимися должникамъ. Но комитетъ министровъ разсудилъ, что «аренды и назначаемыя вмѣсто нихъ денежные выдачи составляютъ прибрѣтенныя имущества, а потому и не могутъ быть сравняемы съ пенсіями и жалованьемъ». Исходя изъ этого принципа, комитетъ, съ утвержденія Александра I, постановилъ правиломъ, чтобы, въ случаѣ взысканія по частнымъ долговымъ претензіямъ, арендные деньги передаваемы были всѣ сполна арендаторамъ (12 июня 1823 г.).

Опредѣленныхъ, для всѣхъ одинаково обязательныхъ, арендныхъ правилъ не существовало, да ихъ и не заботились создать, потому-де, что аренды составляли «монаршую милость», которая выражалась, глядя по просителю, въ различныхъ формахъ. Аренды жаловались: однимъ—имѣніями; другимъ—деньгами; то на долгіе, то на короткіе сроки; то пожизненно, то въ

потомственное владѣніе; однимъ—за плату, другимъ—бесплатно и т. д. Эта полнѣйшая бессистемность порождала на практикѣ, какъ читатели видѣли, различные вопросы, которые разрѣшались, тоже глядя по обстоятельствамъ времени и лицамъ, которыхъ они касались. Отсюда явилась, понятно, и потребность въ опредѣленіи правъ наслѣдниковъ арендаторовъ. Въ этихъ видахъ и было постановлено: 1) за смертію арендаторовъ—пожалованнымъ имъ имѣнію предоставить до сроковъ арендъ—ихъ вдовамъ и дѣтямъ, а за ними—потомкамъ по прямой нисходящей линіи арендатора, съ тѣмъ чтобы они избрали, среди себя, одного для управленія имѣніями, а доходы дѣлили между всѣми или сообща передавали-бы право владѣнія имѣніями постороннимъ лицамъ; если же арендаторы при жизни сами уступятъ свои права другимъ, то условленную съ приобретателя, но еще не выплаченную имъ сумму,—взимать въ пользу наслѣдниковъ; 2) предоставить арендаторамъ завѣщать самыя имѣнія или доходы съ нихъ по срокъ аренды—одному изъ названныхъ наслѣдниковъ; передачу же въ пользу другихъ лицъ—воспретить; 3) также поступать, безъ новыхъ разрѣшеній, и въ случаѣ смерти арендаторовъ, не получившихъ еще пожалованныхъ имъ арендъ, дабы ихъ семейства «не терпѣли сугубыхъ несчастій»; 4) за смертію получавшихъ вмѣсто арендъ—деньгами, выдавать ихъ по срокъ вдовамъ и дѣтямъ, а ежели ихъ не будетъ—потомкамъ по прямой нисходящей линіи; 5) за смертію вдовыхъ и бездѣтныхъ арендаторовъ—имѣнія обращать въ казну, а ежели умершіе, при жизни, передали постороннимъ лицамъ свои права, то брать въ казну доходы, еще не полученные арендаторами; «всякія-же арендныя денежные выдачи прекращать со дня смерти арендаторовъ, не пріемля въ уваженіе никакихъ требованій другихъ наслѣдниковъ или постороннихъ лицъ»; 6) по казеннымъ взысканіямъ и частнымъ искамъ—изъ арендъ удерживать третью часть доходовъ или денегъ, какъ съ жалованья служащихъ (28 сентября 1824 г.). Этимъ послѣднимъ пунктомъ очевидно отмѣнялась неприкосновенность арендныхъ правъ, установленная только годъ тому назадъ (12 іюня 1823 г.).

Переходъ пожалованныхъ имѣній отъ казны къ арендаторамъ обуславливался контрактомъ, по указанной формѣ, но сдатчикамъ-чиновникамъ приходилось вѣдаться почти исключительно съ сановниками, требовавшими въ свою пользу различныхъ уступокъ и отступлений отъ вводимшагося порядка. Оттого и оказалось, что въ однихъ мѣстахъ довольствовались подписками, въ другихъ—условіями, въ третьихъ—контракты измѣнялись въ существѣ. Для возстановленія единообразія, послѣдовало распоряженіе, чтобы: 1) при введѣ арендаторовъ во владѣніе имѣнія-

ми—всѣхъ обязывать установленнымъ формальнымъ контрактомъ; 2) контракты писать на гербовой бумагѣ, по суммѣ причитавшихся арендаторамъ за все время аренды доходовъ, на ихъ счетъ; 3) при передачѣ, потомъ, арендаторами своихъ правъ другимъ—съ послѣднихъ брать только подписки на самыхъ контрактахъ и залоговъ въ исправномъ содержаніи арендъ; 4) если арендаторы, не вступивъ еще во владѣніе имѣніями—уступать свои права на нихъ постороннимъ, тогда съ ними заключать и контракты; 5) также поступать и въ случаяхъ передачи арендаторами своихъ правъ другимъ послѣ иѣнотораго личнаго владѣнія имѣніями, такъ чтобы контракты заключались лишь однажды на весь арендный срокъ; 6) уступочныя сдѣлки между арендаторами и посессорами писать на крѣпостной гербовой бумагѣ и 7) владѣвшихъ имѣніями въ моментъ изданія этихъ правилъ по прежнимъ документамъ—оставить при нихъ, считая ихъ законными (23 декабря 1824 г.).

V.

Николай I свое вступленіе на престолъ, между прочимъ, ознаменовалъ: пожалованіемъ Короваинскаго стардства въ аренду учредившемуся въ Бѣлоруссіи Вольно-Экономическому Обществу, для развитія сельскаго хозяйства (12 января 1826 г.); изданіемъ закона объ обязанности арендаторовъ принять пожалованныя имъ въ Лифляндіи мызы съ перваго экономическаго термина (12 іюня), съ тѣмъ, что если кто этого не исполнитъ, то мызы поступаютъ въ администрацію и до передачи ихъ арендаторамъ—они лишаются доходовъ съ нихъ (18 ноября 1826 г.). Онъ установилъ также отвѣтственность временныхъ владѣльцевъ казенными имѣніями за обнаруженныя въ нихъ приписныя души (3 декабря 1828 г.). Кроме того, отиѣнилъ существовавшій еще со временъ польской республики шиллинговый сборъ со стардстинскихъ имѣній, находившихся въ арендѣ у разныхъ лицъ (24 марта 1829 г.). Наконецъ, одно изъ дѣлъ сената свидѣтельствуешь, что когда до свѣдѣнія Николая I дошло о притѣсненіяхъ крестьянъ арендаторами, ихъ управителями и посессорами, о разореніи этими лицами имѣній и о производствѣ ими разнообразныхъ злоупотребленій,—то онъ, по докладу гра-

*) Неоглашеніе этого указа произошло, какъ надо думать, изъ основательнаго опасенія, какъ бы состоявшіе въ это время въ арендѣ крестьяне не вышли изъ повиновенія своимъ арендаторамъ, по просту, не взбунтовались бы. Растолковать же крестьянамъ, что ихъ нельзя освободить, не нарушая контрактовъ—было, разумеется, немисливо. Къ тому-жъ и на выкупъ ихъ отъ арендаторовъ понадобилась-бы сразу такая громадная сумма, какою го-

фа Е. Ф. Кангерина, категорически отменилъ раздачу, на будущее время, въ аренду населенныхъ имѣній, а сохранилъ только пожалованіе вмѣсто нихъ денегъ *) (6 октября 1829 г.).

Такимъ образомъ, аренды сдѣлались предпочтительно денежными (иногда, въ видѣ исключенія, давались еще нѣкоторое время и имѣнія). Казна платила награжденнымъ деньги опредѣленными частями ежегодно, въ продолженіе, чаще всего, 12 лѣтъ. Между тѣмъ иные нуждались въ значительныхъ капиталахъ. И вотъ тайный совѣтникъ Лагода открылъ себѣ и другимъ способъ сразу поправить свои обстоятельства—арендами. Онъ обратился въ заемный банкъ съ просьбою о выдачѣ ему,—подъ залогъ пожалованной на 12 лѣтъ аренды, по 2,000 р.,—ссуды въ 20,000 р. ассигн., за установленные проценты. Комитетъ финансовъ нашелъ возможнымъ не только удовлетворить Лагоду, но и допустить подобные займы на будущее время, ибо банкъ, ничѣмъ ни рискуя, могъ помогать нуждавшимся, да еще извлекать выгоду—удержаніемъ сразу же впередъ, за все время, процентовъ по курсовой цѣнѣ рубля въ день выдачи ссуды. Николай I утвердилъ мнѣніе комитета (12 июля 1830 г.). Тогда примѣру Лагоды стали слѣдовать многіе арендаторы, въ продолженіе десятковъ лѣтъ.

До сихъ поръ хозяйственныя принадлежности пожалованныхъ и старѣстинскихъ имѣній, по обычаю, оставались свободными отъ притязаній арендаторскихъ кредиторовъ. А такъ какъ они простирали свои претензіи и на эти предметы, то и было постановлено, чтобы только послѣ удостовѣренія, что изъ другаго состоянія должниковъ взыскать нельзя—взыскивать долги съ доходовъ имѣній, но «ни скота, ни сельскихъ орудій, ни другихъ хозяйственныхъ предметовъ имѣній—отнюдь не продавать на удовлетвореніе арендаторскихъ кредиторовъ, дабы не разорять имѣній» (12 января 1831 г.).

Бывали арендаторы жалованныхъ и старѣстинскихъ имѣній, которые сами ими владѣли, въ нихъ спокойно умирали безъ потомства, и затѣмъ съ подобныхъ имѣній никто никакихъ сборовъ не получалъ; т. е. крестьяне освобождались отъ всякихъ налоговъ, благодаря лишь смерти ихъ бывшихъ арендаторовъ. Случаи эти побудили правительство обязать подлежащія мѣстныя власти своевременно извѣщать министерство финансовъ о смерти какъ такихъ арендаторовъ, такъ и получающихъ деньгами, чтобы «казна не несла убытковъ отъ необложенія арендныхъ крестьянъ оброкомъ или отпускомъ денегъ» (26 января 1834 г.).

сударственное казначейство не располагало, какъ свободною. Естественно, что до удобнаго случая приходилось мириться съ натуральною арендою.

Въ изданномъ, въ 1835 г., VIII томъ св. законовъ всѣ разновременно преподанныя правила, утвержденныя узаконенія и распоряженія собраны вмѣстѣ, въ «сводѣ учреждений объ арендныхъ и старостинскихъ имѣнiяхъ», а въ этомъ сводѣ — приведены въ систему и раздѣлены на 249 статей, раздѣленныхъ на главы: о различныхъ правахъ содержанiя; о составѣ управленiя арендными и старостинскими имѣнiями; объ описанiи арендныхъ и старостинскихъ имѣнiй; о введенiи арендаторовъ во владѣнiе имѣнiями; о передачѣ аренднаго права; объ отдачѣ арендныхъ и старостинскихъ имѣнiй въ содержанiе съ торговъ, и пр. и пр.

Словомъ, на бумагѣ все было предусмотрено, взвѣшено, рѣшено, какъ слѣдовало, сообразно тогдашнему состоянiю Россiи. Мы не станемъ критиковать содержанiе статей, потому что теперь это было бы совершенно непроизводительнымъ трудомъ, а лишь отмѣтимъ, — что къ 1835 г. арендные и старостинскiя населенныя имѣнiя существовали въ Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Гродненской, Минской, Виленской, Литовской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской губернiяхъ и въ Бѣлостокской области. Вездѣ крестьяне, «вмѣсто платежа казны оброка, обязывались отправлять, въ пользу заступившаго мѣсто казны временнаго владѣльца, разныя хозяйственныя работы и повинности», т. е. считались особаго рода крѣпостными арендаторовъ.

Можно думать, что наша прежняя администрацiя, не располагая возможностью, чрезъ своихъ агентовъ, добросовѣстно управлять имѣнiями и упрочивать благосостоянiе крестьянъ, видѣла въ раздачѣ имѣнiй въ аренду заслуженнымъ лицамъ одинъ изъ подходившихъ способовъ къ достиженiю цѣли, ибо вѣрила («блаженъ, кто вѣруетъ!») въ благонамѣренность арендаторовъ и ихъ желанiе, за оказываемыя имъ благодѣянiя, — способствовать развитiю русскаго элемента и благоустройства сельской жизни въ мѣстностяхъ, пребывавшихъ въ исключительныхъ условiяхъ. Съ этой собственно точки зрѣнiя, щедрыя аренды имѣли подѣ собою хоть призракъ почвы и заслуживали нѣкотораго оправданiя. Затѣмъ, съ теченiемъ времени, взгляды это постепенно суживались, а съ учрежденiемъ министерства государственныхъ имуществъ окончательно утратилъ всякiй логическiй смыслъ. Министерство это было создано специально для управленiя государственными имѣнiями и крестьянами на началахъ, доселѣ еще не практиковавшихся: вездѣ заведены были органы для завѣдыванiя людьми, землями и лѣсами, отчего сама собою устранилась надобность въ попечительныхъ арендаторахъ. И дѣйствительно, со времени открытiя: въ Петербургѣ по-

ваго министерства, въ губернскихъ городахъ—палатъ государственныхъ имуществъ, въ уѣздныхъ—окружныхъ начальниковъ, а въ селахъ—ихъ помощниковъ, и проч., раздача натуральныхъ арендъ, высочайшимъ указомъ отъ 9 мая 1837 г., окончательно превращена, и замѣнилась исключительно ежегодными денежными выдачами. Правда, указъ этотъ также не былъ обнародованъ, но въ этомъ случаѣ руководствовались тѣми же соображеніями, какія имѣлись въ виду при оставленіи въ безгласности повелѣнія 1829 года, т. е., чтобы не взбунтовались крестьяне, состоявшіе въ арендѣ, до окончанія арендныхъ сроковъ.

На денежные же аренды правительство не скупилось и жаловало ихъ не только самимъ арендаторамъ, но и ихъ семействамъ. Такъ напр., одна вдова, пользовавшаяся арендою послѣ перваго мужа, вышла вторично замужъ и просила продолжать выдачу ей арендныхъ денегъ. Вопросъ этотъ прошелъ чрезъ государственный совѣтъ, который рѣшилъ его утвердительно, на томъ лишь основаніи, что аренды переходятъ ко вдовамъ и дѣтямъ и остаются за ними до срока пожалованія, а арендаторы, имѣя много наслѣдниковъ—вольны завѣщать свои аренды одному изъ нихъ, по избранію, слѣдовательно и женамъ (9 ноября 1837 г.).

Получавшіе аренды деньгами,—опредѣленными, ежегодно, суммами,—сѣтовали, что не могутъ ими распорядиться такъ же, какъ имѣвшіе аренды имѣніями, т. е. перепродавать свои права. Чтобы отвлечь разныхъ лицъ отъ поползновенія къ натуральнымъ арендамъ, прекратившимся для новыхъ просителей, бывшій министръ государственныхъ имуществъ, графъ П. Д. Киселевъ, предпочелъ расширить права оборотовъ денежными арендами. Съ этою цѣлью онъ объяснилъ комитету министровъ, что аренды имѣніями и денежные вмѣсто нихъ производства—составляютъ, въ равной степени, награду за услуги; поэтому, при существованіи дозволенія передавать первыя, неудобно воспрещать продажу послѣднихъ. Комитетъ постановилъ: «всѣмъ лицамъ, получающимъ взаимѣнъ арендъ деньги—представить свободу уступать вовсе права свои на эти денежные выдачи постороннимъ лицамъ, но не иначе, какъ съ утвержденія министерства государственныхъ имуществъ, какъ установлено объ арендныхъ старостинскихъ и жалованныхъ имѣніяхъ» (15 марта 1838 года). Это высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ совершенно удовлетворило объ стороны: населенныхъ имѣній перестали добиваться и казна сохранила ихъ въ своемъ вѣдѣніи, а многіе, удостоившись награжденія денежными арендами,—стали продавать ихъ коммерческимъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, съ уступкою договоренныхъ процентовъ за то, что

получали сразу всю сумму. Нѣкоторые, точно предугадывая указанное дозволеніе, еще ранѣе его воспользованія, уже продали свое право, а другіе хотя продали и послѣ, но умерли до истеченія арендныхъ сроковъ. Тогда возникло сомнѣніе: вправдѣ ли купившіе аренды—получать ихъ послѣ смерти арендаторовъ вообще, а въ особенности, если покупка состоялась до изданія на это закона?

Министръ финансовъ полагалъ, что коль скоро уступка разрѣшена, то несправедливо лишать пріобрѣвшихъ арендные деньги, хотя бы уступившіе и умерли или совершили уступку до воспользованія на это разрѣшенія (15 марта 1838 г.). Комитетъ министровъ одобрилъ, а Николай I утвердилъ это мѣнѣ (24 февраля 1842 г.), отчего торговля арендами пріобрѣла еще большую популярность.

Мирволеніе арендаторамъ и ихъ наслѣдникамъ не остановилось на этомъ, а шло еще дальше. Вслѣдствіе измѣнявшагося денежнаго курса, въ заемномъ банкѣ образовывались иногда, отъ оказанныхъ арендаторамъ ссудъ, къ концу ихъ взноса, излишніе проценты. Арендаторы или ихъ наслѣдники, узнавъ объ этомъ, — спѣшили просить о возвратѣ излишковъ. И что-же? Дѣтямъ умершаго генераль-лейтенанта Дитриха выдано такихъ банковскихъ барышей 3,946 р. 50 к. (30 мая 1844 г.), хотя, казалось бы, эти барыши несомнѣнно принадлежали самому заемному банку.

О назначеніи разнымъ лицамъ аренда ходатайствовали предъ Николаемъ I всѣ министры,—каждый за своихъ, разумѣется, подчиненныхъ, — а потомъ сообщали повелѣнія министру государственныхъ имуществъ, который вторично и окончательно докладывалъ эти дѣла государю, потому что деньги выдавались на счетъ собиравшагося министерствомъ государственнымъ имуществомъ «хозяйственнаго дохода» отъ свободныхъ казенныхъ имѣній прибалтійскихъ и западныхъ губерній. Не желая дважды выслушивать одни и тѣ же дѣла, Николай I повелѣлъ, чтобы всѣ министры прямо адресовывались къ министру государственныхъ имуществъ какъ о первоначальномъ назначеніи, такъ и о возобновленіи аренды на дальнѣйшіе сроки, и чтобы одинъ только послѣдній сановникъ утруждалъ государя представленіями (14 августа 1844 г.).

Продолжительное проживаниеъ русскихъ за границею разсматривалось Николаемъ I, какъ неодобрительный поступокъ. Тѣмъ не менѣе, инныя лица, получавшія аренды, поступали какъ разъ наоборотъ. И вотъ, чтобы они вспомнили свои обязанности къ Россіи,—Николай I предписалъ производить аренды пребывавшимъ въ чужихъ краяхъ не дольше, какъ по срокъ увольненія ихъ туда; срокъ же по закону не долженъ былъ превышать

5 лѣтъ (2 декабря 1851 г.). По арендному вопросу это былъ послѣдній актъ, обнаруженный Николаемъ I.

VI.

Царствованіе Александра II,—обильное самыми разнообразными реформами,—ни въ чемъ не затронуло арендной системы, которая давно уже (18 лѣтъ сряду) ограничивалась исключительно пожалованіемъ разнымъ лицамъ по извѣстному количеству денегъ на опредѣленный срокъ; на примѣръ по 1—2,000 р. въ годъ, на 12 лѣтъ. Эта царская милость казалась столь упрощенною, что и реформировать ее не считалось нужнымъ, а предстояло только сгруппировать всѣ измѣненія, какія послѣдовали со времени изданія VIII т. 1835 г., потому что въ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ еще оставалось немалое число арендаторовъ старостинскихъ, пожизненныхъ и долгосрочныхъ арендныхъ имѣній.

Отсюда возникъ «уставъ объ управленіи казенными имѣніями», 1857 г., изъ котораго мы видимъ, что въ губерніяхъ: витебской, волынской, гродненской, кievской, минской, могилевской, подольской, курляндской, лифляндской и эстляндской значились подобныя имѣнія, обитатели которыхъ — крестьяне—или состояли «на поземельномъ оброкѣ», или же «вмѣсто оброка, до колѣ онъ не былъ установленъ — исправляли, въ пользу временныхъ владѣльцевъ, заступавшихъ мѣсто вазны, разныя хозяйственныя работы и повинности». Имѣнія втораго разряда (т. е. съ издѣльною повинностью въ пользу владѣльцевъ) подлежали, по минованіи сроковъ, «обращенію на поземельный оброкъ», а до того времени находились подъ надзоромъ палатъ государственныхъ имуществъ.

Въ приложеніи къ 3-му примѣчанію ко 2-й ст. устава помѣщены были систематизированныя и дополненныя «правила о правахъ и обязанностяхъ временныхъ владѣльцевъ казенными имѣніями по всемілостивѣйшему пожалованію». Здѣсь перепечатано было все, что читателю уже извѣстно изъ правилъ 1835 г. и послѣдующихъ измѣненій. Правила были дополнены лишь тѣмъ, что арендные деньги разрѣшалось производить арендаторамъ безсрочно и за границу, если объ этомъ выражено было въ указѣ о пожалованіи, причемъ, въ подобныхъ случаяхъ, могли ихъ получать и повѣренныя (3 п. 10 ст.); что если аренда пожалована на время отъ 24 до 50 лѣтъ, то арендаторъ воленъ былъ передавать ее другому лицу не далѣе, какъ на 12 лѣтъ; на этотъ-же срокъ и пожизненный арендаторъ вправѣ былъ уступить имѣніе, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, чтобы пріобрѣтатель платилъ арендатору равными частями еже-

годно, а въ случаѣ смерти арендатора раньше 12 лѣтъ,—деньги слѣдовало, до срока, вносить въ казну.

Словомъ, натуральныя аренды, добытыя въ старину, доживали послѣдніе свои дни; при этомъ законъ нетерпѣливо ждалъ смерти какъ самихъ долго зажившихся ветерановъ-арендаторовъ, такъ и ихъ наслѣдниковъ въ прямой нисходящей линіи, чтобы скорѣе пустить крестьянъ «на поземельный оброкъ» и тѣмъ самымъ вычеркнуть изъ закона и практики обветшалую форму арендъ, перенесенную къ намъ отъ временъ феодальнаго нѣмецкаго рыцарства. Конецъ этотъ и наступилъ 19 февраля 1861 г., вслѣдствіе повсемѣстнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Великій этотъ актъ, застигшій врасплохъ большинство помѣщиковъ, чувствительно отразился на благосостояніи какъ ихъ, такъ и прочихъ русскихъ людей «привилегированныхъ классовъ». Всѣмъ внезапно понадобился болѣе доступный, безобидный кредитъ. Лица, получавшія денежныя аренды и также увлеченныя общимъ потокомъ,—тоже усиленно стали искать денегъ подъ аренды. На ихъ благополучіе, открывшіяся съ 1860 г. эмеритальныя кассы морскаго и военнаго вѣдомства располагали значительными запасными капиталами, которые и были пущены ими въ обращеніе, подъ ренту и гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги. Арендаторы направились въ обѣ кассы со своими документами о пожалованіи арендъ и съ просьбами о приобрѣтеніи таковыхъ. Адмиралтействъ и военный совѣты, обсудивъ предложенія, признали выгоднымъ для кассъ—давать просителямъ деньги подъ аренды, со скидкой $6\frac{1}{2}$ процентовъ съ рубля и съ удержаніемъ процентовъ при самой выдачѣ ссудъ, впередъ за весь арендный срокъ (Положеніе военнаго совѣта 2 октября 1863 г.). Проще говоря, совѣты, основываясь на правѣ арендаторовъ уступать свои права постороннимъ,—рѣшили покупать у арендаторовъ ихъ право на ежегодное полученіе денегъ изъ государственнаго казначейства.

Какъ только совѣты создали означенное положеніе, 20 арендаторовъ тотчасъ же продали военной эмеритальной кассѣ арендъ на 250,367 р., въ томъ же 1863 г. Затѣмъ, какъ велики были арендныя ассигнованія и по сколько арендъ уступалось ежегодно кассамъ, свидѣлствуютъ слѣдующія цифры изъ отчетовъ государственнаго казначейства и эмеритальныхъ кассъ военнаго и морскаго вѣдомства. Назначено было арендъ въ 1864 г.—127 лицамъ (отъ 800 до 5,000 р. каждому) 240,104 р.; въ 1865 г.—148-ми 279,431 р.; въ 1866 г.—142-мъ 253,940 р.; въ 1867 г.—139 ти 249,924 р.; въ 1868 г.—174-мъ 295,294 р.; въ 1869 г.—134-мъ 269,556 р.; въ 1870 г.—90-та 208,226 р.;

въ 1871 г.—88-ми 156,896 р.; въ 1872 г.—123-мъ 146,400 р.; въ 1873 г.—132-мъ 258,697 р.; въ 1874 г.—132-мъ 224,356 р.; итого въ 10 лѣтъ 1429 лицамъ 2.582,824 р. Затѣмъ, вслѣдствіе отмѣны выдачь арендъ изъ суммъ царства польскаго, ассигновки сразу увеличались, причемъ остатки обращались въ государственное казначейство. Такъ, ассигновано: въ 1875 г.—2.020,202 р.; въ 1876 г.—2.016,721 р.; въ 1877 г.—2.015,400 р.; въ 1878 г.—2.013,642 р.; въ 1879 г.—2.008,173 р.; а въ 1880 г.—2.002,869 р.; итого 12.077,007 р.; а всего 14.659,831 р.; въ 15 лѣтъ. Изъ нихъ продали военной эмеритальной кассѣ: въ 1866 г.—1 на 12,000 р.; въ 1867 г.—20 на 194,437 р. 60 к.; въ 1868 г.—23 на 153,167 р. 39 к.; въ 1869 г.—20 на 169,324 р. 59 к.; въ 1870 г.—13 на 71,458 р. 94 к.; въ 1871 г.—16 на 144,182 р. 41 к.; въ 1872 г.—15 на 118,519 р. 8 к.; въ 1873 г.—20 на 136,384 р. 73 к.; въ 1874 г.—19 на 123,432 р. 43 к.; въ 1875 г.—28 на 132,682 р. 68 к.; въ 1876 г.—39 на 292,515 р. 50 к.; въ 1877 г.—33 на 206,756 р. 94 к.; 1878 г.—22 на 187,259 р. 57 к.; въ 1879 г.—36 на 263,660 р. 75 к.; въ 1880 г.—33 на 232,131 р. 32 к. Итого 352 лица уступили арендъ кассѣ на 2.688,280 р. 93 к. Наконецъ, къ 1881 г. проданныхъ арендъ принадлежало кассѣ отъ 165 лицъ на 2.410,000 р. Морская касса бѣдна сравнительно съ военною, но и она къ 1880 г. имѣла арендъ на 752,690 р. 9 к.; а въ іюль 1881 г. ей принадлежало уже арендъ на 951,224 р.

Причина продажи арендъ заключалась въ томъ, что помѣщичье положеніе быстро ухудшалось, отчего собственныя средства у всѣхъ истожились, все дорожало, а между тѣмъ привычка жить широко, по прежнему, не только не исчезала, но породила всеобщую гоньбу за наживой, во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами. Уступавшіе кассамъ свои аренды видѣли въ этомъ личную выгоду. Напр., известному лицу пожалована аренда по 2,000 р. на 12 лѣтъ; оно продавало эти 24,000, со скидкою 6 $\frac{1}{2}$ %, за 13,860 р.; эту же сумму отдавало подъ залогъ дома или подрядчику, на весь арендный срокъ, изъ 10%, отчего въ теченіе 12 лѣтъ у него образовывалось 43,498 р., т. е., за исключеніемъ 24,000 р., оказывался барышъ въ 14,998 р. Другой на полученные деньги прибрѣталъ процентныя бумаги и пускался въ биржевыя операціи, дававшія ежегодно вдвое—втрое больше процентовъ, чѣмъ сколько уступлено было кассѣ; третій покупалъ землю, домъ и, какъ обладатель ценза, пробирался въ члены правленій, управъ, гдѣ получалъ вознагражденіе за свой трудъ; четвертый пускался въ разныя аферы и отъ неумѣнія вести ихъ или отъ неудачъ—терялъ и основной свой фондъ, и т. д.; словомъ, аренды слу-

жили предметомъ самыхъ различныхъ спекуляцій, какъ выгодныхъ такъ и убыточныхъ. Пишущій эти строки лично зналъ чело-вѣка, которому очень многіе генералы передавали свои арендные деньги для предъявленія ихъ залогами при большихъ казенныхъ подрядахъ по военному вѣдомству, которыхъ онъ, правда, никогда не бралъ, но постоянно получалъ отъ тѣхъ, за которыми подряды оставались на торгахъ, такъ называемые «отступные», солидными цифрами, отъ 5 до 15,000 р., а иногда и больше. Всему этому способствовало, конечно, узаконенное право арендаторовъ распорядиться арендами по личному усмотрѣнію.

Изъ разсказаннаго выше читатели знаютъ, что практикованная 140 лѣтъ (съ 1720 по 1861 г.) система натуральной аренды сдѣлалась, съ 1861 г., только историческимъ фактомъ. Тѣмъ не менѣе, въ VIII т. свода зак., и зд. 1876 г., находимъ, къ удивленію, цѣликомъ арендные правила 1835 г. Въ уставѣ изложено, что въ тѣхъ же 12-ти западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ «состоятъ казенныя имѣнія, находящіяся въ содержаніи у частныхъ лицъ по пожалованію и привилегіямъ прежняго времени, до окончанія оныхъ». Потомъ слѣдуютъ подробныя правила «о правахъ и обязанностяхъ временныхъ владѣльцевъ имѣній на правахъ: дожитенномъ, коммуникативномъ, экзеквативномъ и срочномъ»... Словомъ, излагается все то, что имѣло по слѣднее практическое примѣненіе до общей крестьянской реформы, съ которой въ конецъ разрушились остатки прежнихъ привилегій арендаторовъ (по отношенію къ крестьянамъ); а во-вторыхъ, еслибъ этого и не случилось, то вѣдь едва-ли кто изъ владѣвшихъ, до прекращенія раздачи арендъ натурою (1837 г.), старостинскими и пожалованными пожизненно и на сроки имѣніями—прожилъ Мафусаиловъ вѣкъ, чтобы въ концѣ 1870-хъ годовъ наслаждаться преимуществами, дарованными имъ, конечно, не въ первой молодости, болѣе 40 лѣтъ тому назад!.. Для чего все это перепечатано—про то знаютъ только наши мудрые кодификаторы упраздненнаго II-го Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи.

Собственно о денежныхъ арендахъ въ уставѣ также повторено все, читателямъ уже извѣстное, а къ этому прибавлено, что онѣ «жалуются по особому высочайшему благоусмотрѣнію, въ видѣ особой милости, на счетъ государственнаго казначейства»; что денежные аренды предоставляется уступать постороннимъ лицамъ, съ утвержденія министерства государственныхъ имуществъ; а для передачи уступающей долженъ заключить съ покупателемъ контрактъ; въ случаѣ смерти чиновниковъ, получавшихъ арендные деньги, — таковыя производятся «вдовамъ ихъ и роднымъ дѣтямъ, или потомству въ прямой нисходящей линіи»—по срокъ; вдовы умершихъ арендато-

ровъ—вступленіемъ въ новое супружество не лишаются права получить деньги обще съ другими наследниками; если по смерти арендатора не останется ни вдовы, ни дѣтей, ни потомства въ прямой нисходящей линіи, то «всякія денежныя, вмѣсто аренды, выдачи прекращаются со дня смерти получившихъ оныя, не пріемля въ уваженіе никакихъ,—со стороны другихъ наследниковъ, не въ прямой нисходящей линіи состоящихъ,—требованій, ниже постороннихъ притязаній по какимъ-бы то ни было актамъ». О каждомъ, получившемъ арендные деньги и умершемъ безъ вдовы, дѣтей и потомства въ прямой нисходящей линіи,—обязаны немедленно извѣщать министерство государственныхъ имуществъ: начальство умершаго,—если онъ умеръ, состоя на службѣ, а объ отставныхъ—мѣстная полиція; при выдачѣ-же арендныхъ денегъ по уступочнымъ актамъ, сдѣланнымъ съ утвержденія министерства государственнымъ имуществъ, не требуется удостовѣреній о жизни тѣхъ лицъ, которымъ аренды были пожалованы, а въ случаѣ ихъ смерти безъ наследниковъ въ прямой нисходящей линіи,—выдача арендныхъ денегъ по уступочнымъ актамъ не прекращается до истеченія сроковъ оныхъ» (10, 19, 22, 4 и 6 п. 36, 40 и 42 ст. правилъ).

Наконецъ выгодность производства операцій съ арендами для эмеритальныхъ кассъ послужила основаніемъ ко включенію ихъ и въ новыя правила объ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства (3 п. 16 и 25 ст. положенія, приложеннаго къ приказу по военному вѣдомству, отъ 19 февраля 1880 г., № 42).

Въ заключеніе прибавимъ, что арендами пользуются и збранные военные и гражданскіе чины всѣхъ вѣдомствъ по рангамъ только отъ 1 до 5 классовъ, да ихъ вдовы, дочери, а иногда и сыновья, за службу ихъ мужей и отцовъ. Замѣчательно, впрочемъ, вотъ что: въ спискахъ лицъ, удостоенныхъ пожалованія землями: на Кавказѣ, по умиротворенію его; послѣ польскаго мятежа—въ западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а также и въ Оренбургскомъ краѣ.—вездѣ встрѣтите тѣ же самыя фамиліи, какія значатся въ числѣ получающихъ арендные деньги. Такіе ужь, значитъ, счастливые и достойные люди, что безъ нихъ никакъ невозможно было обойтись!! Вслѣдствіе этого чрезвычайнаго умѣнья нѣкоторыхъ особъ пользоваться, кромѣ собственныхъ средствъ и значительнаго содержанія. еще и всевозможными источниками наживы,—нельзя не отнести съ большимъ сочувствіемъ къ стремленію правительства, посредствомъ справокъ о благосостояніи просящихъ арендной награды, ограничить раздачу ея лишь неимущимъ, а вос-

НАТУРАЛЬНЫЯ И ДЕНЕЖНЫЯ АРЕНДЫ.

прещеніемъ продажи арендъ—извлечь въ пользу казны остатки отъ одинокихъ лицъ, умирающихъ до истеченія опредѣленныхъ арендныхъ сроковъ. Этотъ воспретительный законъ состоялся 18 іюля 1881 г., а обнародованъ въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» (28 августа за № 88) въ слѣдующей редакціи: «по представленію министра государственныхъ имуществъ и согласно положенію комитета министровъ, Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: отмѣнить установленное статьею 19-ю приложения ко 2 й ст. Устава объ управленіи казенными имѣніями въ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ (т. VIII св. зак., изд. 1876 года) право лицъ, получающихъ по высочайшимъ указамъ денежныя, вмѣсто арендъ, производства, переуступать третьимъ лицамъ это право свое на упомянутыя выдачи».

Такимъ образомъ, просуществовавшій 42 года законъ о правѣ получателей арендъ продавать ихъ—сданъ въ архивъ историческихъ документовъ по этому предмету, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и всякія спекуляціи жалуемыми, въ награду за службу, арендными деньгами. Этотъ законодательный актъ отразится, правда, и на прибыли эмеритальныхъ кассъ, но ихъ фонды и безъ того составляютъ огромные капиталы (напр. военная касса имѣетъ 62.339,210 р.), и ограниченіе этихъ прибылей съ избыткомъ вознаграждается, въ интересахъ цѣлаго государства, морализирующимъ и, въ то же время, прямо выгоднымъ для казны характеромъ новаго закона.

Подъ гнетомъ.

I

Глухая ночь. Далеко до разсвѣта...
На улицѣ, подъ кровомъ темноты,
Вакханкою безстыдною одѣта,
Дитя нужды, лишенное привѣта,
Глубокимъ сномъ забылась сладко ты.

Весь день—подъ крикъ и звуки пѣснопѣній—
Вокругъ тебя вино рѣкой лилось;—
И сколько мукъ, безжалостныхъ глумленій,
Безчеловѣчныхъ, наглыхъ оскорбленій
Тебѣ несчастной вытерпѣть пришлось!

Въ безчувствіи, съ тупымъ и мутнымъ взоромъ,
На улицѣ вдругъ очутилась ты,
И вотъ, склонясь безсилно подъ заборомъ,
Не вятая заботливымъ дозоромъ,
Забылася въ объятяхъ темноты.

Съ разсвѣтомъ дня проснешься ты; пугливо,
Припоминая, взглянешь ввругъ себя,
И—можетъ быть, понурившись стыдливо—
Пойдешь домой; кто встрѣтится—брезгливо,
Съ презрѣніемъ посмотритъ на тебя.

А были дни—и ты хотѣла счастья,
Въ душѣ жила высокая мечта...
Но не нашла ты честнаго участья,
Тебя сломили бури и ненастье,
И какъ цвѣтокъ поблекла красота!

Не вдругъ твое свершилося паденье:
Ты вынесла ужасную борьбу;
Ты все ждала и вѣрила въ спасенье,
Но не пришелъ никто для облегченья,
И—пала ты, кляня свою судьбу!

II

Глухая ночь... Все отдалось покою;

Но, труженикъ-писатель, ты не спишь;
 Ты надъ столомъ склонился головою,
 Усталую, дрожащую рукою
 Свой срочный трудъ окончить ты спѣшишь.
 Жена больна... Ея ты кашель слышишь—
 Удушливый, болѣзненно-сухой...
 Ты боленъ самъ, ты черезъ силу дышешь,
 И слабъ, и худъ... но ты сидишь и пишешь,
 Едва вода усталую рукою.

—
 Душа полна невыразимой муки,
 И грудь полна невыплаканныхъ слезъ...
 Но нуженъ смѣхъ томящимся отъ скуки,
 Имъ нравятся веселой пѣсни звуки,
 Гдѣ много грезъ, счастливыхъ, свѣтлыхъ грезъ!

—
 И, рабъ нужды, поденщикъ подневольный,
 Сдавивши стонъ въ груди,—смѣешься ты;
 Но тяжело, невыразимо-болно
 Сознаніе, что ты толпѣ довольной
 Понравился—какъ нравятся шуты!

—
 «Да, жалкій шутъ!» Исходитъ сердце кровью;
 А ты молчишь, мучительно скорбя:
 Ты обреченъ насмѣшекъ и злословью,
 Но гдѣ тотъ другъ, проникнутый любовью,
 Чтѣ все пойметъ, болѣя за тебя?

—
 Ты вышелъ въ путь съ прекраснымъ упованьемъ,
 Въ душѣ жила высокая мечта...
 Но жизнь тебя сломила испытаньемъ,
 И, наглумясь надъ истиннымъ призваньемъ,
 Заставила надѣть костюмъ шута!

—
 Что ждетъ тебя въ грядущемъ? Гдѣ опора?
 Лишенный силъ—для всѣхъ не нуженъ ты!
 И, можетъ быть, не знающій призора,
 Ты пріютишься также у забора,
 Въ глухую ночь, подъ кровомъ темноты!

Александръ Кругловъ.

Счастье.

Есть счастье на землѣ, какъ свѣтлое видѣнье,
Для тѣхъ, кто межъ людей, средь свѣтской суеты
Не забывалъ свое святое назначенье;
Кто въ жертву не принесъ сердечной чистоты
Разсчета мелочнымъ и алчной спѣси модной,
Кто вѣрилъ въ доброе, кто людямъ сострадалъ,
Кто не забылъ языкъ поэзіи природной,
Сокровищей души во прахъ не расточалъ—
И не утратилъ кто въ грязи житейской прозы
Могущества любви и радостныя слезы.
Есть счастье, но оно понятно не для всѣхъ:
Даютъ ему, порой, безумія названье;
Тщеславья легкаго не дастъ оно утѣхъ
И куплено цѣной великаго страданья...
То счастье—гордое сознанье правоты,
Готовность жить въ борьбѣ съ неправдою людскою
И ради дорогой, несбывшейся мечты
Рѣшимость жертвовать собою...

С. Г.

ФОСТЭНЪ.

Романъ Эдмонда Гонкура.

XXIV.

Влюбленные сидѣли за завтракомъ у маленькаго столика, на которомъ ужинали наканунѣ, когда вошла Кунигунда и положила передъ Фостэнъ письмо, со штемпелемъ одной изъ парижскихъ окрестностей. Фостэнъ распечатала письмо, пробѣжала его широко открывшимися глазами и вскрикнувъ:—А! теперь я покойна! передала съ серьезнымъ видомъ Вильяму.

Вотъ это письмо:

Вторникъ вечеромъ. Станція Вирофлэ.

«Жюльета! Я вѣдь не могу возвратитъ васъ къ себѣ тѣмъ, что убью лорда Аннандала? Итакъ, если у меня нѣтъ моей Жюльеты, я убью себя! Но я не хочу, чтобы на васъ могло пасть обвиненіе въ моей смерти, и въ то время, когда вы получите это письмо, я буду разрѣзанъ на-двое, упавъ изъ вагона при встрѣчѣ двухъ поѣздовъ. Будьте покойны, я изучилъ вопросъ на мѣстѣ, а вы знаете, что я человѣкъ практическій. Слѣдовательно, это будетъ прекрасно устроенная естественная смерть, которая васъ нисколько не касается. О! не бойтесь моихъ упрековъ, Жюльета! У меня было дѣтство бѣдняка, молодость человѣка пошлаго и некрасиваго, и, въ аду дѣловой жизни, единственными счастливыми годами я обязанъ вамъ и благодарю васъ за это. Но потерявъ васъ, я не могу долѣе жить. Я не любилъ никого въ жизни, кромѣ васъ, васъ одной, да бѣдной собаки, которая всегда радовалась вашему приходу и которую вы ласкали иногда. Вы слыш-

вомъ горды, чтобы принять послѣ моей смерти что бы то не было, но вы не откажете взять Дика, и, въ минуту смерти, мнѣ будетъ утѣшеніемъ знать, что животное, которое мы оба любили, будетъ иногда лежать у васъ на колѣняхъ. Прощайте. Бланшронъ».

Взглядъ Вильяма перешелъ съ письма самоубійцы на Фостэнъ, и онъ почти ужаснулся мысли, какъ мало корней оставляетъ въ сердцѣ вновь полюбившей женщины ея старая любовь.

— Этотъ человѣкъ искренно любилъ васъ, сказалъ лордъ Аннандалъ, съ отгѣнкомъ грусти въ голосѣ, — нужно послать за его собакой.

XXV.

Спустя нѣсколько дней, лордъ Аннандалъ и Фостэнъ осматривали въ сопровожденіи дворника большой отель, продававшійся въ Faubourg S. Нопогѣ. Молодой лордъ шелъ по амфиладѣ приемныхъ комнатъ съ той британской сосредоточенностью, которая едва удостоиваетъ всѣ внѣшніе предметы своимъ разсѣяннымъ и скучающимъ вниманіемъ. На всѣ комментаріи дворника относительно высоты потолковъ, достоинства живописи и законченности лѣпныхъ карнизовъ, посѣтитель только слегка приподнималъ одну сторону вѣкъ. Начали осматривать первый этажъ. Ставни были заперты. Отворяя одну изъ нихъ, дворникъ вспугнулъ съ дерева, у окна, птичку, улетѣвшую съ испуганнымъ щебетаньемъ. — Птичка! промолвилъ лордъ Аннандалъ, поднявъ палецъ, съ выраженіемъ удивленія и радости на оживившемся лицѣ. И опять англичанинъ продолжалъ осмотръ со своимъ флегматическимъ равнодушіемъ, приводившимъ въ отчаяніе дворника. Спускаясь внизъ, этотъ бѣднякъ рискнулъ однако сказать: — «Извините, я забылъ показать еще одинъ уголокъ», и ввелъ ихъ въ маленькую комнату съ очень обыкновенной, бѣлой мраморной ванной.

— Ванна! проговорилъ лордъ Аннандалъ, какъ бы пріятно удивленный встрѣчей чего-то неожиданнаго, и простоялъ нѣсколько минутъ молча, сложивъ руки и смотря съ улыбкой на ванну.

Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ, что Фостэнъ почти бѣжитъ уже по корридору, слегка вдрагивая спиной.

Онъ догналъ ее.

— Что съ вами, Жюльета? спросилъ онъ тревожно.

Фостэнъ зажала ротъ платкомъ, удерживаясь съ трудомъ отъ безумнаго смѣха, и, задержавъ усиленно локтями, проговорила:

— Не говорите пока ничего... потомъ!

Оставалось осмотрѣть конюшни. Дворникъ, замѣтивъ хорошее впечатлѣніе, произведенное на посѣтителя ванной, открылъ было ротъ съ намѣреніемъ перечислить количество стойлъ и т. д.; но голосъ его замеръ, когда онъ увидѣлъ, какое презрительное выраженіе набѣжало на лицо англійскаго лорда. Лордъ Аннандалъ взглянулъ на конюшню отеля, какъ посмотрѣлъ бы на буржуазную конюшню своего времени Кондэ, выстроившій конюшни Шантильи; остановившись въ дверяхъ и едва окинувъ глазами зданіе справа налево, онъ исчезъ, покинувъ стоявшаго съ фуражкой въ рукахъ дворника, ошеломленнаго оригинальностью посѣтителя.

— О! милый мой, дайте мнѣ посмѣяться, говорила Фостэнъ въ каретѣ, сторонясь, чтобы освободить мѣсто своему возлюбленному: — я не могу удержаться, иначе право захвораю... Bird! передразнила она жестъ лорда Аннандала передъ вспорхнувшей птичкой; Bath! — и она представляла, какъ лордъ любовался ванной... Вы только и сказали эти два слова во время осмотра... Ахъ! какой вы смѣшной... Изъ всего, что мы видѣли, только эти двѣ вещи обратили на себя ваше вниманіе... И вы купите этотъ отель, вѣдь, только ради птицы и ванны?

Серьезный видъ, который Фостэнъ удалось наконецъ принять, опять исчезъ; она откинулась на спинку кареты, и все лицо ея неудержимо смѣялось смѣхомъ швальницы, подъ прелестной круглой шляпкой, украшенной, какъ радугой, павлиными перьями.

Нѣсколько сконфуженный любовникъ, спустя нѣсколько времени, началъ также смѣяться, проговоривъ очень любезно:

— Да, это правда, душа моя, во мнѣ проскользнулъ тамъ англичанинъ... Что же дѣлать!.. но вы не знаете, что, покупая для себя домъ даже въ городѣ, мы не понимаемъ его безъ зелени и деревьевъ, а птичка вдругъ сказала мнѣ, что все это есть тамъ... ванна же удовлетворяетъ нашей врожденной мании къ мытью...

Только я, можетъ быть, слишкомъ сильно удивился, найдя мѣсто для купанья во французскомъ домѣ... Впрочемъ, теперь дѣло не въ ваннѣ и не въ птицѣ... Вы кончили смѣяться... Согласны вы жить въ этомъ домѣ?

— Еще бы... я была бы черезчуръ прихотлива... Это одинъ изъ лучшихъ парижскихъ отелей.

— Я нахожу... также приличнымъ... но я собственно потому радъ его купить, что тамъ много мѣста и можно будетъ удвоить конюшни... Потомъ, мнѣ нравится еще одна вещь... я хочу, чтобы швейцаръ находился въ самомъ домѣ, какъ въ Лондонѣ; крыльцо очень большое... его можно обнести стеклянной галлереей, гдѣ и будетъ помѣщеніе для швейцара... Итакъ, отель вамъ нравится и вы готовы переѣхать завтра же?

— Завтра... Вы знаете, что покупка дома сопряжена во Франціи съ формальностями, требующими нѣкотораго времени?

— Отель вѣдь и продается, и отдается въ наймы?.. я нанимаю его и покупаю... мой повѣренный устроить все это.

XXVI.

Не прошло мѣсяца, какъ влюбленные устроились въ отелѣ такъ, какъ будто прожили въ немъ нѣсколько лѣтъ; онъ былъ весь поправленъ, передѣланъ, приспособленъ къ привычкамъ лондонской жизни и наполненъ многочисленной прислугой, составляющей необходимую принадлежность всякаго порядочнаго англійскаго дома.

Во вновь устроенной при крыльцѣ галлерей находился швейцаръ, всѣ обязанности котораго состояли въ томъ, чтобы нажимать пуговики электрическихъ звонковъ, проведенныхъ въ кухню, людскую и переднюю.

Въ передней, передъ маленькимъ столикомъ, съ чернильницей и подносомъ для писемъ, въ большомъ креслѣ съ высокою спинкою, вполне приспособленномъ, по своей конструкціи, для ожиданія барина послѣ продолжительныхъ парламентскихъ засѣданій, — сидѣлъ footman, лакей не съ напудренными, какъ у кучера, а съ выращенными въ бѣлый цвѣтъ волосами.

На отдѣльной вѣшалкѣ висѣла постоянно шляпа барина, а на столикѣ подѣ ней лежала пара растянутыхъ и надутыхъ перчатокъ, напоминавшихъ слѣпокъ двухъ мертвыхъ рукъ. Рядомъ съ передней шла *parlour*, приемная съ строгимъ убранствомъ и безъ всякихъ украшеній по стѣнамъ, для людей, не считавшихся равными барину, какъ на примѣръ, купцы, адвокаты, доктора и ветеринары.

Для прислуживанія за столомъ содержался цѣлый полкъ лакеевъ съ различными атрибутами и подѣ начальствомъ *butler*, нѣчто въ родѣ мѣтръ-д'отеля, хранителя ключей отъ погреба, который только отдаетъ приказанія и не носить ливреи. Былъ еще *steward*, управляющій, на которомъ лежатъ всѣ денежные расчеты съ прислугой. Затѣмъ камердинеръ, основной слуга дома, смѣняющійся только вслѣдствіе какихъ нибудь важныхъ внутреннихъ переворотовъ, человекъ, говорящій на двухъ или трехъ языкахъ, преимущественно по-нѣмецки и по-итальянски, и очень рѣдко по-французски, исполняющій въ путешествіяхъ должность курьера, на которомъ лежитъ также обязанность удостовѣряться въ существованіи *tub* въ тѣхъ гостинницахъ, гдѣ господа намѣрены остановиться. Потомъ *boy*, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, состоявшій при Фостэнѣ въ качествѣ пажа и исполнявшій ея порученія. Затѣмъ толпа женской прислуги подѣ начальствомъ *house-keeper*, почтенной матроны, одѣтой во все черное; за ней шла кастелянша, вторая горничная, помощница Кунигунды, и цѣлый рой *chambermaid* въ маленькихъ чепчикахъ-бабочкахъ, для уборки спаленъ; да въ кухнѣ вертѣлось еще съ полдюжины толстыхъ, здоровыхъ дѣвухекъ съ бѣлыми руками.

Наконецъ шла конюшня со своимъ особымъ смотрителемъ и съ кучеромъ барина, который не возилъ никого, кромѣ лорда, и спускалъ шторы, какъ только тотъ выходилъ изъ кареты; потомъ кучеръ барыни, который не возилъ никого, кромѣ ея, а за этими тремя сановниками, цѣлая толпа постоянно свиставшихъ конюховъ въ шотландскихъ токахъ и люстриновыхъ жилетахъ.

Швейцаръ былъ выбранъ между самыми рослыми мужчинами; *footman* — между самыми красивыми мальчиками. Смотритель

конюшни былъ самый кривоногій изъ кривоногихъ. Весь этотъ штатъ,—гдѣ ни одинъ человекъ не выходилъ за предѣлы своей специальности, какъ набиватели трубокъ въ Индіи,—нѣсколько наименовалъ своею автоматичностью священнослужителей какой-то обильной обрядностью религіи, такъ что даже перемѣна тарелокъ и стакановъ за столомъ походила на священнодѣйствіе;—вся эта прислуга исполняла свое дѣло молча, съ мѣрной важностью и холодной торжественностью того же этикета, которымъ была обставлена церемонія поднесенія королевской рубашки Людовику XIV, когда онъ ложился въ постель.

Переходъ отъ буржуазной обстановки къ этой роскошной аристократической жизни не ослѣпилъ Фостэнъ, не вскружилъ ей головы и даже не доставилъ особеннаго наслажденія. Актриса привыкла къ театральнымъ дворцамъ и, въ то же время, врожденный инстинктъ парижскаго г а м е н а возбуждалъ въ ней скорѣе насмѣшку, чѣмъ удивленіе къ дарамъ фортуны. Молодую женщину все это занимало, какъ волшебная перемѣна декорацій, какъ веселая новинка и смѣшное превращеніе. Ей казалось, по ея словамъ, что она живетъ въ какой-то очень забавной к и т а й щ и н ѣ.

XXVII.

Теперь влюбленные выставляли свою любовь на показъ въ роскошныхъ экипажахъ въ Булонскомъ лѣсу, на бѣгахъ; показывались въ аванъ-ложахъ всѣхъ театровъ, на первыхъ представленіяхъ, ѣздили по всѣмъ баламъ и благотворительнымъ праздникамъ; являлись во всѣхъ дорогихъ увеселительныхъ мѣстахъ посреди ревниваго шепота, которымъ толпа преслѣдуетъ обыкновенно счастливую любовь, окруженную роскошью богатства.

Но эта гласность ихъ любви была чисто внѣшняя; вернувшись домой, они продолжали интимную жизнь вдвоемъ. Въ Лондонѣ мужчина, живущій въ незаконной связи, не принимаетъ никого у своей любовницы и никогда не показывается съ ней публично. Живя во Франціи, сдѣлавшись, такъ сказать, континентальнымъ жителемъ, онъ рѣшается выѣзжать съ любимой женщиной, но, при-

держиваясь обычаевъ родины, не вводитъ однако своихъ друзей и знакомыхъ подъ кровъ, который не можетъ назваться супружескимъ кровомъ. Поэтому лордъ Аннандалъ не принималъ у себя, и вся многочисленная прислуга отеля кружилась въ пустотѣ огромной столовой, около сидѣвшихъ одиноко за столомъ мужчины и женщины. Дверь отеля отворялась только послѣ завтрака, въ тотъ часъ, когда хозяинъ дома въ Англіи имѣетъ обыкновеніе показывать гостямъ свою конюшню. И возлюбленный Фостэнъ не могъ устоять отъ искушенія похвастать передъ соотечественниками своими кровными рысаками и, кстати, похлословить насчетъ «безтолковыхъ французскихъ лошадей».

XXVIII.

Такимъ образомъ, молодые люди оставались съ утра до вечера наединѣ, не исключая даже того времени, когда выѣзжали и находились посреди толпы: такъ всецѣло они отдавались другъ другу въ своемъ неизмѣнномъ tête-à-tête, въ которомъ любящая женщина не скучала ни одной минуты, а влюбленный иностранецъ былъ все время точно опьяненъ чарами тѣла и ума парижской куртизанки, дающей самое полное на свѣтѣ любовное наслажденіе.

XXIX.

Фостэнъ была средняго, скорѣе маленькаго, чѣмъ большаго роста, съ изящной фигурой и тонкой стройностью обманчивой худобы. Ея грудь и бедра были сложены какъ у полной женщины, а оставшая часть тѣла поражала своими нѣжными дѣвичьими формами. У нея было прелестное, но исчезающее теперь физическое достоинство—красивыя покатыя плечи,—а когда она надѣвала платье съ открытымъ лифомъ, то на нѣжной округлости спины, около плечъ, виднѣлись двѣ смѣющіяся ямочки. Блѣдная кожа, чуть-чуть розоватая на лицѣ, принимала на ногахъ и на всемъ тѣлѣ матовую бѣлизну, свойственную брюнеткамъ,—ту теплую, безкровную бѣлизну, которую Тиціанъ уловлялъ кистью на портретахъ своихъ

любовницъ. Темно-каштановые волосы, вьющіеся на вискахъ, перерѣзанныхъ голубыми жилками, чистый выпуклый лобъ, бойкій носикъ, не имѣвшій въ себѣ ничего трагическаго, ротъ съ насмѣшливыми уголками—добродушно-ироническій и иногда полуоткрытый въ застывшей улыбкѣ статуи: въ общемъ, лицо далеко неправильное, въ современномъ парижскомъ вкусѣ, но очертанія котораго исчезали въ подвижности фizioноміи и чарующей прелести глазъ. Глаза у Фостанъ были сѣрые или, скорѣе, неопредѣленнаго цвѣта морской волны, которая то темнѣетъ, то становится прозрачною, смотря потому, набѣжитъ-ли на нее облако, или упадетъ лучъ свѣта; глаза темные и вмѣстѣ свѣтлые,—глаза, которые при дурномъ расположеніи духа были черны и почти злы, и дѣлались голубыми и безконечно кроткими въ моменты радости, симпатіи и любви.

У Фостанъ былъ тотъ взглядъ и станъ, въ которомъ, при самыхъ изящныхъ манерахъ и гармоніи величественныхъ жестовъ, постоянно трепещетъ неутомимая живость, замѣтная даже въ спокойномъ состояніи, какъ это бываетъ у канатныхъ танцовщицъ.

XXX.

Но очаровательнѣе всего въ этой женщинѣ была оригинальность ея натуры. Она нравилась и привлекала причудливыми проявленіями своей женственности. Соприкосновеніе съ вещами и людьми производило на нее совсѣмъ особенное впечатлѣніе, выражавшееся неожиданнымъ, необычнымъ образомъ и совсѣмъ не такъ, какъ у другихъ женщинъ. Она видѣла, чувствовала, любила совсѣмъ по своему. Между женщинами буржуазнаго происхожденія и воспитанія, всякое женское существо, отъ большаго до малаго и отъ верху до низу, можно сказать всегда одно и то же; до такой степени натура тѣхъ и другихъ кажется выкроенной по одинаковой мѣркѣ. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, хорошо или сколько нибудь сносно воспитанная женщина чувствуетъ отвращеніе, нѣжность, состраданіе, даже нервныя припадки, въ такомъ родѣ, какъ будто все это предвидѣлось и описано въ программѣ, составленной для цѣлаго класса людей, по

извѣстному шаблону и никогда не выходя изъ условныхъ границъ. У всѣхъ у нихъ первое душевное движеніе есть уже какъ бы вторичное, исправленное, измѣненное и поставленное въ границы приличія; у всѣхъ, кромѣ незначительнаго оттѣнка вслѣдствіе разности темперамента и степени нервности, все дѣлается однообразно, подъ гнетомъ какого-то приличія, которое положительно изглаживаетъ и уничтожаетъ всякую индивидуальность. Даже у самыхъ умныхъ женщинъ есть готовыя обо всемъ сужденія, составленныя по данному контуру, по общепринятому образцу порядочности и катехизису * людей приличныхъ. Онѣ не смѣютъ высказать того, что ихъ возмущаетъ, тревожитъ, путаетъ мысли въ головѣ, если это можетъ показаться страннымъ, ненормальнымъ, эксцентричнымъ,—словомъ, не тѣмъ, что думаютъ другіе. Пришибленныя воспитаніемъ, не смѣя выражать прямо своихъ ощущеній и мыслей, эти женщины страшно монотонны и не приносятъ своимъ мужьямъ и любовникамъ ничего такого, что могло бы встряхнуть ихъ апатію, занять ихъ и развлечь. Вотъ вамъ объясненіе многихъ связей мужчинъ высшаго общества съ женщинами низшаго круга.

У Фостэнъ же, напротивъ, была терпкость и самобытность, свойственныя женщинамъ, вышедшей изъ простаго народа, къ которому она принадлежала и до сихъ поръ, любя его сырую, грубую пищу и находя удовольствіе вмѣшиваться въ толпу на фейерверкахъ, на народныхъ гуляньяхъ и на ярмаркахъ въ парижскихъ окрестностяхъ. Отъ этого корня въ ней остались: болѣе свободныя душевныя движенія, болѣе естественныя впечатлѣнія, болѣе сильныя внѣшнія ощущенія; сохранившіяся въ богатой обстановкѣ живость, увлеченіе и веселье бѣдняка; жизнь съ усиленнымъ біеніемъ пульса, жизнь подвижная, дѣятельная, которая была не болѣзненнымъ возбужденіемъ свѣтскихъ женщинъ, а бурливымъ волненіемъ крови, таившей въ себѣ съ дѣтства такъ много огня, что сношенія съ этой женщиной опьяняли всякаго, кто къ ней приближался, и дѣлали его живѣе, разговорчивѣе и остроумнѣе. Если случалось, что у нея, какъ у всѣхъ, и даже сильнѣе, чѣмъ у другихъ женщинъ, разстраивались нервы, то припадки эти были

очень непродолжительны и кончались обыкновенно какой-нибудь шалостью. Но выйдя из простонародья и сохранивъ нѣкоторыя присущія ему черты, Фостэнъ была въ то же время богато надѣлена аристократическими свойствами, которыя внезапно выражались натуральнымъ высокимъ изяществомъ души и тѣла, неизвѣстно откуда бравшимся, и которыя не часто встрѣчаются даже въ людяхъ, принадлежащихъ по рожденію къ этой изящной средѣ. Она переходила отъ шалости къ мягкому смѣху, отъ крупной ссоры къ очаровательной ласкѣ собственнаго изобрѣтенія, отъ свободной шутки къ строго приличному тону, испуская какое нибудь вульгарное слово природной граціей, и если ей случалось иногда, какъ у сестры, выпить коко, то она пила его въ стаканѣ венеціанскаго стекла; словомъ, являлась во всякую минуту дня и ночи существомъ разнообразнымъ, въ которомъ гризетка чередовалась съ герцогиней.

Это были безконечныя видоизмѣненія, превращенія, неожиданныя перемѣны, въ которыхъ обновлявшаяся, такъ сказать, женщина заставляла себя любить постоянно, и постоянно являлась съ новыми чарами. И опять дурачества, шутки, нѣжность, гдѣ ее не ждали, иронія, остроумно осмѣивавшая ея собственную особу, замысловатыя деликатныя выдумки, незаученныя мысли, новыя слова и цѣлый рядъ необыкновенно быстрыхъ и скоропреходящихъ ощущеній, выраженныхъ просто и въ томъ самомъ видѣ, какъ они являлись ей. Все это мѣшалось съ дѣтскимъ невѣжествомъ, въ которомъ она сознавалась такъ очаровательно-просто, что невольно хотѣлось разцѣловать ее.

Такъ, одинъ разъ Фостэнъ писала письмо директору театра въ присутствіи Вильяма, и когда тотъ, прочитавъ изъ-за ея плеча, указалъ на двѣ или три грамматическія ошибки, прося переписать, она отвѣчала съ прелестнымъ упорствомъ: — «Нѣтъ, я пошлю какъ оно есть, такъ натуральнѣе».

И женщина, которая писала такъ дурно, какъ писали женщины въ прошломъ столѣтіи, на словахъ выражалась божественно, умѣла принимать, какъ никто, и всѣхъ привлекала и привязывала какой-то, вѣявшей отъ нея, прелестной повелительностью и граціей.

XXXI.

Для мужчинъ, которые были съ Фостэнъ болѣе или менѣе на короткой ногѣ, въ ней было особенное, свойственное ей очарованіе: у нея было чутье женщины-артистки, съ помощью котораго она отрывала въ этихъ мужчинахъ какое нибудь достоинство или пріятное качество, которыхъ они часто сами не замѣчали и за открытіе которыхъ были ей признательны, какъ будто она надбляла ихъ этими достоинствами. Въ ней дѣйствительно было тонкое чутье, нападавшее сразу на какое нибудь скрытое качество, рѣдкую особенность, незамѣтную красоту, — словомъ, на одну изъ тѣхъ привлекательныхъ бездѣлицъ, которыя служатъ часто невидимыми, но цѣпкими атомами любви.

То пріятная вибрація голоса, то милая улыбка, то красивая форма руки или что нибудь въ этомъ родѣ, что найдется всегда въ каждомъ субъектѣ, обращали вдругъ на себя вниманіе артистки. И отрывъ это физическое или психическое достоинство въ человѣкѣ, котораго она любила, Фостэнъ оживлялась, воспалялась, восторгалась, какъ оживляются и восторгаются картиной или статуей, и это восхищеніе являлось темой для множества лестныхъ фразъ и тѣхъ затрогивающихъ словъ, которыми ласковый голосъ нѣсколько хватившей черезъ край, но не говорящей никакихъ глупостей женщины пріятно щекочетъ мужское самолюбіе. Ея восхищеніе изяществомъ въ самыхъ пустыхъ лицахъ заходило иногда такъ далеко, что она была способна въ минуту увлеченія убѣдить какого нибудь господина, который приготавлилъ особенно вкусно у нея за столомъ салатъ съ трюфелями, что онъ надбленъ необыкновенными дарованіями.

Тою властью, которую Фостэнъ пріобрѣтала надъ мужчинами посредствомъ своей очаровательной лести, она была обязана искренности и чистосердечности своего восхищенія, въ которомъ никогда не чувствовалось какой-нибудь предвзятой мысли, хитрости или расчета, а слышалось искреннее увлеченіе художника во всему прекрасному, изящному, — увлеченіе, выражавшееся у этой женщины экзальтаціей и восторженными похвалами.

XXXII.

Отъ прошлаго столѣтiя сохранился разсказъ о любви одного англичанина къ французской куртизанкѣ, -- любви, страстная нѣжность которой выразилась въ слѣдующей прелестной фразѣ:

«Не смотрите на нее такимъ образомъ, душа моя, я не могу дать ее вамъ!» сказалъ онъ однажды ночью про звѣзду, на которую засмотрѣлась его любовница.

Можно было сказать, что въ любви лорда Аннандаля была частица страсти прошлаго вѣка и что въ этой привязанности нашего времени какъ бы оживали: нѣжная связь любовниковъ восемнадцатаго столѣтiя и чары Лолоты надъ лордомъ Альбер-малемъ.

Въ тишинѣ большого отеля, посреди благоуханiя умирающихъ цвѣтовъ, которыхъ листья, падая съ мягкимъ шелестомъ на мраморныя подставки, тихо отмѣчали теченiе времени, влюбленные сидѣли рядомъ, смотря другъ на друга, сплетаясь руками и проводя въ блаженномъ *far niente* счастливые часы, въ продолженiе которыхъ имъ тяжело было даже говорить.

Это были нѣжныя пожатiя рукъ, обмѣнъ лѣнивыхъ улыбокъ, наслажденiе совершенно покойнаго сердца, безмолвное счастье, — когда, послѣ долгаго молчанiя, благодарность мужчины, которую онъ не зналъ чѣмъ выразить, срывалась съ его губъ заботливо-нѣжнымъ вопросомъ:

— Не желаете-ли вы чего-нибудь, Жюльета?

— Нѣтъ.

И опять молчанiе, въ усиленномъ ароматѣ цвѣтовъ, въ ласкѣ все ближе прижимавшагося тѣла, въ томности взгляда и улыбки, — молчанiе, прерывавшееся черезъ длинный промежутокъ времени тѣмъ же вопросомъ, только въ другихъ словахъ:

— Вамъ ничего не хочется, Жюльета?

— Нѣтъ.

Этими двумя вопросами мужчины и двумя «нѣтъ» женщины ограничивались всѣ ихъ любовныя рѣчи.

XXXIII.

Англійская любовь не разговорчива, не болтлива, не краснорѣчива; она не выражается словами, не разсыпается любезностями, нѣжнымъ лепетомъ и ласковыми названіями. Пуританское ученіе изгнало изъ языка пріятныя фразы Ромео и Юліи, страстнонѣжную фразеологию католическихъ временъ,—и у англо-саксонскаго протестантизма, для выраженія страсти, остается или тотъ же языкъ, которымъ онъ говоритъ съ проститутками Strand'a и который далеко превосходитъ сальностью самыя сальныя выраженія всѣхъ существующихъ на свѣтѣ народовъ, или полу-мистическій, полу-пошлый языкъ Тэннисона, установленный для суровой любви британскаго супружества. У англичанина нѣтъ любовнаго словаря и, встрѣчая этотъ словарь у француза, онъ, вслѣдствіе своего строгаго воспитанія и привычки говорить сухимъ языкомъ, находитъ въ его словахъ, выраженіяхъ и граціи что-то не мужское, ребяческое, какое-то трубадурство, между тѣмъ какъ присущій ему элементъ ироніи, *à la Swift*, заставляетъ его внутренно насмѣхаться надъ этимъ «разговорнымъ ханжествомъ» и даже отчасти презирать націю, выражающуюся такимъ языкомъ.

Кромѣ того, англичанинъ презираетъ пустыя, ненужныя слова и, какъ-будто, стыдится подчеркивать многословіемъ выраженія своей любви. Онъ гораздо сдержаннѣе француза въ сношеніяхъ съ французской куртизанкой, менѣе откровененъ съ любовницей и не дѣлится съ ней своими мыслями, ощущеніями, своимъ внутреннимъ міромъ, замыкаясь наединѣ съ самимъ собой. Но англичанинъ искупаетъ этотъ недостатокъ разговорчивости и откровенности знаками уваженія, трогательнаго по своей наивности, восхищеніемъ, покорностью юноши передъ своимъ первымъ предметомъ страсти и безукоризненной вѣжливостью старинныхъ вельможъ съ низшими; словомъ, всѣми тѣми мелочами, которыя такъ льстятъ тайному тщеславію падшихъ женщинъ, ставя ихъ наряду съ остальными. Такимъ образомъ, Фостэнъ питала безпредѣльную благодарность къ лорду Аннандалю за то, и именно за то, что онъ никогда не говорилъ ей при постороннихъ «ты», слѣдуя обы-

чаю высшего общества, въ которомъ такая фамиллярность между мужемъ и женою считается пригодной только въ спальнѣ. Затѣмъ, англичанинъ—сохраняющій всегда, при самой горячей привязанности, капельку нескрываемаго презрѣнiя къ женщинѣ, если она не законная жена ему,—относится совершенно особеннымъ образомъ къ женщинамъ въ положенiи Фостэнъ:—знаменитыя танцовщицы, пѣвицы и актрисы считаются въ британскомъ высшемъ обществѣ существами высшего разряда, женщинами, стоящими внѣ круга продажной любви; онѣ считаются въ обществѣ за леди и бываютъ приняты въ аристократическихъ чертогахъ съ такимъ пышнымъ этикетомъ, съ которымъ принимали бы герцога Йоркского. Вслѣдствiе этого, страсть къ такимъ женщинамъ принимаетъ у англичанъ совсѣмъ особый характеръ. Это какая-то почти обоготворенная любовь, чувственная связь въ облакахъ, идеализированная физическая страсть, посреди постоянного цѣлованiя ружь и нѣжной пантомимы, напоминающей старомодный минуетъ.

Но такъ какъ, подъ маской холодности и равнодушiя, англичанинъ вообще развратенъ по натурѣ, то часто случается, что при этой эротически-сентиментальной связи, когда у него является какая-нибудь игривая фантазiя, онъ, безъ всякаго ущерба страсти любовника къ любимой имъ супружескою любовью куртизанкѣ, отправляется къ постороннимъ женщинамъ. Лордъ Аннандаль слѣдовалъ, въ этомъ случаѣ, примѣру своихъ соотечественниковъ.

XXXIV.

Въ одно изъ тѣхъ представленiй, когда Фостэнъ приходилось играть Федру, актриса сидѣла у себя въ уборной во время длиннаго промежутка въ пятомъ актѣ, между рассказомъ Терамена и выходомъ на сцену Федры. Въ ту пору, уборныя французскаго театра были очень просты. Диванъ для отдыха послѣ убiйственной роли; три, четыре дрянныхъ кресла; нѣсколько фотографiй актрисы въ лучшихъ ея роляхъ,—фотографiй, пришиленныхъ къ дешевенькимъ обоямъ по восемнадцати су за кусокъ; иногда алебастровый бюстъ, увѣнчанный вѣнкомъ ливючихъ искусственныхъ цвѣтовъ, при-

везеннымъ изъ какой-нибудь удачной поѣздки въ провинцію: вотъ вся меблировка и всё украшенія маленькой мрачной комнатки.

Еще не настало то время, когда уборныя начали обращаться въ будуары, въ музеи рѣдкостей, въ художественныя мастерскія, какъ ложа мадмуазель Круазетъ съ ея великолѣпной обивкой, какъ ложа у Лойдъ, со стѣнами, увѣшанными витайскими тарелочками, или какъ ложа Самари, съ ея оригинальнымъ потолкомъ изъ японскихъ вѣеровъ, и ложи другихъ актрисъ, съ ихъ пестротой, статуями и эскизами живописцевъ.

Фостэнъ положила начало этому внутреннему преобразованію уборныхъ французскаго театра, съ услужливой помощью Люзи, большаго любителя и искателя древностей, который частью дарилъ, частью доставлялъ артистеѣ случай покупать на выгодныхъ условіяхъ предметы искусства.

Въ тотъ вечеръ, маленькая уборная была биткомъ набита, и лордъ Аннандалъ, имѣвшій обыкновеніе въ тѣ дни, когда играла Фостэнъ, проводить весь вечеръ въ залѣ или въ ея уборной,—сидѣлъ у камина, опершись локтемъ на мраморную доску и свѣсивъ руку. Друзья были такъ многочисленны, что при входѣ каждаго новаго лица, одинъ изъ посѣтителей долженъ былъ выходить изъ ложи, и на низенькомъ табуретѣ, подлѣ кресла Фостэнъ, шла безконечная смѣна лицъ, которыя не могли оставаться долѣе нѣсколькихъ минутъ. Въ настоящую минуту, на немъ сидѣлъ вошедшій опять въ мидость у Фостэнъ дамскій профессоръ, который пришелъ просить ее присутствовать на его слѣдующей лекціи; онъ уступилъ мѣсто редактору большой газеты, который устраивалъ праздникъ съ благотворительной цѣлью и просилъ актрису принять на себя обязанность продавщицы на одномъ изъ столовъ. Мѣсто редактора на табуретѣ занялъ Люзи, котораго лордъ Аннандалъ ненавидѣлъ такъ искренно, какъ будто бы этотъ Люзи былъ его личнымъ соперникомъ въ любви.

Въ этой своей уборной Фостэнъ была не тѣмъ, чѣмъ была дома и во всѣхъ другихъ мѣстахъ—женщиной, которой взглядъ, улыбка и нѣжное выраженіе лица принадлежали всецѣло ея любовнику. Здѣсь, въ этомъ душномъ углу, въ нѣдрахъ театра, она

становилась немножко прежней Фостэнь, съ кокетствомъ актрисы передъ всѣми и каждымъ. Взглядъ ея невольно дѣлался вызывающимъ, улыбка манила къ себѣ; въ дружескихъ жестахъ проглядывала нѣжная ласка. Во всемъ ея существѣ вдругъ являлось все то, чѣмъ скромно и незамѣтно затрогиваетъ желанія мужчины завоевательница сердець, куртизанка высшаго полета, исполняющая свое ремесло. Здѣсь, въ этой ложѣ, Фостэнь страхивала свои спокойныя манеры, сдержанный тонъ, свою серьезность, и бросалась въ лихорадочную любезность и возбуждательное кокетство. Это было что-то въ родѣ метаморфозы, которая заставляла глубоко страдать ея любовника, хотя онъ и не говорилъ ни слова.

Въ такую именно минуту влетѣлъ, запыхавшись, весь въ поту, какой-то толстякъ. Желтыя перчатки готовы были лопнуть на его жирныхъ рукахъ, часовая цѣпочка была продѣта въ петличку фрака, длинные концы цвѣтнаго галстука падали на бѣлый жилетъ á la Robespierre; огромный животъ висѣлъ на ногахъ, распяливая черные панталоны, на которыхъ блестяла едва державшаяся металлическая пуговка. Отвратительный комедіантъ, расталкивая и обращая всѣхъ въ бѣгство, подошелъ прямо къ Фостэнь, бросивъ ей хриплымъ голосомъ, съ пошлымъ смѣхомъ, такую фразу: «какъ поживаешь, узнаешь-ли ты меня»? И бывший товарищъ по маленькимъ дряннымъ театрикамъ началъ съ актрисой интимный разговоръ, въ которомъ, среди грубыхъ фамиллярностей, въ каждой фразѣ повторялось безцеремонное «ты». При одномъ изъ этихъ «ты», лордъ Аннандалъ, судорожно вертѣвшій въ рукахъ маленькую и тонкую, какъ яичная скорлупа, фарфоровую чашку, оплетенную тростниковыми волокнами, вдругъ уронилъ и разбилъ ее.

— О! неловкій!... онъ сломалъ мою хорошенькую чашечку... чашечку, которая была куплена на аукціонѣ мадмуазель Клеронъ... Я такъ дорожила ею! вскричала Фостэнь, подойдя къ камину и смотря на осколки съ нѣмымъ отчаяніемъ ребенка передъ сломанной игрушкой.

— Я подарю вамъ другую, душа моя... лучше этой, отвѣчалъ лордъ Аннандалъ.

— А! вотъ эти богатые люди... они воображаютъ, что все можетъ вознаградиться деньгами... Вы мнѣ подарили бы золотую! И актриса начала заботливо собирать черешки въ тунику Федры, подложивъ подъ нее снизу руку.

— О! я все-таки очень на васъ сердита... и теперь запрещаю дотрогиваться до моихъ вещей, прибавила полусердитымъ, полуплаксивымъ голосомъ молодая женщина.

Комедіантъ упорно выжидалъ конца объясненія и даже позволилъ себѣ рекомендовать мастера, чинившаго фарфоръ, какъ вдругъ лордъ Аннандалъ бросилъ на него холодный взглядъ, которымъ смѣрилъ его отъ кончика сапогъ и остановился на лицѣ съ такимъ выраженіемъ, что толстякъ сконфузился, оглядѣлъ себя сверху до низу и молча, съ смущеннымъ видомъ челоуѣка, котораго застали въ дезабилье въ гостиной, взялъ шляпу и исчезъ, не простившись съ Фостэнъ.

— Да, прекрасный милордъ, вы очень неловки и сегодня крайне нелюбезны, начала Фостэнъ, спустя нѣсколько минутъ, недовольная посѣщеніемъ бывшаго товарища и стараясь отвлечь отъ него вниманіе одною изъ тѣхъ смѣшанныхъ съ нѣжностью сценъ, на которыя такъ искусны, въ подобныхъ случаяхъ, женщины.

— Жюльета... я не знаю... но здѣсь ваше лицо, вашъ голосъ на показъ для другихъ...

— Ну, что же мое лицо? мой голосъ?

— Потомъ, когда я слышу, что мужчина говоритъ вамъ «ты»... я не могу... у меня является желаніе убить его! продолжалъ лордъ Аннандалъ, не отвѣчая своей любовницѣ.

Это было сказано очень кроткимъ тономъ, но на лицѣ его вдругъ появилась холодная жестокость бѣлокурныхъ субъектовъ.

— Въ такомъ случаѣ, другъ мой, зачѣмъ забрела вамъ въ голову несчастная мысль влюбиться въ актрису.

Тутъ, въ полуотворенную дверь ложи, выглянуло шутовское лицо Рагаша, который проговорилъ тономъ Прюдома:

— Можно къ вамъ войти, красавица?

Лордъ Аннандалъ всталъ.

— Извините, намъ нужно переговорить о дѣлахъ! сказалъ онъ, захлопнувъ грубо дверь.

Сдѣлавъ это въ минуту раздраженія, съ которымъ не могъ справиться, англійскій лордъ, человѣкъ благовоспитанный, произнесъ два или три раза: о! о!—какъ сдѣлалъ бы, видя неприличный поступокъ кого-нибудь другаго, и, обращаясь къ любовницѣ, спросилъ:

— Позвать его... Хотите, чтобы я извинился передъ нимъ?

Актриса пожала равнодушно плечами, подошла къ своему возлюбленному, взяла его за обѣ руки и, нагнувшись къ нему, проговорила:

— Да вы съ ума сходите, другъ мой?

— Я просто ревную.

— Къ кому же вы ревнуете?

— Ко всѣмъ.

— Можеть быть, и къ публикѣ?

— И къ публикѣ! проговорилъ серьезно любовникъ Фостэнъ.

— Въ такомъ случаѣ, попросите меня прямо оставить сейчасъ же театръ!

— Я ничего не прошу, Жюльета... и если мнѣ тяжело, это никого, кромѣ меня, не касается.

Звонокъ, призывавшій Фостэнъ на сцену, помѣшалъ ей отвѣтить.

XXXV.

Фостэнъ лежитъ на кушеткѣ, раздѣтая и не въ духѣ, какъ женщина, страдающая разстройствомъ нервъ. Озабоченная, она не отвѣчаетъ на ласковые вопросы лорда Аннандаля, который развертываетъ наконецъ одну изъ тѣхъ огромныхъ англійскихъ газетъ, которыхъ достанетъ читать на цѣлую недѣлю.

— Да вы вѣрно не знаете, говорить вдругъ Фостэнъ, ударивъ рукой по газетѣ, упавшей оттого на полъ,—вы не знаете, что для меня театръ все... то есть, я не понимаю, какъ бы я могла прожить день, еслибы не надѣялась играть вечеромъ... Вы всё не понимаете, что такое страсть артистки къ искусству,

и вы найдете обыкновеннымъ дѣломъ, если я брошу свою карьеру, какъ бросаютъ табачную лавочку!

— Я никогда не просилъ васъ объ этомъ, Жюльета.

— Не доставало только, чтобы вы попросили объ этомъ напрямикъ.... О! милый мой, не смотря на всю мою любовь къ вамъ, я бы должна была сказать: «Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!».. Артистка, какъ я, не бросаютъ такимъ образомъ театра!... Дѣйствительно, вы никогда не просили меня объ этомъ прямо; но...

— Я такъ мало просилъ... и такъ понимаю, что моя любовь не можетъ наполнить пустоту, которая образовалась бы въ вашей жизни, еслибы вы бросили театръ.... что когда бы вы захотѣли это сдѣлать, я употребилъ бы всѣ силы, чтобы помѣшать вамъ.

— Да, это очень хорошо, вы употребили бы всѣ силы, чтобы помѣшать мнѣ... Удивительный народъ эти мужчины!... А если каждый разъ, что я играю, у васъ будетъ похоронная фигура!...

— Хорошо, это опять про ту же исторію.

— Если за то, что я немножко любезна съ кѣмъ нибудь, я вижу, что васъ, какъ говорится въ трагедіяхъ, терзаютъ муки ревности!

— Послушайте, душа моя...

— Если, когда мнѣ говорятъ «ты», вы ломаете мои вещи!

— Ради Бога, Жюльета...

— Если наконецъ мнѣ аплодируетъ публика... Вы сказали, что все это вамъ тяжело... Говорили вы это или нѣтъ?

— Я былъ виноватъ ... и общаю вамъ, что этого не случится впередъ.

— А вы думаете пріятно видѣть подлѣ себя человѣка, который страдаетъ... и страданья котораго какъ будто служатъ вамъ вѣчнымъ упрекомъ... человѣка, какъ бы постоянно говорящаго своимъ видомъ, что ваша любовь неспособна на жертву... однимъ словомъ, что вы безсердечная... Это очень неприятно, мой милый!

И съ недобросовѣстностью нервныхъ женщинъ, Фостэнъ переиначивала отвѣты своего любовника, находила возможнымъ отъискивать въ нихъ смыслъ, противоположный настоящему; наконецъ

начинала нападать на выраженіе его лица, на жесты, поддерживала ссору съ помощью побочныхъ предлоговъ, удивительныхъ придирокъ, и долго дразнила молчаніе молодого человѣка выходками своего задорнаго и сварливаго настроенія.

XXXVI.

— А кто это такая? спросила Фостенъ одного соотечественника лорда Аннандаля, только-что опустившаго ногу лошади, которую онъ рассматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ, продолжая разговаривать съ хозяиномъ дома.

Это былъ часъ, когда посѣщались конюшни, вычищенные и прибранные къ этому времени съ роскошью и кокетливымъ устройствомъ англійскихъ конюшенъ.

— Вы спрашиваете, кто она такая? отвѣчалъ англичанинъ, обернувшись къ Фостенъ. И онъ назвалъ имя одной актрисы, считавшейся за одну изъ самыхъ остроумныхъ женщинъ въ Парижѣ.

— Да, продолжалъ онъ, какъ я и говорилъ моему пріятелю, я, конечно, желалъ бы жить съ ней, но главное дѣло не въ этомъ... мнѣ хотѣлось имѣть отъ нея ребенка... въ которомъ соединились бы умъ французскаго чертенка, сидящій въ мозгу прелестной женщины, и мое великобританское «равновѣсіе»... Согласитесь, что долженъ былъ выйти весьма замѣчательный продуктъ... очень любопытный... необыкновенный... Вы, вѣроятно, находите эту идею слишкомъ англійской? Но вся трудность въ томъ, что она хотѣла жить со мной... но не имѣла ни малѣйшаго желанія сдѣлать меня отцомъ.

— Что же, вамъ такъ и не удалось ее убѣдить?

— Да, подъ конецъ, съ большимъ трудомъ, съ помощью различныхъ дипломатическихъ хитростей и денегъ... Но ребенокъ не родился... Мнѣ жаль, чрезвычайно жаль, что опытъ не удался.

Фостенъ оставила пріятелей съ лошадьми, прошла въ stable-yard, гдѣ находилась коллекція собакъ всевозможныхъ породъ, взяла на руки собачку Бланшрона, Дика, начавшаго при видѣ ея

радостно визжать, и унесла его на рукахъ въ гостиную, которая сообщалась теперь съ конюшнями посредствомъ стеклянной галереи.

Лаская собаку одной рукой, она открыла другой трагедію «Андромаха», въ которой должна была вскорѣ играть роль Герміоны.

Актриса читала еще, когда лордъ Аннандадь вошелъ въ гостиную.

— Мой пріятель показался вамъ нѣсколько оригинальнымъ? спросилъ онъ.

Фостэнъ не сразу отвѣтила; наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ, она закрыла книгу и сказала, какъ будто не слышавъ вопроса:

— Ваши соотечественники любятъ, кажется, только однихъ актрисъ.

— Да, дѣйствительно, такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ.

— И вы думаете, что они любятъ женщину?

— Какъ такъ?

— Что они любятъ женщину ради ея самой.

— Но... что касается меня...

— А я вамъ говорю, что нѣтъ, вскричала вдругъ любовница лорда Аннандаля и, сбросивъ собаку, начала быстро ходить по гостиной.—Я вамъ говорю, что они любятъ не женщину, а только ея талантъ.... Они любятъ въ своихъ любовницахъ аплодисменты толпы, газетныя рекламы, похвалы гостиныхъ... шумъ, который онѣ производятъ... но не женщину!

— Я думаю, что люблю женщину, возразилъ лордъ Аннандадь.

— Увѣрены-ли вы въ этомъ? вскричала актриса, подойдя къ нему и смотря почти дерзко въ глаза. Потомъ, пройдя еще два раза по комнатѣ, медленно проговорила:

— И вы такъ же, какъ другіе... вы разлюбили бы меня черезъ полгода, еслибъ я оставила театръ.

— Но еще разъ, Жюльета, вѣдь вы не оставляете театра... въ такомъ случаѣ зачѣмъ же...

— Это правда... вы правы, отвѣчала она, вдругъ стихнувъ, но еще со слѣдами упрямой мысли на лбу. Выдѣмте лучше... давайте что нибудь дѣлать... вы знаете, что я свободна... Сведите меня

объѣдать въ трактиръ... мнѣ скучно сегодня въ вашемъ большомъ отелѣ... я чувствую потребность уйти отъ этой позолоты... Потомъ, вечеромъ, отправимся въ какойнибудь маленькій театръ... не на бульварахъ, а куданибудь на заставу... именно мнѣ хочется въ Гренельскій... тамъ такъ смѣшно играть.

XXXVII.

Въ продолженіе двухъ недѣль, Фостэнъ затѣвала съ утра до вечера споры обо всемъ: о погодѣ, объ экипажѣ, въ которомъ предполагалось выѣхать, о томъ, что подавалось за завтракомъ и обѣдомъ, и обо всемъ, что бы ни сказалъ лордъ Аннандалъ.

Начиналось это такимъ образомъ: сначала сердитое качанье ботинки, потомъ локти судорожно прижимались два или три раза къ тѣлу, на розовую кожу лица набѣгала сѣрая тѣнь, ротъ нервно подергивался и сжимался, удерживаясь, чтобъ не заговорить. Но не смотря на замкнутость всего существа, черезъ нѣсколько минутъ молодая женщина начинала осыпая своего любовника ѣдкими, презрительными, ядовитыми словами, сказанными съ злой ироніей, послѣ которыхъ губы ея смыкались и ботинка начинала опять качаться на воздухѣ.

Актриса ждала отвѣта. Но отвѣта не было.

Тогда, чтобъ вывести влюбленнаго изъ терпѣнья, заставить его вспылить и дать реплику въ сценѣ, которую требовало ея внутреннее раздраженіе, Фостэнъ начинала свои придирки, уколы и поддразниванья, выше всякаго человѣческаго терпѣнья: можно было подумать, что она подержала пари, что вынудить себя прибить. Лорду Аннандалю становилось жаль ее, какъ блажнаго ребенка и, вмѣсто всякихъ разсужденій, онъ кончалъ тѣмъ, что признавалъ себя кругомъ виноватымъ. Тогда она, еще больше разсердившись, вскакивала съ мѣста и уходила въ свою комнату съ видомъ оскорбленной и униженной жертвы, хлопая тѣмъ не менѣе дверями. Вернувшись потомъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, она дѣлалась чрезвычайно ласкова, и любовь ея становилась какъ будто нѣжнѣе прежняго. Черезъ часъ она опять начинала выходить изъ себя.

Посреди этихъ внезапныхъ переměнъ причудливой неровности характера и болѣзненнаго разстройства, посреди всѣхъ этихъ признаковъ душевной, внутренней борьбы, въ иные дни она являлась со смѣлымъ, отважнымъ видомъ женщины, рѣшившейся на что-то; въ другіе дни все тѣло ея было какъ будто разбито и на всей фигурѣ лежалъ отпечатокъ смущенія и трусливой нерѣшительности.

Въ театрѣ лордъ Аннандалъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ же превращеній своей подвижной, переměнчивой любовницы. Каждый вечеръ она ссорилась и мирилась съ директоромъ. Каждый день грызлась съ кѣмъ нибудь изъ товарищей, посылая имъ на слѣдующій день подарки. То начинала кокетничать съ каждымъ встрѣчнымъ, почти какъ проститутка, то вдругъ у нея являлась сдержанность и ледяная холодность, мгновенно замораживавшая пламя поклонника. Во Французскомъ театрѣ всѣ недоумѣвали и спрашивали себя, что творилось, въ данную минуту, въ головѣ актрисы.

XXXVIII.

— Вы сегодня немножко опоздали, душа моя! сказалъ лордъ Аннандалъ, когда она вернулась откуда-то.

— Немножко... даже очень, отвѣчала Фостэнъ, взглянувъ на столовые часы, торопливо снимая шляпу и мантилью, и бросивъ ихъ на диванъ.

— О! Жюльета, какъ вы хороши сегодня... какъ удивительно идетъ къ вамъ этотъ туалетъ. Потому, у васъ на лицѣ написано какое-то счастье, что-то доброе и веселое. У индѣйцевъ есть для этого очень мѣткое выраженіе... они говорятъ: «лицо, на которомъ отпечаталась красота добраго дѣла».

— Неужели у меня такое нескромное лицо... Пойдемте однако скорѣе обѣдать... я очень голодна. Послѣ поговоримъ.

Они пошли въ столовую.

— Что вы на меня такъ смотрите... точно ребенокъ на тартинку съ масломъ.

— Я нахожу васъ прелестной!

Актриса была дѣйствительно прелестна. Она была вся въ

черномъ, — любимый ея цвѣтъ, — въ легкомъ платьѣ съ волнами кружевъ, прозрачномъ и воздушномъ. На этомъ черномъ фонѣ, въ отверстіе лифа, виднѣлась часть груди, на срединѣ которой она прикрѣпила пунцовую гвоздику, рѣзко выдѣлявшуюся на матовой бѣлизнѣ кожи.

— Ну, дорогая Жюльета, скажите же мнѣ, что вы сегодня дѣлали? спросилъ, въ половинѣ обѣда, лордъ Аннандалъ.

— Потомъ... потомъ я надѣмъ еще вамъ этимъ... Однако, я выпила бы стаканъ шампанскаго, сказала Фостенъ, повернувъ чуть-чуть голову въ сторону butler'а.

Безстрастный butler, стоя у буфета, неподвижно, какъ статуя, сдѣлалъ въ сторону едва примѣтный жестъ, по которому былъ переданъ въ погребъ его помощнику капризъ артистки.

Между двумя глотками, Фостенъ нюхала по временамъ запахъ своей гвоздики, наклоняя голову и сжимая грудь:

— Какой славный этотъ пряный запахъ... я такъ люблю его. Въ тотъ годъ, какъ я начала работать для театра, я дѣлала также искусственные цвѣты... Я всегда вкладывала въ цвѣтокъ искусственной гвоздики настоящую гвоздичную головку... Вы, кажется, кончили?

И выйдя изъ столовой, влюбленные сѣли оба въ гостиной у камина. «Ну что же?» спрашивалъ взглядомъ лордъ Аннандалъ свою возлюбленную, улыбающуюся его любопытству, которое ей было пріятно подольше помучить. Вдругъ она встала, подошла къ своему любовнику и обняла его обѣими руками за шею, подставляя понюхать гвоздику на своей груди.

— Понюхайте и скажите, чѣмъ пахнетъ? сказала она лорду Аннандалю.

— Гвоздиковой, отвѣчалъ онъ, прильнувъ къ ней губами.

— А еще чѣмъ?

— Вашей кожей!

— Глупый... Вы не слышите другаго запаха... а еще хвастаете, что у васъ обоняніе дикаря...

— А! да... Что-то въ родѣ запаха сандалнаго дерева.

— Угадали... подъ гвоздиковой есть что-то для васъ, возьмите.

Лордъ Аннандадь досталь осторожно записку кончиками пальцевъ и развернулъ ее въ то время, какъ Фостэнъ сказала серьезно:

— Это копія письма, которое я послала сегодня утромъ директору французскаго театра... оно въ эту минуту, вѣроятно, уже напечатано въ вечернихъ газетахъ.

— Какъ, для меня... Вы это сдѣлали для меня, моя Жюльета, вскричалъ лордъ Аннандадь, пробѣжавъ письмо.

— Кажется, что такъ, отвѣчала шаловливо Фостэнъ.

— Вы подали въ отставку... вы оставляете театръ... бросаете жизнь, полную успѣховъ... Это бессмысленно... Хорошо-ли вы обдумали?

— Нѣтъ... разсудокъ—плохой совѣтникъ въ дѣлахъ сердца.

— Да, да... необдуманнй шагъ, за который я люблю васъ еще больше, но...

— Можетъ быть, необдуманнй... но котораго я не измѣню.

— А! вѣдь я боюсь; слышите, я боюсь, Жюльета, что у васъ не достанетъ до конца силъ на эту жертву... что вы расклетесь когда-нибудь.

— Почему знать!.. Но если до этого дня, который наступитъ во всякомъ случаѣ не завтра, я буду знать, что вы счастливы, счастливы вполне, эгоистично, какъ мужчины хотятъ быть счастливыми,—проговорила она съ улыбкой въ глазахъ и съ грустью въ голосѣ,—тогда, увѣряю васъ, этотъ періодъ вашего счастья вознаградитъ меня за позднѣйшія сожалѣнія.

Наступило непродолжительное молчаніе, послѣ котораго лордъ Аннандадь медленно всталъ и сказалъ растроганнмъ голосомъ:

— Тогда, Жюльета... вы, значить, согласны быть моей женой.

— Вашей женой, Вильямъ! вскричала Фостэнъ, приподнявшись со стула, на которомъ сидѣла, и опустившись снова на него съ полураскрытыми глазами, съ губами, какъ бы открытыми для поцѣлуя, съ тѣмъ неопредѣленнымъ, счастливымъ выраженіемъ, которое бываетъ у женщины въ пріятномъ снѣ.

— Вѣдь вы согласны? продолжалъ лордъ Аннандадь.

— Нѣтъ, другъ мой, отвѣчала она черезъ минуту.

— Почему?

— Почему?... потому что это невозможно.

— А если я этого желаю?

Опустившись какъ-то всѣмъ тѣломъ, Фостэнъ ничего не отвѣтила, только руки ея передернуло судорогой, какъ-бы отъ сильной физической боли.

— Я умоляю васъ на колѣняхъ! сказалъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.

— О! оставьте меня, прошу васъ... сжальтесь, не заставляйте меня говорить... Есть вещи, которыхъ я не хочу, не могу вамъ сказать... Еслибы я жила только съ Бланпрономъ!

— Мнѣ все равно! вырвалось въ страстномъ воплѣ у молодого лорда.

— А мнѣ нѣтъ, возразила Фостэнъ.—Вы не имѣете понятія, что такое наша жизнь, жизнь простыхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, поступающихъ на сцену и вынужденныхъ иногда румяниться толченымъ кирпичемъ!... Нѣтъ, вы не можете себѣ представить нашихъ нуждъ въ это время, нашей нищеты и зависимости отъ директора театра и другихъ!... И подлѣ нѣтъ никого, кто бы поберегъ, защитилъ, предохранилъ... и кругомъ ничего, кромѣ собачьей жизни!... О! ради Бога не заставляйте меня припоминать... Потомъ, нужно сказать правду, что это ремесло рождаетъ постоянное лихорадочное состояніе, кровь загорается, и тогда... Взгляните на этотъ портретъ—и она указала на висѣвшее на стѣнѣ, жесткое и высокоумѣнное изображеніе его отца:—спросите, что онъ думаетъ о предложеніи, которое мнѣ дѣлаетъ его сынъ... Вашей женой, говорите вы... Нѣтъ, я не хочу, чтобы у васъ родились дѣти отъ меня... О! дѣти!—и она захохотала смѣхомъ, отъ котораго становилось больно,—дѣти!... да развѣ я не обречена на бесплодность куртизанокъ! Видите, другъ мой, продолжала она грустнымъ, трогательнымъ голосомъ,—мы не созданы быть законными женами, мы можемъ быть только любовницами, и я буду вашей, навсегда... или, по крайней мѣрѣ, пока вы захотите.

Бросившись къ нему и прижавъ его къ своей груди, Фостэнь продолжала, едва сдерживая готовя брызнуть слезы и стараясь говорить натуральнымъ голосомъ:

— Будьте умникомъ... не станемъ говорить объ этомъ, а поговоримъ лучше о дѣлахъ. Теперь у насъ на шеѣ процессъ и гербовая бумага, отъ одного вида которой у меня бѣгаютъ по спинѣ мурашки... Но это еще не все; меня начнутъ осаждать услужливые посредники, которые день и ночь будутъ стараться о томъ, чтобы я измѣнила свое рѣшеніе... Нужно уѣхать изъ Парижа... уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ за границу. А затѣмъ, такъ какъ вы отправляетесь сегодня вечеромъ въ англійское посольство, то я съѣзжу къ сестрѣ, которую съ нѣкоторыхъ поръ совсѣмъ забыла изъ-за васъ... Во всякомъ случаѣ, я все-таки рассчитываю на васъ завтра.

И она хотѣла выйти, оставивъ лорда Аннандала. Но онъ сидѣлъ въ креслѣ съ такою грустною миной, что она, дойдя до двери, вернулась опять его поцѣловать.

— Куда вы желаете ѣхать за границу?

— Куда хотите.

XXXIX.

Сестра Фостэнь, въ голубомъ кашемировомъ капотѣ, съ широкими бѣлыми отворотами и такими же маленькими карманами, въ волнахъ полосатой индѣйской кисеи, падавшей серебристыми складками вокругъ ея рукъ, стоя въ тѣни, ломала на мелкіе кусочки тонкія нити вермишели и бросала ихъ своей золотой рыбкѣ.

Когда актриса вошла въ спальню, Бонъ-Амъ подняла свое насмѣшливое лицо и встрѣтила сестру словами:

— Это ты... А!.. славныя вещи однако ты дѣлаешь... Ты продолжаешь играть въ любовь... въ твои годы... бросаешь театр, ради этого englishman'a... Какъ глупы женщины съ пылкимъ воображеніемъ... О! я не сомнѣваюсь, что твой субъектъ, бываетъ очень хорошъ раздѣтый... онъ походитъ лицомъ на

тѣхъ красивыхъ учителей иностранныхъ языковъ, которые смущаютъ сонъ молодыхъ пансіонерокъ... Но...

— Знаешь, Марія, каждый живетъ по своему, сказала сухо Фостэнъ, перебивая тираду сестры. — А Карсонавъ?

— Дома нѣтъ... въ Брюсселѣ... ставить для бельгійцевъ одну изъ своихъ старыхъ пьесъ.

— Ты уже раздѣта... можетъ быть, хотѣла ложиться спать?

— Нѣтъ, я жду своего возлюбленнаго.

— Все тотъ же несчастный Гаргульяръ?

— Гаргульяръ... цѣлая вѣчность, какъ все кончено... Его послали въ теплые края... да, онъ въ Италиі... Парижскій климатъ слишкомъ сыръ... онъ не могъ поглощать здѣсь достаточно меркурія... Ахъ! ты не знаешь, ему дали пощечину въ театрѣ... Но нынѣшній годъ мужчины что-то совсѣмъ плохи... можетъ быть, потому что холодно!

— Что съ тобой сегодня?

— Ничего... это мой часъ любви!

И Бонъ-Амъ, подойдя къ камину, въ которомъ пылалъ каменный уголь, сѣла верхомъ на стулѣ, отрывъ выше колѣна стянутую чернымъ шелковымъ чулкомъ ногу и красную плюшевую подвязку, на которой блестяла пряжка. Сидя на стулѣ, она достала съ мраморной полки флаконъ и начала лить духи на пылающіе угли, вслѣдствіе чего комната сейчасъ же наполнилась сильнымъ запахомъ роснаго ладана, способнаго ошеломить цѣлый полкъ. Разворачивая съ какой-то холодной яростью душистые угли, она проговорила:

— Я очень люблю этотъ вульгарный запахъ, и продолжала ѣдко: — Нѣтъ, это не Гаргульяръ... я перешла къ другой любви... и начала любить ничтожностей... хамовъ. Съ человѣкомъ порядочнымъ, продолжала она, подставляя лицо ѣдкому дыму, всегда остается нѣкоторая стыдливость, стараніе казаться порядочной женщиной и заботиться объ его удовольствіи... тогда какъ тѣмъ людишкамъ, которыхъ я люблю теперь, просто на просто приказываютъ быть любезными, какъ приказываютъ колоть дрова... Знаешь, для черной работы любви, нѣтъ ничего лучше

этихъ хамовъ.—Вставъ со стула и взбивъ сердито волосы, которые только что выкрасила утромъ, она начала кружиться по комнатѣ, какъ дикій звѣрь въ клеткѣ. Черный цвѣтъ, которымъ помрачались ея голубые глаза подъ вліяніемъ злой мысли, и сверкавшая при свѣтѣ лампы, только что выкрашенная грива—придавали ей характеръ суроваго величія апокалипсической блудницы.

Вдругъ она остановилась, и то, что кипѣло внутри ея, вылилось словами:

— Я... еслибы я была въ твоей шкурѣ... О, мужчины, мужчины! Она не сказала ничего больше, но по лицу ея разлилось выраженіе ненависти, просіявшей на минуту отъ перспективы жестокаго мщенія самки самцамъ общества.

Потомъ, вернувшись къ камину, поперекъ котораго лежала на угляхъ лопатка, раскаленная до-красна, она принялась опять лить на нее изъ флакона и съ изступленіемъ разбрызгивала горящее пламя по всей комнатѣ.

— Уйди! сказала она сестрѣ:—сдѣлай одолженіе... ты меня стѣсняешь... я не хочу, чтобы ты встрѣтилась съ моимъ халуемъ.

Цѣлуя сестру на прщанье, Бонъ-Амъ разразилась вдругъ злымъ, безумнымъ хохотомъ.

— Въ сущности... проговорила она, выходить, что набитая дура—ты, а я—женщина, которую ты увидишь замужемъ.

XI.

— Вы вѣдь поѣдете со мной, другъ мой? спросила Фостэнъ лорда Аннандаля на слѣдующій день послѣ того, какъ была у сестры, въ ту минуту, когда горничная подала ей шляпу и перчатки.

— Я къ вашимъ услугамъ.

Фостэнъ взяла со стола тоненькую зеленую брошюрку; они сѣли въ экипажъ, и ландо, вѣхавъ въ одинъ изъ очень отдаленныхъ парижскихъ кварталовъ, остановился у стараго дома, съ наклеенными по стѣнамъ объявленіями, двумя полицейскими у во-

ротъ и толпой пожилыхъ мужчинъ и женщинъ, разсѣянно смотрѣвшихъ на входящій народъ.

Это былъ аукціонъ послѣ смерти одной артистки, такой же трагической актрисы, какъ Фостэнъ, но которая была въ свое время еще знаменитѣ женщины, пріѣхавшей на распродажу ея имущества.

Лордъ Аннандалъ и Фостэнъ поднялись по лѣстницѣ съ широкими площадками и вошли въ большую залу, освѣщенную холоднымъ свѣтомъ, который, проникая сквозь грязныя стекла со двора, окрашивалъ всё окружающіе предметы цвѣтомъ старой паутины. Тамъ, на только что прибитыхъ вѣшалкахъ, висѣли, опустившись мертвыми складками, платья покойницы. Одѣянія театральной королевы, стеганая атласная накидка, одежда Федры, Герміоны, Роксаны—вся драматическая святыня, всё костюмы ея славы казались дрянными лохмотьями, какъ въ стѣнахъ морга. Изъ-за этой роскошной, но увядшей рухляди высывались алчныя лица торговко въ старымъ платьемъ, которыя вертѣли во всё стороны это тряпье и, казалось, хотѣли удостовѣриться, не разрѣзала ли мечъ брата Камиллы тунису его сестры.

И каждую минуту слышался писельный возгласъ: «проходите, проходите, господа», и приставъ безцеремонно расталкивалъ глазбьющую, равнодушную публику. Въ другой залѣ были собраны брилліанты, цѣлыя сокровища драгоцѣнностей и, между ними, древній уборъ изъ неизвѣстныхъ камней. Въ беспорядочной кучѣ вещей, между грудями книгъ и столоваго сервиза изъ северскаго фарфора, лежали дорожные несесеры въ золотой отдѣлкѣ; тутъ же серебро и серебрянные жбаны для шампанскаго, — свидѣтели незабвенныхъ ужиновъ; ихъ теперь взвѣшивали на рукѣ два серебрянника, стараясь опредѣлить приблизительно количество фунтовъ. За спиной любопытныхъ раздавалось снова: «проходите, проходите, господа!» Вотъ, наконецъ, спальня съ маленькой кроватью чернаго дерева, подъ голубыми занавѣсами и разбросанными по мебели кусками кружевъ, валансенскихъ платковъ и рукавичковъ, посреди которыхъ спряталась желтая старуха, не

спуская сверкающихъ жидовскихъ глазъ съ этой драгоценной паутины.

Въ спальнѣ, возлѣ кровати слышался говоръ, въ которомъ вспоминались имена всѣхъ любовниковъ умершей женщины и не было упомянуто ни объ одной роли актрисы.

— Проходите, проходите, господа, продолжалъ пищать голосъ пристава.

— *E tutto!* проговорила съ грустной задумчивостью Фостэнъ, садясь опять въ карету.

— Зачѣмъ вы пріѣхали смотрѣть это?.. Вы хотѣли купить что нибудь?

— Ни за что на свѣтѣ!

— Въ такомъ случаѣ... это вообще очень грустное зрѣлище... и оно, кажется, очень разстроило васъ?

Фостэнъ улыбнулась, сжала обѣими руками руку лорда Аннандаля и тихо прошептала:

— Право, мужчины ничего не понимаютъ... Зачѣмъ я пріѣхала?.. затѣмъ, чтобы убить скорѣе въ себѣ актрису. Да, мнѣ хотѣлось, чтобы видъ всего этого былъ послѣднимъ воспоминаемъ, которое я увезу за границу изъ Парижа.

Спустя двѣ недѣли, возлюбленные поселились въ Линдау, на берегу Констанскаго озера, на виллѣ Изембургъ. Они выбрали мѣсто посреди горъ, на берегу маленькаго моря, отъ котораго вѣтъ по вечерамъ свѣжестью океана — океана въ миниатюрѣ, называемаго нѣмцами «швабскимъ моремъ», — подъ сѣнью и цвѣтами деревьевъ и вьющихся растений по берегамъ, въ ландшафтѣ, сверкающемъ, какъ зажигательное стекло, отъ блеска водъ, озаренныхъ солнцемъ.

XLI.

Вилла, въ которой поселился молодой англійскій лордъ вмѣстѣ съ Фостэнъ, была много лѣтъ тому назадъ гнѣздышкомъ любви графа Изембурга и принцессы Фредерики Вильгельмины Гогенлоэ, прелестной, но глубоко несчастной женщины, брошенной впоследствии своимъ мужемъ. Это былъ просторный домъ съ исчезающимъ

въ озерѣ цвѣтникомъ, украшеннымъ, по нѣмецкой модѣ, звѣздами изъ разноцвѣтныхъ растений и разными фигурами изъ цвѣтовъ, напоминавшими древнія столовыя украшенія, посреди которыхъ восьмидесятилѣтній садовникъ продолжалъ выплетать венецзя графа и принцессы. Въ концѣ этого устарѣлаго и старомоднаго цвѣтника, видѣлась на берегу, на самой границѣ владѣній, готическая часовня, а съ другой стороны—пристань для венеціанской гондолы съ двумя цинковыми, раскрашенными статуями пажей, державшихъ фонари въ рукахъ.

Позади дома шелъ маленькій лѣсокъ съ извилистыми аллеями англійскаго парка; здѣсь были густыя, кустообразныя деревья съ нѣжной, легкой и постоянно трепетавшей листвою. Тамъ и сямъ, на маленькихъ прогалинахъ, видѣлись такъ называемыя въ Германіи «заведенія», гдѣ пили чай и кофе возлѣ устроенныхъ въ кружокъ столовъ и стульевъ, подъ широкими соломенными навѣсами въ видѣ зонтовъ; одно изъ такихъ заведеній, стоявшее на югъ на маленькомъ пригоркѣ, носило названіе: Сорренто.

Въ лѣсистой части одна аллея изъ красныхъ буковъ, идущая вдоль ручья, совершенно зеленаго, отъ растущаго въ немъ кресса, вела къ большому птичнику, наполненному когда-то рѣдкими птицами, а теперѣ обращенному въ курятникъ.

Эта красно-буковая аллея была замѣчательна одной особенностью. Въ этой странѣ, гдѣ когда-то ѣли не иначе, какъ на оловѣ или на японскомъ фарфорѣ, одинъ изъ Изембурговъ собралъ черепки отъ разбитыхъ двумя поколѣніями тарелокъ и вымостилъ ими аллею, которая вслѣдствіе этого сверкала золотомъ, пурпуромъ и лазурью; и Фостэнъ, гуляя вдоль зеленаго ручья, ступала по причудливому полу съ странной тѣнью карминныхъ листьевъ надъ головой.

XLII.

Для людей, принадлежащихъ къ театральному миру, жизнь на чистомъ воздухѣ имѣетъ особую прелесть: что-то въ родѣ опяняющаго наслажденія. На этихъ мужчинъ и женщинъ, живущихъ днемъ во мракѣ репетицій, видающихъ вмѣсто солнца вечерній газъ,

вмѣсто травы подь ногами—зеленый коверъ, вмѣсто древесной тѣни надь головой—живописный обманъ кулисъ; дышащихъ только запахомъ клея и ламповаго масла, и вся жизнь которыхъ проходитъ посреди природы, намалеванной на холстѣ, при громѣ, производимомъ посредствомъ кастрюль, и свѣгѣ изъ клочковъ бумаги,—на этихъ людей настоящая природа дѣйствуетъ, такъ сказать, одуряющимъ образомъ, наполняя ихъ тихимъ, веселымъ опьяненьемъ ребенка, выпившаго лишнюю каплю вина. Какъ хорошъ кажется имъ чистый воздухъ. Какъ прекрасно солнце, отъ котораго загараетъ кожа! И вотъ эти люди театральнаго мира, очутившись подь сводомъ деревенскаго неба, глотаютъ съ наслаждениемъ свѣжесть голубаго утра, жадно вдыхаютъ влажный воздухъ, напоминающій пріятное дуновение дружескихъ устъ на смоченные одеколономъ виски; вотъ они идутъ мелкими шагами, со смутными, пріятными и неопредѣленными мыслями въ головѣ, останавливаясь по временамъ подразнить тростью или зонтикомъ ползущее насѣкомое. Вотъ они, въ полдень, лежатъ на мху, отдыхая въ сладкой полудремотѣ, прислушиваясь къ тихому шелесту лѣса или смотря въ просѣку на широкій пыльный горизонтъ, на отдаленную безконечность лѣса, луговъ и полей, за которыми далеко-далеко вдали виднѣтся бѣдная колокольня.

Вотъ они опять на воздухѣ, въ тотъ часъ, когда тѣни удлиняются и день начинаетъ засыпать въ сумракѣ. Солнечный свѣтъ, аромат деревьевъ, запахъ травы, возбуждающая сила воздуха, всё здоровья, поддѣрпляющія испаренія, которыя небо и земля льютъ на этихъ созданий искусственной жизни,—все это возбуждаетъ въ нихъ, ускоряя бѣненіе пульса, нѣсколько лихорадочное веселье, посреди счастливой и спокойной сосредоточенности.

На слѣдующій день по приѣздѣ Фостэнъ въ Изембургъ, шелъ дождь. Актриса сначала дулась на дурную погоду. Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ она не выдержала. Взяла зонтикъ и вышла. Шелъ тотъ грозовой лѣтній дождикъ съ крупными каплями, который мочить такъ славно. Она постояла въ нерѣшительности съ минуту на крыльцѣ, потомъ вдругъ спустилась и пошла, укрываясь насколько возможно подь зонтикомъ или становясь подь де-

рево, когда ливень усиливался. Но скоро этот падавший въ лучистомъ сіяніи теплый дождь началъ звать и манить ее, и она, выйдя изъ подъ деревьевъ, закинула зонтикъ на плечо и смѣло пошла подъ ливнемъ.

Промокнувъ до костей, она продолжала идти подъ страшнымъ ливнемъ, смѣясь тихимъ, дрожащимъ смѣхомъ, и забавлялась, сдвигая лопатки и задерживая на минуту щекотливый путь водяной капли, катившейся по желобку ея спины.

XLIII.

Линдау. Вилла Изембургъ. Одинъ изъ іюльскихъ дней.

«Милая Марія!

Трагедія провалилась! провалилась въ самую преисподнюю, и твоя сетрица натягиваетъ длиннѣйшій носъ всѣмъ старымъ шутамъ древней исторіи. Про меня не скажутъ со временемъ, что когда пробилъ мой послѣдній часъ, я взяла извощика и поѣхала въ сквернѣйшую погоду благоговѣнно созерцать здапіе Французскаго театра. Говорю тебѣ: актриса во мнѣ умерла и похоронена. Нельзя однако не сознаться, что я порядочно трусила вначалѣ. Въ первые дни по приѣздѣ сюда, я ощупывала себя, спрашивая: «не вернется-ли опять моя театральная болѣзнь»? И ничего, ничего! нигдѣ она не прорѣзывается, нигдѣ не щекочетъ меня. Да, милая сестра, пріятно, конечно, получать аплодисменты, но ты знаешь, чего они намъ стоятъ и не слишкомъ-ли дорого мы платимъ за нихъ! Въ сущности, вся эта слава, можетъ быть, просто глупость: эксплуатація нашего счастья бессмысленнымъ тщеславіемъ! Идея, внушенная деревенской жизнью на свѣжемъ воздухѣ, какъ видишь. Для насъ, женщинъ, все-таки нѣтъ ничего лучше любви. Ты не понимаешь этого, потому что у тебя не было никогда ничего, кромѣ каприза, безумія и увлеченья разными негодьями. Меня же любовь истинная, глубокая, опьяняетъ больше, чѣмъ самыя удачныя эффе кты. Но если я перенесла очень легко мой выходъ изъ театра, то здѣсь есть одна особа, про которую нельзя

сказать того же. Это моя старая Кунигунда. Ты не можешь себя представить, какъ печальна ея фигура, какими грустными складками виситъ на ней платье и какой скудой пропитана вся ея особа. О, несчастная! Здѣсь она вполнѣ олицетворяетъ «умирающую отъ скуки женщину». Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты посмотрѣла, какъ она огрызается на остальную прислугу и какую кислую мину дѣлаетъ лорду Аннандаю, считая его губителемъ моего драматическаго таланта. Сидитъ она вѣчно въ углу со своимъ ужаснымъ *pinse-nez*, читая и перечитывая по складамъ всѣ касающіяся меня театральныя рецензіи изъ старыхъ газетъ, въ которыя были завернуты наши вещи. Но это угрюмое молчаніе въ продолженіе дня и всѣ слова, которыя она глотаетъ въ обществѣ англичанъ и нѣмцевъ,—еслибы ты знала, какъ все это изливается вечеромъ, когда она приходитъ меня раздѣвать. Тутъ начинаются болтливыя воспоминанія о прежней жизни нашего актерствованія и безконечный рядъ: — «А помните, сударыня, какъ»... (здѣсь помѣсти восторженное удивленіе пожарнаго или какаго нибудь школьника). «А опять, сударыня»... (поставь поднесеніе бронзоваго вѣнча провинціальной депутаціей или что нибудь въ этомъ родѣ). Бѣдняга! Ты понимаешь, что у меня не достаетъ духу велѣть ей замолчать, испортить единственныя хорошія во весь день минуты и грубо прервать эти: «А помните сударыня; а опять сударыня»... которыя ей доставляютъ большое удовольствіе, а у меня не вызываютъ ни малѣйшаго сожалѣнія о томъ, что я сдѣлала.

«Здѣсь вообще очень мило. Кругомъ всей виалы вода, которая—какъ бы тебѣ объяснить—ну, какъ вода въ тазу, посреди котораго вертится кусокъ мыла, и всѣ дома почти совершенно закрыты до самыхъ кровель вьющимися растеніями, названія которыхъ я, конечно, не сзумѣю тебѣ сказать. Но что за овощи! Боже мой! На гороховыхъ стручкахъ такіе же большіе волосы, какъ въ ухахъ у Карсенана. И что за фрукты! Какія здѣсь груши! Что же касается людей, то всѣ они воры; все заперто, все подъ ключомъ, подъ печатами, и говорятъ, что хозяйки дома сами выдаютъ бухаркамъ по щепоткѣ соли. Надѣюсь, что тебѣ довольно этихъ топографическихъ и всякихъ другихъ, кончающихся на и чес к ихъ,

свѣдѣній. Относительно моего властелина и повелителя, могу тебѣ сказать только, что люблю его безумнѣе прежняго. Нѣтъ, у моего лорда любовь не болтлива и не экспансивна, какъ у французъ, но этотъ человекъ постоянно подстерегаетъ, что могло бы вамъ доставить большое или маленькое удовольствіе, и голова его постоянно занята заботой о счастіи любимаго существа. И онъ хлопочетъ потихоньку, безъ шума, какъ настоящій плутишка, чтобы сдѣлать вамъ жизнь не только пріятной, но еще и спокойной, устраняя всѣ непріятности, всякую малѣйшую досаду, и достигаетъ этого, во что бы то ни стало. Я говорю ему иногда шутя, что онъ въ женской жизни — строитель песчанаго пути, на которомъ лайковые сапожки не встрѣтятся никогда ни малѣйшаго камешка. Тебѣ извѣстенъ мой процессъ и нелѣпая неустойка, которую они потребовали съ меня. Я условилась съ моимъ повѣреннымъ, что онъ оставитъ меня здѣсь въ покоѣ, не станетъ надоедать подробностями и оставитъ процессъ идти своимъ путемъ. Между тѣмъ, для чего-то потребовалась моя подпись, и я должна сознаться, что видъ этой дѣловой бумаги разстроилъ мнѣ нервы на цѣлый день. Потомъ я забыла про нее, и бумага пролежала нѣсколько дней. Отославъ ее наконецъ, получаю письмо изъ Парижа, гдѣ мнѣ говорятъ, что она уже не нужна, такъ какъ лордъ Аннандалъ отдалъ приказаніе заплатить всю неустойку сполна, не говоря ни слова мнѣ. Я знаю, что процессъ этотъ начался изъ-за него, но нахожу, что заплатить сто тысячъ франковъ вмѣсто какихъ нибудь тридцати или сорока, ради того только, чтобы избавить меня впередъ отъ маленькой досады видѣть гербовую бумагу, совсѣмъ по джентльменски и заслуживаетъ любви.

«Словомъ, я совершенно счастлива; ѣмъ, какъ волкъ, и сплю, какъ сурокъ. Кстати расскажу тебѣ сонъ, который видѣла сегодня, послѣ бѣшеной ѣзды верхомъ и двухъ стакановъ портвейна за обѣдомъ. Я чувствовала, я видѣла, что мой мозгъ лежалъ въ корзинкѣ для салата, которую изъ всѣхъ силъ встряхивала чья-то красивая рука, одна изъ тѣхъ рукъ, какія случается иногда видѣть въ магазинахъ алебастровыхъ фигуръ. И эта рука не при-

надеждала никому. Какія нелѣпости могутъ присниться, когда выпьешь слишкомъ много портвейна.

«А затѣмъ пиши мнѣ, что новаго въ Парижѣ, и не бойся сообщать театральныя новости. Говорятъ, Люзи женится? Пари держу, что на той танцовщицѣ изъ оперы, съ прекрасными глазами и огромнымъ носомъ, которую ты окрестила: «дочерью Амура и Полишинеля».

«Была - ли ты на кладбищѣ? Не знаешь-ли, убрали-ли садовникъ цвѣтами, какъ я велѣла, могилу Бланшрона. Я нисколько не любила его, бѣднаго, и даже была подѣ часъ очень жестока съ нимъ; поэтому, мнѣ хочется, чтобы хоть могила его имѣла видъ могилы человѣка, который былъ немножко любимъ на землѣ.

Любящая тебя сестра

Жюльета».

P. S. «Перестала-ли ты, по твоему выраженію, «киснуть»? Сбираешься-ли куда нибудь лѣтомъ?—Ѣдешь ли въ Гамбургъ? Въ такомъ случаѣ, ты должна бы пріѣхать сюда на нѣсколько дней, съ твоимъ мальчикомъ».

XLIV.

Жизнь дѣятельная, подвижная, прогулки съ утра до вечера въ легкихъ экипажахъ или на быстрыхъ верховыхъ лошадяхъ; жизнь на свѣжемъ воздухѣ и вѣтрѣ, съ бѣшенымъ галопомъ на охотѣ по семи или восьми льѣ за разъ; жизнь съ усиленнымъ моціономъ, съ употребленіемъ въ пищу кроваваго мяса, заливаемаго крѣпкими винами, которыя веселятъ организмъ и такъ любимы старой Англіей:—вотъ жизнь нашихъ влюбленныхъ въ Линдау.

Эта матеріальная жизнь, усиленное кровообращеніе и цвѣтущее здоровье удивительно красили съ каждымъ днемъ артистку. Это не была уже прежняя Фостэнъ, актриса Французскаго театра, на умномъ и пикантномъ личикѣ которой лежала складка тревожной и нервной столичной жизни, тѣнь заботы, которую налагаетъ на чело своихъ труженицъ театральная служба, старческая маска, являющаяся въ мрачныя минуты на лицѣ артистовъ. Это была

совсѣмъ другая женщина. На лицѣ ея не было видно усталости, на шеѣ не оставалось слѣдовъ малобровной блѣдности, синеватые круги подъ глазами исчезли, и все то, что выдаетъ зрѣлый возрастъ женщины, пропало, прояснилось, растаяло какъ будто чудомъ. Даже легкая, привычная пронія лица исчезла мало-помалу въ блаженствѣ физическаго счастья. Худоба изящнаго стана трагической актрисы начала покрываться упругой оболочкой, которая растягивала швы ея платьевъ и придавала что то-мягкое и юношеское всѣмъ ея жестамъ и движениямъ. Въ ея тѣлѣ явилась свѣжесть и запахъ малины,—этотъ естественный запахъ тѣла здоровыхъ, деревенскихъ дѣвочекъ-подростковъ.

Въ этой Изембургской виллѣ, на тридцатилѣтнее лицо Фостенъ возвращалась молодость дѣвочки: свѣжій румянецъ на щекахъ, молочная бѣлизна кожи, влажный блескъ глазъ и розовыя окраины ушей.

XLV.

По берегамъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ озеръ есть множество прелестныхъ уголковъ для туристовъ: это парходныя пристани въ маленькихъ бухточкахъ, балконы и балюстрады, наполненные, посреди ползучихъ растений, граціозно облокотившимися на перила путешественницами; тѣ легкія деревянныя постройки, купающіяся въ водѣ, наполненныя цвѣтами и женщинами, и похожія на картинки японскаго альбома, рисующія жизнь крайняго востока, на морскомъ берегу. Однажды Лордъ Аннандалъ увлекъ Жюльету въ очень дальнюю прогулку верхомъ; влюбленные остановились на минуту противъ одной изъ этихъ пристаней. Она представляла прелестную картину, достойную осмысленной кисти Бнауса. Въ одномъ углу, надъ старой коляской, обитой линючимъ бархатомъ, возвышались груды чемодановъ, дорожныхъ мѣшковъ, различныхъ баульчиковъ, красивыхъ яркихъ цвѣтовъ; внизу рядъ носилокъ съ шаловливо развалившимися дѣвочками въ бѣлыхъ платьяхъ; тамъ и сямъ, съ пальмами въ рукахъ, высокія, стройныя, почти воздушныя фигуры молодыхъ путешественницъ съ развѣвающимся вокругъ лица газомъ и въ кожанныхъ кушакахъ, прикрѣпившихъ

въ поясу бинокль, альбомъ, зонтикъ и вѣеръ. Посреди безпорядочнаго хаоса отбѣзда, стояла полукругомъ группа швейцарокъ въ бѣлыхъ полотняныхъ корсажахъ, со скрещенными на груди руками, смотря другъ на друга восторженными блуждающимъ взглядомъ—взглядомъ женщинъ, идущихъ въ церковь. Вдругъ, изъ толпы этихъ безмолвныхъ женщинъ, поднялось пѣніе—пѣніе грустное, какъ меланхолическая горная мелодія. Не обращая никакого вниманія на окружающихъ, какъ бы ради собственного удовольствія, женщины продолжали трогать сердца присутствующихъ музыкальной жалобой своихъ нѣжныхъ и стройныхъ голосовъ.

Это пѣніе произвело сильное впечатлѣніе на Жюльету, которая, не довольствуясь тѣмъ, что опорожнила кошелекъ, какъ свой, такъ и своего спутника, раздала еще самымъ молодымъ изъ пѣвицъ двѣ или три золотыя бездѣлушки, которыя были на ней надѣты.

Когда лордъ Аннандалъ выказалъ нѣкоторое удивленье—не щедрости ея, а лихорадочности, съ которой это было сдѣлано, Фостэнъ отвѣчала съ серьезной улыбкой.

— Потому что я сама пѣла такъ же, какъ эти женщины!

Волненіе, вызванное этой встрѣчей, не проходило и, казалось, пробудило въ молодой женщинѣ рой воспоминаній; оно какъ будто подняло въ ней все ея прошлое. Она перестала разговаривать и бѣшено подгоняла лошадь, униваясь быстротой ѣзды.

Вернувшись на виллу, она была слишкомъ утомлена, чтобы ужинать, и, выпивъ бульону, легла спать.

Ночью, Вильямъ проснулся вдругъ отъ звука громко произнесенныхъ словъ и увидѣлъ, что Фостэнъ, вставъ съ постели, стоитъ въ одной рубашкѣ посреди комнаты, въ лучѣ луннаго свѣта и декламируетъ тираду Герміоны.

Въ періодъ въ сѣвѣ живанья роли, у Фостэнъ иногда бывали легкіе припадки лунатизма, подъ вліяніемъ которыхъ она приподнималась съ подушки и говорила во снѣ нѣсколько стиховъ; но никогда еще лорду Аннандалю не случалось видѣть, чтобы она вскакивала съ постели и играла, какъ на сценѣ.

Она была прекрасна въ этомъ призрачномъ свѣтѣ, деклами-

руя звучные стихи, октавой ниже обыкновеннаго тона, низкимъ минорнымъ голосомъ, которымъ пробовала обыкновенно интонацію и придавала извѣстной тирадѣ трагическую сосредоточенность.

Фостэнь сыграла такимъ образомъ всю первую сцену, долго выжидая во-второй реплику Клеоны и сердясь во снѣ, что та не приходитъ. Вдругъ она проснулась, пришла въ себя... и бросилась въ объятія Вильяма, проговоривъ:—не моя вина... не моя вина... я сдѣлала все, чтобы не быть... актрисой...

XLVI.

Послѣ этой прогулки, мысль Фостэнь уже не была постоянно замкнута въ виллѣ, и влюбленная женщина не жила только однимъ настоящимъ. Въ ея памяти встала частица прошлаго. Она ловила себя иногда на повтореніи стиха, которому когда-то аплодировала публика, на улыбку гордаго раздумья при воспоминаніи о хвалебномъ фельетонѣ. Фостэнь гнала отъ себя всѣ эти невольныя воспоминанья объ ея прежней карьерѣ и мысль о театрѣ, но какъ ни глубоко прятала она ихъ внутри себя, они опять возвращались въ часы слабѣющей воли, въ тѣ блаженные безсознательныя минуты жизни, когда женщина засыпаетъ или когда она просыпается. Вечеромъ, между этими колеблящимися образами,—проходившими передъ ея сомнутыми рѣсницами, какъ огненные рисунки на темномъ металлѣ зеркала,—ей представлялись мрачные углы кулисъ, хламиды и блестящія перья. Утромъ она просыпалась съ головой, полной различными планами для новой роли, обѣщанной ей полуночнымъ сномъ и въ существованіе которой она вѣрила въ своемъ забытіи до тѣхъ поръ, пока трагической актрисѣ не бросался въ глаза дневной свѣтъ и живая дѣйствительность.

Даже днемъ, во всемъ, что она слышала и видѣла, Фостэнь искала невольно театральныхъ эффектовъ, и ея мелкіе, съ прыжкой, шаги по аллеямъ парка переходили иногда неожиданно въ драматическую походку одного ея выхода въ театрѣ, и она слышала, въ минутномъ шумѣ въ ушахъ, великія звучныя имена семейства Атридовъ.

Все это не нарушало однако любви женщины къ лорду Аннандалю и полного счастья, которымъ она наслаждалась въ Линдау; это былъ просто произвольный возвратъ въ голову тѣхъ вещей, о которыхъ она не думала въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ и о которыхъ хотѣла бы забыть и теперь. И посреди этого упорства всего ея существа, напоминавшаго во всемъ и каждую минуту ея прежнее ремесло актрисы, она, послѣ безмолвной досады, начинала вдругъ сердито топтать ногами и кричать, какъ бы обращаясь не къ себѣ, а къ кому-то другому: «Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь говорятъ вамъ, что это кончено, кончено навсегда!»

Фостэнъ перестала читать французскія газеты изъ страха, что глаза ея устремятся прямо на театральнй отдѣлъ, и бросила въ озеро присланную ей изъ Парижа книгу знаменитаго, недавно умершаго критика, гдѣ были вновь собраны и изданы восторженные отзывы объ ея игрѣ, талантѣ и драматической красотѣ.

XLVII.

Они продолжали жить съ глазу на глазъ, безъ всякихъ развлеченій, кромѣ прогулокъ въ экипажѣ или верхомъ. Нѣсколько ревнивая любовь Вильяма продолжала бояться свѣта, и, въ большой виллѣ съ царской обстановкой, влюбленные жили одиноко, въ обществѣ одной старой дѣвы, полусумашедшей или, скорѣе, тихой идиотки, бѣдной родственницы лорда Аннандаля.

Это была замѣчательно безобразная особа, съ жеманно-застѣнчивыми манерами и длинными руками гориллы. Нѣсколько фразъ, которыя она умѣла сказать по-французски, начинались обыкновенно странными движеніями челюстей и восклицаніями а о h, которыя продолжались рядомъ смѣшныхъ, глухихъ и, повидимому, безконечныхъ звуковъ, переходившихъ въ заключеніе въ какой-то пискливый и непонятный лепетъ. Это странное созданіе являлось впрочемъ только къ обѣду и для приготовленія вечерняго чая, и сейчасъ-же исчезало, запираясь въ своей спальнѣ, выбранной какъ можно дальше отъ жилыхъ комнатъ. Тамъ, не давая себѣ ни покоя, ни отдыха, она упражнялась на фортепьяно съ бабьимъ

упорствомъ англичанки, по шестнадцати часовъ въ день, не имѣя ни малѣйшихъ музыкальныхъ способностей, нивакого слуха, но производя силой желѣзныхъ пальцевъ невозможную музыку, которая нисколько не походила на человѣческую игру, а напоминала скорѣе стукъ паровой мельницы, могущій разогнать цѣлый кварталъ мирныхъ жителей. И во время этого оглушительнаго шума, на каррикатурной фізіономіи отчаянной піанистки сіяло восторженное выраженіе лица св. Цециліи при видѣ разверзшагося неба.

Отъ стука ея страшныхъ и громадныхъ пальцевъ, фортепіано разстраивалось такъ часто, что она рѣшилась прикомандировать къ своей особѣ, въ качествѣ полу-секретаря, полу-камердинера, стараго настройщика, которому задавала каждый день не мало работы.

Одѣваясь обыкновенно, какъ огородное чучело, эксцентрическая старая дѣва была кокетлива только въ выборѣ ночныхъ чепчиковъ, которыхъ у нея было громадное количество, самыхъ изящныхъ фасоновъ и съ самой нарядной отдѣлкой: «для того, говорила она, — посреди своихъ обычныхъ a o h и громаго, почти осмысленнаго смѣха, — что, будучи слишкомъ безобразною въ постели, она боится, что пожарные, въ случаѣ пожара, войдя въ ея комнату, разбѣгутся, принявъ ее за чорта».

XLVIII.

Единственнымъ человѣкомъ, который былъ принятъ на виллѣ и гостилъ тамъ по недѣлѣ, являлся секретарь англійскаго посольства при баварскомъ дворѣ.

Это былъ типъ дипломата-рыболова.

Онъ отказался-бы отъ самаго почетнаго поста, еслибъ въ рѣкахъ этого государства не водилось форелей. Не интересуясь нисколько тѣмъ, что дѣлалось въ государствѣ, при которомъ онъ былъ акредитованъ, не занимаясь никакими политическими, военными, религіозными, коммерческими или какими-бы то ни было вопросами, не читая ни книгъ, ни газетъ, ни малѣйшаго клочка нѣмецкой печати, онъ узнавалъ о происшествіяхъ того уголка, гдѣ жилъ, только недѣлю спустя, изъ разговоровъ, услышанныхъ

случайно въ посольствѣ, и, конечно, возволновался бы гораздо сильнѣе потерей приманки, сорванной шуюю, чѣмъ, напримѣръ, извѣстіемъ, что Германія объявила войну его отечеству.

Всѣ его мысли принадлежали безраздѣльно царству рыбъ.

Проведя день на берегу озера, онъ усаживался обыкновенно вечеромъ, молча, подлѣ маленькаго столика въ углу гостиной, занимаясь приготовленіемъ на крючокъ мухъ, желтыхъ майскихъ жучковъ или водяныхъ сверчковъ; иногда вязалъ удочки или вырѣзывалъ рыбокъ изъ жести. Все это дѣлалось съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто пальцы его прикасались къ святынѣ. Англійскому дипломату удалось одинъ разъ дойти до воспроизведенія крысы, легко способной обмануть рыбій глазъ, и тогда почти фантастическимъ зрѣлищемъ казались въ освѣщенномъ кругѣ лампы длинныя, хлопавшія точно крылья осы, желтыя рѣсницы дипломата надъ его свѣтлыми глазами, въ усиленномъ стараніи, которое онъ прилагалъ, чтобы достигъ совершеннаго воспроизведенія живой приманки. Какъ удачно сдѣлалъ онъ сначала, основываясь на законахъ естественной исторіи, скелеть звѣрка, искусно обмазалъ его клеемъ, наложилъ осторожно волоски, вставилъ два крошечныхъ стеклянныхъ глаза, мало-по-малу оживотворилъ свою крысу, и какъ онъ былъ счастливъ, увидѣвъ, что Фостэнтъ испугалась, когда онъ бросилъ ей на колѣни свое произведение!

Потомъ, когда было одиннадцать часовъ, англичанинъ, подумывая о томъ, что на другой день нужно рано вставать, начиналъ торопливо собирать конскій волосъ, маленькіе кусочки металла, инструменты, съ помощью которыхъ дѣлалъ свои кропотливые снаряды, укладывавъ все въ большой рыболовный ящикъ и запиралъ его, бросивъ сначала любовный взглядъ на каждое отдѣленіе этого ящика. Желая чѣмъ нибудь разнообразить первые вечера послѣ своей свадьбы, онъ не нашелъ ничего лучше, какъ показывать своей женѣ содержаніе этого ящика. Это былъ рядъ серьезныхъ и торжественныхъ конференцій, во время которыхъ мужъ, развертывая каждую, тщательно уложенную, маленькую вещицу, вытиралъ ее замшей и сейчасъ-же укладывавъ обратно, пока не перебралъ такимъ образомъ, передъ глазами своей очень молодень-

кой жены, всѣхъ своихъ сокровищъ, съ предлинными объясненіями и учеными коментаріями.

ХЕІХ.

Спустя нѣсколько времени, на виллѣ появился другой гость. Предупреждая свою любовницу о его посѣщеніи, лордъ Аннандайлъ прибавилъ, что это нѣсколько оригинальный соотечественникъ и что она весьма обяжетъ его, не обращая вниманія на странности его пріятеля.

Вернувшись одинъ разъ съ прогулки, они застали его въ ту минуту, какъ онъ освѣжался въ ожиданіи обѣда водкой, которую пилъ огромными глотками, изъ большаго стабана, поднося его ко рту дрожащей рукой.

Пріѣзжій заговорилъ сейчасъ-же о пѣсняхъ скальдовъ, о старыхъ сѣверныхъ поэмахъ, слѣды которыхъ сохранились въ памяти жителей посѣщенной имъ Исландіи, и хотя онъ говорилъ довольно неправильно по-французски, Фостэнъ была все-таки очень удивлена его рѣчами, такъ какъ приготовилась уже встрѣтить въ немъ только пьяницу изъ высшаго общества.

За обѣдомъ, продолжая все время пить водку вмѣсто вина и съѣвъ только супъ изъ бычачьихъ хвостовъ, отъ котораго могли вскочить волдыри на языкѣ, а затѣмъ очистивъ салатникъ съ огурцами, — достопочтенный Жоржъ Сильвенъ говорилъ все время одинъ о политическомъ состояніи Германіи, объ англійскихъ дипломатахъ на континентѣ, о высокихъ салонахъ, о театрѣ Расина и Корнеля, высказывая сужденія государственнаго человѣка; разсказывалъ анекдоты, дѣлалъ глубокомысленныя замѣчанія, приводилъ безконечныя цитаты, выказывая необыкновенное знаніе всей европейской литературы, и все это безъ малѣйшаго признака оупяненія, на французскомъ языкѣ, который становился съ часу на часъ правильнѣе, рѣзче и злѣе.

Достопочтенный Жоржъ Сильвенъ сильно возбуждалъ — и нужно сказать не безъ основанія — любопытство Фостэнъ. Чувствовалось, что это человѣкъ еще молодой, а между тѣмъ на старообразномъ лицѣ его кожа была точно копченая и испорченная такъ, какъ

портить ее только дурная, пагубная, преступная жизнь. Одѣтъ онъ былъ съ большими претензіями, но въ запачканное платье, съ рѣдкимъ и страшно душистымъ цвѣткомъ въ петлицѣ, стебелекъ котораго плавалъ въ плоскомъ флаконѣ, спрятанномъ за лацканомъ сюртука.

Замѣчательно высохшія руки оканчивались на мизинцахъ длинными ногтями въ золотыхъ футлярахъ. Кромѣ эксцентричности субъекта, не носившаго галстука и у котораго голая шея была открыта до самой груди, въ немъ было множество неумовимыхъ мелочей, дѣйствовавшихъ непріятнымъ образомъ, не смотря на привлекательность ума: всего антипатичнѣе было его вовсе не мужское, а старое бабье лицо, по которому постоянно пробѣгала злая, похожая на судорогу, усмѣшка. Чтò придавало ему еще очень странный характеръ, это сѣдая прядка посреди черныхъ какъ смоль волосъ; такая же прядка, говорилъ онъ, была у всѣхъ членовъ его семьи, и онъ, очевидно, выставлялъ ее на показъ.

Въ гостиной, достопочтенный Сильвенъ продолжалъ говорить, какъ спеціалистъ, о самыхъ различныхъ предметахъ и, между прочимъ, о душистыхъ пастилкахъ маршала Ришельё, рецептъ которыхъ онъ досталъ у Каде Гассигура; благодаря имъ, во время путешествія на востокъ, онъ видѣлъ множество такихъ вещей, которыхъ никогда не удавалось видѣть другимъ христіанамъ; этимъ онъ былъ обязанъ признательности старыхъ нашихъ, за то, что онъ молодилъ и воскрешалъ ихъ посредствомъ изобрѣтенія двора Людовика XV.

Разговаривая, онъ протянулъ машинально руку къ высѣченному изъ драгоценнаго камня флакону съ солями, и когда Фостэнъ подвинула его къ нему, онъ рѣзко оттолкнулъ флаконъ, проговоривъ: «Нѣтъ, я разобью!» и, замѣтивъ удивленіе на лицѣ молодой женщины, прибавилъ:

— Да, я надѣленъ странной, очень странной болѣзнью... Если я беру въ руки какую нибудь драгоценную вещь, и притомъ сознаю ея цѣнность, у меня происходитъ странное явленіе... Подъ вліяніемъ головного рефлекса, двигательные и хватательные мышцы вдругъ какъ бы парализуются и неспособны совершить сообщенное имъ движеніе... Во мнѣ проявляется какое-то функциональное без-

силіе, заставляющее выпустить вещь... паф!.. и она на полу въ мелкихъ дребезгахъ... По словамъ специалистовъ, въ этомъ случаѣ управляющее дѣйствіе головного мозга уничтожается усиленнымъ возбужденіемъ спиннаго мозга... Замѣтите, что если я не считаю вещь цѣнной, я держу ее какъ нельзя лучше... Нѣтъ, другъ мой, это не имѣетъ ничего общаго съ писательскими судорогами; это, такъ сказать, ихъ противоположность... въ томъ случаѣ, вслѣдствіе усиленнаго напряженія, является сокращеніе... тогда какъ у меня дѣлается моментальный параличъ мускуловъ... Словомъ, я патологическій субъектъ... Я заинтересовалъ въ высшей степени моего пріятеля, доктора Бюрнета, и онъ долженъ сдѣлать честь и посвятить мнѣ одинъ параграфъ въ своемъ сочиненіи: «О нервныхъ пораженіяхъ».

L.

Теперь, въ вечерніе часы, Фостэнъ присутствовала только физически у камина Изембургской виллы: тамъ было только одно ея тѣло; мысли молодой женщины были не здѣсь—онѣ были въ улицѣ Ришельё. Актриса видѣла себя выскакивающей изъ кареты, на козлахъ которой сидитъ старикъ Раво; кругомъ разношкіи выкрикиваютъ названія газетъ, печатавшихъ каждый день ея имя. Она проходила мимо вонсержа, который улыбался ей, вертя почтительно въ рукахъ фуражку; поднималась проворно по лѣстницѣ, съ задумчивыми отдыхами на площадкахъ. Заглядывала на темный, глубокій дворъ съ яркоосвѣщенными окнами, безъ ставень и занавѣсей, въ которыхъ двигались по всѣмъ направленіямъ человѣческія тѣни, а внизу, подлѣ наръ, заваленныхъ амуницией муниципальнаго стража, виднѣлись ноги пожарныхъ въ бѣлыхъ панталонахъ.

Вотъ она въ своей уборной повторяетъ роль съ сестрой или съ театральнымъ суфлеромъ, въ томъ боязливомъ и пріятномъ волненіи, которое возобновляется каждый вечеръ въ новой формѣ. Она осматриваетъ на себѣ падающія складки трагическаго костюма, придающего строгую грацію ея тѣлу. Она касается ногами театраль-

ныхъ подмостковъ, на которыхъ начинается для женщины настоящая живая жизнь. Вѣтъ она смотритъ въ отверстіе занавѣса; отъискиваетъ въ пятой ложѣ съ правой стороны старую герцогиню де-Тальебуръ, не пропускающую никогда ея представленій; видитъ въ оркестрѣ, все на томъ же стулѣ подлѣ маленькой выходной двери, парикъ маркиза де-Фонтебиза; чувствуетъ мало-по-малу наплывъ гордости, при видѣ этой толпы знаменитостей, интеллигенціи и людей высшаго общества, собравшихся сюда ради того, что она, только одна она, умѣетъ расшевелить въ человѣческой душѣ. Она выходитъ на сцену, посреди ускореннаго бѣнія сердецъ, тишины сдержаннаго дыханія, нѣмага задыхающагося поклоненія, которымъ встрѣчаютъ и привѣтствуютъ появленіе великой артистки. Она играетъ, играетъ при громѣ рукоплесканій, которыя необходимы ей—и которыхъ она ищетъ иногда, удивляясь, что не слышитъ ихъ среди голосовъ природы.

И лицо Фостэнъ въ тѣ минуты, когда мысль ея была тамъ, принимало лихорадочное выраженіе, ноздри раздувались, какъ у актрисы, чувствующей театральные подмостки подъ своими ногами.

— Вы ничего не говорите сегодня, Жюльета! О чемъ вы думаете? спрашивалъ ее любовникъ.

— Ни о чемъ, другъ мой!.. а! уже три четверти десятаго!

И часъ, показываемый столовыми часами, напоминалъ ей только часъ, въ который она выходила на сцену во второмъ актѣ Федры.

Тогда Фостэнъ бралась за одну изъ тѣхъ женскихъ работъ, за которой отвѣчаютъ на вопросы, что заняты счетомъ стежекъ, и которая позволяла ей возвращаться къ своимъ мечтамъ и жить ими безъ помѣхи все то время, когда въ Парижѣ продолжалось вечернее представленіе.

Не смотря на ея сопротивленіе, усилія, борьбу, артисткой опять овладѣла преобладавшая въ ней страсть. Она попала снова въ когти призванія, привычки и того всемогущаго подчиненія, которое налагаютъ долгіе годы, проведенные въ служеніи любимому дѣлу. Театръ притягивалъ ее къ себѣ обольщеніемъ карьеры, полной славы, узами ежедневно удовлетворяемаго тщеславія, всѣми невѣдомыми прелестями и тайными связями этой странной и до такой степени

порабощающей среды, что, какъ говорятъ директоры театровъ, даже рабочіе, механики и столяры, поработавшіе разъ въ театрѣ, какъ бы имъ плохо ни платили здѣсь, отказываются работать въ другихъ мѣстахъ. Не смотря на свое счастье и любовь, Фостэнъ умирала въ пустотѣ, бездѣйстви и тишинѣ своего существованія.

У этой женщины, созданной самой природой для театра, у которой въ каждомъ измѣненіи голоса, въ каждой позѣ, въ каждой мелочи проглядывало неожиданно что-то театральное— вещь, встречающаяся рѣже, чѣмъ думаютъ, даже у самыхъ талантливыхъ артистовъ— всё эти дарованія и врожденныя способности, раздраженные долгимъ покоемъ и продолжавшимся нѣсколько мѣсяцевъ сномъ, напряглись до послѣдней степени. Ея талантъ бурно рвался наружу, стремился вырваться огненной лавой, и въ складкахъ ея узкаго платья являлись вдругъ величественныя драматическія жесты; минутами ей казалось, что накопившіеся въ ея памяти и обреченные на безмолвіе стихи прорвутся, въ бѣшеное возмущеніи, сквозь ея крѣпко сжатые губы.

Даже въ глазахъ влюбленной женщины вновь проявился повелительный, холодный, безстрастный взглядъ актрисы: какая-то болѣзненно напряженная, тревожная наблюдательность, слѣдившая за всѣми комическими или драматическими проявленіями у окружающихъ ее лицъ, подстрекавшая ее къ бессознательному отыскиванію новыхъ страстныхъ элементовъ для великихъ новыхъ ролей. Она чувствовала, что побѣждена, да, положительно побѣждена! Въ послѣднее время, много разъ и въ продолженіе нѣсколькихъ дней, лордъ Аннандалъ возвращался къ вопросу о бракѣ и снова просилъ Фостэнъ, съ неутомимой настойчивостью, безконечной нѣжностью и постоянно возростающей любовью,—быть его женой. Фостэнъ отказала ему такъ же, какъ сдѣлала это въ Парижѣ. Но спрашивая себя по чистой совѣсти, она должна была сознаться, что въ этотъ разъ ея деликатная честность не была единственной и безусловной причиной отказа, и что въ теперешнемъ отказѣ крылась задняя мысль—вернуться опять на театръ, когда ее разлюбятъ.

Она написала въ Парижъ о своихъ театральныхъ востюмахъ,

которые оставила на вѣшалкахъ, подавъ въ отставку и будучи убѣждена, что разстается съ театромъ навсегда, и ихъ уложили въ сундуки, заказанные по ея просьбѣ сестрой.

LI.

Гуляя разъ утромъ съ Фостэнъ, передъ завтракомъ, по аллеѣ красныхъ буковъ, «достопочтенный» Жоржъ Сильвенъ остановилъ ее передъ клѣткою, въ которую садовникъ заперъ для откармливанья семь пѣтуховъ.

— Видите вы этихъ пѣтуховъ, которые сидятъ наверху на насѣсти въ то время, какъ остальные гуляютъ внизу.

— Да.

— Посмотрите на нихъ хорошенько... замѣьте, какіе у нихъ мягкіе, безцвѣтные, отвислые гребни.

— Это правда.

— Вы не замѣчаете чего-то грустнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, комичнаго въ посадкѣ этихъ птичьихъ самцовъ?

— Не вижу хорошенько!

— А знаете-ли вы, что эти два пѣтуха спустятся сверху только тогда, когда будутъ умирать съ голоду?

— Почему, развѣ другіе будутъ ихъ бить?

— Нѣтъ... потому что, когда они спустятся, остальные будутъ обращаться съ ними, какъ съ курами.

— И вы находите это очень забавнымъ, мосье Сильвенъ?

— Я нахожу это... противоестественнымъ, не больше! отвѣчалъ англичанинъ, провожая Фостэнъ къ дому, со страннымъ ироническимъ смѣхомъ.

LIV.

— Order? процѣживалъ или, скорѣе, мычалъ беззвучный голосъ толстяка, застывавшаго вдругъ неподвижно у двери, съ фуражкой въ рукѣ.

Это кучеръ являлся въ барынѣ за приказаніями.

Фостэнъ поднимала глаза на массивное видѣніе съ рыжими

волосами и, проговоривъ по-французски: «Ah», прибавляла жалобнымъ тономъ: «Oh yes, yes, wait».

И она придумывала въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, что ей дѣлать въ этотъ день, сочиняла какую нибудь поѣздку въ неизвѣстную ей мѣстность, прогулку, которая развлекла бы ее сколько нибудь, но не находила ничего, и прежняя мысль снова уносила ее въ даль.

Окаменѣвшій въ неподвижности человѣкъ, не повторяя никогда вопроса, продолжалъ стоять, прислонившись къ двери.

Увлечшись своей мечтой, блуждающій взглядъ Фостэнъ упалъ опять на угрюмаго кучера, о которомъ она совсѣмъ забыла. При этомъ скучномъ и досадномъ возвратѣ къ дѣйствительности и къ заботѣ о настоящемъ днѣ, она снова задумалась; ей становилось страшно выйти, двинуться, страхнуть свою апатію; потомъ ей невольно вспоминался ея парижскій кучеръ Раво, возившій ее всегда въ тѣ мѣста, гдѣ она веселилась. И когда, вспомнивъ это доброе, оживленное французское лицо, она взглянула на безстрастныхъ черты другаго окаменѣвшаго въ прежней позѣ человѣка, она вдругъ выходила изъ терпѣнья и бросала ему, съ жестомъ древней царицы, вернувшейся къ своимъ буржуазнымъ привычкамъ: «Ступайте»!

Эта сцена возобновлялась почти каждое утро между английскимъ кучеромъ, являвшимся за приказаніями своей французской барыни, и барыней, говорившей ему, что она останется дома.

ЛІІІ.

Садъ виллы окончивался огромной террасой, выступавшей въ озеро, въ видѣ бастіона. На внутренней сторонѣ ея, шла во всю длину каменная скамейка, перевѣсившись черезъ которую можно было любоваться прозрачною глубиною воды. Здѣсь, чувствуя отвращеніе ко всякому движенію, Фостэнъ проводила обыкновенно часть дня, закрывшись зонтикомъ и лѣниво протянувшись на концѣ каменной скамейки, съ поджатыми ногами. Ничего не дѣлая, съ блуждающей мыслью и отблескомъ розоваго зонтика

на скучающемъ лицѣ, она смотрѣла пристально, цѣлыми часами, на красивую, неподвижную зеленую воду и на стадо большихъ черныхъ рыбъ, еле плававшихъ въ полуснѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ, пока тамъ было солнце,—и мертвая неподвижность ихъ въ этой стоячей водѣ слегка напоминала ей собственное бездѣятельное существованіе, ея застывшую жизнь.

LIV.

— Что такое, въ сущности, этотъ вашъ пріятель Сильвенъ?

Фостэнъ бросила эту фразу, когда другъ лорда Аннандала простился, уѣзжая въ Мюнхенъ, куда онъ неизвѣстно зачѣмъ исчезалъ на два или на три дня въ недѣлю.

Лордъ Аннандалъ, закуривавшій въ это время сигару, выпустилъ медленно клубъ дыма и, взглянувъ въ упоръ въ лицо своей любовницы, отвѣчалъ:

— Жоржъ Сильвенъ... это *sadique*. И на нѣмой вопросительный взглядъ Фостэнъ, прибавилъ:—Да, человекъ съ необузданными, болѣзненными... чувственными потребностями... но что вы... что вамъ до его жизни?

И онъ началъ ходить по гостиной, медленно роняя фразу за фразой:—Сильный... очень сильный умъ... громадное знаніе... и, наконецъ, онъ—старый другъ моей молодости.

Наступило молчаніе.

— Ъдете вы сегодня куда нибудь, Жюльета? спросилъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ.

Вслѣдъ за этимъ «нѣтъ» лордъ Аннандалъ отправился въ конюшню.

Фостэнъ задумалась о томъ инстинктивномъ отвращеніи, которое она почувствовала съ перваго взгляда къ этому незнакомому человеку, о своей досадѣ на водвореніе въ виллѣ этого, неизвѣстно откуда взяшагося, гостя и о ревности, которую возбудило въ ней его возроставшее съ каждымъ днемъ вліяніе на ея любовника. Она досадовала на Сильвена даже за то впечатлѣніе, которое онъ

оставляя въ людяхъ, съ которыми жилъ, за возбуждаемое въ нихъ любопытство, за то, что мысль невольно и безпрестанно обращалась на эту загадочную личность. Она спрашивала себя, какія узы соединяли его въ прошломъ съ лордомъ Аннандалемъ. Напрягая память, она удивлялась, что не слышала никогда его имени. И воспоминанія ея, уходя все дальше и дальше, дошли наконецъ до перваго періода ея связи съ молодымъ лордомъ. Тогда, въ отдаленномъ уголкѣ ея памяти, встала одна ночь въ Шотландіи, ночь съ прогулкой при лунномъ свѣтѣ, придававшемъ большому парку со старыми деревьями видъ небесной обители. Тамъ, въ эту тихую, свѣтлую ночь, безъ всякаго особеннаго повода, любовникъ бросился вдругъ къ ея ногамъ, обнималъ ея колѣни и благодарилъ съ почтительнымъ восторгомъ, въ безсвязныхъ выраженіяхъ, за драгоценный даръ ея любви, за то, что эта любовь вырвала его изъ грязной среды разврата, изъ когтей унижительныхъ страстей, возбуждаемыхъ вреднымъ чтеніемъ и пагубной дружбой. И слова лорда Аннандала «старый другъ молодости» представили ей вдругъ Сильвена злымъ гениемъ юности ея любовника. Притомъ, развѣ ей не случалось иногда слышать кое-что изъ его разговоровъ? И когда ей приходилось идти отыскивать друзей въ комнатахъ или въ какомъ нибудь уголку парка, развѣ до ея ушей не долетали ѣдкая жгучесть его словъ, касавшихся разныхъ чувственныхъ деталей, отрывки его грязнаго краснорѣчія, клочки страшно эротическихкихъ картинъ и его убійственныхъ теорій любви. Развѣ, слыша его иногда смутно издали, она не убѣгала отъ злой насмѣшливости его лица и звонкаго рѣзкаго фальцета, какъ отъ сатанинскаго апостола зла и дурныхъ страстей! А теперь, съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ поселился этотъ Сильвенъ, развѣ ея любовникъ не приходитъ въ ея объятія, вслѣдствіе безконечныхъ послѣбѣденныхъ разговоровъ, въ такомъ состояніи, какъ будто отъ жгучихъ рѣчей пріятеля въ его жилы влилось какое-то возбуждающее пламя? И развѣ теперь она не боится отчасти не только любви съ бѣшенствомъ и неукротимой страстью, но даже любимаго лица, которое было когда-то такъ кротко въ сладострастныхъ ми-

нуты и на которомъ теперь скользило какое-то страшное, почти жестокое выраженіе!

LV.

Съ наступившей осенью, съ послѣдними умирающими цвѣтами и первыми падающими листьями, съ сильными западными вѣтрами, воющими между высокихъ деревьевъ, при видѣ огромнаго сѣраго воднаго пространства, большого дома, уныло глядящаго посреди оголившихся деревьевъ и засыхающихъ ползучихъ растеній, на Фостэнъ напала какая-то странная тоска, къ которой примѣшивался какъ бы страхъ, ужасъ за будущее тѣхъ мѣстъ, гдѣ она жила. Поддѣлва подъ средніе вѣка въ нѣкоторыхъ частяхъ постройки и преждевременная дряхлость возведенныхъ на итальянскій ладъ зданій, подъ нѣмецкимъ небомъ, придавали иногда этой виллѣ видъ трагической декорации. Самые камни, трудно сказать, почему именно, навѣвали мрачныя предчувствія на нервную женщину. Къ тому же, Фостэнъ знала теперь, что въ маленькой часовнѣ, которую она считала сначала архитектурной фантазіей прежняго владѣльца, находился склепъ и что любимая когда-то въ этомъ углу женщина была тамъ же и похоронена, вмѣстѣ съ родившимся у нея ребенкомъ. И ей представлялась влюбленная молодая княгиня, какъ она лежала въ гробу и какъ была положена въ могилу, усыпанная цвѣтами и прижимая къ себѣ, скрещенными на груди объятіями, своего мертворожденнаго ребенка. Большой домъ принялъ теперь въ ея глазахъ видъ одного изъ тѣхъ жилищъ, въ которомъ случилось когда-то большое несчаствіе и которое, не смотря на перемѣну хозяевъ, на солнце, свѣтящее въ отворенныя окна, на новую радость, внесенную въ этотъ домъ, продолжаетъ вѣчно хранить свой мрачный отпечатокъ.

Кромѣ того, люди, съ которыми она жила на виллѣ: старая англичанка, дипломатъ, достопочтенный лордъ Сильвенъ, всѣ они казались ей существами страшными, неестественными, чѣмъ-то въ родѣ шутовскихъ или замогильныхъ и нѣсколько страшныхъ созданій. Даже неподвижность высокихъ шестифутовыхъ лаеевъ съ лицами восковыхъ фигуръ, которые вставали какъ на

пружинахъ, когда она проходила черезъ переднюю, и то наводило ее иногда на мысль, что она живетъ не въ реальной средѣ, а въ какомъ-то гнусно-фантастическомъ мирѣ, и возбуждало моментальную нравственную тревогу въ парижанѣхъ, въ женщинѣхъ, привыкшей жить въ веселыхъ комнатахъ и съ созданными почеловѣчески мужчинами и женщинами.

Въ эти праздничные дни, Фостэнъ скиталась по необитаемымъ комнатамъ, натываясь въ полутьмѣ отъ запертыхъ ставень то на дѣтскую колыбель, то на какую-нибудь другую семейную святыню, какъ бы забытую въ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ проклятаго дома.

Посреди этихъ странныхъ вещей, была маленькая шифоньерка, къ которой Фостэнъ подходила постоянно, точно будто ее влекла къ ней какая-то невидимая сила. Принцесса Фредерика страстно любила кружева, и на ящикахъ шифоньерки были приклеены ярлыки съ надписанными каракульками тонкаго почерка: *Малинь, Валансъень, Шантильи, Алансонъ, Англія.*

Подъ вліяніемъ какого-то страннаго побужденія, Фостэнъ выдвигала поочередно ящики и смотрѣла въ пустоту... стоя долго передъ шифоньеркой и все думая о томъ, что домъ, въ которомъ она живетъ, рововой и приноситъ несчастье своимъ обитателямъ.

ЛVI.

Жители Изембургской виллы пили кофе въ Сорренто, когда лакей подаль на серебряномъ подносѣ письмо «достопочтенному» Сильвену.

Достопочтенный Сильвенъ прочиталъ его и передалъ своему пріятелю, сказавъ: «Я, къ сожалѣнію, долженъ оставить васъ сегодня вечеромъ, меня ждуть дома».

— Да... это изъ маленькаго домика на берегу Бретани... про который ты мнѣ говорилъ, возразилъ лордъ Аннандалъ, пробѣгая глазами шифрованное письмо.

Взглянувъ невольно на листокъ почтовой бумаги, Фостэнъ вскричала:

— О! какая хорошенькая хижина на заголовкѣ! и, наклонив-

шись съ дѣтскимъ любопытствомъ къ извивавшейся вокругъ картинки надписи, прочла громко: «Хижина Дольмансэ».

— Это вѣрно названіе мѣстности? прибавила она.

— Да, отвѣчалъ лордъ Аннандалъ, въ то время, какъ внезапно сконфуженная молодая женщина замѣтила на губахъ «высокопочтеннаго» Сильвена страшную, загадочную улыбку...

Около этого времени, давая сестрѣ различныя относившіяся до туалета порученія, Фостэнъ прибавила въ письмѣ слѣдующій постскриптумъ:

«Ты не прислала мнѣ, какъ я просила, всѣхъ газетъ съ рецензіями о дебютѣ мадамъ Женни-Лафонъ въ Федрѣ и не пишешь, какія роли моего репертуара она намѣрена играть. О! еслибы я могла вернуться хоть на нѣсколько мѣсяцевъ въ театръ, я попросила бы играть наперсницъ въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ она играетъ королевы, и — съѣла бы ее!»

LXVII.

На Изембургской виллѣ опять потекла для влюбленныхъ жизнь съ глазу на глазъ. Съ отъѣздомъ Сильвена, Фостэнъ освободилась отъ тайной тревоги, и новый планъ, близкій къ выполненію, почти отвлекъ ея мысли отъ театра.

Лордъ Аннандалъ предложилъ своей возлюбленной провести зиму въ Италіи, и оба были увлечены хлопотливыми сборами и веселымъ полетомъ воображенія, который предшествуетъ обыкновенно путешествію и какъ будто забѣгаетъ впередъ, въ дальнія страны.

Рѣшено было не поселяться нигдѣ на мѣстѣ, а ѣхать въ своемъ экипажѣ, на своихъ лошадяхъ, куда глаза глядятъ, останавливаясь въ мѣстностяхъ, которыя понравятся, и только проѣзжая тѣ города и мѣста, гдѣ имъ покажется скучно. Наклонивъ надъ картой головы, касаясь другъ друга волосами, они водили оба рядомъ указательными пальцами по большому листу, отмѣчая на немъ остановки своего пути, посреди забавнаго невѣдѣнія въ географіи и дѣтскихъ вопросовъ женщины, на которые она получала обстоятельные отвѣты. «Здѣсь, говорилъ Аннандалъ, останавливая на черной точкѣ кончикъ пальца любовницы, я куплю

вамъ кольцо такой работы, которая неизвѣстна въ другихъ европейскихкихъ государствахъ»... Тамъ, онъ ей покажетъ старинную церковь, не отмѣченную въ путеводителяхъ... здѣсь угостить ее маленькими рыбками, которыя водятся только въ этой мѣстности... Потомъ, онъ занимался фотографіей въ Индіи;—онъ велѣлъ выслать себѣ аппаратъ; она будетъ помогать ему и увидитъ, какъ это интересно. Они привезутъ съ собою виды, снятые ими обоими,—виды тѣхъ уголковъ, въ которыхъ останется частица ихъ счастья и любви.

Старая англичанка была уже отправлена въ Англію, гдѣ должна была прожить до тѣхъ поръ, пока влюбленные вернутся изъ путешествія, чемоданы уже увлаживались, и отъѣздъ былъ назначенъ на первыхъ дняхъ слѣдующей недѣли.

ЕVІІІ.

Въ воздухѣ спальни, насыщенномъ сладострастіемъ, лордъ Аннандалъ вдругъ всталъ съ кровати, на которой спала возлѣ него Фостэнъ, чтобы впустить въ комнату струю утренней свѣжести, уже бѣлѣвшейся сквозь прозрачныя занавѣси.

Онъ подошелъ слабыми шагами къ окну, попробовалъ его отворить и внезапно вскрикнулъ слабѣющимъ голосомъ:—«Жюльета... Жюльета... помогите»!..

Разбуженная этимъ крикомъ, она, очнувшись отъ крѣпкаго сна, увидѣла, что ея любовникъ, уцѣпившись обѣими руками за оконную задвижку, напрягаетъ всѣ силы, чтобы сохранить равновѣсіе своего падающаго тѣла. Вскочивъ мгновенно съ кровати, она подбѣжала къ нему и обхватила его обѣими руками.

Поддерживаемый любовницей, молодой человекъ попытался вернуться къ кровати, но ноги его подкосились, и молодая женщина почувствовала на своемъ плечѣ тяжесть грузнаго, безчувственнаго тѣла.

Она кричала, призывала на помощь, но никто не слышалъ ея голоса; не смѣя разжать свои руки, державшія лорда, она не могла и позвонить.

Тогда, собравъ всё силы, она сдѣлала отчаянное напряженіе, приподняла Вильяма, и сгибаясь подъ тяжестью безжизненнаго тѣла, начала двигаться медленно впередъ, нагнувъ голову къ его блѣдному лицу и впиваясь глазами въ его широко открытые глаза, наполненные тѣмъ неподвижнымъ ужасомъ, который является во взглядѣ людей, въ моментъ неожиданнаго и внезапнаго перерыва жизни.

LIX.

Лордъ Аннандалъ не приходилъ въ чувство съ тѣхъ поръ, какъ Фостэнъ положила его на кровать. Онъ лежалъ, вытянувшись, съ неподвижностью трупа и страшнымъ мертвеннымъ выраженіемъ глазъ. Присутствіе жизни проявлялось лишь короткимъ шипящимъ дыханіемъ. Минутами только изъ его рта начинали вылетать громкіе, невнятные звуки какихъ-то непонятныхъ словъ, которыхъ онъ не могъ выговорить,—словъ, замиравшихъ въ жалобномъ дѣтскомъ стонѣ. Иногда даже — если то не былъ обманъ чувствъ—его любовницѣ казалось, что, когда она наклонялась къ нему, чтобы положить въ ротъ микроскопическій кусочекъ льду,—въ улыбающемся проблескѣ сознанія, глаза его останавливались на секунду съ благодарностью на ея лицѣ, но выраженіе это тотчасъ же исчезало.

Въ этомъ дежурствѣ у кровати больного молодая женщина не хотѣла ни чередоваться, ни замѣнить себя кѣмъ нибудь. Такъ проходили дни, съ ихъ веселымъ и раздражающимъ утреннимъ пробужденіемъ посреди замирающаго блеска свѣчей, и безконечные часы длинныхъ, страшныхъ ночей: дни и ночи съ частыми озаченными визитами доктора, съ его фізіономіей, недоумѣвающей передъ страшной и необъяснимой болѣзью.

LX.

Въ полномъ разгарѣ счастливой жизни вдвоемъ — неожиданная перспектива вѣчной разлуки черезъ нѣсколько дней, быть можетъ, черезъ нѣсколько часовъ, и появленіе скорбной мысли

о смерти! И это въ началѣ любви, которую они общали другъ другу навѣки и которая не успѣла прожить одного года... любви, полной вѣги и страстнаго пламени. Боже мой! Неужели это правда? Теперь она выйдет гулять и не найдетъ руки, на которую опиралась; она не увидитъ передъ собой его лица за столомъ; не раздѣлитъ его ложа; онъ не поможетъ ей облечь въ слово мысль, пришедшую имъ одновременно въ голову; она не будетъ смотрѣть его глазами. Двое не сольются въ одно существо... Нѣтъ, ничего у нея не будетъ въ жизни, кромѣ страшнаго одиночества въ пустомъ свѣтѣ, дней безъ радости и свѣта. Еслибы еще она была подготовлена къ страшной дѣйствительности долгими мѣсяцами болѣзни, медленными пережѣнами въ больномъ, тревожными лицами, тихо сказанными словами, — всѣми этими жестокими предвѣстниками, заставляющими насъ свыкаться съ страшной вещью, которой мы отказывались вѣрить сначала, съ упорствомъ любящаго сердца... Но нѣтъ, смерть, внезапная, какъ ударъ молніи!

Въ продолженіе того времени, которое переживается смутно и бессознательно у постели умирающаго, Фостэнъ сидѣла, какъ ошеломленная, — точно будто она получила сильный ударъ по головѣ, — съ неопредѣленными мыслями въ мозгу, разсѣяннѣмъ вниманьемъ, съ шумомъ въ ухахъ, напоминающимъ отдаленный плескъ воды, и съ поднимавшимся по временамъ изъ глубины души, нѣмымъ ропотомъ на Провидѣніе.

Пробужденіе жизни въ молодой женщинѣ, въ теченіе этого времени, походило на тяжелое, полусонное недомоганье кошмара, съ глухой болью его тупыхъ ощущеній. Наболѣвшій мозгъ Фостэнъ терзался постоянно страшной неизвѣстностью. Иногда, вдругъ вытянувъ бессознательно впередъ руки и какъ-бы отгоняя преслѣдовавшую ее мысль, она говорила себѣ: «Докторъ не произнесъ до сихъ поръ окончательнаго приговора... Каждый день случается, что выздоровливаютъ больные опаснѣе его... а онъ такъ молодъ!» Но вслѣдъ затѣмъ, руки ея опускались и прижимались ко лбу. Молодая женщина слышала, какъ изъ всѣхъ угловъ печальной комнаты поднимались какіе-то тонкіе голоса, стучали ей въ виски

съ жужжаньемъ бьющейся объ стекло мухи, и въ тихомъ шопотѣ ихъ слышалось: смерть, смерть, смерть!

LXI.

Спальня, въ которой лежалъ лордъ Аннандалъ на большой кровати съ краснымъ шелковымъ тюфякомъ, была высокая, огромная, холодная комната съ неуклюжей мебелью, отчасти въ средневѣковомъ стилѣ, отчасти въ современномъ готическомъ, напоминающемъ обстановку старинныхъ драмъ на бульварныхъ театрахъ.

На туалетѣ съ узкимъ зеркаломъ стоялъ, между чайными ложечками, рядъ раскупоренныхъ банокъ съ лѣкарствами, а сквозь стеклянную дверь видѣлись два гиганта лакея, которые дремали въ своихъ креслахъ.

Сидя въ ногахъ, подлѣ кровати, и уткнувшись лицомъ въ одеяло, Фостэнъ плакала надъ неподвижнымъ тѣломъ больного, а его блѣдныя, судорожно стиснутыя пальцы сжимали простыню комкомъ на груди.

Когда она подняла голову, подлѣ кровати стоялъ неслышно вошедшій докторъ, старикъ съ длинными, закинутыми за уши волосами, въ пальто протестантскаго пастора. Онъ прошепталъ сквозь зубы: «Да, она начинается», подразумѣвая невыговоренное слово.

— О! Боже мой! вы говорите... и Фостэнъ остановилась на срединѣ вопроса.

— Мужайтесь, сударыня! проронилъ докторъ.

Онъ сѣлъ подлѣ нея, смотря на умирающаго холоднымъ взглядомъ ученаго наблюденія.

Фостэнъ взяла руки Вильяма и, какъ мать, старающаяся успокоить лаской капризную злобу ребенка, начала тихо гладить эти безпокойныя руки, пытаясь ихъ остановить и помѣшать имъ комкать простыню.

Докторъ продолжалъ смотрѣть въ лицо умирающему, пристально, съ удивительнымъ вниманіемъ, и вдругъ какъ будто удивился

чему-то. Чтобы разглядѣть хорошенько, онъ нагнулся направо, налѣво и прошепталъ: «Невозможно!» Вынулъ изъ кармана фуляръ, тщательно протеръ очки и приподнялъ абажуръ лампы, свѣтъ которой упалъ прямо на лицо молодого лорда.

Стоя подлѣ кровати, на простыняхъ которой рисовался его сухой силуэтъ, докторъ продолжалъ выказывать жестаами глубокое изумленіе и шепталъ отрывочными фразами:

— Нѣтъ, это не обманъ зрѣнія, нѣтъ... чрезвычайно рѣдкій случай... Замѣчаете-ли вы, сударыня, странную игру *gisorius'a* и большаго ланитнаго мускула?—случай, надъ которымъ никогда не было произведено научнаго наблюденія. Всѣ нѣмецкія, англійскія и французскія медицинскія книги упоминаютъ про эту агонію... да еще про нее-ли?.. но ни въ одной книгѣ нѣтъ ея описанія, и мы вѣримъ ея существованію только потому, что про нее говорится, со словъ Троншэна, госпожей д'Епина, одной изъ вашихъ соотечественницъ, оставившей свои записки въ прошломъ столѣтіи.

— Посмотрите: теперь очертаніе смѣха начинаетъ обозначаться совершенно ясно!.. О! вамъ придется вынести очень тяжелое зрѣлище, сударыня; приготовьтесь быть свидѣтельницей сардонической агоніи. Я оставлю васъ на одну минуту, зайду только на видлу Калленбергъ, и сейчасъ вернусь.—Мнѣ хочется записать всѣ послѣдующія явленія.

На молодую женщину напалъ невыразимый ужасъ, когда она осталась одна въ комнатѣ. Она хотѣла затворить окно отъ ночнаго вѣтра, который, врываясь въ комнату, дѣлалъ ее еще страшнѣе,—и не посмѣла; хотѣла позвать лакеевъ, которыхъ видѣла спящими рядомъ, но и на это не достало духу. Не въ силахъ выбѣжать вонъ, она закрыла руками глаза, чтобы не видѣть лица умирающаго, на которомъ злобно смѣялась сама смерть.

Ночные часы шли, а докторъ все не приходилъ. Становилось все темнѣе, безмолвнѣе, приближалась полночь—ужасный часъ для того, кто сидитъ у изголовья умирающаго. Фостэнъ въ глубокомъ страхѣ, прикованная въ мѣсту, продолжала сидѣть, закрывъ глаза и не смѣя взглянуть.

Спустя много, очень много времени, она рѣшилась наконецъ посмотреть сквозь чуть-чуть расжатые пальцы, взглянула второй разъ, потомъ еще, и подь влияніемъ дикаго любопытства, въ которомъ—казалось ей—исчезалъ не только ея страхъ, но и частица горя, она уже не въ силахъ была оторвать глазъ отъ лица, пораженнаго страшною агоніей.

Руки ея, отдѣлившись отъ лица, упали на колѣни: Она смотрѣла, сидя неподвижно, смотрѣла помимо своей воли. Она смотрѣла до того пристально, что невольно,—какъ въ госпитальной палатѣ, гдѣ между больными устанавливается заразительный токъ нервныхъ припадковъ,—губы актрисы, противъ ея воли, начали повторять всѣ движенія рта и губъ больнаго, передразнивать мучительный и страшный смѣхъ умирающаго. Теперь это не была уже неопредѣленная улыбка начинающейся агоніи. Это былъ настоящій смѣхъ,—да, смѣхъ, начинающійся и кончающійся въ одно время, съ предсмертнымъ хрипѣніемъ въ горлѣ; смѣхъ, вздрагивающій жестокой ироніей въ поспившихъ губахъ, передергивающій человеческое лицо послѣдней живой судорогой, замогильной насмѣшкой; смѣхъ—этотъ тихій признакъ радости и счастья—обратившійся въ ужасную сатанинскую каррикатуру: словомъ, самое необычайное явленіе, какое удавалось когда либо видѣть драматическому артисту. Это зрѣлище убило, въ данную минуту, любовницу и снова превратило ее въ актрису.

Совершенно нечувствительно, и по прежнему непроизвольно, Фостэнъ перешла отъ нервнаго подражанія къ подражанію заученному, какъ будто разыгрывая на сценѣ эффектную театральную агонію; подмѣтивъ смѣхъ на губахъ своего любовника, она старалась воспроизвести его на своихъ губахъ, и, чтобы провѣрить себя, оглядывалась въ зеленоватое зеркало стараго, стоявшаго сзади нея, туалета.

Увлечшись своей театральной работой, Фостэнъ услышала вдругъ страшно сильный звонокъ въ глубинѣ кровати и, отвернувшись поспѣшно отъ зеркала, встрѣтилась глазами съ умирающимъ, къ которому, словно чудомъ, вернулось на минуту сознание.

Въ спальню вошли два лакея.

— Выгоните вонъ эту женщину! сказалъ молодой лордъ голосомъ, въ которомъ проввучала вся проснувшаяся жестокость англо-саксонскаго племени.

Фостэнъ прильнула губами къ его рукамъ. Онъ грубо оттолкнулъ ее, проговоривъ:

— Артистка вы... больше ничего... да... женщина, неспособная любить!

И повернувшись передъ смертью лицомъ къ стѣнѣ, лордъ Аннандаль бросилъ черезъ плечо во второй разъ и еще поведительнѣе прежняго: «Turn out that woman!

К О Н Е Ц Ъ .

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

(Система государственнаго образованія).

Значеніе системы государственнаго образованія вообще и русской въ частности.—Вовѣки памятная дѣятельность графа Д. А. Толстаго.—Мнѣнія Фихте и Диттеса о всеобщемъ образованіи.—Планъ организаціи у насъ системы государственнаго образованія.—Завѣдываніе и управленіе школами.

На этотъ разъ—не будемъ ворошить наши сѣренькія будни, не смотря даже на то, что въ фактахъ текущей жизни очень много горькаго, тяжелаго, оскорбительнаго. Лучше оглянемся на причину причинъ всѣхъ тѣхъ явленій и фактовъ, которые такъ жестоко пришибли, придавили насъ, вызываютъ всеобщее уныніе и бездѣятельность.

Самое надежное мѣрило степени политической зрѣлости націи и государственнаго благоустройства—состояніе народнаго образованія. По немъ безошибочно можно судить не только о прошломъ и настоящемъ, но и о ближайшемъ будущемъ каждой націи. Оно-то и является одною изъ главнѣйшихъ причинъ даннаго склада общественной и государственной жизни и дѣятельности.

Естественный историческій ходъ развитія человѣческой культуры и цивилизаціи установилъ, какъ обязательную форму, три ступени государственнаго образованія. Начальное—для всего населенія государства, чтобы захватить поголовно всѣхъ дѣтей младшаго школьнаго возраста, вооружить ихъ грамотностью, какъ первую ступенью къ образованію, преподавать имъ основныя понятія объ окружающемъ мірѣ и человѣкѣ, пробудить въ нихъ любознательность, пытливость и способность къ самообразованію и самоусовершенствованію—и тѣмъ навсегда застраховать ихъ отъ тьмы невѣжества. Среднее—главнымъ образомъ для наиболѣе способныхъ, талантливыхъ и склонныхъ къ ученію изъ лицъ, получившихъ начальное образованіе, которые, въ случаѣ недостатка матеріальныхъ средствъ, обязательно должны обучаться на средства государства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ и для дѣтей достаточныхъ родителей, матеріальныя средства которыхъ дозволяютъ болѣе или менѣе продолжительное

обученіе дѣтей. Высшее—для самыхъ даровитыхъ и развитыхъ въ смыслѣ общаго образованія, которые, окончивъ курсъ наукъ, должны стать въ ряды двигателей и заправителей идейнаго развитія страны и разныхъ отраслей практической дѣятельности. Наконецъ, чтобы объять, объединить дѣятелей чистой науки, существуетъ академія наукъ—высшее, первенствующее ученое учрежденіе, такъ сказать, лабораторія науки, захватывающая собою все, что есть талантливѣйшаго, даровитѣйшаго и наиболѣе дѣятельнаго въ научномъ отношеніи, и потому представляющая собою высшій ученый авторитетъ въ странѣ—средоточіе всеобъемлющей энциклопедической науки, готовой дать безошибочный отвѣтъ по каждому ученому вопросу, согласный съ послѣднимъ словомъ науки.

Все это, взятое вмѣстѣ, и составляетъ—систему государственнаго народнаго образованія. Въ самомъ понятіи—«система» заключается уже указаніе на то, что различныя ступени образованія суть части одного цѣлаго, стройнаго государственнаго зданія, называемаго «народнымъ образованіемъ», и должны быть органически связаны между собою. Да иначе и быть не должно и не можетъ быть тамъ, гдѣ обращается хоть какое-либо вниманіе на то, чтобы непременно была дѣйствительная «система образованія», а не воображаемая только. Образованіе—не прихоть, а первѣйшая жизненная потребность, какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлой націи. Какъ для отдѣльной личности, такъ и для цѣлой націи и всего человечества—нѣтъ врага опаснѣе и разрушительнѣе невѣжества. Значитъ, къ заботливости объ образованіи поголовно всего населенія государство побуждаютъ не тѣ или другія идеальныя стремленія, а, прежде всего, чувство народнаго самосохраненія и самозащиты отъ всепоглощающаго, всеокрушающаго невѣжества. Такъ именно и смотритъ на это дѣло практическая Америка. Если въ какомъ-нибудь изъ штатовъ проявится упадокъ народнаго образованія,—во всемъ государствѣ поднимается тревога, словно во время самаго грознаго и опустошительнаго пожара, наводненія или другаго стихійнаго бѣдствія. Мистеръ Итонъ, главный суперъ-интендентъ, завѣдывавшій начальнымъ народнымъ образованіемъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, между прочимъ, замѣчаетъ по этому поводу: «Когда врагъ станетъ угрожать нашимъ границамъ,—вся нація встанетъ на защиту своей родины. Но не его намъ нужно страшиться. Для насъ опаснѣе внутренніе враги, наполнившіе уже наши села и города. Какъ защитить себя отъ невѣжества? Могучей, непреоборимой волной вторгается оно въ наше общество. Опытъ всемірной исторіи убѣждаетъ насъ въ томъ, что народамъ также трудно достигнуть

цивилизациі, какъ легко, съ другой стороны, впасть въ варварство!»

Образованіе можетъ быть вполне производительно для государства и общества въ томъ лишь случаѣ, если путь къ образованію открытъ для всего талантливаго, даровитаго, имѣющаго влеченіе учиться, такъ чтобы ученикъ начальной школы, счастливо одаренный отъ природы и желающій учиться, могъ безпрепятственно проходить черезъ всѣ ступени государственнаго образованія, до университета и академіи наукъ включительно. Точно также, съ другой стороны, органическая связь между разными ступенями образованія необходима еще и потому, что глава системы образованія—академія наукъ—не должна оставаться бездѣятельною. Дары науки, —этой высшей, все-сильной благодѣтельницаи челоуѣка на землѣ,—должны свободно ниспадать по ступенямъ государственнаго образованія, до начальной школы включительно—и дѣлаться достояніемъ массы населенія. Масса населенія, по уровню знаній, обращающихся въ ней, не должна отставать отъ интеллигентнаго класса; голосъ и языкъ образованныхъ людей долженъ быть доступенъ массѣ населенія. Тогда негдѣ будетъ укрыться невѣжеству; тогда академія наукъ будетъ имѣть прочную почву подъ собою, будетъ опираться на сознание націи, всего населенія государства—и, по мѣрѣ роста національнаго сознанія и развитія, академическая наука будетъ подниматься выше и выше, какъ гордыня національнаго самоусовершенствованія, какъ знамя національной культуры и цивилизациі.

Таковы причины, почему организація государственнаго образованія непременно должна представлять стройную, цѣльную систему, отдѣльныя части которой естественно связаны между собою, такъ чтобы переходъ съ одной образовательной ступени на другую могъ совершаться легко и безпрепятственно для учащихся, безъ всякихъ искусственныхъ задержекъ, въ родѣ вступительныхъ экзаменовъ. Когда-то и у насъ было нѣкоторое подобіе «системы образованія» въ томъ смыслѣ, что окончившій церковное (сельское) или приходское (городское) начальное училище, безпрепятственно, по одному только свидѣтельству объ окончаніи курса, могъ поступить въ уѣздное училище; точно также успѣшно окончившій курсъ уѣзднаго училища и желавшій продолжать образованіе, безпрепятственно, безъ всякаго повѣрочнаго экзамена, поступалъ въ соответствующій классъ гимназіи—отъ III до V класса включительно, глядя по объему курса уѣзднаго училища. Это — у в а р о в с к а я система образованія, которая, дѣйствительно, имѣетъ право на названіе «системы» и была рассчитана именно на то, чтобы возможно болѣе облегчить доступъ къ образованію всему даровитому въ подростомомъ

поколѣннн. Въ этомъ отношенн, уваровская система образованнн стоитъ неизмѣрнмо выше всѣхъ послѣдующнхъ системъ, гдѣ уже самымъ способомъ организаціи народнаго образованнн отрицается всякое понятнн о с и с т е м ѣ, въ общепрннятомъ значеннн этого слова.

Вмѣсто того, чтобы развнть, усовершенствовать уваровскую систему,—въ смыслѣ естественности и легкости перехода отъ одной ступени образованнн къ другой и возможно болѣшей полноты и законченности образованнн на каждой ступени,—начали ломать и коверкать эту разумную систему, подсказанную потребностями дѣйствительной жизни, даже болѣе—взятую непосредственно изъ жизни; начали громозднть другъ на друга разныя пристройки и перестройки въ системѣ образованнн безъ всякой опредѣленной цѣли, безъ ясно-формулированнаго начала, каждый по своему вкусу; наконецъ, разгулялись въ извращеннн системы образованнн до того, что начали употреблять неимовѣрныя усилн, чтобы какъ можно болѣе разобщнть между собою разныя отрасли образованнн, почти даже изолировать ихъ другъ отъ друга. Въ этомъ изумительномъ извращеннн дѣла, завѣдомо разумнаго, полезнаго для жизни и успѣховъ образованнн, прошло уже около 20 лѣтъ. Вовѣки памятнымъ въ исторнн русскаго образованнн останутся ухищреннн бывшаго министра просвѣщеннн, графа Д. А. Толстаго, разрушнвшаго все, что было естественнаго въ нашей родной системѣ образованнн и не создавшаго, взаменъ разрушеннаго, ничего цѣльнаго, законченнаго,—ничего такого, что бы могло имѣть право на названнн «системы образованнн». Вотъ факты.

Мы имѣемъ специфическую мужнцкую школу, подъ именемъ начальной или народной школы, и специфическую же мѣщанскую школу, подъ именемъ городской школы. Это—замкнутыя, почти кастовыя школы; никакой связи между ними и средннмъ образованнемъ нѣтъ; невозможенъ непосредственный переходъ изъ начальной и городской школы въ среднеучебную. Затѣмъ слѣдуетъ до крайности пестрая цѣпь среднеучебныхъ заведеннн—и между ними ни одного общеобразовательнаго,—все спеціальныя, какъ-то: классическія, реальныя, военныя, духовныя, морскія, земледѣльческія, театральныя, художественныя, коммерческія, строительныя и т. д.—Словомъ, трудно даже запомннть и перечнть. Далѣе, въ отношенн вышшаго образованнн, свободный выборъ учебныхъ заведеннн и специальности предоставленъ только призваннымъ «зрѣлыми», т. е. пропитавшимся насвобозъ грамматическою премудростью мертвыхъ языковъ. Воспитанникамъ же другихъ среднеучебныхъ заведеннн, имѣвшимъ счастье не вкушать этой ошеломляющей и одуряющей «премудрости», закрыты двери университета. Наконецъ, акаде-

мія наукъ стоитъ внѣ всякаго отношенія не только къ системѣ образованія и требованіямъ русской науки, но даже ко всемъ вообще интересамъ и потребностямъ народно-государственной русской жизни. Въ противность всемъ другимъ европейскимъ академіямъ наукъ, имѣющимъ обязательно національный характеръ, наша академія отличается явно анти-русскимъ характеромъ, можно даже сказать — открыто враждебнымъ и пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему русскому, начиная съ языка и кончая русскими учеными. Около десяти лѣтъ уже, единственно чѣмъ заявляетъ себя наша академія наукъ — такъ это ухищреніями по части забаллотирования въ члены академіи выдающихся русскихъ ученыхъ, имѣющихъ общеевропейскую извѣстность, и полевую по поводу этого наглаго забаллотирования. Безъ этихъ проявленій академической «дѣятельности», русское общество совершенно забыло-бы, пожалуй, о существованіи академіи наукъ, — такъ безцвѣтна, безлична, безжизненна наша академія; такъ далеко она стоитъ отъ русской жизни и текущихъ ея потребностей; такъ сильно переполнена русская академія чужеземными элементами, весьма сомнительной притомъ ученой добротности, которые, за весьма щедрое, сравнительно, вознагражденіе изъ скудныхъ народно-государственныхъ русскихъ средствъ, съ неслыханнымъ цинизмомъ и дерзостью издѣваются надъ достоинствомъ и честью русской науки и русскихъ ученыхъ людей. Фактъ изумительный, невѣроятный, но, тѣмъ не менѣе, фактъ. Съ этимъ фактомъ русская печать и люди науки, точнѣе — все русское общественное мнѣніе считается уже болѣе 20-ти лѣтъ. Вопросъ о реформѣ академіи наукъ сталъ на очередь одновременно съ выработкою университетскаго устава 1863 года. За этотъ промежутокъ времени, послѣдовательно реформировался весь складъ и строй русской жизни, но въ отношеніи къ академіи наукъ у насъ остается, почему-то, неизмѣнное *statu quo*.

Короче говоря, наша quasi «система» государственнаго образованія оказывается теперь безъ начала и конца. Въмѣсто общеобразовательной всеобщей начальной школы, какъ органической части школы среднеучебной, у насъ есть кастовая мужицкая школа грамотности, тщательно изолированная отъ школы среднеучебной. Въмѣсто главы національнаго образованія — русской академіи наукъ, — имѣется нѣчто въ родѣ богадѣльни для ученыхъ, очень дорого стоющей государству, куда люди науки удаляются какъ бы на покой но съ тѣмъ, однако, чтобы, ничего не дѣлая для успѣховъ русской науки и на пользу русской націи, въ то же время, какъ можно болѣе подрывать авторитетъ и значеніе русской науки и русскихъ ученыхъ людей. Все же остальное, что помѣщается между этими двумя полюсами системы образованія, представляется нестройнымъ

ворохомъ разношерстныхъ учебныхъ заведеній, не связанныхъ между собою единствомъ руководящаго начала и принциповъ. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ только школъ нѣтъ на Руси? Есть даже спеціальныя школы для приготовленія урядниковъ и окологородныхъ надзирателей, флотскихъ и сухопутныхъ военныхъ писарей, и недавно проектировались нѣкоторыми губернаторами особыя школы для приготовленія волостныхъ писарей, сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ. Но зато нѣтъ даже и признаковъ того, что называется «системою» образованія.

Къ довершенію всего, существующія учебныя заведенія разбросаны между разными министерствами и вѣдомствами, до военнаго и полицейскаго включительно: нѣтъ ни одной отрасли государственной дѣятельности, которая имѣла бы такое обиліе хозяевъ, какъ важнѣйшая, первенствующая отрасль—народное просвѣщеніе. Здѣсь хозяйничаютъ почти всѣ министерства и вѣдомства, притомъ безъ всякаго соглашенія между собою, каждое на свой страхъ и рискъ, по своимъ особымъ соображеніямъ. Трудно представить себѣ, какъ велика степень деморализаціи, проистекающей отъ раздробленія школьнаго дѣла между разными министерствами и вѣдомствами, какъ великъ ущербъ, причиняемый такимъ раздробленіемъ государству и обществу, и успѣхамъ народнаго просвѣщенія. Разбросанность школьнаго дѣла по разнымъ министерствамъ и вѣдомствамъ привела даже къ тому, что мы до сихъ поръ не имѣемъ хотя бы подобія школьной статистики и никакъ не можемъ составить ее. Каждое министерство и вѣдомство, завѣдывающее школами, считаетъ себя полновластнымъ хозяиномъ въ этомъ дѣлѣ,—и положительно невозможно образовать центральное статистическое школьное бюро. Между тѣмъ подробная, полная, всесторонне разработанная школьная статистика—первое, основное условіе завѣдыванія и управленія школами, потому что въ школьномъ дѣлѣ обязательнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, говорить непремѣнно фактами и цифрами; потому что, съ другой стороны, точный цифровой учетъ школьной дѣятельности представляется единственно возможнымъ критеріемъ для оцѣнки результатовъ и хода школьнаго дѣла въ каждый данный моментъ, для провѣрки тѣхъ приемовъ, которые, по тѣмъ или инымъ причинамъ, считались необходимыми или полезными примѣнить въ школьномъ дѣлѣ. Не говоря уже о томъ, насколько важно и необходимо, въ смыслѣ завѣдыванія и руководства дѣлами просвѣщенія, сосредоточеніе всего школьнаго дѣла въ вѣдѣніи одного министерства,—какъ центрального правительственнаго учрежденія по дѣламъ образованія,—изъятіе школьнаго дѣла изъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ представляется, съ другой стороны, существенно полезнымъ и важнымъ съ точки зрѣнія экономической. Сосредоточе-

ніе всего школьнаго дѣла въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія повлечетъ за собою сокращеніе всѣхъ расходовъ по дѣлопроизводству, административному управленію и инспекціи школъ, разбросанныхъ въ настоящее время по разнымъ министерствамъ и вѣдомствамъ. Сокращеніе же это, въ общей сложности, настолько значительно, что, безъ всякихъ новыхъ затратъ со стороны государства и общества, можно открыть нѣсколько десятковъ новыхъ среднеучебныхъ заведеній на счетъ суммъ, сэкономленныхъ путемъ объединенія школьнаго дѣла въ одномъ вѣдомствѣ.

Словомъ, съ какой бы стороны мы ни рассматривали организацію нашего государственнаго образованія,—у насъ нѣтъ системы, не только въ смыслѣ взаимнаго соотношенія и связи между разнородными учебными заведеніями, но даже и въ отношеніи административно-хозяйственнаго завѣдыванія и управленія школами. Недостатокъ же организаціи кореннымъ образомъ вліяетъ и на самую сущность народнаго просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, посредственность или даже положительная бездарность, случайно попавшая въ среднеучебное заведеніе, имѣетъ возможность послѣдовательно подниматься по ступенямъ образованія и становиться въ рядахъ интеллигенціи, такъ или иначе заправляющей ходомъ всей народно-государственной жизни и дѣятельности. Наоборотъ, натурѣ талантливой, затерявшейся въ начальной школѣ, закрытъ ходъ къ дальнѣйшему образованію, и, въ силу этого, государство и общество лишается наиболѣе производительной интеллигентной силы. Въ то же время, отсутствіе строго выдержанной системы общаго средняго образованія принижаетъ общій уровень образованія и развитія въ странѣ,—низводитъ до минимума количество знаній, вращающихся не только въ народной массѣ, но и въ образованной средѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, обязательно-спеціальныи характеръ каждаго изъ существующихъ среднеучебныхъ заведеній принижаетъ и профессиональныя занятія. Совершенно случайно, но тѣмъ не менѣе насильственно, дѣти, съ малыхъ лѣтъ, по выбору родителей, подготавливаются къ какой-либо профессіи—духовной, военной, морской, сельско-хозяйственной, ремесленной, театральной и т. д. Понятно, что такой насильственный способъ подготовленія къ профессиональнымъ занятіямъ не можетъ дать государству и обществу людей, увлеченныхъ тѣмъ дѣломъ, которому они обязаны служить, преданныхъ ему. Въ результатъ оказывается, что вся система средняго образованія, представляющая ядро государственнаго образованія, имѣетъ чисто ремесленный характеръ. Какъ ремесленникъ, относится къ дѣлу и ребенокъ, насильственно втолкнутый въ то или другое учебное заведеніе, подъ страхомъ наказанія начинаемый здѣсь разными

спеціальностями, къ которымъ не лежитъ и не можетъ лежать живая, пытливая дѣтская натура, жадная лишь до всего того, что развиваетъ, оформливаетъ, т. е. образуетъ и воспитываетъ чело­вѣка вообще, а не втискиваетъ его въ узкія рамки спеціальности. Какъ ремесленникъ, относится къ дѣлу взрослый чело­вѣкъ, становясь у той или другой отрасли практической дѣятельности, къ которой у огромнаго большинства дѣятелей совер­шенно не лежитъ душа, какъ къ спеціальности, чуждой природ­нымъ дарованіямъ и влеченію. Такимъ образомъ, спеціальная постановка среднеучебныхъ школъ, рассчитанная именно на то, чтобы дать государству и обществу требуемое количество рабо­чихъ силъ, достигаетъ совершенно обратной цѣли: изъ школъ выходятъ не спеціалисты по разнымъ отраслямъ общественной дѣятельности, а грубые ремесленники, тяготящіеся на­вязаннымъ имъ родомъ занятій. Эта ремесленность чувствуется въ каждой сферѣ общественной дѣятельности, на каждомъ шагу, и вызываетъ повсемѣстные жалобы со стороны печати и органовъ мѣстнаго самоуправленія, въ теченіе болѣе 10-ти лѣтъ уже.

Мы считали обязательнымъ констатировать фактъ нынѣшней дезорганизациі въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, именно въ виду перемѣны въ личномъ управленіи министерствомъ просвѣщенія, происшедшей два мѣсяца тому назадъ. Мы не рискуемъ ошибиться, допустивъ самыя добрыя намѣренія со стороны нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, И. Д. Делянова, въ смыслѣ улучшенія организациі образовательнаго дѣла и соз­данія дѣйствительной системы государственнаго образованія, цѣльной, законченной, полной. Въ этихъ именно видахъ, мы и намѣтимъ планъ школьной системы, отвѣчающій исторіи обра­зовательнаго дѣла въ Россіи, потребностямъ практической рус­ской жизни и современнымъ требованіямъ педагогіи.

Прежде всего, условимся относительно спорнаго пункта— такъ называемаго профессиональнаго образованія, или приклад­ныхъ знаній. По этому предмету болѣе 15-ти лѣтъ уже ведется безсодержательная и бесплодная полемика, затемняющая, однако, суть дѣла. Вопросъ же, въ сущности, очень простой. Государ­ственное образованіе должно преслѣдовать двоякую цѣль: в о п е р в ы х ъ , образоватъ, развитъ подростующее поколѣніе въ гуманитарномъ отношеніи; в о в т о р ы х ъ , приспособить его къ практической дѣятельности, вооружить знаніями и опытностью, необходимыми въ практической жизни, чтобы достигнуть наилуч­шей производительности въ трудѣ, чтобы съ наибольшею лег­костью и пользою для себя и другихъ снискивать безбѣдное тру­довое пропитаніе. И та, и другая сторона образованія одина­ково важны для государства и общества; но смѣшивать ихъ

невозможно, какъ невозможно давать перевѣсъ одной сторонѣ надъ другою. Человѣкъ, получившій только ремесленную выправку, но не облагороженный общимъ образованіемъ, гуманитарнымъ развитіемъ, это—грубая рабочая сила, на подобіе машины, а не человѣкъ, въ смыслѣ «образа и подобія Божія». Наоборотъ: получившій общее гуманитарное развитіе и образованіе, не настолько полное и законченное, чтобы существовать интеллигентнымъ трудомъ, нуждается въ профессиональномъ обученіи, знаніяхъ прикладныхъ; иначе, несмотря на важность общаго образованія и развитія и бесспорную приложимость его къ жизни, онъ рискуетъ быть лишнимъ членомъ общества, бременемъ для него, общественнымъ паразитомъ, потому что руки не приспособлены ни къ какому практическому дѣлу,—нѣтъ навыка, сноровки принятыя за черный трудъ и, затѣмъ, постепенно создать себѣ независимое, болѣе или менѣе обеспеченное трудовое положеніе. Вотъ почему, на всѣхъ ступеняхъ образованія, отъ начальнаго до высшаго включительно, параллельно должны идти двѣ отрасли образованія—общее и профессиональное, или прикладное (сельско-хозяйственное, техническое, ремесленное, торгово-промышленное, художественное и т. д.).

Затѣмъ,—какъ это ни странно съ перваго взгляда,—приходится условиваться и по другому, еще болѣе существенному вопросу: должно-ли быть начальное образованіе узко-народнымъ, въ смыслѣ рабочей массы населенія, или же общенароднымъ, т. е. всеобщимъ? Дѣйствительно, странно ставить такой вопросъ, давно разрѣшенный принципиально во всемирной педагогической литературѣ въ смыслѣ обязательной всеобщности начальнаго образованія. Мы не будемъ ссылаться на постановку начальнаго образованія въ Америкѣ, гдѣ оно, искони вѣковъ, всеобщее, съ предоставленіемъ притомъ полной свободы въ отношеніи смѣшенія половъ и возрастовъ учащихся. Остановимся на Германіи, которой мы будто бы подражали и подражаемъ въ организациі народнаго образованія.

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ философъ Фихте о необходимости всеобщаго начальнаго образованія: «Мы желаемъ, посредствомъ новой системы воспитанія, образовать изъ нѣмецкаго народа единое цѣлое, отдѣльные члены котораго руководились и оживлялись бы одними и тѣми же общими интересами. Но еслибы и теперь какимъ-нибудь способомъ вздумали отдѣлить образованное сословіе отъ необразованнаго, то это послѣднее было не за насъ, но стало бы дѣйствовать противъ насъ, отпало бы отъ насъ и послужило бы къ нашей же гибели. Поэтому, намъ ничего не остается дѣлать, какъ распространить новое образованіе на всѣхъ безъ исключенія, кто

только носить имя нѣмца,—такъ чтобы оно было не образованіемъ какого-либо сословія, но образованіемъ націи, какъ таковой, безъ всякаго исключенія отдѣльныхъ ея членовъ,—образованіемъ, въ которомъ сглаживалось бы, исчезало всякое различіе сословій, званій и состояній, различіе, могущее имѣть мѣсто въ другихъ отрасляхъ народной жизни». Еще болѣе выразительно говорить, по этому же поводу, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ германскихъ педагоговъ, д-ръ Фридрихъ Диттесъ: «Счастіе, внутренняя сила и прочное существованіе государствъ основываются не на томъ высокоомъ развитіи, какого могутъ достигать отдѣльные индивидуумы и классы общества, но на томъ развитіи, благодаря которому вся нація возвышается до истинно-человѣческаго существованія. Рѣзкое раздѣленіе между образованными и необразованными во все времяна оказывалось столь-же гибельнымъ, какъ рѣзкій контрастъ между сословіями духовнымъ и свѣтскимъ. Народы теряютъ отъ этого единство, созваніе солидарности, патріотизмъ, и раздробляются на части, изъ которыхъ каждая заботится лишь о своихъ собственныхъ интересахъ. Поэтому, неразумно оставлять въ пренебреженіи народныя школы и чрезмѣрно заботиться о среднихъ, специальныхъ и высшихъ школахъ,—удѣлять на первыя лишь скудныхъ средства только для того, чтобы имѣть возможность богато обставить послѣднія: подобнаго рода явленіе, обыкновенно, встрѣчается у народовъ или клонящихся къ упадку, или коснѣющихъ въ полуварварскомъ состояніи и потому гонящихся за высшимъ блескомъ. Забота государства объ основательномъ и доступномъ для всѣхъ элементарномъ образованіи есть наилучшая опора внутренняго единства націи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ всѣмъ даровитымъ людямъ возможность достигать того или другаго высшаго научнаго образованія. Расходъ общественныхъ средствъ на образованіе всего учащагося юношества есть гораздо лучшее употребленіе этихъ средствъ, чѣмъ расходъ на образованіе меньшинства, изъ котораго выходитъ такъ много посредственностей въ наукѣ и искусствѣ».

Мы не будемъ входить въ разборъ побужденій и цѣлей, которыми руководствовались, взваливая на усталыя мужицкія плечи заботу о начальномъ образованіи и обособляя эту отрасль образованія, будто бы, какъ специальное мужицкое дѣло. Но этотъ грозный фактъ, съ точки зрѣнія національнаго единства и солидарности государственнаго населенія, произвелъ уже свое ужасное, разрушительное вліяніе. Населеніе государства, сравненное въ отношеніи участія въ общественныхъ учрежденіяхъ, судѣ и войскѣ, но, въ то же время, тщательно раздѣленное въ дѣлѣ образованія на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, не только не слилось, но еще болѣе разошлось. Вѣками соз-

данная бездна между привилегированными и непривилегированными классами, — не смотря на реформы прошлаго царствованія, направленные непосредственно къ уничтоженію сословной розни и слянію между собою различныхъ классовъ населенія, — не только не уничтожилась, но, подъ вліяніемъ кастовой разобщенности и замкнутости разныхъ сословій и классовъ въ дѣлѣ образованія, еще болѣе расширилась, углубилась, и продолжаетъ расширяться и углубляться. Школа, способствовавшая увеличенію размѣровъ этой пропасти, должна и уничтожить ее, тѣмъ болѣе, что вѣтъ школы нѣтъ никакихъ другихъ средствъ, чтобы уничтожить эту ужасную пропасть, это величайшее общественное и государственное бѣдствіе. Теперь, какъ извѣстно, на очереди стоитъ вопросъ о преобразованіи всего мѣстнаго управленія. Въ предыдущей книжкѣ нашего журнала *) мы представили подробную картину земскихъ проектовъ по переустройству всего мѣстнаго управленія (сельскаго, уѣзднаго и губернскаго) на началахъ всесословнаго самоуправленія. Значить, «не ко двору» пришлось намъ искусственно поддерживаемая сословная разобщенность и рознь, — она гнететъ всѣхъ и каждаго, и практическая жизнь, въ лицѣ земства, какъ крупнѣйшаго и авторитетнѣйшаго изъ органовъ общественнаго самоуправленія, громко протестуетъ противъ сословной обособленности, сдѣлавшей такъ много зла для русской народно-государственной жизни. Такимъ образомъ, логика событій неумолимо придвигаетъ насъ ко всесословности во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности и, разумѣется, прежде всего, въ дѣлѣ просвѣщенія.

Въ началѣ каждаго учебнаго года поднимаются стоны и скрежетъ зубовъ родителей, не находящихъ мѣста, гдѣ бы принять дѣтей, вступившихъ въ школьный возрастъ. «Негдѣ учить и воспитывать дѣтей!» — вотъ за душу хватающій крикъ, который ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ уже, съ неизмѣнною правильностью, повторяется съ началомъ каждаго учебнаго года. Въ народныя школы, въ общей сложности, поступаетъ не болѣе половины или трети количества дѣтей, желающихъ учиться. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ на одно вакантное мѣсто приходится по 35—45 и болѣе прошеній. Въ высшія спеціальныя учебныя заведенія (по прикладнымъ знаніямъ) едва ли поступаетъ и третья часть лицъ, ищущихъ высшаго образованія. Словомъ, на всѣхъ ступеняхъ образованія, во всѣхъ кастово-сословныхъ учебныхъ заведеніяхъ, нѣтъ мѣста ищущимъ образованія, нѣтъ возможности объять всѣхъ, желающихъ учиться. И виновата въ этомъ, прежде всего, нынѣшняя без-

*) См. «Наши внутреннія дѣла» («Голосъ земства о мѣстномъ управленіи»).

системность или даже дезорганизация образовательного дѣла въ Россіи.

Поставьте начальное образованіе, какъ естественную ступень, какъ органическую часть средняго образованія,—вы этимъ самымъ привлечете къ участию въ расходахъ на начальное образованіе всѣ сословія и классы общества. Младшіе классы среднеучебныхъ заведеній отпадутъ сами собою и разбросаются по провинціальнымъ захолустьямъ, свободно захватывая всѣхъ тѣхъ, которые теперь не могутъ достучаться въ двери среднеучебныхъ заведеній. Долженъ быть установленъ минимумъ, какому количеству младшихъ классовъ среднеучебной школы должна отвѣчать начальная школа; но, затѣмъ, каждому мѣстному обществу должно быть предоставлено право расширять программу начальной школы, примѣрно, до половины курса среднеучебной школы. Обученіе въ начальной школѣ должно быть бесплатное, потому что эти школы учреждаются на средства мѣстнаго общества.

Сочтите же теперь, какая огромная выгода для государства, мѣстнаго общества, интересовъ народнаго просвѣщенія и учащихся получится отъ организациі начальной образованія, какъ естественной части средняго образованія. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ всѣхъ русскихъ городовъ, кромѣ столичныхъ и трехъ—четырехъ самыхъ большихъ провинціальныхъ городовъ, весьма значительно преобладаютъ дѣти не городскихъ, а уѣздныхъ жителей. Содержаніе же въ городѣ своекоштнаго ученика, съ платою за ученіе, обходится въ годъ: въ небольшихъ городахъ—до 450 рублей; въ городахъ покрупнѣе—свыше 600 руб.; въ крупныхъ же городахъ—до 850 рублей и болѣе. Представьте теперь положеніе родителей, живущихъ въ уѣздѣ, которымъ сразу приходится давать образованіе троиць-четверымъ дѣтямъ. Какое состояніе нужно имѣть, чтобы выдержать такую чудовищную школьную повинность!?. Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется дѣло, когда младшіе классы среднеучебной школы размѣстятся по селамъ и деревнямъ, какъ начальныя школы. Всесословная начальная школа должна осуществиться одновременно со всесословнымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, которое представляетъ такую же насущную и жгучую потребность жизни, какъ и всесословное народное образованіе. Однимъ изъ главныхъ основаній всесословнаго самоуправленія является измѣненіе податной системы, т. е. уравненіе всевозможныхъ платежей и повинностей, сообразно наличности доходовъ каждаго, съ непремѣннымъ условіемъ самообложенія плательщиковъ, какъ одной изъ существеннѣйшихъ принадлежностей истиннаго самоуправления. При этомъ условіи, не можетъ быть обременительнымъ для населенія отбываніе всѣхъ вообще, какъ общегосударствен-

ныхъ, такъ и мѣстныхъ платежей и повинностей, въ томъ числѣ и спеціальнаго школьнаго налога. Такимъ образомъ, является полная возможность отмѣнить нынѣшнюю безобразно-высокую «школьную повинность», которою обложены въ настоящее время всѣ безъ исключенія родители, которая рѣшительно обездоливаетъ ихъ, представляется дѣломъ величайшей несправедливости въ отношеніи родителей и дѣтей,—дѣломъ, притомъ, въ высшей степени вреднымъ со стороны самыхъ основныхъ общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Въ отношеніи же учащихся, устройство начальной школы, какъ органической части среднеучебной школы,—величайшее благодѣяніе. Тогда не будетъ никакой необходимости отрывать дѣтей младшаго школьнаго возраста, еще не окрѣпшихъ физически и нравственно, отъ родной семьи, увозить ихъ въ городъ и сдавать на руки чужимъ людямъ. А это очень много значитъ для сохраненія физическаго здоровья дѣтей, а также цѣльности, живости и непосредственности дѣтской природы. Съ другой стороны, громадное преимущество имѣетъ деревенское обученіе передъ городскимъ, чисто въ педагогическомъ отношеніи. Деревня представляетъ всѣ условія для развитія дѣтской наблюдательности и пытливости, для пракческаго, дѣловаго обученія непосредственно на явленіяхъ природы, фактахъ дѣйствительной жизни, проходящей тутъ же, передъ глазами учащихся, что совершенно невозможно при городскомъ обученіи, гдѣ природу приходится замѣнять атласами, картинами, рисунками, приборами и т. д. Поставьте начальную школу, какъ часть среднеучебной школы, т. е. размѣстите младшіе классы среднеучебныхъ заведеній по селамъ и деревнямъ,—и вы совершенно переродите, однимъ только этимъ, физиономію среднеучебной школы, усовершенствуете ее во всѣхъ отношеніяхъ. Въмѣсто нынѣшнихъ хилыхъ учениковъ среднеучебныхъ заведеній, съ весьма скудною наблюдательностью, вы получите здоровыхъ, рѣзвыхъ, пытливыхъ дѣтей, съ живымъ, наблюдательнымъ, развитымъ умомъ, способныхъ къ успѣшному, плодотворному ученію.

Здѣсь необходимо сдѣлать весьма существенную оговорку въ отношеніи начального образованія. Эта отрасль образованія должна распасться на двѣ части: а) обязательное обученіе грамотѣ поголовно всѣхъ дѣтей младшаго школьнаго возраста и б) общее начальное образованіе, представляющее совершенно законченный курсъ и, въ то же время, дающее возможность продолжать образованіе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Существующая теперь, подъ именемъ народной, спеціально-мужицкая школа представляетъ собою, говоря вообще, отнюдь не общеобразовательное начальное учебное заведеніе, а почти единственно школу простой грамотности, т. е. чтенія, письма и элементарнаго счета. Нѣкоторое исключеніе,

въ этомъ отношеніи, можно сдѣлать для начальныхъ школъ въ большихъ городахъ и самаго незначительнаго процента сельскихъ народныхъ школъ. Но даже и въ этихъ, сравнительно, благоустроенныхъ школахъ уровень общеобразовательной программы такъ ничтоженъ, что, строго говоря, и онъ не удовлетворяютъ требованіямъ общеобразовательнаго начального учебнаго заведенія.

По недомыслию, или съ предвзятою цѣлью, у населенія отнято было право обучаться простой грамотѣ своими домашними средствами, внѣ сельской школы, стѣющей—замѣтимъ встаети—слишкомъ дорого для тощаго, дыряваго крестьянскаго кармана. Въ послѣднія 10 лѣтъ, послѣ введенія всесословной воинской повинности, въ сельскомъ населеніи весьма сильно сказалось стремленіе къ обученію дѣтей. Дороговизна школъ, установленныхъ министерствомъ просвѣщенія для сельскаго населенія, заставила крестьянъ изобрѣсти свои особыя домашнія деревенскія школки грамотности. Во все время управленія гр. Толстаго министерствомъ просвѣщенія эти маленькія крестьянскія школки подвергались самому необузданному преслѣдованію со стороны мѣстнаго учебнаго начальства и администраціи, наравнѣ съ корчемствомъ, провозомъ контрабанды и т. д.,—и крестьянству приходилось тщательно укрываться съ обученіемъ дѣтей грамотѣ своими домашними средствами, словно съ какимъ-нибудь зловреднымъ подпольнымъ дѣломъ. Будущему историку образовательнаго дѣла въ Россіи предстоитъ серьезно поразмыслить надъ этими двумя, дѣйствительно замысловатыми и полными даже трагизма фактами: съ одной стороны, всякая попытка расширить общеобразовательную программу начальной школы приравнивалась мѣстной учебною администраціею чуть-чуть не къ политической неблагонамѣренности и, весьма нерѣдко, вызывала даже закрытіе школъ; съ другой воздвигалось гоненіе на стремленіе крестьянъ обучать дѣтей грамотѣ тѣми средствами, какія имъ наиболѣе подѣ силу. Чтѣ это—ошибка, заблужденіе, или преднамѣренное, сознательное стремленіе держать народную массу въ невѣжествѣ, т. е. въ такомъ положеніи, когда не только не можетъ быть національнаго единства, но масса народная прямо противопоставляется образованнымъ классамъ, относится недовѣрчиво или даже враждебно ко всему развивающему, облагораживающему, во всѣхъ отношеніяхъ тормозитъ развитіе народно-государственной жизни и дѣятельности, наноситъ самый страшный вредъ государству и обществу. Кому же и въ видахъ чего именно можетъ быть на руку такой порядокъ вещей!?

Страшно подумать даже, какое громадное зло причинено русской жизни обязательствомъ обучаться простой грамотѣ не иначе, какъ въ народной школѣ, и запретомъ на маленькія кре-

стьянскія школы грамотности. Придерживаться такого порядка распространения грамотности, — это означает иначе — обречь Россію на вѣчное невѣжество. Подтвердимъ наши слова цифровыми данными. По расчетамъ министерства просвѣщенія, одна начальная школа должна приходиться на 500 человѣкъ взрослого населенія. Значитъ, на все населеніе Россіи необходимо около 200,000 начальныхъ школъ. Не считая расхода на постройку школьнаго зданія и первоначальное обзаведеніе школъ, министерство опредѣляетъ нормальный ежегодный расходъ по содержанію школы въ 500 руб. Слѣдовательно, ежегодный расходъ на содержаніе требуемаго количества народныхъ школъ долженъ составлять около 100.000,000 рублей, т. е. около шестой части всего государственнаго бюджета. Но расчетъ министерства просвѣщенія слишкомъ скупъ и — главное — совершенно ошибоченъ. Онъ сдѣланъ въ примѣненіи къ западно-европейскимъ государствамъ, гдѣ населеніе въ нѣсколько разъ гуще населенія Россіи. Если же принять во вниманіе наши территориальныя и климатическія условія, — то окажется, что на одну школу должно приходиться никакъ не болѣе 250 человѣкъ взрослого населенія. Значитъ, количество школъ, необходимое для того, чтобы обнять всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, должно быть удвоено; вмѣстѣ съ этимъ удвоится и ежегодный расходъ по содержанію школъ. Такимъ образомъ, придерживаясь расчета министерства просвѣщенія и сообразуясь съ бытовыми условіями русской жизни, приходимъ къ выводу, что ежегодный расходъ на одно только содержаніе начальныхъ школъ долженъ составлять около трети всего государственнаго бюджета. Къ этому нужно прибавить еще одновременный расходъ на постройку училищныхъ зданій и первоначальное обзаведеніе ихъ, который также долженъ исчисляться въ милліонахъ рублей.

Расчитывать, что мы когда-то, со временемъ, доростемъ до такого государственнаго и народнаго благосостоянія, что въ состояніи будемъ настроить требуемое количество школъ, что мы подойдемъ къ этому исподволь, постепенно, — было-бы просто неблагоразумно: — это грубый самообманъ. Прежде, чѣмъ мы успѣли бы создать такое количество постоянныхъ народныхъ школъ, придерживаясь притомъ системы «постепенности», невѣжество населенія успѣло бы совершенно разложить насъ въ общественномъ и государственномъ отношеніи. Безпристрастно оглянитесь на нынѣшній ходъ русской жизни, вдумайтесь въ событія, происходящія теперь, измѣряйте ту бездну, которая отдѣляетъ образованные классы отъ массы населенія, примите въ расчетъ то затаенное чувство, съ которымъ относится масса населенія ко всему образованному слою. — и вы согласитесь, что наши слова не только не заключаютъ въ себѣ преувеличе-

нія, но представляютъ, къ несчастію, констатированіе живаго, положительнаго, неотвратимаго факта. Но допустимъ, однако, что чудомъ какимъ-то у насъ явилось бы требуемое количество школъ, чтобы охватить всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что наличность требуемаго количества школъ сдѣлаетъ общедоступнымъ не только начальное образованіе, но хотя бы простую грамотность. Есть еще нужда и бѣдность народная, которыя могутъ не пустить дѣтей въ школу. Значить, нужно непременно предпринять такую мѣру, чтобы даже нищета не препятствовала дѣтямъ учиться, потому что единственно могущественный факторъ въ борьбѣ съ народною бѣдностью—образованіе. По мѣрѣ того, какъ масса населенія погружается въ невѣжество,—богатство поднимается къверху; низшіе же слои населенія погрязаютъ въ самой голой, неприкрытой нищетѣ. Наоборотъ, лишь только свѣтъ образованія начинаетъ касаться низшихъ слоевъ населенія,—богатство спускается къ низу, равномѣрнѣе распределяется по всѣмъ слоямъ государственнаго населенія—и общій уровень экономическаго благосостоянія повышается, въ прямой пропорціи къ повышенію образовательнаго уровня всей массы государственнаго населенія. Это, можно сказать, аксіома политико-экономической науки. Но какъ сдѣлать, чтобы даже нужда и бѣдность не могли помѣшать дѣтямъ учиться?

Въ непосредственномъ соосѣдствѣ съ нами есть государства, которыя, всего полвѣка тому назадъ, были также невѣжественны, какъ невѣжественно теперь населеніе Россіи, и также бѣдны, какъ бѣдны мы теперь. Именно бѣдность и невѣжество населенія заставили эти государства принять мѣры, чтобы сдѣлать образованіе достояніемъ непременно всего государственнаго населенія. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ, климатическія и территоріальныя условія, даже болѣе суровыя и неблагопріятныя, чѣмъ въ Россіи, заставили эти государства довольствоваться самымъ ограниченнымъ количествомъ д о с т о я н н ы хъ начальныхъ школъ и обратить исключительное вниманіе на учрежденіе такою количества подвижныхъ школъ простой грамотности,—т. е. учителей, переходящихъ изъ села въ село и обучающихъ чтенію, письму и счету,—чтобы захватить всѣхъ дѣтей младшаго школьнаго возраста и въ корнѣ уничтожить безграмотность въ подростящемъ поколѣніи. Поголовное обязательное распространеніе грамотности во всемъ населеніи, опирающееся притомъ на свободное обращеніе въ массѣ населенія книги, печатнаго слова, не замедлило сдѣлать свое дѣло. Работа подвижныхъ школъ вызвала быстрое открытіе массы новыхъ постоянныхъ начальныхъ школъ; поднятіе уровня народнаго развитія путемъ чтенія, т. е. самообразованія, способствовало значительному рас-

ширенію объема общеобразовательной программы въ начальной школѣ, отвѣчающей, въ общемъ, болѣе чѣмъ трети программы нашихъ среднечуебныхъ заведеній. Теперь эти обдѣленные природою государства, такъ жестоко бѣдствовавшія, почти нищенствовавшія въ первую четверть ныняшняго вѣка, занимаютъ уже одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду наиболѣе культурныхъ европейскихъ государствъ, какъ по общераспространенности образованія, такъ и по высокому развитію массы населенія; экономическій уровень государственнаго и народнаго благосостоянія чрезвычайно высокъ; развитіе народной торговли, производительности и промышленности идетъ въ такой прогрессіи, какъ ни въ одномъ изъ остальныхъ европейскихъ государствъ; словомъ, здѣсь совершается мирное, нормальное, неуклонно-прогрессивное развитіе всей народно-государственной жизни. Государства эти—Швеція и Норвегія.

Этотъ примѣръ обязателенъ для подражанія, со стороны Россіи, въ дѣлѣ организаціи начального образованія. Въ послѣднія шесть лѣтъ, русская публицистика очень старательно занималась вопросомъ о подвижной школѣ, и оставалась на немъ въ данномъ случаѣ было бы совершенно напрасно. Существенное отличіе подвижной школы заключается въ томъ, что здѣсь не ученикъ идетъ къ учителю, какъ въ школѣ постоянной, а учитель къ ученику. Въ силу этого, ни распутье, холодъ и снѣжные заносы, ни отсутствіе одежды и обуви—не могутъ помѣшать дѣтямъ учиться и одолѣть простую грамотность, какъ первый шагъ къ образованію. При добросовѣстныхъ усиліяхъ со стороны государства и общества, достаточно 4—5 лѣтъ, чтобы, съ помощью подвижныхъ школъ, сдѣлать поголовно грамотнымъ все подростящее поколѣніе, безъ особенно обременительныхъ расходовъ для государства и общества. Въ подвижной школѣ учителю дается не постоянное помѣщеніе, а опредѣленный районъ, въ нѣсколько разъ превышающій размѣрами районъ постоянной школы. Учитель переѣзжаетъ изъ села въ село и обучаетъ дѣтей грамотѣ, возвращаясь, время отъ времени, въ старые пункты, чтобы понаблудити за занятіями дѣтей, уже одолѣвшихъ грамоту, поруководити ими. Нынѣшній усовершенствованный способъ з в у к о в а г о о б у ч е н і я грамотѣ дѣлаетъ возможнымъ даже самообученіе дѣтей чтенію и письму, при незначительномъ руководствѣ со стороны учителя. Каждая постоянная сельская начальная школа, занимающаяся исключительно простою грамотностью, выпускаетъ ежегодно едва нѣсколько десятковъ дѣтей, научившихся кое-какъ читать и писать. Каждая же подвижная сельская школа, стоящая почти вдвое дешевле постоянной школы, можетъ выпускать ежегодно сотни дѣтей, умѣющихъ читать, писать и знающихъ элементарный счетъ.

Подвижная школа, без сомнѣнія, будетъ очень популярна въ сельскомъ населеніи. Даже и теперь ужъ деревенскія школы, устраиваемыя крестьянами по собственному почину, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ имѣютъ характеръ чисто подвижныхъ школъ и называются крестьянами «перехожими школами». Нужда, стремленіе къ удешевленію образованія, изъ крайности, подсказали крестьянамъ этотъ типъ школъ. Ровно восемь лѣтъ назадъ, вятское губернское земство намѣтило ту именно организацію начального образованія, о которой мы говоримъ здѣсь: то-есть, устройство подвижныхъ школъ, чтобы обязательно охватить всѣхъ дѣтей младшаго школьнаго возраста и вооружить ихъ грамотностью, а затѣмъ уже, учрежденіе начальныхъ школъ, непременно какъ общеобразовательныхъ элементарныхъ учебныхъ заведеній, куда должны поступать дѣти, знающія читать, писать и элементарный счетъ. При этихъ условіяхъ, задача начальной школы облегчается и упрощается; избавляясь отъ безграмотныхъ, которые очень тормозятъ классное занятіе, можно, при томъ-же количествѣ учебного времени, которое затрачивается теперь въ начальной школѣ (три зимы), выполнить очень солидную элементарную общеобразовательную программу. Но бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, рѣшительно и категорически отвергъ организацію начального образованія, предложенную вятскимъ земствомъ, и наложилъ безапелляціонный запретъ на подвижную школу, безъ помощи которой мы обречены на вѣковѣчное безграмотство и невѣжество массы населенія. По давнымъ, относящимся къ 1878 году, въ европейской Россіи начальная школа захватываетъ едва одну двѣнадцатую часть дѣтей школьнаго возраста. Но нужно замѣтить при этомъ, что въ послѣдніе четыре года, подъ влияніемъ обѣдненія, голодовокъ и опустѣнія земской кассы, сократилась не одна сотня начальныхъ школъ. Если же принять въ расчетъ Кавказъ, Туркестанскій край, Сибирь и прочія окраины Россіи,—оказывается, что, въ общей сложности, въ Россіи едва-ли обучается и одна двѣдцатая часть дѣтей школьнаго возраста. Естественно, поэтому, что тѣ немногіе результаты, которыхъ достигаетъ нынѣшняя начальная школа, тонутъ, гложутъ въ массѣ народнаго невѣжества,—и то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ обнаруживается рецидивъ безграмотности, едва-ли даже не болѣе опасный и позорный для общества, чѣмъ рецидивъ преступности. Все это, надо полагать, было не безызвѣстно графу Д. А. Толстому, воздвигшему гоненіе на подвижныя школы. Какъ вятское, такъ и многія другія земства неоднократно возбуждали ходатайства о разрѣшеніи такихъ школъ; но это не сняло съ нихъ запрета. Правда, у насъ существуютъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ подвижныя школы (напримѣръ, въ петербург-

ской, вятской, тульской, тверской и нѣкоторыхъ другихъ); но мы обязаны этимъ не министерству просвѣщенія, а исключительно ловкости крестьянъ въ укрывательствѣ домашнихъ способовъ обученія дѣтей.

Мы указываемъ на подвижныя школы, какъ на обязательную часть системы государственнаго образованія. вмѣстѣ съ тѣмъ, должна быть предоставлена полная свобода заниматься обученіемъ дѣтей грамотѣ каждому желающему, безъ всякаго предварительнаго испрашиванія и выжиданія разрѣшеній. Трудно даже представить себѣ, чѣмъ можетъ быть мотивирована система сыска и полицейскаго дозора въ дѣлѣ обученія дѣтей простой грамотѣ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить боязню какой-то пропаганды въ отношеніи дѣтей младшаго школьнаго возраста, которымъ только-только по плечу простая грамотность. Еще болѣе невѣроятнымъ, даже безумнымъ представляется преднамѣренное удерживаніе массы населенія въ безпомощномъ, безграмотно-невѣжественномъ состояніи. Такъ что же, однако, спутывало до сихъ поръ тяжелыми оковами честные гражданскіе порывы и стремленіе помочь темной массѣ населенія выйти на свѣтлый путь образованія!...

Мы обязаны заимствовать у Швеціи и Норвегіи не только подвижную школу, какъ форму, но и еще болѣе тѣ условія, благодаря которымъ эта маленькая, незатѣйливая школка оказалась могущественнымъ рычагомъ въ дѣлѣ поднятія образовательнаго уровня населенія, т. е. свободное проникновеніе въ народную среду книги, печатнаго слова. Въ каждомъ районѣ подвижной школы должна быть бібліотека, подъ вѣдѣніемъ учителя, для грамотнаго, уже подростостающаго, поколѣнія. При каждой начальной школѣ должна быть общедоступная бібліотека и читальня для взрослога населенія. Все, появившееся въ печати и неизъятое изъ обращенія, должно быть достояніемъ всего населенія; каждый пишущій и издающій имѣетъ въ виду не одно какое-либо сословіе, классъ населенія, а именно всю русскую семью, съ которою нравственно необходимо обмѣняться мыслью и чувствомъ, чтобы провѣрить свои собственные взгляды и убѣжденія. Въ этого условія, нѣтъ возможности для націи жить одною жизнью, — нѣтъ формы для національнаго объединенія. На этомъ именно принципѣ и основано свободное обращеніе въ населеніи книги и печатнаго слова во всемъ образованномъ мірѣ. Разумѣется, не всѣ, обучившіеся грамотѣ въ подвижныхъ школахъ, въ состояніи будутъ получить общее элементарное образованіе въ начальныхъ школахъ; но при условіи свободнаго доступа къ сельскому населенію книги, печатнаго слова, они непременно будутъ самостоятельно продолжать свое образованіе путемъ чтенія и, къ возрасту возмужалости, достигнутъ почтенныхъ размѣровъ

общаго развитія, такъ что имъ будетъ вполнѣ доступенъ языкъ образованныхъ людей.

Словомъ, нужно, во что бы то ни стало, съ корнемъ уничтожить безграмотность населенія, нужно вооружить народъ книгою, открыть ему безпрепятственный доступъ къ печатному слову, — и въковая нравственная слѣпота спадетъ съ отяжелѣвшихъ очей его. Онъ пойметъ и до осязательности убѣдится, что образованный классъ, отъ котораго онъ сторонился, какъ дикарь-ребенокъ, не врагъ его, а лучший и самый надежный другъ. Онъ уразумѣетъ силу и спасительное значеніе образованія, увѣруетъ въ него и будетъ охранять и лелѣять его, какъ самую заветную святыню. Всесловная начальная школа, т. е. истинная національная русская народная школа, сдѣлается священнымъ мѣстомъ въ глазахъ всего населенія, какъ учрежденіе воспитывающее и образующее не ту или другую касту, а будущихъ гражданъ, которыхъ сблизила, примирила и сроднила школа, — сравнивала ихъ въ человѣческихъ правахъ, именно во имя національнаго единства и солидарности, какъ членовъ одной русской семьи. При первыхъ признакахъ нарожденія такой школы, традиціонно-могущественный и несокрушимый русскій кабакъ сгинетъ самъ собою, умретъ естественной своею смертію. Точно также до минимума сократится въ размѣрахъ и русская тюрьма, разрастающаяся по истинѣ гигантскими шагами. Въ жизни не могутъ уживаться рядомъ двѣ такія взаимно-уничтожающія другъ друга противоположности, какъ школа и тюрьма. Не хотите школъ, — стройте тюрьмы, безконечно стройте — и все-таки, въ концѣ концовъ, ихъ будетъ мало. Не хотите тюремъ, — стройте школы, и тюрьмы опустѣютъ, если не уничтожатся сами собою. Наконецъ, тамъ, гдѣ теперь бѣдствуетъ и голодаетъ населеніе, сидя на несмѣтныхъ естественныхъ богатствахъ, которымъ удивляется и завидуетъ весь образованный міръ, начнется разумная, умѣлая разработка естественныхъ сокровищъ, — и ключемъ брызнетъ, золотой рѣкой потечетъ народный и государственный достатокъ!.. Наоборотъ, ставя искусственныя преграды начальному образованію, насильственно втискивая его въ узкія рамки, съ подраздѣленіями притомъ по сословіямъ, мы этимъ самымъ, дѣятельнѣйшимъ образомъ, расширяемъ и углубляемъ пропасть между образованными и необразованными классами. Продолжая эту варварскую работу, мы, незамѣтно для себя, дойдемъ наконецъ до того, что пропасть поглотитъ даже самую національность, безслѣдно сотретъ ее съ лица земли!..

Послѣ того, что сказано выше о требованіяхъ нормальной постановки начального образованія и недостаткахъ нынѣшней нашей системы средняго образованія, немного остается прибавить объ урегулированіи среднееучебнаго образованія. Замѣна

младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній начальными школами дать въ бюджетъ средняго образованія весьма солидное сбереженіе. Прибавляя сюда тотъ остатокъ, который долженъ образоваться вслѣдствіе объединенія всѣхъ учебныхъ заведеній въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія, получимъ настолько солидную сумму, что можно будетъ почти устроить количество существующихъ среднеучебныхъ заведеній. Но дѣло, главнымъ образомъ, не въ количествѣ, а въ качествѣ. Для того, чтобы кореннымъ образомъ видоизмѣнить нашу среднеучебную систему, приспособить ее къ потребностямъ жизни и поднять въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніи, необходимо, прежде всего, создать среднеучебную общеобразовательную школу одного типа, составляющую естественное продолженіе начальной школы и преслѣдующую единственную цѣль—общее гуманитарное образование и развитіе учащихся. Специальное среднее образование, по всѣмъ безъ исключенія отраслямъ (духовное, педагогическое, художественное, артистическое, прикладное, военное, морское и т. д.), обязательно должно слѣдовать за общимъ образованіемъ. Тогда каждый будетъ выбирать себѣ путь практической дѣятельности сознательно, обдуманно, согласно своимъ природнымъ дарованіямъ и душевному влеченію, будучи притомъ достаточно развитымъ и подготовленнымъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи для такого выбора. При этомъ условіи, государство получить развитыхъ, опытныхъ, преданныхъ дѣлу работниковъ на всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности. Лица, окончившія общее среднее образование и желающія получить высшее, также должны проходить специальный подготовительный къ высшему образованію курсъ, куда, между прочимъ, войдутъ и древніе языки, которые окончательно должны быть изгнаны изъ общеобразовательной среднеучебной программы и замѣнены новыми языками.

На прохожденіе полного образовательнаго курса,—въ школахъ: начальной, средней общеобразовательной и специальной,—не потребуетъ болѣе 8 лѣтъ. Не считая времени обученія въ подвижной школѣ, какъ обученія домашняго, полный образовательный курсъ долженъ распредѣлиться приблизительно такъ: на начальное образование—три года (три зимы); на общее среднее образование—три года; на среднее специальное образование—два года. Насколько производительно можетъ быть ученіе въ начальной школѣ, объ этомъ сказано выше. Тотъ, кто знакомъ съ дѣятельностью начальныхъ деревенскихъ школъ, согласится съ нами, что, освободивъ начальную школу отъ обученія грамотности, поставивъ ее удовлетворительно въ учебномъ отношеніи, можно смѣло поручиться, что въ «три зимы» (т. е. по 6—7-ми учебныхъ мѣсяцевъ въ году) можно пройти въ начальной школѣ

больше того, что проходитъ теперь въ трехъ первыхъ классахъ среднеучебныхъ заведеній, при обученіи сплошь чуть не цѣлый годъ. Въ виду того, что начальная школа будетъ готовить для средней школы людей здоровыхъ тѣломъ и душою, развитыхъ, наблюдательныхъ, способныхъ и воспріимчивыхъ къ учению, притомъ съ навыкомъ самостоятельно учиться и работать, три года на общее среднее образованіе — вполне достаточный срокъ. Наконецъ, два года на спеціальное среднее образованіе для людей, получившихъ уже общее среднее образованіе, — это такой значительный срокъ, въ теченіе котораго можно пройти половину университетскаго курса или любого изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній; во всякомъ же случаѣ, спеціальная среднеучебная подготовка, при этомъ условіи, будетъ несравненно серьезнѣе и основательнѣе, чѣмъ въ нынѣшнихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Что же касается причинъ, почему древніе языки должны быть изгнаны изъ общеобразовательнаго курса средней школы, то объ этомъ смѣшно даже было бы распространяться, въ виду общеобразовательнаго назначенія этой школы. Напомнимъ, между прочимъ, читателямъ, что такъ-называемая «классическая система образованія» потерпѣла, наконецъ, смертельное фиаско даже въ Германіи, откуда она была перенесена въ Россію и, въ моментъ священнодѣйственнаго перенесенія, немилосердно искалѣчена вандалскими руками нашихъ насаждателей классицизма, вслѣдствіе непомернаго усердія «не по разуму» во время насажденія и прививки.

Главою всей отрасли высшаго образованія является университетъ. Въ чемъ заключаются слабыя стороны нашихъ университетовъ и какъ ихъ улучшить — это подробно, доказательно разсмотрѣно въ январьской и февральской книгахъ нашего журнала, въ статьѣ В. И. Модестова — «Университетскій вопросъ». Какъ на непроезводительнѣйшую трату казенныхъ денегъ въ области высшаго образованія, нельзя не указать на обособленность слѣдующихъ высшихъ учебныхъ заведеній: духовныхъ академій, военно-юридической академіи, ветеринарныхъ институтовъ, лицеевъ и училища правовѣдѣнія. Разъ существуетъ высшее ученое юридическое учрежденіе — юридическій факультетъ, — никакой военно-юридической академіи, лицеевъ и училища правовѣдѣнія — быть не должно: они должны слиться съ юридическимъ факультетомъ въ университетскихъ городахъ; а гдѣ нѣтъ университета (например, въ Ярославлѣ), — образовать собою юридическій факультетъ, организованный по плану университетскаго факультета и съ тою же системою управленія, какъ въ факультетѣ. Духовныя академіи должны слиться съ университетами, образовавъ богословскій факультетъ; точно также и ветеринарные институты должны примкнуть къ медицинскимъ факультетамъ. Не говоря

ужь о томъ, насколько важно такое объединеніе съ точки зрѣнія интересовъ высшаго образованія, нельзя упустить изъ виду, что сліянiе указанныхъ высшеобразовательныхъ заведеній съ университетами дастъ сбереженіе матеріальныхъ средствъ, въ общемъ, настолько значительное, что ихъ хватить, по крайней мѣрѣ, на устройство двухъ новыхъ университетовъ въ Россіи. А это дѣло не шуточное!

Все сказанное о мужскомъ образованіи вполне примѣняется и къ женскому. Начальное образованіе мальчиковъ и дѣвочекъ съ удобствомъ можетъ быть слито, хотя и не слѣдуетъ ставить это непремѣннымъ условіемъ. Какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, параллельно начальной общеобразовательной школѣ, должно существовать низшее профессиональное образованіе — сельскохозяйственное, ремесленное, техническое, торговое и т. д.; для дѣвочекъ же, кромѣ того, и рукодѣльное. Среднее женское образованіе также должно распадаться на общеобразовательное и специальное. Въ специальномъ среднемъ женскомъ образованіи необходимо обратить особенное вниманіе на педагогическое образованіе, такъ какъ исключительно женскія среднеучебныя заведенія должны создать главный, основной контингентъ наставницъ для начального образованія. Само собою разумѣется, что женскій педагогическій трудъ не исключаетъ и мужскаго труда. Но въ виду того, что все начальное образованіе должно находиться въ рукахъ людей непремѣнно съ среднимъ и специально-педагогическимъ образованіемъ, несравненно легче будетъ образовать постоянный контингентъ педагоговъ по начальному образованію съ помощью женскихъ, чѣмъ мужскихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ улучшеніе въ постановкѣ общеобразовательной и специальной части средняго образованія еще болѣе расширитъ передъ мужчиною выборъ професій, притомъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ скромный педагогическій трудъ. Что же касается высшаго женскаго образованія, то этому вопросу посвящена была особая статья—«Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи за 20 лѣтъ» *), гдѣ подробно прослѣжено постепенное развитіе этой отрасли образованія, представлено нынѣшнее его положеніе, указано на неизбежную необходимость включенія этой отрасли въ общую систему государственнаго образованія и уравниванія правъ женщинъ, получившихъ высшее образованіе, съ мужчинами. Въ «Очеркѣ» прослѣжено также взаимное соотношеніе средняго и высшаго женскаго образованія, откуда вытекаетъ, между прочимъ, государственная необходимость высшаго женскаго обра-

*) №№ 4, 5 и 6 «Наблюдателя».

зованія, чтобы, опираясь на него, поднять и среднее женское образованіе до уровня мужскаго.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, вся система народнаго просвѣщенія, охватывающая всѣ отрасли мужскаго и женскаго образованія. Мы не коснулись деталей желательной организаціи нашей академіи наукъ, потому что этотъ вопросъ слишкомъ спеціаленъ и требуетъ особой разработки. Но какъ бы ни была сама по себѣ совершенна система государственнаго образованія, она останется дѣломъ мертвымъ, если примѣненіе этой системы не будетъ поручено непосредственно самому обществу. Въ образовательномъ дѣлѣ правительственная власть должна идти рука объ руку съ обществомъ. Школьное дѣло затрогиваетъ интересы общества самымъ кровнымъ, существеннымъ образомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріальныя средства на тѣ или другія учебныя заведенія отпускаются изъ казны, было бы въ высшей степени полезно привлечь органы мѣстнаго общественнаго управленія къ содѣйствію въ административно-хозяйственной части. Это сближало бы школу съ жизнью, ставило бы общество непосредственно у самаго школьнаго дѣла и въ значительной мѣрѣ способствовало бы привлеченію частныхъ матеріальныхъ средствъ. Само собою разумѣется, что во всѣхъ случаяхъ, когда учебныя заведенія учреждаются на общественныя средства, мѣстное общество должно быть полновластнымъ хозяиномъ и распорядителемъ во всѣхъ дѣлахъ школьнаго управленія, до опредѣленія и увольненія лицъ педагогическаго персонала включительно. Каждое учебное заведеніе, существующее на мѣстныхъ общественныхъ средства, должно имѣть свой особый учительный совѣтъ или попечительство, состоящее изъ представителей мѣстнаго общества и членовъ педагогической корпораціи и совершенно самостоятельно управляющее учебнымъ заведеніемъ, согласно общимъ узаконеніямъ по школьному дѣлу или спеціальному уставу даннаго заведенія. Безъ вѣдома и согласія cadaго частнаго училишнаго совѣта или попечительства, не должно возникать никакихъ распоряженій со стороны учебной администраціи; потому что никто не въ состояніи такъ тщательно и добросовѣстно оградить интересы даннаго учебнаго заведенія, какъ само мѣстное общество, дѣти котораго воспитываются въ этомъ учебномъ заведеніи.

Такая постановка завѣдыванія и управленія школами не только не умалитъ авторитета министерства просвѣщенія, но еще болѣе возвыситъ его, въ нравственномъ смыслѣ, въ глазахъ общества. За министерствомъ останется высшее наблюденіе и завѣдываніе дѣлами просвѣщенія, высшее руководство въ этомъ отношеніи. Разъ только дѣятельность министерства будетъ направлена на благо и пользу общества

и государства,—все доброе, разумное и необходимое въ просвѣдительныхъ цѣляхъ будетъ восприниматься обществомъ охотно, немедленно и съ уваженіемъ. Министерство просвѣщенія будетъ величайшимъ и почетнѣйшимъ авторитетомъ въ глазахъ общества. Ему не придется даже приказывать, повелѣвать. Все, непосредственно стоящее у школьнаго дѣла, охотно и искренно будетъ обращаться къ нему за совѣтами и указа-ніями, какъ къ высшему авторитету въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ,—непремѣнно будетъ искать его руководства, если только руководство это будетъ дѣйствительно просвѣщенное.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Убийство лорда Кавендиша и Бурка.—Предшествовавшая ему мѣропріятія правительства.—Безвыходное положеніе ирландскихъ землевладѣльцевъ.—Поворотъ въ политикѣ консерваторовъ и ихъ проєктъ выкупной операціи.—Неудавшійся расчетъ.—Примиреніе правительства съ ирландцами и освобожденіе заподозрѣнныхъ.—Подробности дублинскаго преступленія.—Переполюхъ въ Лондонѣ.—Засѣданіе парламента 24-го апрѣля.—Манифестъ Парнелля.—Давленіе консерваторовъ и вторичная уступка Гладстона.—Новый Соёгсion bill и возможныя его послѣдствія.

Насилованіе общественнаго организма, какъ и организма всякаго отдѣльнаго живаго существа, не проходитъ даромъ, тѣмъ болѣе, когда производится продолжительное время и систематически. Оно вызываетъ жестокіе болѣзненные припадки, отъ которыхъ одинаково страдаютъ и самый организмъ, и виновники насилія. Припадки эти бывають тѣмъ опаснѣе, что, по большей части, проявляются неожиданно и въ формахъ, нивѣмъ не предвидѣнныхъ. Такимъ ужаснымъ и неожиданнымъ припадкомъ отомстилъ на дняхъ ирландскій общественный организмъ за пратнуемое вѣками надъ нимъ насилованіе.

Страшное убійство двухъ членовъ великобританскаго правительства, лорда Кавендиша и Бурка, въ дублинскомъ Фениксъ-паркѣ, явилось какою-то злой насмѣшкой судьбы надъ мудростью и радужными предположеніями англійскихъ государственныхъ людей. Жертвой его — какъ это зачастую и бываетъ въ подобныхъ случаяхъ — палъ, между прочимъ, человѣкъ ни въ чемъ не повинный, воодушевленный желаніемъ блага ирландскому народу и явившійся какъ-бы вѣстникомъ мира и прощенія. Свершилось оно какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, казалось, для Ирландіи готова была начаться новая эра, обѣщавшая водворить если не благоденствіе, то хоть спокойствіе и справедливость въ этой многострадальной странѣ. Люди близорукіе — на эту самую перемену къ лучшему, т. е. на намѣреніе правительства отказаться отъ тщетныхъ репрессив-

ныхъ мѣръ, что представляется лишь послабленіемъ и умаленіемъ власти,—главнымъ образомъ и стараются свалить всю вину за совершенное въ Дублинѣ преступленіе. Берлинская газета «Post», излюбленный органъ тѣхъ нѣмцевъ, идеалъ которыхъ—ежевыя рукавицы, столь близкія сердцу и нашихъ искоренителей, напечатала телеграмму объ убійствѣ Бурка и Кавендиша подъ выразительнымъ заголовкомъ: Р е з у л ь т а т ы.—Газета правъ: убійство, безспорно, является результатомъ, только не примирительной политики Гладстона, какъ то желательно видѣть бисмарковскому органу, а тѣхъ валовыхъ притѣсненій, которыя чинились надъ ирландскимъ народомъ въ угоду себялюбивымъ инстинктамъ англійскихъ лордовъ и правителей.

Тѣмъ не менѣе, преступленіе въ Фениксъ-паркѣ—дѣйствительно, событіе въ высшей степени трагическое, трагическое особенно потому, что грозитъ поколебать въ людяхъ слабыхъ—а такихъ большинство—вѣру въ успѣхъ дѣла гуманности и справедливости, въ которому собиралось приступить нынѣшнее либеральное правительство Англiи. Чтобы лучше уяснить себѣ значеніе этого прискорбнаго факта и силу впечатлѣнія, произведеннаго имъ въ Великобританіи, не мѣшаетъ бросить взглядъ на реформаторскую дѣятельность Гладстона относительно Ирландіи за послѣдніе два мѣсяца, предшествовавшіе убійству.

Какъ извѣстно, Гладстонъ, сѣрѣя сердце и лишь уступая давленію консерваторовъ и quasi-либераловъ, рѣшился, рядомъ съ аграрнымъ билемъ (Land act), провести и принудительный билъ (Coërcion bill). Какъ опытный и глубоко-просвѣщенный государственный дѣятель, онъ заранѣе предвидѣлъ тщету всѣхъ насильственныхъ мѣропріятій и опасался, что послѣднія только затормозятъ дѣло реформы. Опасенія эти не замедлили оправдаться. Двойственная политика правительства никакихъ благопріятныхъ результатовъ не добила. Въ іюлѣ прошлаго года, вступившій въ силу аграрный билъ, которымъ узаконились главнѣйшія требованія фермеровъ (fixity of tenure, free sale, fair rent), не принесъ ожидаемыхъ плодовъ, т. е. не обезоружилъ аграрной лиги (Landliga), и именно благодаря усердію полиціи и властей въ исполненіи принудительнаго закона; напротивъ того, число аграрныхъ преступленій еще усилилось. Тогда правительство, все еще видя въ усугубленіи административныхъ мѣропріятій единственно надежный якорь спасенія, рѣшается на крайнюю мѣру и арестовываетъ всѣхъ вождей лиги, въ томъ числѣ и Парнелля, съ двумя другими ирландскими членами парламента. Разумѣется, и эта мѣра не достигаетъ цѣли: послѣ ареста Парнелля, Диллона и др., тайныя

общества стали еще дѣятельнѣе. Въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ и другихъ большихъ городахъ, съ значительнымъ ирландскимъ населеніемъ, приходилось жить подъ вѣчнымъ страхомъ феніанскихъ заговоровъ и покушеній; а въ самой Ирландіи не проходило дня, который не ознаменовался бы какимъ нибудь аграрнымъ преступленіемъ. Вредъ пріостановки дѣйствія Habeas Corpus въ Ирландіи связался въ полной силѣ. Несмотря на многочисленность произвольныхъ арестовъ—задержано было до 600 человекъ—полиции не удалось поймать почти ни одного дѣйствительнаго виновника насилій. Наряду съ преступленіями феніевъ и другихъ тайныхъ обществъ, росла и пассивная оппозиція ландлиги, сломить которую оказались бессильными и правительство, и англійскіе консерваторы. No-rent - манифестъ (не платить ренты!) сдѣлался могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ ландлиги. Ирландія, которую нѣкогда Кромвелю удалось обезсилить голодомъ, сама теперь собралась если не изморить голодомъ въ буквальномъ смыслѣ слова, то въ конецъ разорить своихъ лордовъ-землевладѣльцевъ. Терроризмъ крайнихъ партій являлся лишь случайнымъ пособникомъ аграрнаго движенія, и лорды, главнымъ образомъ, страшились не аграрныхъ преступленій, сколько прекращенія всякихъ доходовъ съ ихъ ирландскихъ помѣстій. Ландлигисты отлично сознали, что убійствами не извести всѣхъ ландлордовъ съ ихъ многочисленными семьями, да къ тому-же преступленія эти слишкомъ предосудительны и влекутъ за собой репрессаліи, съ жестокимъ характеромъ которыхъ уже давно освоились ирландцы; бить по карману—средство гораздо вѣрнѣе и радикальнѣе. Теперь ирландскій лордъ-землевладѣлецъ поставленъ просто въ безвыходное положеніе. Ему, по прежнему, приходится производить обычные платежи за землю въ пользу государства, а между тѣмъ земля эта не даетъ ему больше ни копѣйки доходу; для него было-бы положительно выгоднѣе, еслибы помѣстіе его просто конфисковали.

Все это невольно заставило призадуматься даже самыхъ закоренѣлыхъ изъ консерваторовъ. Когда возникла нешуточная опасность ихъ имущественнымъ интересамъ, они стали понимать, наконецъ, что радикальными средствами, которыхъ они такъ усердно добивались, средства, въ родѣ отмены суда присяжныхъ, осаднаго положенія, полицейской расправы, жестокихъ казней и т. п., еще не составляютъ панацеи отъ всѣхъ бѣдъ; что для успѣшной борьбы съ лигой необходимо бороться ея же оружіемъ и самую борьбу свести на социальную-экономическую почву, на которой одни административно-полицейскія мѣропріятія цѣли достигнуть не мо-

гуть. Какъ ни тяжело было англійскимъ консерваторамъ, но они принуждены были нѣсколько измѣнить свою тактику и сами взять въ свои руки дѣло аграрной реформы, справедливо рассчитывая, что только этимъ путемъ они смогутъ остаться хозяевами положенія и кое-что выторговать въ свою пользу. Этотъ поворотъ совершился въ кратковременную пасхальную вакацію, въ которую консерваторы подняли усиленную агитацію противъ либеральнаго правительства и успѣли противопоставить его программѣ разрѣшенія ирландскаго вопроса свою собственную. Въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ за это время лордомъ Салисбюри, наряду съ обычными нападками на либераловъ и Гладстона, съ жалобами на усиленіе атеизма и съ восхваленіями палаты лордовъ, ораторъ проводилъ, между прочимъ, ту мысль, что прошлогодній поземельный законъ, не удовлетворивъ фермеровъ, въ конецъ потрясъ принципъ собственности и что поправить зло можно только постепеннымъ превращеніемъ теперешнихъ арендаторовъ земли въ землевладѣльцевъ—собственниковъ. «Я полагаю, говорилъ онъ, что аграрный законъ долженъ быть измѣненъ, и измѣненіе это возможно лишь въ одномъ направленіи. Я не изъ тѣхъ, которые думаютъ, что, сдѣлавъ разъ революціонный шагъ, можно вернуться назадъ. Аграрная революція, вызванная самимъ же правительствомъ, провела пропасть между прошлымъ и будущимъ, пропасть непроходимую. Надо, чтобы въ Ирландіи право собственности не было болѣе раздѣляемо; надо дать возможность ирландскимъ фермерамъ, соблюдая притомъ строжайшую справедливость относительно нынѣшнихъ ландлордовъ, сдѣлаться собственниками обрабатываемой ими земли». Замѣчательное и неожиданное превращеніе это—положительно достойно времени Биконсфильда. Консерваторы, еще такъ недавно обвинявшіе Гладстона въ социализмъ, теперь сами становятся социалистами. Мало того, они предлагаютъ мѣру, несравненно болѣе радикальную, чѣмъ та, какая проводится аграрнымъ закономъ. Безспорно, предложенная лордомъ Салисбюри реформа была-бы лучшимъ рѣшеніемъ ирландскаго вопроса, еслибы только предлагалась она искренно и за ней не скрывалось задней мысли. Но дѣло въ томъ, что лорды-землевладѣльцы рассчитываютъ этимъ путемъ спасти елико возможно свое достояніе. Салисбюри такъ горячо ухватился за мысль превращенія арендаторовъ въ собственниковъ только потому, что видитъ въ этомъ единственное средство избавить нынѣшнихъ землевладѣльцевъ отъ конечнаго разоренія, которымъ имъ грозитъ и гладстоновскій аграрный законъ, и систематическій неплатежъ аренды фермерами. Какъ извѣстно, въ силу названнаго закона, учреждены были

въ прошломъ году, для рѣшенія споровъ между лордами и фермерами, особые суды, которыми, въ большинствѣ случаевъ, значительно понижена была арендная плата. Это вызвало сильнѣйшую тревогу среди лордовъ, которые принялись усиленно агитировать и противъ дѣйствующаго въ Ирландіи закона. Ради этой цѣли, верхняя палата назначила даже особую комисію для разслѣдованія дѣйствій аграрныхъ судовъ. Затѣя эта однако дальнѣйшаго хода не имѣла, такъ какъ нижняя палата справедливо нашла крайне компрометирующимъ дѣломъ подрывать значеніе только что вотированнаго закона. Потерпѣвъ фіаско, консерваторы и набрели на счастливую мысль—взять дѣло реформы въ свои руки и, такимъ образомъ, явиться благодѣтелями ирландскаго народа. Суть задуманной ими реформы заключается въ слѣдующемъ: консерваторы предлагаютъ капитализировать ренту, которую фермеры должны будутъ уплатить по частямъ землевладѣльцамъ при посредничествѣ государства. Иначе говоря, ирландскіе землевладѣльцы, не предвидя въ будущемъ никакихъ для себя выгодъ отъ своихъ помѣстій, желаютъ ихъ сбыть по возможности выгоднѣе, сваливъ всю тяжесть задуманной операціи на своихъ арендаторовъ и на государство. Къ сожалѣнію, встрѣчается одно обстоятельство, которое консерваторы намѣренно упустили изъ виду. Дѣло въ томъ, что теперешняя арендная плата непомѣрно высока, чѣмъ и объясняется сокращеніе ея аграрными судами; во всякомъ случаѣ, она гораздо выше той, на которую землевладѣльцы, по праву, могли-бы разсчитывать. Принять ее за норму для выкупной операціи—значило-бы въ конецъ разорить будущихъ мелкихъ землевладѣльцевъ и даже сдѣлать самый выкупъ земли немислимымъ. Фермеры, разумѣется, ни за что не согласятся на такую сдѣлку, развѣ только въ томъ случаѣ, если само государство возьметъ на себя уплату значительной части слѣдуемаго землевладѣльцамъ вознагражденія; но это неминуемо поведетъ за собой увеличеніе налоговъ, на что англійскій народъ едва-ли согласится. Если сами лорды-землевладѣльцы рѣшатся принести жертву въ пользу своихъ фермеровъ, т. е. поставятъ въ основу реформы значительное уменьшеніе нынѣ существующей арендной платы, — тогда дѣло иное, и выкупная операція явится самой желательной и естественной формой разрѣшенія поземельнаго вопроса. Но такая уступчивость съ ихъ стороны крайне сомнительна; вѣдь лордъ Салисбюри и вся консервативная партія именно затѣмъ и явились съ своимъ предложеніемъ, чтобы не дать ирландскимъ землевладѣльцамъ понести слишкомъ чувствительные убытки.

Какъ-бы тамъ ни было, но консервативная партія не замедлила при-

ступить къ осуществленію задуманнаго и, немедленно же по окончаніи пасхальныхъ вакацій, внесла предложеніе, правда, не ясно формулированное, но суть котораго заключалась въ томъ, чтобы государство оказало содѣйствіе фермерамъ въ приобрѣтеніи ими въ собственность земли отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ. Однако тайные расчеты консерваторовъ не удались, и вмѣсто того, чтобы захватомъ дѣла реформы поставить либеральное правительство въ неловкое положеніе, они только сыграли въ его руку. Последнее ухватилось за уступки, дѣлаемые торіями ирландскому народу, и развило ихъ еще далѣе. Гладстонъ откровенно сознался передъ лицомъ парламента въ несостоятельности прошлогодняго аграрнаго закона, какъ средства умиротворенія края; онъ заявилъ, что въ принципѣ сочувствуетъ предложенію, высказанному маркизомъ Салисбюри въ его ливерпульской рѣчи и окончательно сформулированному въ палатѣ Смитомъ, и готовъ провести поземельную реформу, взявъ за ея основаніе отчужденіе земли въ пользу крестьянъ и ликвидацію ихъ долговъ землевладѣльцамъ.

Но Гладстонъ на этомъ не остановился. Шагъ къ примиренію, сдѣланный торіями, далъ ему давно желанный поводъ отказаться отъ безцѣльной репрессивной политики въ Ирландіи, введенной въ прошломъ году лишь въ угоду общественному мнѣнію, встревоженному криками консерваторовъ. Девизъ Брайта: *coercion is no remedy*, снова восторжествовалъ. Гладстонъ не побоялся чистосердечно признаться, что дѣйствовавшая доселѣ ирландская политика правительства потерпѣла поражение на всѣхъ пунктахъ. Сила не могла сломить упорства всего ирландскаго народа. Правда, администрація, при помощи полиціи и солдатъ, немилосердно сгоняла не платящихъ аренды съ обрабатываемой ими земли, лишила ихъ врова и пристанища; но этимъ все дѣло и ограничивалось. Она была не въ силахъ помѣшать наложенію ландлигой запрещенія на участки, съ которыхъ изгонялись арендаторы, не въ силахъ была предупредить умерщвленіе тѣхъ несчастныхъ, которые, не взирая на запрещеніе, соглашались занять выморочную ферму. Терроризмъ шелъ далѣе. Ландлига строго слѣдила за тѣмъ, чтобы арендаторы дословно исполнили предписаніе *No rent*-манифеста, чтобы не платили денегъ землевладѣльцу даже въ томъ случаѣ, если имѣли чѣмъ платить и были вполне довольны послѣднимъ. Большая часть преступленій не имѣла иной цѣли, какъ наказать фермеровъ за слишкомъ усердное исполненіе своихъ обязанностей къ своему господину. Всему этому ирландскія власти помѣшать не могли. Полиція обыкновенно являлась на мѣсто преступленія

лишь затѣмъ, чтобъ констатировать фактъ убійства, но самые убійцы и свидѣтели убійства исчезли безслѣдно. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, могло правительство подѣлать съ народомъ, который съ такимъ единодушiемъ и самоотверженiемъ ведетъ эту пассивную борьбу? Еслибъ онъ открыто взялся за оружіе и поднялъ знамя возстанія, то, для неразборчиваго и опирающагося на военную силу правительства, дѣло значительно упростилось-бы; по при данныхъ условіяхъ и самому Кромувелю пришлось-бы стать втупицъ за полнымъ отсутствiемъ прямыхъ бунтовщиковъ и вооруженнаго возстанія. Въ сущности, бунта нѣтъ, а установленные законы и власти не признаются!

Чтобъ покончить съ такимъ невозможнымъ положенiемъ дѣлъ, оставалось одно—уступить; это предписывало благоразуміе и государственныи тактъ. Надо было отказаться отъ системы сочиненія политическихъ преступленій, преступленій только потому, что дѣйствіе коренныхъ законовъ было приостановлено, такъ какъ то, что признается въ Ирландіи преступленiемъ, считается въ Англіи лишь законнымъ и неотъемлемымъ правомъ каждаго гражданина. Гладстонъ такъ и поступилъ, и первымъ дѣломъ, въ ужасу всѣхъ ярыхъ поборниковъ крутыхъ мѣропріятій, освободилъ изъ тюрьмы Парнелля, Диллона, О'Келли и всѣхъ тѣхъ, на которыхъ не лежало обвиненіе въ аграрныхъ преступленіяхъ; а потомъ объявилъ, что срокъ, на который приостановлено дѣйствіе закона Habeas Corpus, продленъ не будетъ. Истекаетъ этотъ срокъ 1-го октября нынѣшняго года. Мало того, вскорѣ затѣмъ освобожденъ былъ и бывший феній, всѣми ирландцами глубоко уважаемый, Михаилъ Давиттъ, отработывавшій свои 14 лѣтъ каторги. Какъ и слѣдовало ожидать, за этимъ крутымъ поворотомъ въ ирландской политикѣ, послѣдовала немедленный выходъ въ отставку вице-короля Ирландіи, лорда Коунера, и статсъ-секретаря по ирландскимъ дѣламъ, Форстера, единственныхъ членовъ правительства, безусловно стоявшихъ за цѣлесообразность репрессивныхъ мѣръ. Отставка ихъ предвидѣлась заранѣе, и потому оба они сейчасъ-же были замѣнены, первый—лордомъ Спенсеромъ, а второй—несчастливымъ лордомъ Кавендишемъ, невинно пострадавшимъ за слѣпое усердіе своего предшественника.

Заявленіе Гладстона и, въ особенности, освобожденіе ненавистныхъ гомрулеровъ и вождей поземельной лиги вызвали нѣчто въ родѣ паники въ рядахъ консерваторовъ, не ожидавшихъ такихъ результатовъ отъ своей «политики примиренія». Ожесточеннѣйшія нападки градомъ посыпались на голову премьера со столбцовъ консервативныхъ газетъ и со стороны

торіевъ въ парламентѣ. «Положеніе дѣлъ, восклицалъ предводитель консерваторовъ въ нижней палатѣ, сэръ Стаффордъ Нортскотъ, натянуто до того, что дальнѣйшее напряженіе его немислимо. Правительство, выпустивъ на свободу заподозрѣнныхъ, сдѣлало непоправимую ошибку. Такая небывалая еще по своей неустойчивости политика въ конецъ подрываетъ уваженіе къ правительственной власти». Еще рѣче отзывается консервативная пресса. Ея отчаяніе безгранично. «Итакъ, вызываетъ «Standart», радикалы восторжествовали по всей линіи, и новая эра отърывается для англійской политики! Въ первый разъ въ нашей исторіи—мы только констатируемъ голый фактъ—въ первый разъ англійская исполнительная власть безусловно слагаетъ оружіе передъ носителями ирландскихъ идей и—мы не можемъ не сознаться—совершилось это въ такой формѣ, что самый фактъ этотъ, оставаясь безпримѣрнымъ, единственнымъ въ лѣтописяхъ нашей исторіи, является глубокимъ оскорбленіемъ всѣхъ преданій англійской политической жизни. Когда правительство бываетъ вынуждено признать политику свою несостоятельной, тогда оно, по малой мѣрѣ, обязано сложить возложенныя на него полномочія. Отставка его можетъ быть не принята; но страна вправѣ ожидать, чтобы правительствомъ заявлено было намѣреніе подать ее». По мнѣнію «Morning Post», Гладстонъ позорно капитулировалъ передъ соціальной революціей. Онъ прямо идетъ къ пропасти, которая поглотитъ и его, а съ нимъ и всю страну. Испытавъ всѣ средства къ умиротворенію Ирландіи и потерпѣвъ всюду неудачу, онъ теперь «пускаетъ въ ходъ послѣдній свой зарядъ, который тоже цѣли не достигнетъ». Приблизительно въ томъ-же духѣ, хотя нѣсколько и въ иномъ тонѣ, выражается наиболѣе вѣскій представитель англійской печати, «Times». Органъ Сити рисуетъ Парнелля побѣдоносно возвращающимся въ палату общинъ, предписывающимъ министерству законы для Ирландіи и, при малѣйшей размолвѣ, бросающимъ Гладстона. «Во всякомъ случаѣ, наставительно добавляетъ «Times», самое существованіе правительства зависитъ отъ удачи его новой политики. Разъ бросивъ систему репрессалій, вернуться къ ней уже невозможно; если и тутъ не удастся, и примиреніе окажется непрочнымъ, паденіе министерства неминуемо». Это бесспорно-справедливо; «но, спрашиваетъ «Daily News», развѣ Гладстонъ обязывался увѣковѣчить исключительное положеніе въ Ирландіи и держать Парнелля съ товарищами пожизненно въ тюрьмѣ? Онъ ввелъ принудительные законы maximum лишь на одинъ годъ, т. е. ввелъ ихъ лишь въ видѣ опыта. Опытъ не удался. Волненіе въ Ирландіи

дін только усилилось. Не естественно-ли и не понятно-ли со стороны правительства, если теперь оно снова возвращается къ конституціонному и свободному режиму?»

Логичность такого поворота сказалась съ полной очевидностью. Ландлигисты и гомрулеры стали первыми подъ знамя Гладстона и изъ враговъ готовы были превратиться въ его лучшихъ помощниковъ. «Декларацию Гладстона, — торжественно заявлялъ Парнелъ, — слѣдуетъ признать за великую хартію ирландскаго конституціонализма, за первый шагъ къ допущенію въ конституцію ирландскаго общественнаго мнѣнія. Съ признаніемъ нашихъ правъ, начинается наша отвѣтственность. Когда Ирландіей станутъ управлять ирландскіе представители, тогда имъ уже нельзя будетъ отказываться отъ отвѣтственности за послѣдствія ихъ совѣтовъ. Что касается до меня, то я принимаю это положеніе со всѣми его послѣдствіями, только требую, чтобы дали время новой системѣ проявить себя. Я настаиваю главнымъ образомъ на томъ, чтобы отмѣнены были административныя изгнанія фермеровъ съ обрабатываемой ими земли. Манифестъ: «не платить ренты»! останется — такъ я надѣюсь — лишь тяжелымъ воспоминаніемъ неумолимой распри, которая больше не возобновится; но остаются тысячи семей, которымъ нечѣмъ уплатить недоимки ни съ законной аренды, ни съ аренды сокращенной, и мы вправѣ просить, чтобы не грозили болѣе изгнаніями, въ виду этой массы несчастныхъ и обездоленныхъ людей».

Итакъ, жестокая борьба кончена. Повидимому, все готово было пойти такъ, какъ слѣдовало ожидать. Аграрная лига беретъ назадъ свой манифестъ: по rent; правительство собирается приступить къ выкушной операціи и предлагаетъ взять безвозмездно часть недоимокъ на счетъ государства. И вотъ, когда устанавлилось примиреніе на прочныхъ началахъ, когда, казалось, поднялась заря новой, счастливой жизни для Ирландіи, нежданно совершается ужасное преступленіе, которое грозитъ спутать всѣ предположенія и въ самомъ зародышѣ загубить дѣло мира и согласія. Какъ-бы въ подтвержденіе пессимизма Форстера и предсказаній консерваторовъ, явилось убійство въ Дублинѣ статсъ-секретаря лорда Кавендиша и его помощника Бурка, убійство среди бѣла дня и чуть не на глазахъ у всѣхъ. Безумное убійство это вызвало небывалую панику по всей Великобританіи и возбудило горькое чувство сожалѣнія во всѣхъ окраинахъ цивилизованнаго міра. Всѣ злобы дня были забыты и только и рѣчи было, что о преступленіи въ Фениксъ-паркѣ. Постараемся изъ

массы сбивчивыхъ и отрывочныхъ показаній составить краткій разсказъ о томъ, какъ совершенно было это, болѣе чѣмъ прискорбное, событіе.

Въ субботу, 24-го апрѣля (по нашему стилю), лордъ Кавендишъ прибылъ въ Дублинъ. Населеніе привѣтствовало его сочувственно. Приемъ, оказанный ему, былъ безспорно горячій. Являясь вѣстникомъ мира, онъ, очевидно, могъ ничего не опасаться. Новый вице-король, лордъ Спенсеръ, пригласилъ его и вице-секретаря по ирландскимъ дѣламъ, Бурка, обѣдать въ себѣ во дворецъ. Послѣ обѣда, часу въ седьмомъ, лордъ Кавендишъ отправился пѣшкомъ въ свою официальную резиденцію, the chief secretary's lodge, въ Фениксъ-паркѣ. Когда онъ входилъ въ главную аллею, подѣхалъ экипажъ (родъ четырехмѣстнаго шарабана, употребляемый только въ Ирландіи), съ котораго сошелъ Буркъ, заплатилъ извозчику и пошелъ рядомъ съ Кавендишемъ. Они не успѣли пройти и сотни шаговъ, какъ подѣзжаетъ другой такой-же экипажъ. Съ него сходятъ неизвѣстные люди, моментально бросаются на гуляющихъ и, послѣ нѣсколькихъ мгновеній жестокой расправы, быстро садятся снова въ экипажъ. Послѣдній во весь карьеръ мчится по аллеямъ парка и исчезаетъ, а съ нимъ и таинственные убійцы. На мѣстѣ преступленія остаются лишь два искалѣченныхъ трупа, плавающихъ въ лужѣ крови. Въ паркѣ было довольно гуляющихъ. Многія лица, въ томъ числѣ и вице-король Спенсеръ, который выѣхалъ на прогулку, видѣли издали убійство, но не обратили на него вниманія, принявъ его за простую драку. Какой-то человѣкъ крикнулъ: «убійство!» но тутъ-же исчезъ. Тѣ, что первыми подошли къ мѣсту побоища, поняли, наконецъ, какого сорта была замѣченная ими драка. Кавендишъ оказался не совсѣмъ добитымъ; онъ дышалъ еще нѣсколько минутъ. По осмотрѣ тѣла оказалось, что Кавендишъ получилъ восемь тяжелыхъ ранъ, повидимому, нанесенныхъ большимъ ножомъ: ударомъ въ правую руку перерѣзаны были всѣ артеріи; два удара сдѣланы были въ правое плечо, два въ грудь, одинъ въ спину, одинъ въ шею и одинъ въ лѣвый глазъ; лѣвая рука была почти совсѣмъ отдѣлена отъ туловища, точно ударомъ топора. На тѣлѣ Бурка оказалось 11 ранъ, совершенно такого-же характера, какъ и у Кавендиша. Нападеніе, очевидно, сдѣлано было сзади, а ужасныя раны свидѣтельствовали, что убійцы дѣйствовали съ непонятной жестокостью и упорствомъ: они буквально рубили свои жертвы.

На всемъ этомъ преступленіи лежитъ печать чего-то загадочнаго, непонятнаго. Какимъ образомъ могло оно такъ незамѣтно совершиться днемъ, публично, въ общественномъ паркѣ, въ часъ, когда онъ пере-

полненъ публикой, да еще въ субботу, когда этой публики бываетъ особенно много?—просто невѣроятно. Все дѣло произошло молча, безъ шума и безъ единого возгласа. Надо полагать, что убійцы были мастера своего дѣла и выполнили его чуть не съ быстротою молніи. Но кто были эти убійцы? Откуда пришли? Кѣмъ были подсланы? Сколько ихъ въ дѣйствительности было?—все это вопросы, на которые до сихъ поръ еще нѣтъ положительнаго отвѣта. Можно только предполагать, судя по показаніямъ нѣкоторыхъ случайныхъ свидѣтелей, что они были не ирландцы, а американцы, т. е., вѣроятно, эмиссары трансатлантическихъ ирландцевъ изъ крайней феніанской партіи. На нихъ были большія, мягкія фетровыя шляпы, какія любятъ носить американцы; а на пескѣ аллеи оставлены слѣды сапогъ съ широкими носками, которые въ Ирландіи не въ модѣ.—Непонятенъ также и самый выборъ жертвъ. Почему, именно, убить лордъ Кавендишъ? Онъ успѣлъ пробыть всего 6 часовъ на ирландской почвѣ и никакой вины противъ ирландскаго народа не зналъ за собой. Ходитъ слухъ, будто приговоренъ былъ къ смерти одинъ вице-секретарь Бурезъ, какъ лицо, до нѣкоторой степени содѣйствовавшее Форстеру въ его мѣропріятіяхъ; Кавендиша-же убили только затѣмъ, чтобъ избавиться отъ свидѣтеля. Но насколько слухъ этотъ справедливъ, рѣшить мудрено.

Не трудно представить себѣ ужасъ и тревогу, охватившіе Англію, когда получена была тамъ страшная вѣсть объ убійствѣ двухъ членовъ правительства. Въ Лондонъ прибыла эта вѣсть въ субботу же, въ 11 часовъ вечера, но узнали о ней лишь въ двухъ, трехъ изъ главнѣйшихъ политическихъ клубовъ. Гладстонъ тотчасъ же извѣстилъ своихъ товарищей. Сэръ Уильямъ Гаркуръ, съ нѣкоторыми другими министрами, былъ на вечерѣ у австрійскаго посланника, графа Кароли. Сообщивъ печальную новость хозяину, они немедленно отправились на совѣщаніе къ Гладстону. Тамъ на Гаркура возложено было тяжелое порученіе уведомить жену убитаго Кавендиша. Несчастливая женщина, придя въ себя, сейчасъ же собралась ѣхать въ Дублинъ.—На самомъ же дѣлѣ, страшная вѣсть распространилась по городу только на слѣдующій день утромъ. Наряду съ чувствомъ понятнаго негодованія, она вызвала всеобщій переполохъ. Никто ничего не понималъ. Почти во всѣхъ церквяхъ говорились патетическія проповѣди по поводу взволновавшаго всѣхъ событія. Нѣкоторыя газеты вышли въ двухъ, трехъ изданіяхъ, и мигомъ разбирались публикой. Подъ первымъ впечатлѣніемъ, естественно явилось желаніе найти виновника, на котораго можно было бы свалить

ответственность за гибель Кавендиша и Бурка. Люди, не ясно понимающие положение дѣлъ въ Ирландіи и взаимныя отношенія тамошнихъ партій, не замедлили, разумѣется, привлечь къ отвѣту аграрную лигу; а торіи первымъ дѣломъ прокричали: «вотъ куда ведетъ либеральная политика!» Болѣе хладнокровные, — а такихъ было, конечно, меньшинство, — пытались уяснить, что уступки Гладстона аграрному движению ничего общаго съ преступленіемъ имѣть не могутъ, что не въ интересахъ аграрной лиги было убивать представителей правительства, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда выпущенные на свободу вожди ея распорядились приостановкой враждебныхъ дѣйствій. Не вѣрнѣе ли предположить, что тутъ замѣшаны тѣ, которымъ невыгодны новыя завязавшіяся отношенія, которые пуще всего опасались примиренія ирландскихъ гомрулеровъ съ англичанами, словомъ, архи-крайніе изъ феніевъ, мунияйтеры (moonlighters), рибонмэны? Сами гомрулеры и ландлигисты были возмущены убійствомъ ничуть не меньше англичанъ. Свидѣтельствомъ тому служить манифестъ, подписанный такими вліятельными лицами, какъ Давиттъ, Парнелль, Диллонъ и О'Келли, въ которомъ они съ искреннемъ негодованіемъ протестуютъ противъ преступления, грозящаго погубить дорогое ихъ сердцу дѣло.

Небывало-торжественный видъ имѣло первое засѣданіе парламента послѣ дублинскаго событія. Вокругъ зданія толпилась густая масса народа, которая почтительно раздвигалась всякій разъ, когда проходилъ кто либо изъ наиболее видныхъ членовъ парламента. Всѣ знали, что въ знакъ народной горести засѣданіе будетъ закрыто. Въ самомъ парламентѣ, въ палатѣ лордовъ, всѣ члены и присутствовавшая публика были въ глубокомъ траурѣ. Но весь интересъ сосредоточивался на нижней палатѣ; тамъ должны были говорить Гладстонъ, Норткотъ, Парнелль. Депутаты были всѣ въ сборѣ, трибуны переполнены публикой. Министры въ траурѣ. Входить Гладстонъ и садится на свое мѣсто. Водворяется торжественная тишина. Гладстонъ поднимается и медленно, прерывающимся отъ волненія голосомъ, говоритъ:

«Я никого не удивлю, если предложу закрыть засѣданіе. Печальныя вѣсти, полученныя нами въ субботу ночью и вчера утромъ изъ Дублина, поставили насъ въ положеніе, небывалое въ исторіи Англій, — такъ неимовѣрно совершенное преступленіе, такъ безгранично велики охватившія всю страну ужасъ и негодованіе. Смерть Томаса Бурка похитила у государства одного изъ самыхъ способныхъ, самыхъ честныхъ, самыхъ опытныхъ и достойныхъ слугъ. Но рука убійцы подня-

лась еще выше. Волнение не дает мнѣ говорить; но я долженъ сказать, что трудно найти сердце, по силѣ благородства равное тому, которое перестало биться. Лордъ Кавендишъ, погибая, отдавалъ всего себя на благо Ирландіи. Онъ былъ глубоко преданъ странѣ, управление которой было ему поручено; онъ вѣрилъ въ свѣтлую будущность Ирландіи, готовый лично пожертвовать всѣмъ, ради возрожденія благоденствія среди ирландскаго народа. Я не стану болѣе распространяться объ этихъ горестныхъ событіяхъ; скажу только отъ имени правительства, что прискорбное преступленіе понудить его измѣнить выработанные имъ передъ тѣмъ рѣшенія и проекты. Этимъ пока я и ограничусь. Я заговорилъ только затѣмъ, чтобъ выразить это тяжелое чувство, которое въ настоящую минуту гнететъ всѣхъ насъ одинаково. Работать съ такимъ чувствомъ на душѣ невозможно; и вотъ потому-то я предлагаю закрыть засѣданіе. Я только попрошу разрѣшенія у палаты внести билль о пресѣченіи преступленій въ Ирландіи, и увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ насъ поддержать всѣ безъ различія партіи. Когда билль этотъ будетъ принятъ, что должно быть сдѣлано въ наискратчайшій срокъ, мы предложимъ мѣры для регулированія вопроса о недоимкахъ въ Ирландіи. Могу обѣщать, что внесеніе законопроекта о недоимкахъ не будетъ напрасно задержано ни на одинъ лишній день. Благодарю палату за то, что, благосклонно выслушавъ меня, она помогла мнѣ исполнить долгъ, самый тяжкій изъ всѣхъ тѣхъ, какіе выпали на мою долю со времени моего управленія министерствомъ».

Рѣчь эта, интонацію которой немислимо передать на бумагѣ, произвела глубокое впечатлѣніе на публику. Когда Гладстонъ умолялъ, поднялся его главный соперникъ въ нижней палатѣ, предводитель консервативной партіи, сэръ Стаффордъ Нортскотъ. Поддержавъ предложеніе премьера на счетъ отсрочки засѣданія, онъ выразилъ свою скорбь по поводу понесенной Англіей утраты. Затѣмъ, съ горячимъ сочувствіемъ отозвавшись о личныхъ достоинствахъ Бурка и Кавендиша, онъ сказалъ: «Мы теряемъ вѣру, что правительство не дастъ себя осилить политическими затрудненіями, порожденными послѣдними событіями, и что оно съ энергіей и твердой рѣшимостью прибѣгнетъ къ тѣмъ средствамъ, которыя соотвѣтствуютъ положенію. Во всякомъ случаѣ, оно можетъ смѣло разсчитывать на искреннее содѣйствіе всей палаты въ тѣхъ мѣрахъ, какія сочтутся необходимыми для возстановленія и обезпеченія мира въ Ирландіи». За Нортскотомъ встаетъ Парнелль. Всѣ взоры обращены на него. Собирается говорить тотъ, котораго многіе считаютъ

причиной дублинского событія. Когда онъ поднялся, на нѣкоторыхъ консервативныхъ скамьяхъ раздались негромкіе возгласы недовѣрія и насмѣшки. Но торжественный и печальный видъ оратора невольно внушаетъ къ нему всеобщее уваженіе. «Да позволить мнѣ палата, сказалъ Парнелль, отъ моего имени, отъ имени моихъ друзей и отъ имени всѣхъ ирландцевъ, гдѣ бы они ни находились на земномъ шарѣ, выразить то чувство отвращенія, которое намъ всѣмъ внушаетъ ужасное преступленіе, только что совершенное въ Ирландіи. Я не стану касаться теперь мѣръ, къ которымъ правительство разсчитываетъ прибѣгнуть. Я вполне понимаю, что правительство считаетъ себя вынужденнымъ принять мѣры для подавленія крайностей, но я долженъ выразить мое глубокое убѣжденіе, что преступленіе было совершено врагами дѣла, которому я служу, что они задумали и совершили гнусное убійство, чтобы нанести роковой ударъ нашимъ упованіямъ и пробудить новую эру репрессалій».

Эти слова вполне выражаютъ общее отчаяніе, охватившее Ирландію. Дублинское убійство никого не могло такъ глубоко поразить, какъ именно ирландскихъ гомрулеровъ. То, чего они достигли послѣ такихъ неимоверныхъ усилій, трудовъ и лишеній, грозило снова ускользнуть изъ ихъ рукъ. Еще наканунѣ вышеописаннаго парламентскаго засѣданія всѣ депутаты изъ членовъ ландлиги спѣшно устроили собраніе, на которомъ составили манифестъ къ ирландскому народу, подписанный страшными для ирландскихъ лордовъ-помѣщиковъ именами Михаила Давитта, Чарльза Парнелля, Джона Диллона, этихъ несправимыхъ крамольниковъ, по мнѣнію чистокровныхъ англійскихъ и всѣхъ вообще консерваторовъ. Каковы эти крамольники, показываетъ содержаніе ихъ манифеста. Вотъ что говорится въ этомъ замѣчательномъ документѣ:

«Наканунѣ наступающаго для нашей страны новаго, какъ казалось, свѣтлаго будущаго, злой рокъ, который вотъ уже цѣлое столѣтіе неустанно насъ преслѣдуетъ, снова наноситъ ударъ нашимъ надеждамъ, ударъ жестокой по могущимъ послѣдовать гибельнымъ послѣдствіямъ. Въ этотъ зловѣщій часъ, мы хотимъ со всей Ирландіей раздѣлить чувство скорби, вызванное бѣдствіемъ, постигшимъ и наше дѣло, и тѣхъ, которые хотѣли политивой примиренія замѣнить царствовавшіе доселѣ терроризмъ и національную вражду. Мы искренно надѣемся, что ирландскій народъ, передъ всей вселенной, на дѣлѣ докажетъ, съ какимъ глубокимъ отвращеніемъзираетъ онъ на постыдное убійство, которое чуть не заставило насъ отрѣшиться даже отъ самой вѣры въ будущее Ирландіи».

ди. Мы взываемъ къ вамъ, чтобы вы всѣми силами старались показать, не взирая на охватившее насъ чувство, близкое къ отчаянію, что нѣтъ народа, который съ большимъ негодованіемъ отнесся-бы къ гнусному убійству и съ большимъ участіемъ къ пострадавшимъ отъ него, какъ ирландскій, ибо, съ утратой вновь возродившихся надеждъ, ему, пожалуй, суждено пережить такія испытанія, какихъ онъ уже не запомнить. Мы чувствуемъ, что ни одно дѣйствіе, за всѣ минувшія 50 лѣтъ ожесточенной борьбы изъ-за соціальныхъ и политическихъ правъ, такъ не запятнало имя гостепріимной Ирландіи, какъ это подлое и ничѣмъ не вызванное убійство дружественно-расположеннаго къ намъ гостя, и что это постыдное пятно не будетъ смыто съ имени страны до тѣхъ поръ, пока убійцы лорда Кавендиша и Бурка не будутъ предъявлены предъ судомъ». Это—какой-то крикъ отчаянія, вырвавшійся изъ груди людей, теряющихъ вѣру въ удачу своего дѣла. А что удача эта становилась сомнительной и было основаніе къ отчаянію,—до нѣкоторой степени показываетъ поворотъ, который, вслѣдствіе дублинскаго событія, сталъ обнаруживаться въ англо-ирландскихъ отношеніяхъ.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ, всѣ партіи сгруппировались вокругъ правительства и вознамѣрились оказывать ему дружную поддержку. Консерваторы, за отсутствіемъ у нихъ опытнаго и талантливаго вождя, прямо заявили, что перемѣна министерства при данныхъ условіяхъ была-бы серьезнымъ несчастіемъ; что ни одинъ изъ ихъ представителей не согласился бы, въ виду положенія дѣлъ, стать во главѣ управленія, и что на высотѣ минуты стоитъ одинъ только Гладстонъ. Еще искреннѣе собирались оказывать ему поддержку недавніе враги его, гомрулеры и парнеллисты. Мало того, они вошли въ состязаніе съ правительствомъ въ назначеніи премій за отысканіе виновныхъ. Даже по ту сторону океана, въ отдаленной Америкѣ, и тамъ отдѣленія аграрной лиги, напримѣръ, въ Бостонѣ и Санъ-Франциско назначили каждое по 5,000 долларовъ на открытіе убійцъ Кавендиша и Бурка. Ирландскіе депутаты пошли еще дальше. Боясь разрушить только что достигнутое примиреніе, они согласились даже—и этому еще не было примѣра въ исторіи ихъ партіи—поддерживать правительство и въ его репрессивныхъ мѣропріятіяхъ въ Ирландіи, лишь бы только репрессія эта не переходила должныхъ границъ. Въ виду такого единодушія, на первыхъ порахъ могло казаться, что поразившее всѣхъ дублинское происшествіе еще упрочило примиреніе. Послѣднему оно оказало услугу уже тѣмъ, что произвело разрывъ между ландлигой и гомрулерами, съ одной стороны, и крайними феніями—съ другой. Разрывъ этотъ теперь

полный. Уже ходят слухи, будто Парнелль и Диллонъ приговорены къ смерти якобы за измѣну дѣлу Ирландіи. Преступленіе, наконецъ, способствовало уясненію дѣйствительной политической жизни по ту сторону канала св. Георгія. Оно раскрыло глаза англичанамъ и показало имъ, что аграрная лига—одно, а феніи, мунлайтеры, рибонмэны—эти крайніе изъ крайнихъ феніевъ—нѣчто совсѣмъ другое. Такое смутное представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ партій въ Ирландіи и заставляло постоянно пасовать англійское правительство, усугубляя только съ каждымъ новымъ экспериментомъ чувство ненависти и взаимнаго недовѣрія между обоими соедѣнными народами. Въ безразсудной погонѣ за гомрулерами, агитировавшими вначалѣ на безусловно законной почвѣ и заявлявшими, быть можетъ, неугодными Англійи, но вполне естественныя и законныя требованія съ точки зрѣнія ирландскаго народа, англійское правительство упустило изъ виду настоящихъ своихъ враговъ и само развило ту массу тайныхъ обществъ, для которыхъ законъ не писанъ и царство которыхъ всегда возникаетъ тамъ, гдѣ попирается свобода и гдѣ на мѣсто закона насаждается административный произволъ со всѣми его атрибутами: чрезвычайными судилищами, полицейскимъ самоуправствомъ, домашними обысками, военнымъ положеніемъ и т. п. Всѣ эти пресловутыя мѣры пресѣченія и искорененія страшны только для мирныхъ гражданъ, а не для дѣйствительныхъ враговъ народа. Тайныя общества умѣютъ отлично уживаться съ исключительными порядками. Въ сущности, введеніемъ такихъ порядковъ, правительство лишь вымещаетъ на неповинномъ обществѣ свое неумѣнье справиться съ положеніемъ дѣлъ, да порождаетъ недовольныхъ, пополняя ими ряды тайныхъ агитаторовъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, достигло правительство, рассадивъ по тюрьмамъ 600 мирныхъ гомрулеровъ, никогда не сходявшихъ съ конституціоннаго пути и старательно избѣгавшихъ всякихъ насилій? Удалось-ли водворить порядокъ? Уменьшено-ли число аграрныхъ и иныхъ преступленій? Ничуть не бывало. Наоборотъ, число послѣднихъ возросло въ громадной пропорціи, а общественная безопасность потрясена была въ конецъ. Правительство наложило руку на бойкотирующихъ агитаторовъ, а на ихъ мѣсто явились мунлайтеры; открытые митинги были запрещены,—стали собираться тайные; вмѣсто мирной агитаціи и нравственнаго давленія на землевладѣльцевъ и арендаторовъ, появилась тайная расправа съ оружіемъ въ рукахъ. Во всѣхъ таинственныхъ преступленіяхъ, въ послѣднее время ежедневно совершавшихся по всему лицу Ирландіи, аграрная лига была неповинна; они—дѣло рукъ разныхъ

расплодившихся тайныхъ обществъ, а въ особенности тайной рибонмэнской организаціи, которая подъ сѣнію такъ называемаго принудительнаго закона, Coercion bill, приобрѣла страшную силу въ Ирландіи. Вотъ въ какихъ результатахъ привело водвореніе, путемъ насильственныхъ мѣропріятій, порядка въ несчастной странѣ. Дублинская катастрофа, по крайней мѣрѣ, должна была раскрыть глаза правительству и выяснитъ ему всю тщету репрессалій, бьющихъ не враговъ, а союзниковъ.

И Гладстонъ это понималъ. Онъ понималъ это давно, и если, наряду съ реформами, прибѣгалъ къ понудительнымъ мѣрамъ, вполнѣ сознавая притомъ всю ихъ бесплодность, то только затѣмъ, чтобы не раздражать гусей у себя дома. Но теперь, когда дѣло выяснилось вполнѣ, когда горькіе факты съ достаточною, кажется, ясностью показали, какихъ можно ожидать результатовъ отъ системы репрессалій, ему слѣдовало прямо отъ нея отказаться и разъ навсегда покончить съ оскорбительными и для правительства, и для ирландскаго народа экспериментами. Ему слѣдовало, ради блага Ирландіи и спокойствія Англіи, пожертвовать себялюбивыми интересами и узкими расчетами консерваторовъ по происхожденію и консерваторовъ по недомыслію. Въ тому-же, въ виду всеобщаго единодушія и искренней небывалой доселѣ поддержки самихъ ирландцевъ, ему представлялась удобнѣйшая минута для радикальнаго измѣненія системы. Что таково, именно, было намѣреніе у Гладстона, доказываетъ и его всегдашними политическими идеалами и, наконецъ, первыми шагами, сдѣланными имъ послѣ дублинской катастрофы. Первымъ дѣломъ, на мѣсто убитаго лорда Кавендиша, онъ назначаетъ Тревиліана, какъ-бы показавъ тѣмъ, что твердо рѣшился ни на шагъ не отступать отъ той политики, которая сказалась въ отставкѣ Форстера и въ освобожденіи Парнелла съ товарищами. Тревиліанъ—одно изъ наиболѣе громкихъ именъ Англіи. Онъ—племянникъ знаменитаго историка Маколея; по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, новый статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ, занималъ въ послѣднее время видное мѣсто въ рядахъ радикальной фракціи либеральной партіи и всегда стоялъ за коренныя реформы въ Ирландіи. Лучшаго выбора для новой политики и наиболѣе непріятнаго для поборниковъ старой—трудно было-бы сдѣлать. Въ параллель съ этимъ назначеніемъ, Гладстонъ приступилъ къ осуществленію выкупной операціи и, какъ подготовительную къ ней мѣру, внесъ билль о сложеніи, при помощи государства, части недоимокъ, лежащихъ на ирландскихъ фермерахъ.

Все это предвѣщало, что дѣло реформы въ Ирландіи отнынѣ пойдетъ

правильно и безпрепятственно. Разумѣется, убійцы, если ихъ только удастся открыть, должны быть наказаны; этого громко требуетъ общественная совѣсть какъ въ Англіи, такъ и въ самой Ирландіи. Слѣдовало также, въ видахъ предупрежденія подобнаго рода преступленій, принять извѣстныя полицейскія мѣры, но не распространять ихъ на весь ирландскій народъ и не отождествлять его съ убійцами. Къ сожалѣнію, случилось, именно, послѣднее. Гладстонъ, опасаясь, вѣроятно, министерскаго кризиса, который могъ, дѣйствительно, породить неисчислимыя бѣдствія, счелъ себя вынужденнымъ вторично уступить давленію консерваторовъ, неистово кричавшихъ о возмездіи, въ слѣпотоѣ своей смѣшавъ снова въ одну кучу и тайныхъ убійць, и аграрную лигу, и не платящихъ недоимки фермеровъ, и ирландскихъ депутатовъ въ парламентѣ. Задавить, не разбирая средствъ, гидру политической и соціальной революціи, возстановить, какими-бы то ни было мѣрами, хоть цѣной всего ирландскаго народа, поправленные законы и потрясенную власть, — вотъ чего требовали они, забывая, что къ этимъ насильственнымъ возстановленіямъ прибѣгали чуть не 50 разъ за одно нынѣшнее столѣтіе, и все съ одинаковымъ успѣхомъ. Но заставить видѣть и слышать тѣхъ, которые намѣренно желаютъ оставаться и слѣпыми, и глухими, — трудъ напрасный. Вся консервативная пресса, и «Morning Post» и «Standart» и «Daily Telegraph», и даже въ обычные времена разсудительный «Times» — принялись усердно вторить своимъ, обезумѣвшимъ отъ слѣпой ярости, вождямъ въ парламентѣ. «Надежда Гладстона умиротворить Ирландію, при содѣйствіи Парнелля, не продержалась и четырехъ дней. Должно быть, онъ понялъ теперь политику Форстера, понялъ, что принудительный законъ нуждался не въ послабленіи, а еще въ большемъ обостреніи его. Еще никогда не доводилось правительству видѣть передъ собой такое единодушіе въ народѣ. Отвѣтственность министерства такъ велика, что ему необходимо прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, чтобъ по возможности поправить имъ содѣянный вредъ, если только оно думаетъ оставаться у кормила правленія». «За всѣ совершенныя доселѣ злодѣяства, за всѣ аграрныя преступленія отвѣчаетъ одинъ только Гладстонъ. Его послѣдній политическій экспериментъ запечатлѣнъ умерщвленіемъ двухъ представителей власти. Отставка кабинета — вотъ единственно возможный исходъ». «Сама Ирландія порвала Кильмайнгэмскій договоръ (такъ враги Гладстона обозвали его примиреніе съ Ирландіей, вызвавшее освобожденіе Парнелля изъ Кильмайнгэмской тюрьмы). Кровь Кавендиша

зываетъ къ мщению. Прямая обязанность Гладстона охранить единство королевства».

Вотъ какіе возгласы раздаются со столбцовъ наиболѣе солидныхъ консервативныхъ газетъ. Кривы консерваторовъ раздавались и громче, и неперемоннѣе, чѣмъ сдержанныя и нерѣшительныя заявленія либераловъ. Оглушительные крики эти казались голосомъ общественнаго мнѣнія, запуганнаго страшной дублинской катастрофой. А это общественное мнѣніе такъ настоятельно требовало энергическаго воздѣйствія, для установленія спокойствія и порядка въ Ирландіи, что и въ самомъ дѣлѣ ни одно министерство въ мірѣ, какъ бы прочно и солидарно оно ни было, не могло-бы, пожалуй, устоять противъ такого единодушнаго напора. При такихъ условіяхъ, ему не давалось даже ни времени, ни возможности, какъ слѣдуетъ, выяснить положеніе и обсудить, насколько дѣйствительны, насколько благоразумны требуемыя мѣропріятія. Оно должно было дѣйствовать, дѣйствовать сейчасъ-же, немедленно: оно должно было свершить что-либо грандіозное, рѣшительное. Какія-бы мѣры оно ни приняло, лишь-бы поскорѣй, и лишь-бы мѣры эти были покрупче и пошире.

Все это объясняетъ, почему Гладстонъ рѣшился снова вступить на путь репрессалій, но, конечно, нимало не оправдываетъ такой его рѣшимости. Ему, по горькому собственному опыту, хорошо должно быть извѣстно, что путь этотъ ведетъ или къ безопаданному, упорному терроризму, на который онъ неспособенъ, и который, въ концѣ-концовъ, не выдержитъ и сама Англія, или къ постыдной капитуляціи. То и другое одинаково послужить не въ пользу англійскаго авторитета. Какъ-бы тамъ ни было, но Гладстонъ уступилъ и рѣшился дополнить и значительно расширить только что забракованный имъ и брошенный, какъ негодный, Соѳгсion bill. Министерство, на основаніи послѣдняго, выработало новый проектъ принудительныхъ законовъ и поручило внести его въ парламентъ статсъ-секретарю по внутреннимъ дѣламъ, Гаркуру, — самому непопулярному изъ членовъ правительства, — вѣроятно, потому, что никто изъ остальныхъ министровъ не пожелалъ брать на себя отвѣтственности за починъ въ дѣлѣ возстановленія репрессалій въ Ирландіи. Въ четвергъ, 29 апрѣля, въ день торжественныхъ похоронъ Кавендиша и Бурка, Гаркуръ предъявилъ этотъ законопроектъ палатѣ общинъ, предварительно, въ краткой рѣчи мотивировавъ его. Въ изложеніи мотивовъ, какъ и можно было ожидать, ничего новаго не содержалось, кромѣ общихъ мѣстъ о томъ, что Ирландія страдаетъ отъ сильнаго недуга, который прави-

тельство взялось быстро вылѣчить, что причины этого недуга—тайны общества и противозаконныя ассоціаціи, которыя проявляютъ свою дѣятельность въ тайныхъ и явныхъ насиліяхъ, въ убійствахъ черезъ наемныхъ убійцъ, и т. д. Все это и побудило правительство предложить билль для возстановленія порядка въ странѣ. Содержаніе этого новаго закона, въ общихъ чертахъ, слѣдующее: 1) правительство нашло нужнымъ учредить особую судебную комиссію, которая будетъ развѣзжать по Ирландіи и судить за преступленія, безъ содѣйствія присяжныхъ; 2) такъ какъ большинство всѣхъ совершенныхъ преступленій являлось результатомъ ночныхъ тайныхъ сборищъ, то полиція уполномочивается дѣлать обыски въ домахъ во всякое время дня и ночи; 3) арестовывается всякій, кто будетъ встрѣченъ на улицѣ ночью и не представитъ тому уважительныхъ причинъ; 4) такъ какъ всѣ наиболѣе тяжкія преступленія совершались подосланными изъ-за границы эмиссарами, то правительство предлагаетъ возстановить въ силѣ прежній законъ противъ иностранцевъ и дозволить полиціи, по собственному усмотрѣнію, арестовывать подозрительныхъ лицъ; 5) принимать участіе въ тайныхъ обществахъ; въ силу новаго закона, вмѣняется въ преступленіе; 6) вице-королю предоставляется право распускать незаконныя сборища и закрывать газеты, которыя стали-бы подстрекать къ мѣрамъ устрашенія или къ преступнымъ дѣйствіямъ; 7) онъ можетъ также прибѣгать къ усиленію состава полиціи въ тѣхъ округахъ, гдѣ это ему покажется необходимымъ, и на счетъ этихъ округовъ; 8) налагаются штрафы на жителей тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ будутъ совершаться убійства и чиниться насилія; 9) проступки не столь важные будутъ разсматриваться двумя судьями на жалованіи; 10) законъ остается въ силѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Изъ этого краткаго очерка новаго закона видно, что, въ сущности, въ Ирландіи вводится на три года осадное положеніе по всѣмъ правиламъ искусства, съ отмѣной суда присяжныхъ, съ произвольными домашними обысками, съ арестами по усмотрѣнію полиціи и пр. и пр. Разумѣется, консерваторы привѣтствовали его съ восторгомъ: новый законъ вполне соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ. Но зато онъ вызвалъ глубокое уныніе въ рядахъ искреннихъ либераловъ и, въ особенности, среди ирландскихъ патріотовъ. Парнелль, Диллонъ, О'Донелль энергически протестовали, пытаясь доказать, что всѣ насилія порождались однимъ недовольствомъ Ирландіи подъ жестокимъ управленіемъ Форстера, что убійство двухъ членовъ правительства могло произойти лишь по пре-

ступному нерадѣнію полиціи, что несправедливо изъ-за этого лишать ирландцевъ права на свободу; они предсказывали, что новый, еще небывалый по своей жестокости въ Ирландіи законъ только усилитъ недовольство и будетъ служить главной помѣхой водворенію порядка и спокойствія въ краѣ. Въ томъ-же духѣ протестовала и либеральная пресса. «Пусть не забываютъ, замѣчаетъ «Daily News», что фактъ убійства лорда Кавендиша и Бурка совершился въ городѣ, гдѣ съ особой силой примѣнялась система, введенная биллемъ... Если какая система и можетъ быть отвѣтственна за эти преступленія, то ужь нивакъ не та, которую намѣревался ввести Гладстонъ, а именно та, подъ сѣнію которой оно замышлялось, подготовлялось и, наконецъ, совершилось. Ирландія вовлечена въ ея настоящее положеніе, конечно, не заявленными парламента мѣрами, дополняющими аграрный законъ, а крутымъ образомъ дѣйствій Форстера и той непреклонностью, съ какою онъ примѣнялъ законъ, принятый въ прошлую сессію».

Слова «Daily News» замѣчательны особенно потому, что органъ этотъ считается вѣрнымъ выразителемъ мнѣній самого Гладстона. Тѣмъ не менѣе онъ уступилъ, и уступка эта—большое, едва-ли поправимое несчастіе. Нечего и говорить о томъ, что новый законъ не достигнетъ цѣли, что онъ поведетъ къ послѣдствіямъ, какъ вѣрно выразился Парнелль, «сто разъ худшимъ, чѣмъ тѣ, которыя порождены были прошлымъ понудительнымъ биллемъ». Но прискорбиѣ всего то, что возстановленіемъ двойственной системы, съ ея уступками, съ одной стороны, и съ полицейскимъ произволомъ—съ другой, Гладстонъ рискуетъ въ концѣ разстроить только что состоявшееся и съ такимъ трудомъ достигнутое примиреніе, и тѣмъ отодвинуть на долгіе, долгіе годы рѣшеніе бѣдственнаго ирландскаго вопроса.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Историческіе этюды русской жизни, Вл. О. Михневича. Томъ второй. Спб. 1882 г. Первый томъ историческихъ этюдовъ появился въ 1879 году; онъ посвященъ очерку исторіи музыки въ Россіи, въ культурно-общественномъ отношеніи. Второй томъ имѣетъ содержаніе, совершенно независимое отъ перваго тома. Онъ обнимаетъ собою два публицистическихъ вопроса: «Исторія одного «проклятаго» вопроса» (пьян-

ство) и «Объединители», и пять культурно-исторических очерков: «Народная копилка Христа ради» (монастыри), «Исторія русской бороды», «Пляска на Руси въ хороводъ, на балу и въ балетъ», «Извращеніе народнаго пѣснотворчества» и «Лодка» (простонародная святочная игра).

«Исторія одного «проклятаго» вопроса» (т. е. искорененія пьянства) и «Объединители» (отповѣдъ нашимъ панславистамъ), не смотря на публицистическій ихъ характеръ, имѣютъ безспорное право на названіе «историческихъ этюдовъ русской жизни». В. О. Михневичъ освѣтилъ «проклятый» вопросъ за періодъ времени болѣе чѣмъ въ триста лѣтъ—и получилась весьма характерная и назидательная картина. Со временъ Іоанна Грознаго, когда впервые появился на Руси «царевъ кабакъ», и до нашихъ дней, пріемъ такъ-называемаго «искорененія пьянства» остается одинъ и тотъ же: одною рукою, словно, дѣйствительно предпринимаются кое-какія мѣры къ искорененію пьянства; но, въ то же самое время, другая рука очень дѣятельно насаждаетъ кабаки, расчищаетъ имъ пути и облегчаетъ средства, чтобы заполнить рабочій людъ, лишенный образованія, облагораживающихъ и развивающихъ развлеченій. «Не пора ли посмотришь на кабакъ,—спрашиваетъ г. Михневичъ,—какъ на продуктъ всей экономической обстановки народа, какъ на неизбѣжное дополненіе къ тому, чего онъ не доѣстъ и не допьетъ въ своемъ домашнемъ быту; наконецъ, какъ на результатъ того низкаго умственнаго и нравственнаго уровня, на которомъ алкоголь является физиологически-необходимымъ средствомъ противъ подавленнаго нервнаго состоянія человѣка?» Вопросъ, что называется, «не въ бровь, а прямо въ глазъ». Можно считать положительно доказаннымъ, что изъ общаго количества ежегодно потребляемыхъ въ Россіи спиртныхъ напитковъ, на каждого русскаго жителя приходится несравненно менѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Но бѣда въ томъ, что у насъ нѣтъ потребленія вина, въ смыслѣ какой-либо регулярности въ этомъ отношеніи со стороны рабочаго класса, а есть именно пьянство, отравляющее и развращающее рабочій классъ физически и нравственно. Рабочій людъ, лишенный возможности регулярнаго потребленія вина, лишенный средствъ разумно и съ пользою скоротать свой досугъ,—обязательно пьянствуетъ, когда удается добратъся до вина, обязательно топить въ винѣ свой досугъ и пьянствуетъ съ радости и горя, чтобы забыться отъ ощущаемой каждымъ нравственной подавленности, неудовлетворенности,—забыться отъ того, что называется—о б щ е с т в е н н о ю н е р в н о с т ь ю.

Со страстностью публициста, переживающаго текущія злобы изо дня въ день, отвѣчаетъ г. Михневичъ панславистамъ, въ

статьѣ «Объединители». Пробѣгая этотъ очеркъ, вы чувствуете, что здѣсь говорить человѣкъ, не только задѣтый за живое, но и оскорбленный въ самой «святой-святыхъ» образованнаго, политически-развитаго и мыслящаго человѣка. Отвѣчая отрицателямъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ во имя призрачныхъ теорій панславизма, разобравъ по существу лжеученіе тѣхъ, которые, около полувѣка уже, не перестаютъ влиять насъ на Эльбу, Одеръ, Саву, Драву, Мораву и т. д., чтобы освободить «братьевъ», которымъ живется, во всякомъ случаѣ, лучше нашего,—г. Михневичъ, между прочимъ, говоритъ въ концѣ статьи: «Мы стерли съ лица земли разныя кочевыя монгольскія царства на востокъ и юго-востокъ нашей коренной территоріи, сломали шведовъ, литовцевъ и поляковъ на западъ и, наконецъ, завели вѣковой кровавый споръ на югъ съ османами... Наши панслависты забываютъ, что Россія и теперь несетъ непосильныя издержки на удержаніе многихъ нашихъ завоеваній, не приносящихъ нашей казнѣ никакихъ доходовъ. Чего намъ стоило, напримѣръ, завоеваніе Кавказа, который и по сіе время не окупаетъ расходовъ на его управленіе и охраненіе? Чего стоитъ намъ Туркестанскій край и чего будетъ стоить еще въ будущемъ?... Россія нѣтъ никакой выгоды превращать славяненіи земли, какъ желаютъ панслависты, въ русскія губерніи. Ей только нужно, чтобы эти земли пользовались гражданской свободой и политической автономностью. Созданіе самостоятельныхъ славянскихъ государствъ и ихъ федерація на началахъ полного равноправія,—вотъ истинная задача славянской политики! Но, при этомъ, нужно, чтобы славяне сами, своими собственными силами, своимъ внутреннимъ развитіемъ, во-очію показали міру, что они способны къ самостоятельной жизни, что они могутъ быть не только подневольными «чернорабочими» Европы, но и равноправными товарищами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ». Такой отвѣтъ панславистамъ, помимо неоспоримой его исторической правдивости, можно назвать отвѣтомъ по сезону. Не потому-ли панслависты и занимаются отрицаніемъ внутреннихъ нашихъ вопросовъ, что легче обращать взоры на Драву, Саву и Мораву, чѣмъ заниматься внутренними дѣлами во имя національнаго саморазвитія и политическаго самоусовершенствованія?...

Большой интересъ представляютъ названные выше культурно-историческіе очерки—съ національной точки зрѣнія. «Народная копилка Христа-ради»—это горячій протестъ противъ заведенія монастырями весьма крупныхъ, сравнительно, суммъ изъ скудныхъ народныхъ средствъ. «Монастырь получалъ и получаетъ изъ народной сокровищницы гораздо больше того, что онъ расходуетъ на свою «прохладную жизнь» и на испол-

неніе своихъ обязательствъ передъ небомъ и землею. Въ его бюджетъ имѣется всегда очень крупный остатокъ, и изъ общей суммы этихъ остатковъ въ теченіе времени образовались тѣ громадныя монастырскія богатства и капиталы, которые изумляютъ насъ своимъ размѣромъ, а еще болѣе—своею мертвенностью и безцѣльностью. Копилка съ каждымъ днемъ все накопляется и наполняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ, все больше и больше кровныхъ народныхъ сбереженій превращается въ какой-то заколдованный, непроезжимый кладъ, въ какое-то заповѣдное наслѣдство, не имѣющее наслѣдника... «Когда же наступитъ часъ окончательнаго рѣшенія этого, громадной важности, вопроса,—спросимъ мы, вмѣстѣ съ В. О. Михневичемъ,—когда, наконецъ, наша копилка Христа-ради перейдетъ въ наслѣдіе тому, кто имѣетъ на нее неотъемлемое и неоспоримое право»...

«Исторія русской бороды»—это совершенно самостоятельная историческая монографія, впервые появляющаяся въ русской печати,—монографія, заключающая въ себѣ драму, полную глубокаго политическаго смысла. Давая характеристику «той розни и ломки, которые раскололи Русь, съ нелегкой руки Петра, на два лагеря: Русь бритую и Русь бородатую», В. О. Михневичъ, между прочимъ, говоритъ: «Никакъ нельзя сказать, чтобы, въ происходившей между ними ожесточенной борьбѣ, право на симпатіи принадлежало, именно, обрившейся Руси. Бритый подбородокъ—это былъ подбородокъ барина-крѣпостника, умѣвшаго соединять въ своей особѣ салонный лоскъ и вольномысліе французскаго маркиза съ чисто московскимъ самоуправствомъ и жестокостью по отношенію къ «подлому» бородатому сословію; бритый подбородокъ—это была краса приказныхъ пивовокъ, бравыхъ Скалозубовъ, расторопныхъ Держимордъ и всей той прозорливой, необузданной въ дѣлахъ кривды саранчи, которая събривала съ живымъ мясомъ благосостояніе Руси бородатой... Съ другой стороны... борода всегда прикрывала изможденную непосильнымъ трудомъ и крѣпостнымъ гнетомъ грудь мужика—крестьянина».

Такою же свѣжестью взглядовъ и выводовъ отличаются очерки: «Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ» и «Извращеніе народнаго пѣснотворчества». Входитъ въ подробный разборъ этихъ очерковъ можетъ лишь тотъ, кто также детально знакомъ съ матеріалами по этимъ предметамъ, какъ и г. Михневичъ. Пишущій эти строки не считаетъ себя вправѣ похвалиться этимъ. Одно несомнѣнно: тотъ, кто послѣ г. Михневича займется изслѣдованіемъ «пляски» и «пѣснотворчества», обязательно долженъ будетъ знать труды г. Михневича и включить ихъ въ число матеріаловъ.

Въ виду сказаннаго нами о книгѣ В. О. Михневича, чи-

татель пойметъ, почему появленіе втораго тома «Историческихъ этюдовъ русской жизни» встрѣчено было весьма сочувственными отзывами въ газетахъ, даже противоположныхъ по своему политическому направленію. Живость затрогиваемыхъ сюжетовъ и добросовѣстная объективность сужденій, притомъ исключительно на исторической почвѣ—неволью подкупаютъ въ книгѣ г. Михневича.

О вліяніи школъ на физическое развитіе дѣтей, д-ра В. Нагорскаго. Спб. 1881 года.—Эта маленькая брошюрка представляетъ весьма вѣское доказательство той истины, что, при нынѣшнемъ развитіи физиологіи и статистики, школа поддается самому точному цифровому учету, какъ въ смыслѣ физическаго вліянія ея на учащихся, такъ и въ смыслѣ моральнаго воздѣйствія на нихъ. За исключеніемъ Германіи и Бельгіи, физиологическо-статистическое изслѣдованіе школъ, т. е. цифровой учетъ вліянія ихъ на учащихся, находится въ самомъ зачаточномъ состояніи. Въ отношеніи Россіи, мы имѣемъ нѣсколько отрывочныхъ изслѣдованій нѣкоторыхъ среднеучебныхъ заведеній (но только не министерства народнаго просвѣщенія); народная же школа, эта обширѣйшая и важнѣйшая школьная область, захватывающая наибольшее количество дѣтей школьнаго возраста, оставалась, до самаго послѣдняго времени, не изслѣдованною, т. е. безъ приложенія къ ней цифроваго учета, чтобы опредѣлить степень вліянія ея на учащихся въ физическомъ и моральномъ отношеніи. Въ прошломъ году, докторъ Нагорскій, земскій санитарный врачъ, по порученію санитарной коммисіи Петербургскаго уѣзда, произвелъ изслѣдованіе въ 20 народныхъ школахъ, т. е. собралъ цифровыя данныя о вліяніи школы на физическое развитіе 1,198 дѣтей (782 мальчика и 416 дѣвочекъ).

Худа-ли, хороша-ли та или другая школа, это можно сказать не иначе, какъ имѣя въ рукахъ точныя цифровыя указанія о физическомъ развитіи учащихся. Если ростъ и вѣсъ учащихся, объемъ груди и емкость легкихъ у нихъ вполне отвѣчаютъ нормѣ, установленной физиологіею для данного возраста,—такая школа безусловно хороша, полезна и представляетъ собою могущественнѣйшій факторъ въ дѣлѣ развитія націи въ физическомъ и моральномъ отношеніи. Наоборотъ: какъ бы ни было заманчиво внѣшнее благоустройство школы, какъ бы ни привлекательны казались ея программы, но если въ физическомъ развитіи учащихся замѣчается хоть нѣкоторое отклоненіе отъ признанной физиологіею нормы,—такая школа является, опять таки, могущественнѣйшимъ факторомъ, но только—въ отрицательномъ отношеніи, и причиняетъ государству и обществу неисчислимое зло. Подрываетъ физическое здоровье учащихся,

школа будет переполнять жизнь хилыми, недужными людьми, которые, въ силу неразрывной зависимости между физическимъ и нравственнымъ здоровьемъ, какъ отдѣльнаго чловѣка, такъ и цѣлаго общества, внесутъ въ жизнь, вмѣстѣ съ физическими болѣзнями, и массу моральныхъ недуговъ. Большая мысль, большое чувство, болѣзненная раздражительность и нервность во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни,—вотъ что дастъ жизни школа, выпускающая физически-больныхъ дѣтей. То, что даетъ школа учащимся, подѣ именемъ знанія, взаменъ отнимаемаго у нихъ здоровья, никогда не послужитъ на пользу общества, государства, націи, не дастъ учащимся того, что составляетъ цѣль чловѣческой жизни—счастья. Вотъ почему, не должно быть школы, начиная съ низшей и кончая высшей, дѣятельностью которой не контролировалась бы цифровымъ учетомъ физическаго состоянія учащихся,—и только та школа имѣетъ право на названіе хорошей, полезной школы, которая не посягаетъ на физическое здоровье учащихся, а, напротивъ, укрѣпляетъ и развиваетъ его, въ связи съ моральнымъ развитіемъ.

Исслѣдованіе 20 народныхъ школъ докторомъ Нагорскимъ привели его къ выводу, что дѣти, долѣе пробывшія въ школахъ, представляютъ абсолютное увеличеніе роста и вѣса, сравнительно съ менѣе пробывшими. «Наши исслѣдованія, — говоритъ г. Нагорскій, — даютъ намъ право предполагать, что народная школа Петербургскаго уѣзда не заключаетъ въ себѣ условій, которыя бы ощутительнымъ образомъ вліяли на ухудшеніе питанія дѣтей. Наоборотъ, по соразмѣрности увеличенія вѣса съ ростомъ, нужно думать, что она даетъ дѣтямъ нравственное довольство и подъемъ духа, какъ необходимыя условія равновѣсія въ питаніи организма». Емкость легкихъ также увеличивается; но грудная клѣтка отстаетъ въ развитіи въ поперечномъ направленіи. «Значеніе этого послѣдняго вліянія—говоритъ г. Нагорскій—чрезвычайно велико. Организмъ съ нормальнымъ отношеніемъ вѣса и емкости легкихъ къ росту, но съ узкою грудною клѣткою отличается гораздо меньшею устойчивостью въ противодѣйствіи неблагоприятнымъ условіямъ вѣтшей обстановки, меньшею способностью къ труду. Грудь нашихъ мальчиковъ, и особенно дѣвочекъ, подѣ вліяніемъ школы становится относительно узкою, и этотъ недостатокъ не выкупается соотвѣтственнымъ росту развитіемъ емкости легкихъ, такъ-какъ большая емкость легкихъ составляетъ хорошей признакъ лишь при нормальной широтѣ грудной клѣтки». Этотъ порокъ школы обуславливается нераціональнымъ устройствомъ школьныхъ столовъ, комнатною пылью и недостаткомъ вентиляціи. Въ видахъ противодѣйствія вредному вліянію школы на развитіе груди у учащихся, г. Нагорскій указываетъ на необходимость «по

возможности распространить въ школахъ пѣніе, какъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ факторовъ болѣе правильнаго развитія груди», и «вести въ школахъ гимнастическія упражненія». Не опредѣляя въ деталяхъ планъ физическихъ упражненій въ народной школѣ, г. Нагорскій замѣчаетъ, однако, что «виднѣйшимъ элементомъ гимнастики должны быть разумно организованныя игры и упражненія въ ремеслахъ и работахъ, занимаясь которыми дѣти развивали бы въ себѣ ловкость и силу, и тѣмъ достигали бы мало-по-малу правильнаго гармоническаго развитія организма». Замѣчаніе это заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ настоящее время, какъ съ физиологической, такъ и съ педагогической точки зрѣнія, гимнастика признается однимъ изъ несовершеннѣйшихъ способовъ физическаго упражненія для учащихся. Съ помощію гимнастики можно развить мускулатуру до атлетическихъ размѣровъ, можно приучить къ ловкости, но чрезвычайно трудно достигнуть правильнаго, гармоническаго развитія организма и совершенно невозможно приучить его къ выносливой работѣ, требующей не минутнаго, какъ во время гимнастическихъ упражненій, а продолжительнаго и равномернаго напряженія мускульной силы. Съ увѣренностью можно сказать, что только та школа дастъ обществу нормально развитыхъ физически и нравственно людей, въ которой моральное развитіе будетъ идти объ руку съ физическимъ трудомъ. Въ пользу такой постановки школы давно уже высказались Дарвинъ, Спенсеръ, Смайльсъ и много другихъ, наиболѣе выдающихся, мыслителей нынѣшняго вѣка. Извѣстный педагогъ, Фр. Диттесъ въ своемъ «Grundriss der Erziehungs—und Unterrichtslehre», между прочимъ, говоритъ: «Нынѣшнее поколѣніе уродуется физически и нравственно программой воспитанія, обращающей преимущественное вниманіе на то, чтобы было какъ можно болѣе предметовъ».

Починъ доктора Нагорскаго, въ дѣлѣ изслѣдованія вліянія народной школы на физическое развитіе дѣтей, заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны земства, всей вообще школьной администраціи и, тѣмъ болѣе, общества, которое, во имя лучшаго будущаго для подросткающаго поколѣнія, должно настоять и доглядѣть, чтобы вездѣ, гдѣ только есть какая-либо школа, непременно былъ бы тщательный цифровой учетъ ея дѣятельности. Не смотря на то, что трудъ Нагорскаго представляетъ не болѣе, какъ «починъ дѣла», въ немъ, однако, найдется довольно полное сопоставленіе данныхъ, добытыхъ въ отношеніи народной школы, съ данными, собранными другими изслѣдователями въ отношеніи нѣкоторыхъ среднеучебныхъ заведеній, и, путемъ тщательнаго цифроваго анализа, установлено: насколько данныя роста, вѣса, объема груди и емкости легкихъ можно

признавать нормальными или уклоняющимися от нормы для известнаго возраста. Въ виду этого, трудъ г. Нагорскаго, не смотря лишь на «начало дѣла», въ смыслѣ изслѣдованія вліянія школы на учащихся, даетъ въ руки готовый, умѣло и добросовѣстно разработанный методъ для изслѣдованія физическаго развитія учащихся. Не воспользоваться этимъ методомъ, для цифроваго контроля всѣхъ существующихъ въ настоящее время школъ, было бы вполне непростительно. По крайней мѣрѣ, города, земства и частныя лица, имѣющія въ своемъ завѣдываніи тѣ или другія школы, обязаны немедленно же принятыся за цифровой учетъ вліянія школы на учащихся.

Имѣя въ виду, что г. Нагорскій будетъ продолжать начатое имъ изслѣдованіе, считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Соображая добытыя имъ данныя по изслѣдованію школы съ данными другихъ изслѣдователей, г. Нагорскій совершенно не коснулся самой полной и тщательно разработанной статистики германскихъ школъ. Это весьма существенное упущеніе, которое, безъ сомнѣнія, г. Нагорскій и не замедлитъ восполнить въ послѣдующихъ своихъ работахъ.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюателя» *).

БЛАГОДУШНЫЯ ПѢСНИ

Ефима Скорпионова.

XXII.

Такое-жъ золото, какъ Шмуль,
Нашъ самородокъ Колупаевъ;
Но я прохвостомъ назову-ль
Его къ усладѣ негодяевъ?
Чеканъ одинъ и проба та-жъ,
Да вотъ не одинакій звонецъ!..
Цѣннѣ Колупаевъ нашъ
Какъ необрѣзанный... червонецъ!

XXIII.

Оставь!

(Пѣснь моихъ товарищей).

Оставь поэзіей занятя
И брось стихи свои къ свиньямъ!..

*) Обычный фельетонъ Буквы: «Рябь и зыбь роднаго прогресса» не могъ быть приготовленъ къ этой книгѣ по случаю временнаго отъѣзда автора.

Ред.

Не то, вѣдь, взять мѣропріятя
 Противъ тебя придется намъ!
 Какъ составляя сочиненья,
 Ты съ легкомысліемъ своимъ
 Да наведешь на подозрѣнья?!
 Хорошъ ты будешь, братъ Ефимъ!
 Наклеплетъ что нибудь со злости,
 Да свой же братъ еще притомъ,
 И мы тогда къ тебѣ не въ гости—
 Съ иною цѣлю приходемъ!
 При составленьѣ-жъ протокола
 Тебя пробьетъ цыганскій потъ—
 Есть Мезень на Руси и Кола,
 И угодить туда—не медъ!
 Таеъ брось дурацкія занятя,
 И пусть исчахнеть твой пегась;
 Вѣдь ты же не лишенъ понятя:
 Побереги себя и насъ.

XXIV.

Не любишь?..

или

Торжество побѣдителей.

«Шкурный» инстинктъ грозитъ погубить, если уже не погубилъ, всѣ прочіе жизненные инстинкты... Послушайте, какая трель всенародно раздается изъ любого литературнаго клоповника! Мыслить не полагается! добрый же сынъ отечества обязывается предаваться установленнымъ глѣснымъ упражненіямъ и затѣмъ насыщаться, переваривать и извергать. Неужели же мы такъ и останемся при этихъ хлѣвныхъ идеалахъ?»

(Сатирикъ).

Что осерчалъ?.. невкусно, братъ?..
 Не по сезону—рѣчи глѣвны;
 Вишь трудно стало... бить въ набать,

Что «идеалы наши хлѣвны»!..
 Ты пѣсенъ намъ такихъ не пой,
 На нихъ у насъ упали цѣны,
 Съ тѣхъ поръ, какъ новые, съ Сѣнной,
 Въ печать проникли Демосфены.
 Дрожать за шкуру не привыкъ?..
 Привыкнешь... оботрешься съ нами,
 Да попридержишь и языкъ,
 По поговореѣ, за зубами.

XXV.

**На ожиданіе въ представителяхъ полиціи сверхъ-
естественныхъ качествъ.**

Приди всевѣдущій,
 Приди всезнающій,
 Въ законахъ свѣдущій,
 Въ сердцахъ читающій.
 Бъ добру стремительный,
 Благожелательный,
 Предусмотрительный
 И проицательный.
 Благъ запусѣнія
 Не допускающій
 И средостѣнію
 Не потаивающій...

.
 Обличья свѣтскаго,
 Любитель знанія,—
 И факультетскаго
 Образованія.

ИЗЪ ТЕТРАДИ КАПИТОНА СОБОЛЪЗНОВА.

I.

Разговоръ въ вагонѣ.

«Да, сэръ, у насъ кипитъ работа,
 Къ немалой славѣ нашихъ дней,
 Прогнала съ Руси сонъ работа
 «Оздоровленія корней».
 Мы ищемъ мира, правды, свѣта,
 И ополчились противъ зла!
 У насъ по этому предмету
 Однихъ к о м и с і й безъ числа.

Легко-ль поднять такое бремя?..

— Во всемъ поможетъ вамъ печать!

«Нѣтъ, сэръ, у насъ на это время

Ей полагается молчать.

«Всѣ впопыхахъ, дѣльцы и думцы,
 Администраторъ, бюрократъ,
 И даже земцы-вольнодумцы
 Съ работою «медленно спѣшать».
 А въ кой-какіе комитеты,
 Для ободренія идей,
 Приглашено,—поймите это,—
 Съ десятокъ свѣдущихъ людей.

Легко-ли несть такое бремя?...

— И тутъ поможетъ вамъ печать.

«Быть можетъ, сэръ, но въ наше время

Ей полагается молчать.

«Да и какіе все предметы
 Рѣшаемъ мы на перебой:
 Реформы войска и бюджета,
 Губернской власти перестрой.
 Платежной силы облегченье,
 Переселенье мужиковъ,
 А тутъ еще съ жидомъ мученье
 И съ грозной силой кабаковъ!

«Поймите, сэръ, какое бремя!..

Мѣшала-бъ только тутъ печать,

И ей, конечно, въ это время

Всего приличнѣе молчать».

II.

На восьмимѣсячный обморокъ „Фаланги“.

Друзья мой, вамъ жаль «Фаланги»?..
 Я вѣрю, огонекъ въ ней былъ,
 Но человекъ въ высокомъ рангѣ
 Ее сердито придавилъ.
 Грѣхи ея, положимъ, тяжки,
 Но и бѣда ея страшна—
 Пожалуй, не ожить бѣдняжкѣ
 Отъ восьмимѣсячнаго сна.

III.

Sic itur ad astra.

(По поводу юбилея А. Филонова).

Въ дни наши,—юбилеи
 Филоновыхъ справляютъ,
 Ихъ даже ротозѣи—
 Поэты прославляютъ!
 Творятъ неосторожно
 Изъ карликовъ—Титановъ;
 Знать все въ средѣ возможно
 Непомнящихъ Ивановъ!
 О, вѣтряное племя!
 Какъ будто бы для славы
 Довольно въ наше время
 Лишь «Дневника» да «Пьявы» *),
 Софистиви Каткова,
 Ученикамъ «внушеній»,
 Да на «Родное Слово»
 Нечистыхъ покушеній.

*) Г. Филоновъ прославился въ свое время не столько своими педагогическими творениями, сколько зазорнымъ дневникомъ—гдѣ видное мѣсто занимали эротическія похождения нѣкой Пявы, — да еще вовсе не литературнымъ изобличеніемъ неблагонамѣренности К. Д. Ушинскаго. Немало говорили также въ печати объ его «отчетѣ» по управленію какой-то прогимназіей, въ которомъ г. Филоновъ откровенно объяснял, что главное его вниманіе устремлено на исправное содержаніе ватерклозетовъ. По этому предмету онъ входилъ даже въ спеціальныя подробности, весьма любопытныя для... «золотарей».

Ред.

IV.

Катковъ, рѣшительно, всевидящее око,—
 Но жаль, что видитъ онъ все съ одного лишь бока!

V.

Современная исторія.

Съ десятокъ лѣтъ безчинствовалъ Картушемъ
 Бушь,
 Бушуя, дралъ съ врачей онъ вслѣдъ за кушемъ
 Бушь.
 Но и на сушѣ, видно, есть девятый
 Валь,—
 И Вакуловскимъ Бушь къ стѣнѣ прижатый
 Паль!

ИЗВѢЩЕНІЕ О МАЙОРѢ ПРЕДУСМОТРОВѢ.

(Письмо въ редакцію).

Вы помѣстили, милостивый государь, въ вашемъ журналѣ начало, первую статью изъ цѣлаго ряда таковыхъ, обѣщаннаго вамъ майоромъ Пафнугіемъ Предусмотровымъ *) и, конечно, ждали и ждете съ нетерпѣніемъ ихъ дальнѣйшаго продолженія. Увы! Вы ошибетесь въ своемъ расчетѣ! Какъ близкій знакомый Пафнугія Ивасовича, я считаю своимъ долгомъ извѣстить васъ объ этомъ. Почтенный старецъ этотъ палею жертвою своей поштыки выступить въ печать или, вѣрнѣе сказать, жертвою необъятнаго своего литературнаго самолюбія, какого никто не могъ въ немъ подозрѣвать. Онъ повредился въ умѣ, и уже съ мѣсяцъ какъ свезенъ мною на Удѣльную станцію, въ пріютъ для страждущихъ душевными болѣзнями. Дѣло было такъ. Хотя онъ и писалъ къ вамъ, что желаетъ обнародовать свои трезвенныя мысли только

*) См. № 3 „Наблюдателя“.

ради наблюденія надъ обществомъ и его исправленія, но оказалось, что съ помѣщеніемъ своихъ замѣтокъ онъ связывалъ различные честолюбивые замыслы и мечтанія о томъ, что онъ создастъ себѣ незыблемую славу! Надо было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ выхода книжки, гдѣ должна была появиться его статья, какъ онъ рассказывалъ всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ, что рѣшился выступить въ литературу для обузданія Россіи, причѣмъ что-то все бормоталъ про себя: «только попробуй-ка не помѣстить», да сжималъ кулаки и чистилъ, зачѣмъ-то, самые большіе изъ своихъ пистолетовъ. Когда книжка вышла, онъ весь сіялъ и, какъ мнѣ казалось, тутъ же началъ заговариваться, ибо утверждалъ, что въ журналистикѣ должна разразиться какая-то буря, ему же современники должны устроить какую-то овацію, какъ спасителю общества и вѣрнѣйшему слугѣ отечества, а начальство какого то вѣдомства (чуть-ли не того, въ которомъ служилъ нѣкогда г. Баталинъ) должно предложить ему почетный служебный постъ. Три дня онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, а изъ нихъ, въ два послѣднихъ, доходилъ почти до бѣшенства, ибо къ нему не только никто не являлся, никакихъ «мѣстовъ» ему не предлагалъ и объ статьяхъ его не упоминалъ, но онъ подвергся даже нѣкоторому уколу со стороны нашего участвоваго полковника Сокрышимова, съ которымъ онъ состоялъ много лѣтъ въ пріязни и который, встрѣтясь съ нимъ случайно на улицѣ, погрозилъ ему съ своей пролетки указательнымъ перстомъ и произнесъ: «Въ литературу выступилъ? смотри, не иронизировать-ли зачѣлъ; что-то больно ужъ хлестко»!.. Эта, вскользь брошенная, летучая замѣтка рѣшительно вывела майора изъ себя: «лицемѣры, восклицалъ онъ, самой безупречной честности не вѣрятъ, подожди, увидишь мою иронию, когда я выскажу трезвенное слово о кончинѣ Его свѣтлости, Сіамскаго гофъ-слона *) и о томъ, какъ въ странахъ, не тронутыхъ гниющимъ западомъ, относятся и правительство, и подданные къ самой даже, такъ сказать, высокопоставленной скотинѣ! На бѣду, въ это самое время Скобелевъ произнесъ свои высокотрезвенныя рѣчи, и дѣйствительно въ печати, да и не только въ нашей, а и во всей европейской, поднялся настоящій ураганъ. Но—увы!—героемъ этого урагана былъ не Предусмотровъ, а нѣкто другой. Бѣдный старикъ нашъ весь погрузился въ чтеніе газетъ. Лицо его въ нѣсколько дней осунулось, всѣ черты искази-

*) Объ этой трагической кончинѣ много писалось во всѣхъ газетахъ, и майоръ, очевидно, хотѣлъ отозваться на горестное событіе. Ред.

лись и волосы окончательно посѣдѣли. Очевидно, онъ страдалъ отъ зависти, достигшей высшей степени страстнаго напряженія. Я былъ у него въ это время, и на него страшно было посмотрѣть! Онъ бранилъ нашу славу и величайшаго нашего «бѣлаго генерала», точно какой-нибудь ахаль-текинѣцъ, и доходилъ не только до отрицанія въ немъ всякихъ военныхъ заслугъ, но не признавалъ даже всѣмъ извѣстной его храбрости и называлъ трусомъ. «И что такое особенное нашли они въ его рѣчахъ»?! повторялъ онъ нѣсколько разъ. «Конечно, онъ высказалъ мысли трезвенныя, но въ то же время самыя, такъ сказать, общія, затасканныя, и всѣмъ настоящимъ русскимъ присущія. Эка невидаль сказать, что нашъ врагъ—нѣмецъ (это, вонъ, и Трубниковъ изречь сдумѣтъ!) что нѣмцевъ побить надо, а внутри Россіи надо пообчистить общество съ саблею въ рукахъ отъ разныхъ «истовъ» и лже-либераловъ. Я захватилъ бы дѣло поглубже, да ужъ и началъ захватывать, но у оступѣлаго русскаго общества, очевидно, не хватило пониманія, и на дѣйствительную трезвенность мысли никто не обратилъ даже и довлѣющаго вниманія».

Таковъ былъ главный мотивъ его рѣчей, варианты же были до крайности многочисленны, своеобразны и несуразны. Я понималъ, что дѣло дрянъ, и поторопился привести къ нему врача-психіатра, подъ видомъ поклонника единственной его напечатанной статьи. Хотя посѣщеніе это послѣдовало на второй день послѣ разговора, о которомъ я только что передалъ, но мы застали бѣднаго старика въ состояніи почти совершеннаго одичанія. Когда мы зашли, то застали его за уничтоженіемъ самимъ имъ для себя состряпанной окрошки изъ кваса, конскаго волоса, рубленой мочалы и изорванныхъ на клочки номеровъ газеты «Минута». И подобную мерзость онъ глоталъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, производя странное мычаніе, въ которомъ можно было разобрать только слова: «подлецы, свиньи, прохвосты!.. и изъ-за нихъ я позволилъ себѣ, какъ какая нибудь штафирка, перепацкаться въ подлыхъ чернилахъ»!! Психіатръ опредѣлилъ у больнаго существованіе «предвзятой идеи» и начало «прогрессивнаго паралича». Мы рѣшили, что Предусмотрова необходимо отвезти на Удѣльную станцію, и такимъ образомъ земная карьера Пафнутія Предусмотрова, задохнувшася отъ избытка трезвенныхъ мыслей, была рѣшена... Sic transit gloria mundi!

Евгеній Плакаловъ.

Охта, Траурскій пер., соб. домъ.

Въ альбомъ знаменитымъ современникамъ.

I

Всемирному путешественнику, Петру Пашино.

Скитаясь по свѣту давно,—
 Пѣшкомъ, на долгихъ и въ каютѣ,—
 Добрень блаженный Пашино
 До тихой пристани... въ «Минутѣ».

II

Ему же по поводу «Воспоминаній—Прилыганій».

Зачисленъ въ пакостную клику,
 И то съ грѣхомъ лишь пополамъ,
 Теперь онъ, недругамъ въ улику,
 Свой выгружаетъ старый хламъ.
 Отъ тупоумной этой злости,
 Отъ пошлыхъ сплетень и клеветъ,
 Увы! ворочаются кости
 Давно отшедшихъ на тотъ свѣтъ.

III

Тайному совѣтнику Бушу.

Сатирой срѣзанный не разъ
 И ужь не думая объ одѣ,
 Груститъ занузанный саврасъ:
 «Зачѣмъ же тѣ-то на свободѣ?
 «Ужель повиненъ я одинъ
 «За дни всеобщаго ненастья?
 «Съ бюрократическихъ вершинъ
 «За что такъ низко долженъ пасть я?»
 Ты правъ. Вѣдь лакомый пирогъ,
 Какъ прежде, манить всѣхъ начинкой...
 «Кумиръ поверженный—все богъ»,
 И жертвы емлетъ—подъ сурдинкой!

СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»,

ВЫШЕДШИХЪ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

1882 г.

ЯНВАРЬ № 1-й.

	Стр.
I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева	3
II. Золото. Стихотвореніе В. И. Немировича-Данченко.	28
III. Университетскій вопросъ. Статья первая. В. И. Модестова	29
IV. Язвы Петербурга. Опытъ нравственной статистики Петербургскаго населенія: I. Диагнозъ современной русской дѣйствительности. II. Остовъ нашей задачи съ точки зрѣнія теоріи нравственности. В. О. Михневича.	57
V. Опытъ изслѣдованія обычнаго права. В. И. Сергѣевича.	80
VI. Эгоистъ. Романъ Вернера.	98
VII. Одиодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова.	141
VIII. Арефъ Богини. Стихотвореніе Д. И. Пальмина.	170
IX. Парижъ въ 1881 году. П. Д. Боборыкина.	172
X. Улыбка и слезы. Стихотвореніе С. Г.	188
XI. Фостънъ. Романъ Э. Гонкура.	192
XII. Памяти князя А. И. Васильчикова. В. Я. Стоюнина.	225
XIII. Бакалавръ. Романъ Жюль Валлеса	248
XIV. Советы (изъ I. Лорма). С. А. Бердяева.	302
Современное обозрѣніе:	
XV. Наши внутреннія дѣла	305
XVI. Политическая хроника	318
XVII. Иностранная литература	346

	Стр.
XVIII. Фонографъ, (фельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Рыбъ и зыбъ роднаго прогресса. И. Ф. Василевскаго (Буквы)	368
2) Хамелеонъ. Стихотвореніе Н. Мизантропова	380
XIX. Сарра Бернаръ. В. В. Чуйко	383

ФЕВРАЛЬ № 2.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева	3
II. На полпути. Стих. А. Тамбовцева	34
III. Иллюминація (изъ Сырокомли). Стих. Омуглевскаго	35
IV. Парижъ въ 1881 году (оконч.). П. Д. Боборыкина	42
V. Университетскій вопросъ (оконч.) В. И. Модестова	56
VI. Судъ въ деревнѣ (изъ дневника бывшаго мирового судьи) М. Н. Р.	95
VII. Эгоистъ. Романъ Вернера	125
VIII. Однодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова	142
IX. Языы Петербурга. III. Городъ пышный, городъ бѣдный. В. О. Михневича	173
X. Зимнія пѣсни. Два стихотворенія С. А. Бердяева	193
XI. Баккалавръ. Романъ Ж. Валдеса	195
XII. Опыты изслѣдованія обычнаго права (окончаніе). В. И. Сергѣевича	213
XIII. Фостянь. Романъ Э. Гонкура	241

Современное обозрѣніе.

XIV. Однодневная перепись Петербургскаго населенія. Е. П. Карновича	256
XV. Парижскія письма. Л. Левиса	287
XVI. Наши внутреннія дѣла. (Еврейскій вопросъ на русской почвѣ)	306
XVII. Политическая хроника	319
XVIII. Новыя книги	331
XIX. Фонографъ, (фельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Рыбъ и зыбъ роднаго прогресса И. Ф. Василевскаго	347
2) Князь Мещерскій, какъ юмористъ. Капитона Соболевцова	366
3) Въ альбомѣ знаменитымъ современникамъ. Два стих. Н. Мизантропова	373

МАРТЪ № 3.

	Стр.
I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева	3
II. Судъ въ деревнѣ (окончаніе). М. Н. Р.	45
III. Идиллія бѣдняковъ. (Изъ Ришпена). Стих. М. Ватсонъ. . .	63
IV. Эгоистъ. Романъ Вернера (окончаніе).	65
V. Маркъ Аврелій и новая религія. В. И. Модестова	108
VI. Цензура и свобода печати въ западной Европѣ. Д. П. Лебедева.	130
VII. Одинодворцы. Повѣсть. В. Л. Маркова	146
VIII. Наблюденія надъ русскою народною школою. В. Я. Стоюнина	170
IX. Бавкалавръ. Романъ Ж. Валлеса	184
X. Старые друзья. Стих. Л. И. Пальмина	207
XI. Язвы Петербурга. IV. Общая сумма «подати преступленію» и ея повѣрка. В. Ф. Михневича.	209
XII. Фостенъ. Романъ Э. Гонкура	226

Современное обозрѣніе.

XIII. Экономическіе вѣтвды. (Отхожія промыслы) Е. Е. Карцева.	248
XIV. Наши внутреннія дѣла.	270
XV. Политическая хроника	284
XVI. Новыя книги	303
XVII. Научная хроника. Д-ра Ивина	314
XVIII. Фонографъ, (сельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Рябь и зыбь роднаго прогресса. И. Ф. Василевскаго	323
2) Трезвенныя мысли майора Паекутія Предусмотрова.	347
3) Въ альбомѣ знаменитымъ современникамъ. Два стих. Н. Мизантропова	351

АПРѢЛЬ № 4-й.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева	3
II. Маркъ Аврелій и новая религія (окончаніе) В. И. Модестова	39
III. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ (по личнымъ воспоминаніямъ) П. Д. Боборыкина	61

	Стр.
IV. Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи (за 20 лѣтъ) М. Л. Песковскаго	74
V. Жирондисту. (Къ картинѣ Мюллера). Стих. Н. Минскаго.	93
VI. Политика Москвы и русская народность. Е. П. Барновича.	96
VII. Одиногорцы. Повѣсть В. Л. Маркова	113
VIII. Цензура и свобода печати въ западной Европѣ (окончаніе). Д. П. Лебедева	127
IX. Весна. Стих. Н. С...а	142
X. Наблюденія надъ русскою народною школою В. Я. Стоюнина	143
XI. Гроза (передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ). Стих. С. Г.	155
XII. Фостѣвъ. Романъ Э. Гонкура	157
XIII. Эпизодъ изъ жизни Гарибальди.	177
XIV. Языы Петербурга. V. (Бродяги, нищіе и безпаспортныя). В. О. Михневича	184
XV. Бакалавръ. Романъ Ж. Валлеса	207

Современное обозрѣніе.

XVI. Экономическіе этюды. (Переселенческое движеніе). Е. Е. Барцева	240
XVII. Тюремная филантропія.	263
XVIII. Наши внутреннія дѣла	272
XIX. Политическая хроника	283
XX. Новыя книги	297
XXI. Научная хроника. Д-ра Ивина	305
XXII. Фонографъ, (фельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Благодушныя пѣсни Ефима Скорпіонова	315
2) Рыбъ и зыбь роднаго прогресса. (Современное хищеніе и его тузы). И. Ф. Василевскаго	330
3) Варианціи на мотивы изъ русскихъ поговѣвъ. Н. Мизантропова	340

МАЙ № 5-й.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева	3
II. Бюрократизмъ и правовой порядокъ. Г. К. Градовскаго.	41
III. Хересь, а не мадера. (Изъ исторіи крѣпостныхъ спектаклей). Разсказъ А. Лякиде	65
IV. Наблюденія надъ русскою народною школою (окончаніе) В. Я. Стоюнина	81
V. Сюета суеты. Стих. Л. И. Пальмина	99

	Стр.
VI. Ночь. Стих. П. В. Быкова.	100
VII. Бакалавръ. Романъ Ж. Валлеса (оконч.)	101
VIII. Призывъ. Стих. А. В. Круглова	152
IX. Политика Москвы и русская народность. Е. П. Карновича.	153
X. Очеркъ исторіи высшего женскаго образованія. М. Л. Песковскаго.	164
XI. Одинодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова	178
XII. Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ? Ф. И. Леонтовича.	191
XIII. Язы Петербурга. VI. (Виды и разновидности Петербургскаго нищенства). В. О. Михневича	204
XIV. Сопеты (изъ Лорма). С. А. Бердлева.	227
XV. Фостянь. Романъ Э. Гонкура	229
XVI. Падающія звѣзды (изъ Коппе). Д. Л. Михаловскаго.	244
XVII. Натуральныя и денежныя аренды. (Историческій очеркъ).	245

Современное обозрѣніе.

XVIII. Парижскія письма. Л. Левиса	252
XIX. Наши внутреннія дѣла. (Голосъ земства о мѣстномъ управленіи).	262
XX. Политическая хроника	282
XXI. Иностранная литература	298
XXII. Ф о н о г р а ф ѣ , (фельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Рябь и зыбь роднаго прогресса. И. Ф. Василевскаго	308
2) Благодарныя пѣсни Ефима Скорпіонова	326

ЮНЬ № 6.

I. Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева. (оконч.)	3
II. Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ, (оконч.). Ф. И. Леонтовича.	46
III. Политика Москвы и русская народность (оконч.) Е. П. Карновича	64
IV. Одинодворцы. Повѣсть В. Л. Маркова. (оконч.)	78
V. Очеркъ исторіи высшего женскаго образованія въ Россіи (оконч.) М. Л. Песковскаго.	117
VI. Юности. Стихотвореніе С. Г.	136
VII. Язы Петербурга. VII. (Жертвы общественнаго темперамента). В. О. Михневича.	137

	Стр.
VIII. Натуральныя и денежные аренды (оконч.)	156
IX. Подъ гнетомъ. Стих. А. В. Круглова	180
X. Счастье. Стих. С. Г.	182
XI. Фостъвъ. Романъ Э. Гонкура (оконч.)	183

Современное обозрѣніе.

XII. Наши внутреннія дѣла	245
XIII. Политическая хроника	270
XIV. Новыя книги	290
XV. Фонографъ, (сельетонъ «Наблюдателя»):	
1) Благодушныя пѣсни Ефима Скорпіонова	298
2) Изъ тетради Капитана Соболевцова	301
3) Извѣщеніе о майорѣ Предусмотровѣ (письмо въ редакцію)	303
4) Въ альбомъ знаменитымъ современникамъ Н. Мизантропова	306
XVI. Содержаніе книгъ «Наблюдателя», вышедшихъ за первое полугодіе 1882 г.	307

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНЫЙ КРАЙ

1882 ГОДА.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета «Южный Край» будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнею редакцію и по прежней программѣ.

Программа газетъ: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и телеграфныхъ агентствъ. VI. Последнія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзорніе. IX. Вѣшнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Смѣсь. XIV. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Бердянскѣ, Богдуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Поті, Переяславлѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ялтѣ.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ пер. иногород. . .	12 „ — „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й, при «Публичной Библиотекѣ» А. А. Иозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго, и въ книжномъ магазинѣ Эмиля Гартге, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровѣ въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ Варшавѣ — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Фриндлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Оедорова; въ Одессѣ — въ книжныхъ магазинахъ В. И Вѣлаго и В. П. Распопова; въ Полтавѣ — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родзевича, и въ Кременчугѣ, у нотариуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ — у Navas, Lafite et Co, Place de la Bourse.

Издатель А. А. Иозефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

(Существуетъ 50 лѣтъ).

„ВАЗА“

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ИВАНОВСКАЯ, № 14.

дамскій иллюстрированный, литературно-модный и руководѣльный журналъ

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадами и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала, т. е. 24 номера литературныхъ (оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, путешествія, разные извѣстія, новости и т. п.), и 24 номера руководѣльно-модныхъ (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ домашнимъ образомъ, самыя свѣжіе рисунки парижскихъ модъ и всевозможныхъ руководѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство съ относящимся къ нему секретами и рецептами). Новозобрѣтенія и открытія по части модъ, модницы, косметиковъ и всего относящагося къ домашней жизни вообще и къ женщинамъ въ особенности.

- 1000 политипажей въ текстѣ. } Исполняются и печатаются за границей,
 24 модныя раскрашенныя гравюры. } по подлиннымъ Парижскимъ образцамъ.
 12 вырѣзныхъ выкроекъ—въ натуральную величину.
 12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ (до 1000 формъ и узоровъ).
 12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.
 6 раскрашенныхъ узоровъ, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.
 Карманный календарь на 1882 годъ, заключающій: святцы; почтовые, телеграфныя, желѣзнодорожныя, финансовыя и т. п. необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 6 премій А ИМЕННО:
 1882 года получить

- I. (еще небывалая) подушка для дивана, большая, съ готовымъ, окончательно вышитымъ узоромъ.
- II. Картина (олеография): Зимній ландшафтъ, 17 верш. ширины и 11^{1/2} верш. вышины, превосходно исполненный олеогр. заведеніемъ А. Кауфмана въ Берлинѣ.
- III. Абажуръ на лампу Natur-Carton-Linné, съ раскраской. Новѣйшее изящное изобрѣтеніе, еще не существующее въ продажѣ. (На 1 часъ работы).
- IV. Воротникъ и манжеты. Для составленія ихъ дается 3 аршина широкихъ, настоящихъ, тончайшихъ нитяныхъ кружевъ.
- V. Дамское портъ-моне съ изящнымъ замкомъ и цѣпочкой. (Вещь готовая).
- VI. Плато для двухъ подсвѣчниковъ—имитация кружевъ. Оригинальная, готовая вещь.

Образцы премій можно видѣть въ редакціи.

Преміи выдаются и высылаются всѣ заразъ въ одной посылкѣ: городскимъ подписчикамъ въ Январѣ; иногороднымъ, подписавшимся въ Ноябрьѣ — рассылаются въ Январѣ, остальнымъ не позже Февраля.

Только благосклонность публики къ журналу «ВАЗА» даетъ редакціи возможность давать подобныя цѣнныя преміи.—Уже одна вышивеа для подушки, съ готовымъ, окончательно вышитымъ узоромъ, оплачивается при покупкѣ ея въ магазинѣ не менѣе 5 руб. Редакція же, сверхъ того, даетъ еще пять предметовъ, предоставляя оцѣнку ихъ публикѣ.

П О Д П И С Ч И К А Я Ц Ъ Ъ Н А :

	Съ пересылкой.	Безъ пересылки.
На годъ съ преміями . . .	12 руб.	11 руб.
> > безъ премій . . .	7 >	6 >
> ^{1/2} года съ преміями . .	9 >	8 >
> > безъ премій . .	4 >	3 >

На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 6 семикопѣчныхъ марокъ, или 42 коп.

NB. Подписчики, выславшіе подписныя деньги до 1-го Декабря, пользуются правомъ, приплативъ 1 руб. сер., получать Альбомъ узоровъ для вышивокъ на 24-хъ листахъ или пандавъ къ картинѣ Зима (Лунная ночь).

Редакторъ-Издатель Б. Н. Сестренцевичъ-Богушъ.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ЗАРЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ.

Программа изданія:

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни. Кромѣ телеграммъ «Международн. Телеграфнаго Агентства», редакция получаетъ телеграфическія извѣстія отъ спеціальныхъ корреспондентовъ за границей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи. II. Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ; Б) руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленія; В) корреспонденція изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи. III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства. IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ; Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ. V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденція изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни за границей. Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ. VI. Фельетоны. Очерки и разказы (оригинальные и переводные). Обзорнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника. VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ, искусствъ и промышленности и проч. VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговныя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ и пр. IX. Отдѣлъ справочный. Жельзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкой или пересылкой. На годъ 10 р., на 6 мѣс. 6 р., на 3 мѣс. 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к. Безъ доставки на годъ 8 руб., на 6 мѣс. 5 руб. на 3 мѣс., 3 р., на 1 мѣс. 1 руб.

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается разсрочка годоваго взноса, причѣмъ при подпискѣ вносится 3 руб. 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются. Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ, по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается черезъ ихъ канцелярью.

Подписка принимается: въ Кіевѣ, въ Главной Конторѣ газеты «ЗАРЯ», на Крещатику, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго. Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель П. А. Андреевскій.

Подписка на 1882 годъ на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №, въ годъ до 142 л. большого формата).

и

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

(Двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ официальной своей части, составляющей официальный органъ Св. Синода, печатаетъ сполна и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству; въ неофициальной же части, какъ изданіе при с.-петербургской духовной академіи, даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни, какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей (на православномъ востокъ, въ славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и съ нынѣшняго 1881 г., подъ новою редакціею, имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы (кромя передовыхъ статей, въ которыхъ обсуждаются всѣ важнѣйшіе церковные вопросы): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) епархіальное обозрѣніе; 3) обозрѣніе по расколу; 4) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 5) обозрѣніе духовной журналистики; 6) библиографическое обозрѣніе; 7) лѣтопись, подъ названіемъ «прошлая недѣля въ Россіи и за границей», содержащая извѣстія о всѣхъ вообще важнѣйшихъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; наконецъ 8) мелкія извѣстія изъ нашей церковной жизни. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и корреспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское Чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются, сверхъ того, толкованія на Ветхій Завѣтъ съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1882 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу Псалмовъ», такъ что къ концу 1882 г. выйдетъ особою книжкою четвертый выпускъ «Толкованій», точно такъ же, какъ нынѣшній годъ, 15 ноября, выйдетъ третій—ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ» семь руб. съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»—пять руб., за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»—пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ Редакцію Церковнаго Вѣстника и Христіанскаго Чтенія въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знамя ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3), гдѣ получаютъ также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку пята за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.—за 1 разъ) и для разсылки при Церк. Вѣстн. (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться, сверхъ того, въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Короблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Фералонтова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ“

Объявляя объ изданіи журнала „ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ“, мы не станемъ преждевременно распространяться о направленіи и характерѣ новаго журнала: дѣло будетъ говорить само за себя. Упомянемъ только, что одною изъ главныхъ задачъ „ДРУГА ЖЕНЩИНЪ“ — предоставленіе возможности женщинамъ высказываться о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, и въ особенности о воспитаніи дѣтей, такъ какъ огромное большинство женщинъ — воспитательницы своихъ или чужихъ дѣтей.

Вотъ программа журнала: 1) Романы и повѣсти оригинальные и переводные. 2) Живописанія писательницъ, женщинъ, замѣчательныхъ въ исторіи и причисленныхъ къ лику святыхъ. 3) Дневникъ женщины. 4) Статьи о воспитаніи дѣтей. 5) Письма въ редакцію и отвѣты редакціи на нихъ. 6) Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и выдержки изъ другихъ изданій о дѣятельности женщинъ на разныхъ поприщахъ. 7) Хозяйственныя замѣтки. 8) Статистическія свѣдѣнія о трудѣ женщинъ. 9) Объявленія.

Журналъ „ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ“ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Цѣна въ Москвѣ: на годъ 6 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 65 к. Съ пересылкою въ города: на годъ 7 р., на полгода 3 р. 60 к., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 1 р. 10 к.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи журнала „ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ“, Срѣтенка, Ащеуловъ пер., д. Миронова, кв. № 3; въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; на Кузнецкомъ мосту, въ книжн. магазинѣ Тихомировой „Начальная школа“, и на Пречистенскомъ бух., въ д. Иерусалимскаго подв., въ типографіи Малышева.

1-й № журнала „ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ“ выйдетъ 1 марта.

Редакторъ-издательница **Богуславова.**

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ 1882 ГОДУ.

Иллюстрированный журналъ «Живописное Обзорѣніе въ 1882 году» будетъ издаваться по слѣдующей программѣ.

1) 52 нумера, каждый не менѣе 16 страницъ или 48 столбцевъ; число рисунковъ, помѣщаемыхъ въ каждомъ номерѣ, не менѣе пяти. Нумера

будутъ выходить еженедѣльно, по субботамъ, въ томъ же форматѣ, какъ и въ нынѣшнемъ году. Въ еженедѣльныхъ нумерахъ будутъ помѣщаться небольшія по размѣру повѣсти, рассказы и пр., русскія и иностранныя, ученые статьи, критическяя статьи, библиографія, фельетонныя замѣтки, внутреннее обозрѣнiе, политическая и общественная хроника, объясненiя къ рисункамъ, правительственныя распоряженiя и сообщенiя, смѣсь, а также большой иностранный романъ. Время отъ времени будетъ помѣщаться шахматный листокъ.

2) Въ видѣ особаго бесплатнаго приложенiя, 12 книжекъ, отъ 10 до 12 листовъ каждая. Книжки будутъ выходить ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца. Нѣкоторыя изъ произведенiй, въ нихъ помѣщаемыхъ, будутъ иллюстрированы. Въ книжкахъ будутъ печататься большie по объему романы, повѣсти и ученые сочиненiя, русскія и иностранныя. Къ нѣкоторымъ изъ книжекъ будутъ приложены портреты замѣчательныхъ современныхъ дѣятелей. Конечно, эти книжки, составляющiя какъ бы отдѣльный самостоятельный журналъ, представляютъ собою самую лучшую премiю, какую только можетъ предложить редацiя гг. подписчикамъ. Въ первой книжкѣ начнутся печатанiемъ: 1) Европейскiя столицы—I. Лондонъ, съ рисунками Г. Доре; 2) «За другаго», романъ Джемса Пэна, съ иллюстрацiями.

3) Бесплатно-же будутъ прилагаться «Парижскiя моды», 6 номеровъ въ годъ.

Въ ноябрѣ 1882 года гг. подписчикамъ будетъ выдана бесплатная премiя, состоящая изъ олеографической картины, превосходно исполненной въ лучшемъ олеографическомъ заведенiи за границей. Эта олеографiя будетъ сдѣлана съ картины русскаго художника.

Въ 1882 году журналъ будетъ издаваться при участiи тѣхъ же сотрудниковъ, которые принимали участiе своими трудами въ 1879, 1880 и 1881 годахъ. Редакцiей журнала завѣдуетъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ЦѢНА ЖУРНАЛА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ пересылки и доставки. . .	6 р. 60 к.	3 р. 75 к.	2 р. — к.
Съ пересылкою и доставкой . . .	8 » — »	4 » 50 »	2 » — »
За границу съ пересылкою. . .	10 » — »	5 » 50 »	

По примѣру прежнихъ лѣтъ, принимается отдѣльная подписка на шесть выроекъ въ натуральную величину, по прежней цѣнѣ 60 коп. въ годъ.

Желающiе получить художественную премiю—олеографическую картину—застрахованной посылкой, прибавляютъ къ подписной цѣнѣ 40 к.

Премiя—олеографическая картина—выдается только годовымъ подписчикамъ. Остальныя премiи, т. е. ежемѣсячныя книжки, выдаются всѣмъ подписчикамъ въ теченiе того срока, на который они подписались. Въ отдѣльной продажѣ каждая книжка журнала стоитъ 75 к., съ перес. 1 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ редакцiи «Живописнаго Обозрѣнiя», Пушкинская (Новая) улица, д. № 6, кв. № 1, а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Невскiй пр., № 58) и А. Ф. Цинзерлинга (Невскiй пр., № 46). Въ Москвѣ—въ конторѣ журнала,

въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Никольская, домъ Ремесленнаго общества. Въ Варшавѣ—въ конторѣ журнала, въ «Русской книжной торговлѣ» (бывшій Черкесова и К.), Новый Свѣтъ, домъ военнаго министерства. Въ Одессѣ—въ конторѣ журнала, въ южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, Дерибасовская, д. Вагнера, кв. № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ЗЕМСТВО

Въ 1882 г. „ЗЕМСТВО“ будетъ издаваться, какъ и въ прошломъ безъ предварительной цѣнзуры, нумерами отъ 2го до 3 лист. (20—24 стран.), по слѣдующей программѣ:

1) Законы и распоряженія правительства. Рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣламъ, относящимся до земскаго и городского управленія. 2) Статьи по вѣсьмъ вопросамъ внутренней и иностранной политики, земскаго, городского и сословнаго общественнаго управленія. 3) Обзорѣніе дѣятельности городскихъ и земскихъ учреждений. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и сословныхъ собраній и городскихъ думъ. 4) Иностранное обзорѣніе. 5) Корреспонденціи внутреннія и иностранныя. 6) Судебная хроника (безъ обезужденія судебныхъ рѣшеній). 7) Библиографія: разборы и отчеты о вновь выходящихъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ по вѣсьмъ отраслямъ юридико-политическихъ и историческихъ наукъ. 8) Разныя извѣстія. 9) Объявленія.

Въ вышедшихъ №№ „Земства“ были помѣщены статьи слѣдующихъ лицъ: К. Д. Анциферова, В. М. Борисова, Н. В. Гофмана (предсѣдатель Мелитопольской уѣздн. земск. управы), А. А. Исаева (проф. Демидовскаго лицея), А. И. Кошелева, С. А. Муромцева, (проф. Московскаго университета), Н. А. Мельникова, (предсѣдателя Смоленской губернской управы), М. В. Неручева, Е. А. Осипова, В. И. Орлова, С. А. Приклонскаго (внутреннее обзорѣніе), А. И. Прозоровскаго, П. Н. Рогаста (предсѣдателя Костромской уѣздной земской управы), А. И. Скворцова, А. В. Скульскаго (предсѣд. Ярославской губернской управы), А. П. Смирнова (члена Владимірской губернской управы), Свѣтовара (псевдонимъ), В. А. Ульяницкаго (иностранное обзорѣніе), С. Ф. Фортунатова, Ф. Ф. Эрисмана и др.

Редакціе приняты мѣры для расширенія отдѣловъ Земской и Городской хроники.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ	Безъ пересылки и доставки.	Съ пересылкой и доставкой.	За границу
„ 6 мѣсяцевъ	7 р. — к.	8 р. — к.	11 р.
„ 3	4 „ — „	4 „ 50 „	6 „
„ 1	2 „ 25 „	2 „ 50 „	4 „
„ 1	— „ 75 „	1 „ — „	2 „

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи, близъ Никитскихъ воротъ, въ Скатертномъ пер., домъ Муромцевой.

Редакторъ-Издатель **В. Ю. Сялонь.**

1070 24

AP50
N33
V.1:6

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ и расходовъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книжки*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же номеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать 3 семикопѣчныя почтовые марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ прикладывать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, при написаніи неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Малыя статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставляемыя безъ опредѣленія условій гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныя объясненій съ Редакторомъ, во время отсутствія редакціи, проситъ обращаться въ Главную Контору журнала «Наблюдатель» (Новая ул., пер. № 5) по четвергамъ, отъ 12 до 2 ч. дня. 8) Объясненія для напечатанія въ журналѣ принимаются въ Главную Контору съ платою: за страницу 15 руб. и за $\frac{1}{2}$ стр.—8 руб.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.